

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ТАНГО
С ДЕМОНОМ
ТАНГО ВЕРАНО

Annotation

Танец с демоном продолжается. Кружит в своем вихре людей, мединцев, магов и священников, королей и нищих. И у каждого своя цель. Девушкам хочется замуж за любимого человека, нищим – богатства, королям – власти, мединцам – вернуть их создательницу. Чем придется пожертвовать ради своей цели? Правилами приличия? Законом? Семей?

Проще всего мединцам, они всего лишь собираются принести в жертву целый город. Выморить всю столицу. для них не важны жизни людей, не интересны чужие переживания.

Или не все так? Или не для всех?

Может ли тварь из морских глубин любить? Мечтать? Жертвовать собой ради близких? Или демоны выжигают все хорошее в своих созданиях? На это может дать ответ только сама тварь. Музыку, маэстро!

-
- [Галина Дмитриевна Гончарова](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)

- [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
-

Галина Дмитриевна Гончарова
Танго с демоном. Танго верано

© Галина Гончарова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Мужчина посмотрел в окно.

Там сгущались вечерние сумерки. Синие, уютные.

Скоро на резном полотне неба зажгутся звезды. И это ему не нравилось.

Звезды, да...

Они не зеленые. Но слишком, слишком они напоминали ему глаза Владычицы. Слишком часто он думал об утраченном.

Власть!

Да, власть была у него и сейчас. Но не та, не то...

А впрочем...

Мальчик, рожденный в трущобах, не знал, кто он и откуда. Не знал ничего. Ни о чем. Самая обычная судьба, самой обычной уличной крысы. Повезло – не сдох в младенчестве.

Сначала просить милостыньку, потом воровать, потом...

Воровство обычно плохо заканчивается. Поймают – и либо порка, после которой кто отлеживается, а кто и не отлеживается, или рудники, откуда не возвращаются, или еще чего...

Раньше вообще руки рубили. Головы рубили. Всякое бывало.

Сейчас... вроде и жив ты останешься, только сам о смерти взмолишься.

Рамон Амадо Бустос отлично это помнил.

Помнил он, как однажды его побили старшие мальчишки. Вот ей-ей, не хотел он... Случайно... или не случайно?

Но деньги были нужнее ему! И та монета тоже. И вообще... он выклянчил, а отдавать – им? Таков уличный закон, где сильный пожирает слабого. Рамона сильно побили именно за крысятничество. Утаил он часть добычи от своих, ну и получил по полной. И ревел, прячась под досками пристани.

Ревел, пока не увидел ЭТО.

Наполовину женщина. Наполовину кальмар. До пояса женщина, а потом щупальца, щупальца...

Кто-то другой сбежал бы.

Рамон остался.

Тогда он еще ничего не знал о себе. Не знал, почему выжил, не знал, почему ему так легко и спокойно рядом с морем – магический дар, пусть даже непробужденный, многое дает своему носителю. Силу, здоровье, устойчивость к тем же болезням...

Рамон о нем не знал. Зато его почувствовали медики. И решили поставить себе на службу.

А что? Владычица Синэри говорила собирать таких людей... вот и пожалуйста! Вот тебе маг! Маленький еще... навсегда Рамон запомнил и ласковые зеленые глаза, и ее тихий шепот, и свой изначальный страх, и...

И самое главное!

То ощущение, которое охватило его после соединения.

Ощущение невероятной общности, принадлежности, ощущение тепла и уюта... он больше не одинок! Более того, это лишь часть доступного всем остальным!

Рамон понимал это.

Владычица!

Как же ему хотелось большего! У уличного мальчишки, ворюшки, крысенка, впервые появилась семья! Пусть не совсем такая, как у других, но это люди, которые любят его, и которых любят он! Люди, которые... люди?

Да хоть демоны рогатые!

Неважно!

Как он умолял Владычицу! На коленях ползал, на пузе валялся... да что угодно бы сделал! Лишь бы пройти все стадии единения до конца! Лишь бы...

Синэри запретила.

Нет, не просто так. Рамон прошел лишь часть изменений, и внешне он стал похожим на медичев. Смог жить и дышать под водой, стал менее человекоподобным, обзавелся прочным панцирем под кожей, ядовитыми шипами – его симбионтом стал ядовитый краб^[1].

Так что любой, кто пожелал бы съесть Рамона, отравился бы. Впрочем, Рамон мог отравить и сам. Яда у него хватило бы на половину Римата.

А вот душа...

Душу его Синэри не затронула, равно как и способности к размножению.

Маг.

Редкая зверушка, попавшая в сети. Зверушка, которая нужна целой, невредимой и способной к размножению, чтобы получить поколение детей-магов. И Рамон не возражал.

Его дети будут слиты с остальными!

Они не окажутся на улице, их не будут бить, они не станут голодать...

У них будут любящие (иначе и не получится) матери, о них будут заботиться, его дети будут приносить пользу остальным...

Ради такого можно было и потерпеть. Но Владычица Синэри обещала ему полное слияние спустя несколько лет. Может, лет десять...

Рамон был счастлив.

У него была семья, дело, Владычица... у него было всё.

И этого всего он лишился в единый момент.

Всего, всего...

Он не поверил своим глазам, когда рядом с ним начали падать, биться в корчах, умирать его близкие...

Он тряс их, кричал, пытался что-то сделать... сделать хоть что-то! Перелить свою магию, силу, даже кровью своей напоить... напроочь забыв, что краб, с которым его слили, ядовит.

Они умирали.

Его подруги, его наставники, его братья и сестры, его народ...

Они умирали на его руках.

А потом пошла жуткая волна. И умирать начали те, кого пощадило в первый раз. Просто более слабые, невезучие, те, кто не выжил... не сумел выжить под водой. Даже двоякодышащие могут утонуть. Увы^[2].

Рамон почти никого не спас тогда. Ему удалось вытащить десяток детей – и только. Почти ни о чем. Но все же даже десять мединцев – уже сила.

И крысиные навыки, приобретенные еще в те времена, когда приходилось не жить, а выживать, подсказали ему выход. Сначала устроиться, устроить всех, сначала найти кормовую базу, потом уже выяснять, что и как случилось.

Так он и сделал.

Может, потому и выжил?

Никто из решивших сразу помчаться к Владычице не выжил. Не сумели.

Что творилось возле столицы?

Буйство магии и стихии. И в его эпицентре мединцы просто умирали. Их давила воля Ла Муэрте.

Их уничтожала некромантия, выпущенная на свободу. Да и стихия... море коварно. Растеряйся, дрогни – и тебя уже ничего не спасет.

Рамон оказался возле столицы только спустя четыре дня. И не поверил своим глазам.

Пещера, в которой жила Владычица, была обрушена. Завалена.

И... Владычицы не было.

Вообще. Нигде. В этом мире ее не было!

Невероятно? Но знания мага подсказали ему верный ответ.

Владычицу изгнали из этого мира. Попросту изгнали, вытолкнули и закрыли дверь. Это сложно, непредставимо трудно, но – возможно. И Рамон чувствовал остатки божественной энергии в пещере.

Там, далеко, под камнями...

СВОЛОЧИ!!!

Как же в эти минуты он ненавидел богов! Всех, всех, ВСЕХ!!!

До крика ненавидел, до слез, до истерики, до стиснутых зубов, до... да до чего угодно!

Где вы были, сволочи, когда малыша выкинули в канаву?

Где вы были, когда меня учили воровать, побираться, когда били, когда я мерз и голодал, когда думал, что моя жизнь закончена?!

Как я молил, как я просил... ГДЕ?!

Не приходили?

Ну и не надо! Но когда нашелся тот, кто пришел! И помог, и поддержал, и... ЗА ЧТО?!

За что вы отняли у меня мою семью?!

НЕНАВИЖУ!!!

И меры этой ненависти не было. Слишком велика она была для любой души.

Он пытался проплыть внутрь, но проходы были завалены. И трогать камни он не решился, те шевелились, словно живые. Да и не

нужно было магу воды плыть самому.

Вода же...

Там, где есть капля воды, он увидит все необходимое.

Более того, вода покажет, что случилось...

Показала бы. Но вот так уж срослось. Антонию Лассара повезло. Носительница божественной силы осталась неизвестна жаждущим мести мединцам. Вода просто не сохранила ее след.

Она – носительница силы Ла Муэрте, так она и запечатлелась. С силой богини.

А внешность...

Если бы сразу... Если бы снять информацию в тот же день... а так... да, вода все видит. Но это же вода! И капля, которая сегодня была в пещере, завтра будет далеко в океане. Или вообще испарится.

Поди, найди нужное...

Настолько хорошо Рамон считывать с воды не умел. И кто именно причастен к изгнанию Владычицы, не разобрался.

А вот про само изгнание понял. И еще...

Кто сказал, что если мединец – обязательно дурак? Таких большинство, но не все же! Рамон рассуждал просто!

Если Владычицу изгнали, надо ее вернуть. А потом уж можно и отомстить. Небось, она знает и кто ее изгнал, и как, и второй раз такого не допустит. Вот и цель появилась.

Сначала вернем Синэри Ярадан, потом уже можно будет и отомстить. Нужно будет отомстить, даже для своего удовольствия. Но – потом.

Практичность, возведенная в абсолют, иначе на улице не выжить. Никак.

Рамон занялся делом.

Ему надо было устроить тех, кто оказался на его попечении. Сделать так, чтобы они не забыли Владычицу, чтобы прониклись правильной целью, чтобы тоже мечтали вернуть Её...

Найти способ, найти возможность, все придумать, организовать, собрать оставшихся мединцев... вдруг кто-то да остался? Следить за происходящим по газетам, искать... да хоть что, малейшие упоминания, зацепки... ну должно же что-то промелькнуть!

И оно действительно – было.

Антонии Лассара повезло и второй раз. Реальная версия и та, которую надо было скормить широкой общественности, сильно расходились между собой. Поэтому задокументирована и оставлена в архивах была именно вторая. Та, что для широкого употребления.

А первая...

Кто там что знал-то?

Десяток человек? Считай, никто и не знал.

Да, есть поговорка, что знают двое – знает свинья. Может, оно и так, если речь не идет о серьезной тайне. В которой все участвующие заинтересованы чинами, деньгами, а то и своими шкурами. А тут все посвященные были простимулированы сохранить тайну.

Кому-то отломился титул, кому-то земля, кому-то финансирование... по итогам операции. И признаваться даже в кругу семьи, что нет, дорогая, это не я?

Это Антония Лассара, да-да, восемнадцатилетняя девчонка, без всяких тормозов, вот она изгнала демона, а остальные так? В лучшем случае рядом постояли?

Дойди такое до короля, головы полетят! А про награды и говорить не стоит! Получишь ты свою награду, пинком под копчик!

Так что все посвященные молчали. Сама Антония тоже не стремилась к известности. Ла Муэрте... ага, обращайтесь к богине с вопросами. На здоровье.

Или в инквизицию.

Или к мэру города Римата.

Так что истину не узнал никто. В том числе и Рамон.

А вот что надо было делать...

Вернуть Владычицу.

Как? Да просто! Если один раз открыли Ворота туда, значит, надо открыть их еще раз. И для этого нужна или божественная сила (не допросишься!), или большая жертва.

А уж там-то Владычица не растеряется, вернется. Рамон в этом было свято уверен.

Мысль о том, что Синэри могла погибнуть... какое там – прийти в голову? Даже и не мелькнула! Ни рядом, ни близко... вообще никак! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. И точка.

Итак, с богами номер не пройдет. Остается громадная жертва. Но даже если мединцы все принесут себя в жертву... а они постепенно собирались, ведь все их потайные места так и не обнаружили. Те, что на островах, те, что под водой, те, что рядом с водоворотами... так набралось уже около двух сотен мединцев. Мало, конечно.

Если Владычица не вернется, то вскорости они просто растворятся среди людей. Кто-то так, кто-то иначе... уже их дети будут человекоподобны, а внуки и вовсе самые обычные люди. Или они просто вымрут.

Нельзя же возродить народ из двух сотен представителей? Нет, нельзя.

Тут и магия не поможет, как ты ни крути. Могла бы помочь Владычица, но ее надо вернуть.

Две сотни жертв?

Допустим. Но... Рамон примерно представлял себе, СКОЛЬКО нужно силы. Он представлял себе силу Владычицы. Вот... чтобы изгнать ее, нужно было не меньше. Чтобы вернуть – понадобится больше. Пересилить бога?

Двумя сотнями последователей, часть из которых... ладно уж! Он же не дурак, он видит, что даже если часть верит и верит искренне, то остальные...

Нет, они на Великую Жертву не пойдут. Это ж отдать жизнь и душу, смерть и посмертие, полностью развоплотиться... не смогут. Просто не сумеют.

А без этого смысл жертвоприношения теряется.

Но ведь можно и иначе!

И тут-то Рамон вспомнил про индейцев.

Нет-нет, не стоит думать о них плохо. Они как раз уходили сами, уходили страшной и кровавой ценой, оплачивали свои долги и свои дороги своими жизнями, отданными добровольно. Но...

Чисто теоретически?

Есть ритуал, есть возможность. И да!

Об индейцах не надо думать плохо. А вот об инквизиции не надо думать слишком хорошо! Везде найдутся люди, которым звон монет голос разума застит. Особенно когда монет много. Очень много.

А есть еще драгоценности. И разные редкости...

Записи, относящиеся к исходу индейцев, были скопированы для Рамона одним небрежным человеком. Скопированы, переданы, тщательно изучены... и получен печальный вывод. Надо не меньше ста тысяч человек.

Смерть ста тысяч человек одновременно может стать основанием для открытия прохода к Владычице. Колоссальная гекатомба, да...

Осталась самая мелочь.

Убедить эти сто тысяч добровольно и одновременно умереть. И... демон с ней, с доброй волей! Пусть умирают просто так! Но – в один миг.

Можно бы и побольше, но...

А как?!

Рамон долго размышлял, думал, а потом... потом – сообразил!

Конечно же!

Взрывчатка!

При достаточном количестве ее может получиться и больше жертв. И Владычица сможет вернуться. Она же их не бросит, ведь правда?

Правда!

Место?

Что за идиотские вопросы! Конечно же Римат! Жаль, нельзя провести ритуал на месте дворца герцога, но...

туда – не пройдешь. Даже спустя пятнадцать лет почва там ненадежна. Дворец и охранять-то не надо. Просто до него можно не дойти. Провалиться в яму, сломать ногу или еще чего. Сама почва неустойчива.

Мародеры – и те не суются. И опасно, и ощущение... неприятное. Все пропитано и силой Владычицы, и силой Богов... даже Рамону не слишком-то хорошо, а уж обычному человеку – это как голому, да в крапиву.

Значит, Римат.

Это рядом. А остальное можно обеспечить рунами и кристаллами.

Рунный круг и кристаллы – там.

Рунный круг и кристаллы в поместье.

И энергия, жаль, не вся, часть расточится, это неизбежно, польется на поместье, туда, где открывали первый портал. И Владычица вернется.

Да, идея хорошая. Но на все это нужны деньги, деньги и еще раз деньги.

Не просто сами по себе. Нужно сотрудничать с людьми.

Кто-то должен доставать магические компоненты, кто-то кристаллы, кто-то рассчитывать сам ритуал... Рамон умел многое, но на такие сложные материи его образования попросту не хватало! Это ж не водяной плетью хлестать, тут ошибка в десятом знаке после запятой уже приведет к катастрофе.

А еще надо закупить взрывчатку, заложить взрывчатку, дождаться нужного события...

Пятнадцать лет?

Да тут кому другому и сотни не хватит! А Рамон справился! И мог быть горд собой! Всего пятнадцать лет на подготовку ТАКОГО!

Владычица тоже будет им гордиться, когда вернется. Обязательно.

За окном сгущалась ночь.

Медленно загорались звезды.

Мужчина смотрел в окно, но не видел их. Мысли его были исключительно о грядущем триумфе. Осталось уже немного, всего несколько шагов. Смертельный танец.

Танго над пропастью, на острие клинка...

Он справится. Владычица вернется.

Глава 1

Мануэль Хоселиус погляделся в зеркало.

Стекло послушно отразило представительного и весьма симпатичного мужчину. Черные волосы уложены прядь к пряди, короткая бородка расчесана и тоже уложена воском, чтобы не растрепалась от ветра, лицо...

Все же он просто прелесть!

И возраст здесь ни на что не влияет.

Мануэль был очаровательным мальчиком, потом он вырос в прелестного юношу, а потом в обаятельного и красивого мужчину. И неважно, что брак между его отцом и его матерью так и не был заключен.

Когда это было минусом для королевской семьи?

Да никогда!

У него есть и титул, и герб, пусть с косой полосой и урезанный, но ведь почти королевский! И наследовать он имеет право...

Так-то да. Что другое, а право вы имеете.

А вот шансов сесть на трон у вас нет, друг мой. Попросту нет.

Мануэль Хоселиус был незаконным сыном Хоселиуса Аурелио. И будь его родители женаты... он ведь был первенцем у своего отца! Заметим – признанным.

История, впрочем, банальная.

Есть прелестная юная дама. Есть старый и откровенно надоевший красоте муж.

И есть юный принц. Которому пора вступать во взрослую жизнь.

Что делается в таких случаях? Это во многом зависит и от мировоззрения людей, которые замешаны в ситуацию.

Юная Алисия Катарина не видела ничего плохого в интересе его высочества. Ее супруг же... может, юные влюбленные и были бы оскорблены до глубины души, знай они о разговоре супруга прелестницы с его величеством. Но все было обговорено четко и ясно.

Это у них высокие чуффффства^[3] чуть пониже пояса. А у остальных... а у остальных – высокий расчет. Почти высшая математика.

Пусть молодежь нагуляется.

Его величество отлично понимал, что такое первая любовь. Ну и «хочу» тоже. Тут лучше уж дать, чем потом расхлебывать, ей-ей. Нагуляется – успокоится. Все лучше, чем идеализирует девку, потом в семье будет несчастным, да еще или эту же встретит, или потом похожую найдет... обычно ничем хорошим это не заканчивается. Так что король был не против.

А что?

Возраст подходящий, чистенькая, дурной болезнью принца не наградят, достаточно опытная, чтобы мальчишка не заскучал в постели, но не илюха. А главное – замужем.

А муж-то какой удачный!

Королевский казначей! С ним всегда договориться можно будет!

Аурелио Августин так и поступил. Попробовал договариваться. И казначей пошел ему навстречу.

Да, бывает и так. Когда влюбляешься и женишься на девушке, которая тебе во внучки годится. Нет-нет, поймите правильно, разница в те же двадцать лет никого бы не смутила. Бывает. И не такое бывает!

Но не в сорок восемь же! Ей семнадцать! Ему – шестьдесят пять! Думать надо тем, что выше, а не ниже пояса...

Понятно, девушка прелестна, но ты-то ее захотел ОДИН раз. А она хочет – КАЖДЫЙ раз.

А возраст уже не тот, чтобы соответствовать семнадцатилетней прелести. И восемнадцатилетней тоже.

И сердечко пошаливает, и поспать хочется, и... и ловишь себя на мысли, что в организме скоро начнется острая недостача кальция. Уж больно жадными глазами провожают юную казначейшу придворные.

А тут – принц!

Сразу хорошо получается. Супруге – развлечение. И главное, что никто не перейдет дорогу его высочеству.

Казначей – душевное спокойствие. Да, ему наставили рога, но тут можно ходить и носить их почти с гордостью... не с конюхом каким или бретером. Нет. С принцем... кто сможет отказать его высочеству? Несчастный муж печально покорился...

Это даже и трагический оттенок носит... ах, как красиво звучит! Рога с трагическим окрасом!

И потом, когда отношения закончатся, несчастный супруг кое-что получит за свое понимание и терпение. Суточенством отдает?

Фи, уважаемые! Это вы зря так судите! Это не суточенство, а благодарность его высочества своей фаворитке. Такое тоже бывает.

Неучтенным фактором стала только беременность. Такого никто не ждал, вроде бы и принц умел предохраняться, да и даму поили всеми средствами, но – случается. Природа, она свое всегда возьмет. Король скрипнул зубами, но решил кровью не разбрасываться. И договор был чуточку пересмотрен.

Да, и в сторону увеличения суммы – тоже.

Понятно, что родившийся Мануэль Хоселиус был признан его высочеством. И получил герб, хотя и усеченный, получил титул и даже небольшое поместье. Воспитывался он, правда, не при дворе. В деревне.

Но тут уж даже принц не возражал. Что делать с детьми, он в свои восемнадцать представлял весьма слабо. Ладно, в девятнадцать... почти.

Все равно... ребенок? Вот и прекрасно. А почему он так плохо пахнет? И течет с него чего-то такое... а орет он зачем?

Про осознание ответственности за приведенную в этот мир новую жизнь. Про безумную любовь к первенцу. Про...

Вот писать про такое приятно, а читать умилительно. Только в жизни так бывает крайне редко. И в данном случае ничего подобного у Хоселиуса Аурелио не вспыхнуло и не зажглось, тоже мне, звезда какая!

А вот у Алисии Катарины чувства вспыхнули сразу. К добру ли, к худу, она оказалась абсолютно сумасшедшей мамашей. Ребенка она не спускала с рук, мгновенно остепенилась, забыла о приключениях... супруг нарадоваться не мог следующие пять лет. Потом его все же хватил инсульт, и он отправился сводить баланс к Ла Муэрте, но пять лет он прожил спокойно.

Какие там рога? Что вы!

Идеальная семья!

Ради такого и королевского бастарда потерпеть можно.

Да и супруга так благодарна за его хорошее отношение к королевскому бастарду, что просто идеальной женой стала. Дети – и те оценили. Сначала-то им юная мачеха совершенно не глянулась, а потом и признали, что отец не дурак.

Так-то оно... умному человеку и рога на пользу, и копыта не во вред. Он все сумеет к делу приспособить.

Время шло.

Юный Мануэль вырос, был представлен ко двору и мигом получил всеобщую любовь и популярность. Что уж там...

Бернардо Хоселиус был слишком молчаливым и замкнутым. Себе на уме. И улыбаться всем подряд явно не собирался.

Игнасио Хоселиус вообще весьма негативно относился к людям. Думал о чем-то своем, не переносил шумных торжеств, старался держаться от людей подальше, а Мануэль к людям рвался и тянулся. Ему и хорошо было только среди людей.

Скажи ему кто-то, что Бернардо такой, потому что серьезно увлекается психологией и экономикой, а Игнасио обожает астрономию во всех видах, и попросту вечно хочет спать... посмотрите сами на звезды до утра! Небось, тоже клевать носом будете! Но Мануэлю это было дико. Он просто не мог этого осознать. Так тоже бывает.

Ему нравились веселье, шум, смех, гуляния, праздники, он расцветал только среди людей... и люди к нему тянулись, не понимая, что это не его собственный свет. Сам по себе Мануэль стоил очень немного.

Красивый, но пустой. Чужие фразы, чужие мнения, чужое обаяние... все чужое. Там подсмотрел жест, здесь запомнил удачную шутку, тут поклон, там улыбка... и все покорены, кроме самых пронизательных.

Впрочем, пустой горшок гремит громко. А отраженный свет частиченько слепит не хуже солнечного. Да и кто там будет разбираться? Кому оно нужно?

Внешность?

И тут демоны подыграли Мануэлю.

Идеальные черты лица он унаследовал от матери. Волосы и глаза от отца. И выглядел так, что дамы таяли, таяли и снова таяли. Буквально стекали ему под ботинки, как лужицы мороженого.

Плавилась под солнцем его взгляда. Мануэль и не думал считать победы – вот еще! Это не он за женищинами ухаживает – они за ним! Что ж, если кто-то его получил, пусть будут благодарны. А он пошел дальше.

*Нельзя же, чтобы такое сокровище принадлежало только одной?
Никак нельзя!*

Бернардо красивой внешностью не отличался. Он просто пошел в свою мать, а ее высочество, увы, не была красавицей. Старинный род, богатство и связи совершенно не гарантировали личное обаяние. И вот!

Слишком длинный нос! Слишком широкий рот. Маленькие глаза. Понятно, и с таким набором можно быть обаятельным. Но у Бернардо и это не получалось. Сначала он учился, а потом, когда начал разбираться в людях... ему и неприятно как-то стало. Видно же, кто тебе друг, а кто твоему титулу приятель. И видно, и заметно, и вообще – фу!

Игнасио тоже нельзя было назвать красавцем. Он хоть и унаследовал от отца черты лица, но фигуру-палку, неуклюжесть и редкие волосы было не спрятать. Да его это и не интересовало.

А вот астрономия...

При таком раскладе неудивительно, что любимцем всего двора стал именно Мануэль. Общаясь с ним, люди быстро забывали и про его незаконнорожденность, и про пустоту... тоже своего рода талант. И недюжинный.

А потом...

Есть поговорка: на каждого охотника свой медведь найдется.

На Мануэля он нашелся тоже. В лице очаровательной шестнадцатилетней блондиночки Виктории Меганы. И мужчина попал.

И пропал.

Или...

Может, окажись он хоть ненадолго с красоткой в одной постели, он бы и не попал. И не пропал, и вышел сухим из воды, как это у него и получалось. Но...

Юная Мегана, которую никто не называл Викторией, как-то не ложилось это имя на ее внешность, вот не клеилось – и все тут, была

весьма и весьма неглупа. И точно знала, что из приданого у нее внешность – и девственность.

И все. Больше и считать-то нечего.

Внешность – тут понятно. Блондиночка, тоненькая, хрупкая такая, глазки карие, громадные, как у раненого оленя. И плачет красиво. Девственность – тут тоже понятно.

Да, она из знатного рода. Но тут же какое дело! Когда тебе что-то от предков досталось, и ты стараешься его сохранить, развить, преумножить... это хорошо!

А когда тебе ничего не досталось?

И родители у тебя лентяи и дураки? Если уж очень-очень честно, то они и правда такие. Им бы погулять, поесть-попить на дармовщинку, да и поспать. Можно друг с другом, можно с кем-то еще. А чтобы дочке приличное приданое дать?

А зачем?

Они не пропали в жизни, авось и она не пропадет!

Мегана не хотела так жить! Не хотела считать медяки, не хотела штопать чулки, не хотела... и когда на нее обратил внимание сам Мануэль Хоселиус, решила, что это ее шанс.

Сложится с бастардом – отлично! Считаю, она устроена навсегда.

Не сложится?

Если женщина такому сокровищу отказывает... кого-нибудь она себе точно поймает. И Мегана повела свою позиционную войну по принципу: вокруг вьется, а укусить не дается.

Не дам я тебе ДО свадьбы!

НЕ ДАМ!!!

И сама себе не верила, пока не встала перед алтарем! Получилось!

Получилось же!!!

Есть чем гордиться! Собой! Собой, любимой!!!

Да, не ее высочество. Но ведь герцогиня же! И деньги можно не считать! И платья заказывать, сколько пожелаешь, причем у придворных портных, то есть за них даже платить не надо, и свекрови нет – померла уже. И супруг... Мануэль не просто так потаскался по придворным дамам. Что делать со своей женой, он

отлично знал, так что супружеские обязанности были для Меганы сплошным удовольствием.

Так бы оно и осталось.

Но...

Аппетит приходит во время еды. И тут Мегана тоже не стала исключением.

Может, будь жива ее величество... Или хотя бы супруга Хоселиуса Аурелио, или будь у Меганы свекровь-кобра, или женись кто-то из принцев...

Но вот так вот ей повезло по всем фронтам! Что оказалась Мегана чуть ли не первой дамой при дворе.

А что? Она супруга принца! Пусть незаконного, но первенца же! И пока она главная.

А потом?

А что – потом? И вот тут-то Мегану и начало заедать, как несмазанный подшипник. А потом они все переженятся. И король, и его дети, и его внуки... и окажется она на сто семнадцатых ролях там, где раньше была первой. А она ведь уже ощутила вкус власти и денег!

На своем, конечно, примитивном уровне, но ощутила!

Ах, как это замечательно, когда перед тобой лебезят, заискивают, когда ты первая. Единственная!

Самая-самая...

И как бы это состояние сохранить?

А только одним способом. Если Мануэль станет королем, то Мегана сядет на трон. Но для этого надо работать, работать и работать. И для начала с самим Мануэлем, которому и в голову такая мысль не приходила.

Он же не был полным идиотом и преотлично понимал, что на троне не только седалищем сидеть надо! Там еще и думать приходится! Головой!

И платят глупые короли за свою неосмотрительность ей же. Головушкой буйной...

И в истории всякое случалось.

Если бы Мегана поговорила с ним напрямую, может, и послал бы он супругу в дальний поход. Но Мегана была умнее. Она начинала издали, по капле вливая яд в уши мужа, перетряхивала его

воспоминания, переиначивала мысли, подсказывала нужные, переворачивала все с ног на голову – и самое ужасное, что Мануэль этого даже не замечал.

Пустота же...

А в пустой кувшин можно и камней накидать, и песка насыпать, и воды налить... и даже все сразу. Там все поместится, только работай.

И Мегана постепенно добивалась своего.

Не за год, не за два, но Мануэль уверился, что жизнь несправедлива. Ладно еще его отец!

Но потом-то на троне должен быть он! Мануэль Хоселиус! И поступили с ним плохо! Ну что такое герцогство? Оно же маленькое, и доходы с него не такие большие, и вообще...

К нему относятся несправедливо!

Его не любят, не ценят, не превозносят, не понимают... и вообще, единственное родное существо рядом с ним – Мегана.

Кто-то сомневается? А?

Если кто и сомневался, то Мегана быстро уничтожила таких сумасшедших.

Слово тут, взгляд там, вздох здесь... ах, дорогой, разве кто-то может тебя понять так же, как я? Посочувствовать, полюбить... никогда! Жить без тебя не могу, дышать не получается... и вообще это даже не астма, тьфу на вас, гады неромантические! И не воспаление легких!

И постепенно, потихонечку, проточила Мегана дырочку в камне, постепенно стал Мануэль коситься и на отца с неодобрением, и на братьев...

Может, впрямую он на преступление и не пойдет.

Но...

Ему и не надо.

Дорогой, расслабься и доверься жене. Она точно знает, как для нее будет лучше.

* * *

– Котики?

Во многом Феола была и оставалась симпатичной девушкой. Которая обожала пушистых мурлык.

Правда, на островах такие не приживались.

Нет-нет, они были, но совсем другие. Островные, колониальные котики были раза в три крупнее своих материковых собратьев. Более того, немного другого строения, длинноногие, изящные, крупные, вполне способные при необходимости заменить сторожевую собаку.

А еще – их не пускали в дом.

Потому что метили они все, до чего могли добраться. Вот просто – всё. И запах стоял такой, что на него можно было топор вешать.

Так что кошек Феола любила и уважала, но на расстоянии. Не домашнее оно – и все тут.

Или?

– У нас сейчас в магазине три котяры живут, – рассказывала Висента. – Два мальчика и девочка. Нет, мы их не приманиваем, сами как-то дорогу находят. Один из мальчиков ритану Лассара-Риалон выбрал своей хозяйкой, везде за ней хвостом ходит, а тех, кто к ней подошел слишком близко, может и лапой треснуть. Там такие позиционные бои были! Это что-то! Еще один четко решил, что это – его магазин. А остальных пристраивать будем.

– Пристраивать?

– У нас так уже бывало. Сеньор Мендоса, это кот, который достался ритане вместе с магазином... он же кот! И котят по округе производил исправно. И иногда приносил их в магазин.

– Приносил? – удивилась Феола.

– Да. Сам приносил.

– Добытчик.

Висента пожала плечами.

– Если будет нужен котенок – обращайся.

– Обращусь, – согласилась Феола. А что? Алисия себе, вот, слизняка завести пытается, да какого! А Феоле даже кошку нельзя?

Несправедливо!

Девушки ехали домой к Веласкесам.

Вез их Серхио Вальдес и отчаянно пытался придумать, как же так повести разговор, чтобы его не треснули по голове чем потяжелее. Вряд ли Вальдесы одобряют его поступок. Но – надо. Не подставлять же

Мерседес под еще одно похищение. Ей и так неоправданно повезло... уже три раза. Как бы не оказался лимит исчерпан.

* * *

Мерседес в этот момент входила в особняк тана Мальдонадо. И надо сказать, краснел тан так, словно и не качался на фонаре с голым организмом...

Неловко ему было.

И залежи пыли... убью эту прислугу! И кисти с красками, небрежно брошенные на кресло, и блуза художника, вся в пятнах, и пятно на обоях... это он в стену бутылкой с вином запустил, а обои пока не меняли...

Да, и сапоги можно было бы в камин не совать. Но там он их точно нашел бы...

Возможно, тан Мальдонадо и был гением.

Но вот поросенком он был без всяких допущений.

Обычно он своим эпатажем бравировал, выпячивал его, подчеркивал, гордился... а вот сейчас... стоит он, дурак-дураком, и смотрит, и глазами хлопает. И что тут скажешь? Самое банальное, увы.

– Простите, Мерседес. У меня беспорядок...

– Ничего страшного, – взмахнула рукой девушка. – Тан, я же понимаю, вы не рассчитывали ни на что такое.

– Да...

– Это мне жутко неловко, что я вот так... что меня вам навязали.

Мальдонадо расправил плечи.

– Мерседес Вирджиния, клянусь. Никто и никогда мне ничего не навяжет. Если я сам не пожелаю. Давайте я вам покажу вашу комнату?

Нельзя сказать, что гостевые покои были лучше. Но в них убрали... какая стерва трусы забыла на столе?! Красные, кружевные...

УБЬЮ!!!

Тан поспешно схватил белье и спрятал в карман, надеясь только, что это – единственный экземпляр. Мало ли кто и что еще забыл? И где...

Точно!

Сначала убью всю прислугу, потом уволю! Два раза!!!

Мерседес тактично сделала вид, что ничего не заметила.

– С вашего позволения, – поклонился Херардо Диас. – Вы составите мне компанию за ужином?

Мерседес прислушалась к себе. Есть не хотелось, только спать.

– Тан, умоляю, поймите меня правильно... я так переволновалась. Едва на ногах держусь. Я, наверное, сейчас спать лягу. Хорошо?

Мальдонадо обозвал себя идиотом.

Действительно, девушка вся зелененькая, едва на ногах стоит. А он туда же...

– Конечно, Мерседес. Но на голодный желудок спать вредно. Давайте поступим так: я прикажу принести вам молока и плюшек. Хорошо?

Мерседес кивнула и мечтательно улыбнулась.

– Я пока волосы расчешу...

Тяжелый узел смотрелся красиво. Но походи весь день со шпильками...

– Тогда с вашего позволения, – сделал шаг к двери Мальдонадо.

Мерседес тоже шагнула к нему.

– Тан, спасибо вам. Я же понимаю, что вам и сложно, и тяжело, и не нужно все это. Но вы взяли на себя мои проблемы... вы такой благородный!

И...

И губы, которые робко-робко касаются его щеки.

Очнулся Мальдонадо только перед закрытой дверью гостевой комнаты. И чувствовал себя, как пьяный.

Вот ведь...

Благородный...

Идиот он старый, вот что! Размечтался, недоумок! Тьфу!

Херардо ожесточенно потер щеку – и решительным шагом направился на кухню. Что есть – то есть. Молока в доме вряд ли обнаружится, придется слугам сейчас бежать и хоть из-под земли его доставать. Да и плюшки...

Вот вино и вяленое мясо они бы нашли в момент. Но нужно – молоко! Значит, будет! Хоть в королевском дворце пусть достанут!

Мерседес сидела в комнате, перед зеркалом, и расчесывала волосы. Массировала голову. Становилось легче и приятнее, по мере

того как пряди освобождались от противных шпилек. Вон у нее какая грива, ниже талии. Хорошо Тересе – у той легкомысленные кудряшки до плеч. У Феолы волосы подлиннее, до середины спины, но у нее они тоже кудрявые, легкие. А у нее...

Оххххх!

Мерседес искренне надеялась, что ничем не обидела тана Мальдонадо. Такой замечательный мужчина, такой умный, такой...

Да замолчи ты, дура!

Размечталась тут!

Он на тебя и не посмотрит, перед ним, небось, и не такие красотки на пузе пляшут! А тут ты! Толстая и не особенно симпатичная, разве что натурщица... да, корову с нее рисовать хорошо получится!

ТЬфу!

* * *

Как можно найти себе приключений на ровном месте?

Можно.

Особенно если мобиль полицейский, а не личный, вальдесовский. И водитель. Серхио же просил сначала съездить за Висентой, чтобы та вещи взяла, а потом уж они все вместе на нем поехали.

Вот мобиль чихнул, плюнул – и остановился.

Водитель прошипел под нос что-то неприятное и полез наружу.

Серхио расслабился и откинулся на спинку сиденья. Подождет он пару минут, ничего страшного.

Но чтобы подождали две девицы? Да еще спокойно и тихо? Такому – не бывать!

Огляделись по сторонам и тут же нашли себе занятие, благо рядом был магазин с дорогим парфюмом.

– Сходим? – предложила Феола.

– Там дорого, – выразила сомнение Висента.

– Не купим, так понюхаем всласть, – Феола сдаваться не собиралась. Но понимая, что Висенте может быть неудобно, не стала давить. Не все могут себе позволить дорогие духи. – Я сама схожу, ладно? Только туда и больше никуда.

– Сходи, – решил Серхио.

Одна девушка в мобиле еще может помолчать.

Но две?

Никогда! И трещат они как сороки, а у тебя и так голова разламывается! И подумать о чем-то рядом с ними не выйдет. Попробуйте спокойно размышлять, если у вас на макушке устроился сорочий базар?

Феола кивнула и выпорхнула из мобилы.

Дорогая лавка встретила ее сложной смесью ароматов, но преобладающим запахом над ними был кофе. Тоже понятно. Чтобы не сбиваться, кофе был повсюду. Стоял в больших банках, молотый и в зернах. Чтобы нюхать в промежутках между ароматами, а то рецепторы отказывают.

Феола с любопытством огляделась по сторонам.

Ну так... ничего особенного. Лавка и есть, как и на островах. Вот, в углу что-то выбирает старичок, вот стоит еще одна продавщица.

– Ритана, я могу вам помочь? У нас есть прекрасные наборы – мыло, ароматическая вода и духи, все в одной гамме. Жасминовой, к примеру. Хотя для вас лучше выбрать что-то более экзотическое. Вот орхидеи, или лилии...

– Ритана Ксарес, – отозвалась Феола. Лилии ее не заинтересовали, а вот жасмин... – Дайте понюхать жасминовый набор.

– Пожалуйста, ритана Ксарес.

Жасмин пах жасмином. Совсем как на острове.

– Я это возьму, – решила Феола, поочередно открывая содержимое небольшой корзиночки. Да-да, набор был уложен в небольшую корзиночку, и ее ручка перевита цветами жасмина. Мыло, ароматическая вода, духи, крем для рук и для тела – все в одном запахе, а это важно. – Упакуйте – и сколько с меня?

– Два золотых, ритана Ксарес.

– Ксарес?

Феола и не заметила, как к ней подошел старичок.

И... не то чтобы он такой уж старик. Седой, полуплысый, пахнет не очень-то, потому и тут отоваривается, вон, у него из свертка в руках аж несет мускусом и чем-то еще таким, мужским, но движения достаточно четкие. И видно, что он крепкий...

– Ксарес.

– Ваш отец – Хулио Патрисио Ксарес?

– Откуда вы знаете? – Феола копалась в сумочке, доставая кошелек.

– Позвольте представиться, ритана. Патрисио Эудженио Ксарес. Видимо, ваш дед.

– У меня нет деда.

– Неужели?

Патрисио Ксарес надменно разглядывал невысокую рыжую девушку. Прищурился, чуть нахмурил брови. Его внучки под таким взглядом робели, краснели, бледнели и начинали заикаться.

Эта же...

Провела по нему небрежным взглядом, словно сплюнула, и отвернулась. Девчонка с корзиночкой косметики для нее оказалась важнее.

– Благодарю, сеньорита. У вас замечательный товар.

Патрисио спускать подобного пренебрежения не собирался.

– Дочь Хулио. Хм... ты на него не похожа.

Феола даже не обернулась. Было бы с кем разговаривать.

– Полагаю, ты похожа или на мать, или на соседа. Ты ничего не желаешь мне сказать?

Феола медленно развернулась.

Вот за мать она обиделась. За себя?

Нет, за себя она не обижалась, было бы на кого! Старый тиран, это же видно! Адэхи ей таких не раз показывал! Это масштабы на островах другие, а люди одинаковые. Подонок везде подонок, а гуляющая девка будет гулять даже посреди океана.

Но малейшее сомнение в чести ее матери разбудило в Феоле гидру и кобру. Если Патрисио Эудженио Ксарес рассчитывал, что она смутится или расстроится, он сильно просчитался. Это по метрике Феоле семнадцать, а по жизни...

Шаманы рано взрослеют, слишком на них большая ответственность.

– Вы выгнали моего отца из дома, когда он пошел против вашей воли. Отреклись и забыли. На каком основании вы, посторонний и малоприятный старик, заговариваете со мной? Вы мне никто, а ваши слова – ничто.

Патрисио опешил.

Теоретически – так и было.

Практически Феола должна была отреагировать не так. Начать оправдываться, ругаться, нервничать, смутиться... да хоть бы и истерику закатить! Нет?

– Я – твой дед.

Феола сощурилась так, что Патрисио даже умилился. Вот такой же прищур он видел в зеркале. Оказывается, внучка на него похожа тоже... а что рыжая – бывает!

– Неужели? Когда у меня день рождения? Как мое второе имя? Что вы мне подарили на крестины? Ой, оказывается, вы не в курсе? Тогда какой вы родственник? Много таких... примазывается!

– Уважай хотя бы мой возраст, если не уважаешь свое имя! Ты – Ксарес, нравится тебе это или нет!

– Когда сказать нечего, говорят о возрасте. Только годы не добавили вам ни ума, ни порядочности, ни доброты. Вы меня не интересуете, тан. И больше не беспокойте мою семью.

– Ты так в себе уверена? А если я завтра отправлю на ваш островок управляющего, выкуплю ваш клочок земли и все там солью засыплю?

Феола расхохоталась старику в лицо.

– Подчинить, придавить, напугать... вы способны только на это, тан? Неубедительно! Отвечу вам той же любезностью! Окаменевший навоз не станет золотом! Не путайтесь у меня под ногами, а то вас все маги Римата не спасут!

Положила два золотых на стойку, забрала заказ – и развернулась. Только рыжий хвост мелькнул в дверях.

Патрисио остался стоять, дурак дураком.

Вот ведь...

Стерва?

Безусловно!

Стервочка, зараза, мелкая дрянь... и почему он так явственно видит в ней – себя? С той же дикой гордостью, с тем же характером, с той же волей к победе?

Хулио вырастил единственную достойную уважения внучку.

Мысль о том, что под постоянным гнетом вообще вырасти сложно, тану в голову не пришла.

А вот мысль о том, что Феола интересный объект... своих-то он всех уже сломал. А вот это... определенно, их разговор еще не

закончен. Просто Феола Ксарес об этом не знает.

И кстати, правда, как ее второе имя?

И в чей мобиль она садится?

Патрисио собирался узнать все в ближайшее время. Спускать оскорбление даже внучке? Ну уж нет! Не дождется. А вот что он сделает...

На губах старика зазмеилась недобрая улыбка. Сделает. Еще как сделает...

Если бы он знал, что Феола даже слова не сказала спутникам, он бы озлился еще больше. Но Феолу он действительно не интересовал. Вот корзиночка с жасминовыми притираниями – да, туда еще и образец соли для ванны положили, можно потом заехать, купить.

А дед...

Жила без него всю жизнь, и еще две проживет! Тоже еще, сокровище нашлось!

Пфе!

* * *

– Куда вы определили нашу внучку?

Серхио вздохнул. Все он преотлично понимал, что легко не будет. Но зачем же так визжать? У него сейчас уши отвалятся. Девушки, и Феола, и Висента, молчали, предоставляя ему выкручиваться самостоятельно.

– Сеньора Идана, я попрошу вас не орать.

– ЧТО?! Это моя внучка!!!

– И я тоже хочу ей добра. Вытаскивай ее потом из рук похитителей!

– Дорогая, подожди, – Гонсало отлично знал свою супругу. Если притормозить ее «на взлете», всем потом легче будет. – Тан Вальдес, поймите нас правильно. Сейчас хоть и не старые времена, но должны же быть какие-то понятия о приличиях?

Серхио уверенно тряхнул головой.

– Даже обязаны. Но какое это имеет значение, если вашу внучку сегодня опять пытались похитить?

– Снова?

– Да, сеньора Идана. Снова. И подозреваю, будет еще одно похищение. Или два... пока какое-то не увенчается успехом.

Женщина побледнела.

– Я... я...

– Что вы сделаете, сеньора? Запрете внучку дома? Засунете в сундук? Подвергнете опасности и себя, и мужа, и детей... кого похитят, чтобы обменять на Мерседес? Кто попадет под удар?

Серхио был безжалостен, но Феола и похлеще бы спросила. Он же не врет!

Все – правда.

Чистая, беспримесная, бескомпромиссная... Жестокая.

Если Мерседес кому-то нужна, ее будут пытаться похитить и дальше. И если нельзя избавиться от этих попыток, то можно их просто предупредить. Пусть попробуют похитить Висенту.

Насколько поняла Феола, девушка далеко не безобидна. И защитить себя сумеет.

Ну и Феола тоже может... добавить кому-то огня в жизни.

Сеньора Идана опустила глаза, признавая правоту мужчины.

– Но... репутация...

– Чья, сеньора? Ваша внучка – дома.

– Эммм...

– Девушка не выйдет из своего укрытия, пока не повторится еще одна попытка похищения. Или две... сколько нам понадобится, чтобы выследить негодяев. А пока – ваша внучка дома. И можете быть уверены, я доверил Мерседес человеку, который сможет ее защитить.

– И не опасен для ее чести?

Феола кусала губы, стараясь не расхохотаться.

Чести?

Интересное определение...

– Я говорю что-то смешное, ритана? – сверкнула на нее глазами Идана Мерседес.

– Мой учитель считал, что честь – это не анатомическое образование, – правдиво ответила Феола. – Честь – это нравственный закон внутри нас, а не лепесток плоти. Но я не думаю, что Мерседес интересуется своего спасителя именно в этом плане.

– Умные все стали!

Сеньора поняла, что проиграла по всем фронтам, развернулась – и выплыла из гостиной. Тан Гонсало только руками развел.

– Простите ее, тан, ритана, сеньора... Идана очень переживает.

– Ничего-ничего. Феола, ты сможешь Висенте?

– Да, конечно. Пойдем, Винни? То есть Мерче?

– Пойдем, Фи.

Девушки переглянулись – и отправились в отведенные им комнаты. Висенте надо было переодеться в домашнее платье Мерседес. А Феоле предупредить мальчиков, что Висента здесь временно. И да, ее надо звать – Мерседес. Так будет лучше... не надо посвящать детей во все эти проблемы. Пусть знают только свой кусочек истории.

Детство должно быть беззаботным.

А им и так скоро придется очень тяжело. И отец умер, и мать...

Интересно, что там с Вирджинией Веласкес?

* * *

Ее высочество принцесса Маргарита с раздражением махнула рукой на придворную даму.

Та замолчала.

Маргарита с тоской поглядела в окно кареты. Даже не мобиля, нет. Не положено.

Похоронный кортеж, знаете ли! Он не может летать, словно его ветром подхватило и понесло. И проделать весь путь до столицы за полдня тоже не может.

Церемонность быть должна.

Величие.

А по-простому, пафоса здесь ложкой не отгрести. Хотя кто, кому, зачем – неясно! Воля бы Маргариты Марии... ее бы в этом кортеже никогда не увидели.

Официально здесь находятся те, кто хочет отдать долг покойному королю, те, кто желает с ним попрощаться, те, кто любил его при жизни...

Маргарита Мария отца просто ненавидела.

Ах, не за что? Поверьте, жизнь принцесс – не радостная и ни капельки не счастливая, особенно при таком родителе. Рита, как звала ее мама, любила именно что свою мать. А отца – нет.

Тогда еще просто не любила.

За все.

За то, что на нее смотрят с подозрением. За ледяное равнодушие к матери. За мамины слезы после отцовских визитов. За мамины боль и отчаяние, за ее ранний уход, даже за брата, которого отец равнодушно ломал, стараясь вылепить из него свое подобие.

Маргарите повезло немногим больше.

Когда ей исполнилось шестнадцать, отец вполне равнодушно сообщил ей, что пора выходить замуж. Жениха он подобрал, в своей стране, и пусть радуется. Герцог Агоста согласен на титул консорта, но сына ему Маргарита родить должна. Сын откажется от всех прав на трон, плюс там будут торговые и территориальные уступки, так что для королевства это отличная партия.

Что там для самой Марии?

Да кто ж интересоваться будет!

Принцесса – это разменная монета в политических играх. И судьба ее именно такая. Никого она не интересует сама по себе, как человек. Уж точно не родного отца...

Подумаешь, жених старше нее на двадцать лет!

Подумаешь, внешность у него такая, что герцогу бы жену искать в зоопарке, в клетке с обезьянами.

Подумаешь, она уже третья жена!

Это все неважно. Зато шахты. Зато железо, которого всегда будет мало...

Рита по сей день была уверена, что мать умерла именно от горя. И все это по вине отца.

Замуж Рита вышла. И в первую брачную ночь получила удар правдой поперек романтики! Как оказалось, ее муж – обыкновенный садист. Который даже с женщиной не может без того, чтобы не избить ее, изнасиловать, мучить и издеваться. Нет-нет, не словами, это слишком утонченно.

А вот с отяжкой, да по морде...

Потому и две жены у него умерли.

Правда, с принцессой он так не рискнул, потому к брачному ложу была приведена служанка. Служанке достались побои, Маргарите собственно акт. И так продолжалось, пока она не смогла зачать сына.

Повезло – Лоренсо Аурелио, названный так в честь деда, родился совершенно нормальным. В мать пошел. Впрочем, продолжения «супружеских обязанностей» Рита ждала с ужасом. Но ей повезло.

Ее мужа убили.

Как оказалось, у его первой жены был сводный брат. Маг-огневик, который уехал в Колонии в поисках счастья. Пока он был там, в семье начались проблемы, девушку выдали замуж, и герцог просто ее замучил.

Брат явился из Колоний с хорошим заработком, узнал про сестру и решил нанести зятю родственный визит. Такой, чтобы эта сволочь костей не собрала.

Так и получилось.

Единственное, чего не учел маг, что убийство в нашей стране наказуемо. И что кузен герцога станет его ловить... неудачно для мага совпало.

Зато для Риты – очень и очень удачно.

Она как уехала к отцу, показать ему малыша... точнее, повидать мать и показать ей внука, но не скажешь же так вслух? И столкнулись они с огневиком совершенно случайно.

Правда вот потом...

Хотя нарочно Маргарита ничего не планировала. Значит, и в постели они оказались совершенно случайно. Так получилось. Как еще было успокоить женщину, которая рыдала и билась в истерике – от счастья!

Ему надо было выбраться из герцогства, а она радовалась, что свободна! Даже – СВОБОДНА!!!

А вот о последствиях она не подумала. Но чья дочка Ленора Маргарита, она знала сразу же. И радовалась.

Ее ребенок не унаследует гнилой крови мужа! Хотя бы один ребенок...

Только вот потом стало хуже.

Маргарите пришлось вернуться ко двору. Конечно, для матери это была невероятная радость, она хоть в последние годы внуков повидала. Но вот когда у Леноры начала просыпаться сила...

Да-да, та самая.

Девочка оказалась магом огня.

Именно Мария Пилар рассказывала всем про своего шестипородного дядю.

Именно она, понимая, что девочка растёт непохожей ни на кого – ни на мать, ни на отца, ни на родных с любой стороны, предложила отослать её в Академию. С болью в сердце и слезами, но разве там был выбор?

Рано или поздно Хоселиус Аурелио понял бы всё. Если бы девочка была у него на глазах.

А так...

С глаз долой, из мыслей вон.

Да и Маргарите будет легче, все же одного ребенка защищать, это не двоих.

Маргарита выла от тоски, но понимая материнскую правоту, не спорила. И сосредоточилась на сыне. Одного ребенка сберечь от отцовского диктата было намного проще.

Особенно когда ты к нему... ладно, не то чтобы равнодушна! Сына она любила, но намного меньше, чем дочь. Все же сын был от насильника и подонка, а дочь – от нескольких минут счастья.

Не физического, а ощущения свободы! Свободы настоящей, искренней, невероятной! Свободы от оков! Второй-то раз её замуж уже не выдадут!

Отец видел, что дочь за сына сильно не переживает, и практически не гнобил внука. За него-то она была сейчас спокойна. Сколько труда она потратила, прикрывая сына! Сколько усилий!

Но Лоренсо вырос хорошим мальчиком, и жениться собирается... он пока не сказал на ком, но собирается. Маргарита Мария только надеялась, что это будет хорошая девушка. А все остальное её не волновало.

Она будет любить невестку, будет любить внуков, главное, чтобы они были.

И дочь она любит.

Но поймет ли её Ленора?

Сможет ли мать оправдаться?

Вот этого Маргарита не знала, и нервничала, и переживала... и с ненавистью глядела на похоронные дроги.

Всем, всем отец переломал жизнь!

Как же она его ненавидела!

Мать, брат, она сама, ее дочь, дети брата... да, еще племянники... провожать в последний путь? Дайте Рите волю – она вытащит тело из гроба, разорвет, сожжет и осквернит костер! С громадным удовольствием!

Интересно, сколько человек в кортеже с радостью последовали бы ее примеру?

Принцесса усмехнулась.

Лучше даже не думать о таком. Или лучше думать?

Впрочем, ей и без того есть, о чем размышлять. К примеру, о том, как помириться с дочерью. И о том, на ком женится сын.

Да, ей не выпало женского счастья. Но может, она будет счастлива со своими детьми?

За своих детей?

Лишь бы они поняли, что она все делала ради них. Лишь бы не обвинили...

Как же она ненавидит своего отца! Как хорошо, что он наконец, сдох!

* * *

Серхио Вальдесу тоже было интересно состояние Вирджинии, поэтому он поехал сразу в лечебницу.

Вирджиния по-прежнему лежала, словно бревнышко.

– Пару раз она приходила в себя, тан, – доложила симпатичная сестричка милосердия. – Спрашивала, как муж и дети.

– Муж?

– Я сказала, что все в порядке. Она спросила, что с ней случилось, я сказала, что несчастный случай. Больше сил у нее не было.

Серхио кивнул и отправился уже не к сестричке, а к доктору. Спрашивать у него, что и как.

Врач действительно оказался откровеннее.

– Проклятия в нашей практике встречаются не впервые, – честно сообщил он. – Мы и с некромантами сотрудничаем... кстати, с тем же таном Риалоном. Всякое бывает. Кто напрасно ляпнет, да язык не

прикусит, кто злонамеренно порчу наведет... тан – отличный специалист. И супруга его просто чудо.

С этим Серхио был согласен. И чудо, и просто хорошие люди, даром что некроманты. Такое тоже бывает. И все же, доктор, что с этой конкретной пациенткой?

– Могильный крест тоже мне встречался. И люди от него достаточно легко восстанавливаются, – кивнул врач в ответ на высказанный вопрос. – А вот в этом случае... скажите, сеньора вообще... нормальная?

– В каком смысле, сеньор? Она не бегала голой по улицам, насколько я знаю...

– Нет-нет. Она крещеная, она ходила в храм, она верила в Творца? Упс.

Серхио почувствовал себя так, словно с размаху носом на стену налетел. Да в ней же носом и завяз. А ведь и правда... Джинни даже не до конца человек. Полукровка!

– Не уверен, сеньор. А что?

– Крещение дает определенную защиту. Не всегда, нет, но если человек окрещен, если он искренне верует, если у него в душе и сердце есть Творец... проклятие могло бы и само спасть. Я и с таким встречался. Были в моей практике и случаи самоочищения от порчи, и интереснее бывало.

Серхио кивнул.

В его практике такое тоже случалось.

К примеру, одна актриса мучилась мигренями и подозревала, что ее травят. С тем и обратилась в полицию. Эрнесто осмотрел ее (решительно отказавшись от благодарности натурой) и обнаружил интересную вещь.

Актрису пытались проклясть. Но в том-то и дело, что она давно и серьезно пользовалась сценическим псевдонимом. Ее настоящее имя она и сама уж сто лет забыла... то есть проклинали ее по псевдониму.

Понятно, проклятье не легло. Разве что головные боли остались. Проклятье Эрнесто снял, актрисе полегчало, а вскорости и одна актриса из второго состава слегла. Но ей уже помогали в тюрьме.

Проклинала?

Вылечим. Но отсидеть придется.

А тут как?

Будет одна из мединцев крестить дочь? В храме?

Рискуя, что ее обнаружат, или младенец как-то не так отреагирует, или священник что-то такое обнаружит... мало ли что? Там же ребенка догола раздевают... хотя у Вирджинии ничего такого не было. Серхио не помнил. Но вряд ли Наталия Арандо пошла бы в храм. Скорее, соврала бы.

– Я не думаю, что она крещеная. Тем более верующая.

Серхио и это разграничивал достаточно четко.

Есть – вера. Есть религия. В первом случае тебе неважно, как называть Творца и сколько раз молиться. Он всегда с тобой, внутри тебя, он рядом и ведет тебя за руку по жизни. И помогает, и поддерживает... не в том смысле, что жизнь у таких людей складывается легко и приятно.

Нет. Проблем у них бывает много.

Но внутри человека есть Бог. И это видно каждому, кто рядом.

Есть и второй вариант. Такие люди очень заботятся о внешней стороне, о религии как таковой. Они регулярно ходят в храм, они правильно умеют одеваться, молиться, креститься, чесаться, кусаться... да что угодно! Все по церковным канонам!

Но... Бога-то в этом и нет! Есть простая схема. Показушничество, как выражалась та же Тони. Маска. Пустота под маской.

Люди, в которых есть Творец, не пойдут на подлость, предательство, обман, они помнят, что другим тоже больно.

Люди, которые ограничены лишь догмами, пойдут на что угодно. Лишь бы их за руку не поймали.

Вот в случае с Вирджинией наверняка имело место быть второе. Она не верующая. Она – религиозная. Это серьезная разница.

А еще она не человек. Наполовину – точно. Пусть изменения там минимальные, но они ведь есть! Это тоже важно. Правда, говорить об этом нельзя, но про остальное точно можно.

Врач выслушал с интересом и даже покивал.

– Примерно так я и думал.

– Она так плохо оправляется от заклятья?

– Отвратительно. Сильно ее искалечить не удалось, но лет десять точно в никуда ушли. И в себя она придет, может быть, через дней десять. А может, и того больше. Мы сейчас не рискуем ей даже правду сказать про мужа. Ей положительные эмоции нужны, а куда уж тут?

Серхио согласился с этим. С другой стороны, если бы Джин-ни до сих пор подозревали в убийстве мужа, было бы хуже.

– Уже успеет и коронация пройти.

– А ей так хотелось там побывать? Придется обойтись газетами.

Серхио только рукой махнул.

– Выхаживайте ее, доктор. Когда ее можно будет допрашивать?

– Боюсь, что очень нескоро. Может, те же десять дней...

– Много.

– А то и больше. И еще... проклятье могло просто стереть часть информации в ее разуме.

– То есть?

– Она может что-то забыть. Спокойно...

Серхио только рукой махнул.

Ладно, обойдемся и Сесаром. Интересно, что это за зверушка такая? Джинни про него рассказала, вот и будем искать.

* * *

Может быть, дружба Альбы и Розы никогда и не началась бы.

А и началась, так закончилась очень быстро и качественно. Тут и разница в возрасте, все же Альба была намного моложе Розы Эухении, и разница характеров, и где Ксаресы, род которых насчитывает уже много поколений благородных танов, а где те же Араконы!

Ксаресы ни разу с купцами не роднились! Есть чем гордиться!

Араконы же... что есть в семейной истории, то и будет. Даже некроманты. И попробуйте их оттуда вычеркнуть!

Так что в другой ситуации ританы распрощались бы и напрочь забыли друг о друге.

Но!

Пролетевший мимо мобиль щедро обдал их брызгами грязи из лужи. Это такие, заколдованные лужи... они встречаются только тогда, когда вам срочно куда-то нужно, и вы бежите в это самое место при полном параде. Вот тогда...

Тогда совпадает и лужа, и мобиль, и полное отсутствие времени, и идей, а то и встретится еще кто-то, особенно неприятный, обсмеет и пойдет сплетничать по городу.

Рози только ахнула.

Мобиль привез ее и уехал. Ей надо еще добираться до дома, а это... м-да. Неудобно?

Мягко сказано!

Альба, которая тоже оттирала грязные пятна со светлого платья и ругалась нехорошими словами, только рукой махнула.

– Ритана Ксарес, давайте я вас довезу до дома?

Роза Эухения посмотрела на новую знакомую с самой искренней симпатией.

– Благодарю вас, ритана Риалон.

И уселась в мобиль Альбы, который та выпросила у сестры на время коронации.

Опять же, все было бы не трагично, но дамы попали в особняк Ксаресов как раз к ужину. К Розе-то наверх они поднялись без особых проблем. И в порядок себя привели, стерли капли грязи с лиц, Роза щедро поделилась с Альбой одним из своих платьев... правда, потом ританы осознали, что на Альбе оно в груди не сходится. Но зато сухое и чистое, все лучше, чем в грязном.

– М-да, – осмотрела свой бюст Альба.

Между прочим, ей было чем гордиться. Хотя она сына и кормила, но грудь у нее была, как в юности! Высокая и упругая.

– Давай я тебе дам юбку и блузку, – предложила Роза. Ританы уже общались достаточно непринужденно. – Все ж лучше будет.

– Да, пожалуйста...

Альба успела надеть блузку, а вот юбку – не успела.

Так, в одной блузке и чулочках, она и предстала перед таном Ксаресом, который даже не в курсе был про Альбу. Подумаешь там. Кто-то пришел к Розе? Патрисио об этом сейчас не думал.

Ему хотелось озадачить дочь активными поисками юной ританы Ксарес. А кого еще? Самое лучшее – это Розу. Косметика, одежда, кондитерские – где еще ританы бывают? Ей проще всего навести справки. В полиции он и сам справится, не пожалеет немного золота, а вот сплетни, слухи, скандалы – это к бабам.

Шел-то он к дочке. А наткнулся на Альбу.

И... какие ножки!

Но это он осознал уже потом, после акустического удара. Потому что Альба, видя, что дверь распахнулась, и на пороге стоит кто-то...

какая разница – кто?! Она сделала то, что обязана сделать каждая порядочная женщина.

Завизжать на врага. Грозно и победительно.

Хлопнула дверь.

Патриарх семейства Ксаресов остался снаружи.

Ахнула Роза.

– Альба, ты... ой... мамочки...

– Чьи?

– То есть... это мой папа!

Альба закатила глаза. Папа, шляпа... чего он ломится к приличным женщинам?! Мы не согласные! Еще бы в уборную влез! Но вот как тут поругаешься, в чужом доме? Придется идти и извиняться.

* * *

Амадо Риалон перебирал свои карточки, раскладывал их то так, то этак... как же все это сложно!

Как тяжело!

Если действительно попробовать проверить два направления?

А если все три?

С мединцами проще всего. Там-то ясно, что им нужно. Вернуть Синэри. Наверное...

А все остальные?

Каким боком к ним увязаны Веласкесы? Знает ли человек, которому нужна Мерседес, о ее происхождении?

Кто хочет устроить взрыв в столице?

Зачем пытались отравить тана Кампоса? Даже не насмерть отравить, просто вывести из строя?

Что было бы, если попытка удалась?

Амадо попробовал зайти с этой стороны.

Итак!

Допустим, попытка отравления удалась. И снова – вопрос. Кто заказал мастеру бокалы? Жена не говорила, что это обязательно-обязательно мединцы. Вот не было такого.

Просто кое во что ее супруг не посвящал.

Итак, это неизвестно кто. И неясно зачем.

Третья сила? Надо рассмотреть и такой вариант. Вот убивайте об забор, не мог Амадо понять, что получают мединцы от проблем с таном Кампосом.

Мэр заболевает?

Так у него заместителей – хоть соли! Найдется кому его заменить, найдется кому встать у руля... и все будет идти, как и положено. По намеченному плану.

Тан Кампос, конечно, может потерять место, но мединцам-то это ЗАЧЕМ?!

Правильно, незачем. Нелогично.

А еще мединцы вряд ли будут иметь доступ в управу. Тогда, пятнадцать лет назад, мэр только за голову схватился. И приказал обвесить... ладно, не все учреждения, но хотя бы часть разными сигнальными системами.

На основе магии священников (да, у них такая тоже есть, просто они не признаются), магии некромантов, магии водников, воздушников... вешайте все, что знаете, лишь бы оно между собой не конфликтовало, а работало!

Как же маги ругались!

Как же они были злы... вот кто бы знал! Но тан Кампос был неотразимо убедителен. Благо поступления в бюджет получились неожиданно крупные, герцогское-то состояние частично отошло в пользу Римата. Часть земель, к примеру...

Да и король кое-что выделил.

Так что в управу не попасть ни нечисти, ни нелюди. Человеку с дурными намерениями – и то еще поди, пройди! Кое-кто из тех, что ругаться шел, так и стояли перед дверью. Любви к власти им это не добавляло, но – побочный эффект.

А с другой стороны – надо проверять! Мерседес на четверть мединец, но на нее ничего не реагировало. И на Арандо в королевском дворце, а уж там и магов, и прочего...

Надо проверить, есть ли такие мединцы. В принципе, может и так быть? Все не пройдут, но кто-то вроде Мерседес – спокойно. И ее охрана не остановит. Сигнальные системы? А если мединец не питает вражды к людям? Наверное, таких немного, но они есть. Предполагая худшее – они есть.

Итак, делаем вывод.

Или у мединцев есть такие существа, которых не распознать обычной сигналкой.

Или... или по-простому все это затеял человек. И второй вариант был логичнее. Подсидеть начальство в преддверии торжеств – это ж милое дело! Все уже налажено, все уже настроено, только приказы отдавать остается, и то не обязательно. Все отлично знают, что и как им делать.

Вывод?

Тан Кампос, на вас могут еще разок-другой поохотиться. Это надо предусмотреть и не допустить. В идеале и врага бы найти... посмотрим, поищем. Мединцев искать тоже будем, но и людей. Однозначно. Этот вопрос рассмотрели, идем дальше.

Мединцев оставим напоследок. Возьмем пока Веласкесов.

Допущение!

Есть некто, узнавший о ворованной королевской крови. Откуда?

От старых слуг. И вот тут... ладно-ладно, в Каса Норра Амадо не доберется. А вот в столице он кого угодно расспросит. Завтра же и отправится. И Феолу с собой возьмет. Если она, как маг, может определять, врут ей или говорят правду...

Пусть определяет!

Итак, некто узнал. И желает сесть на трон. Для этого надо удачно жениться, и... повыбить остальных претендентов?

Кстати – да.

Видимо, в нем крови маловато, то есть основная линия у нас отпадает? Да, пожалуй. У короля есть бастард, но тот, кажется, женат. Ему Мерседес не нужна. А кому нужна?

Либо это потомки Маргариты Марии, либо это потомки Рикардо Августина. Сам Рикардо Августин?

Нет, это вряд ли, возраст там не тот, его уж с ложечки кормят и на руках таскают. Маразм там полный...

А вот его сыновья и его внуки...

Запросто!

Властолюбие там врожденное, а честь, порядочность...

При дворе? Смеяться начинать после какого слова? Порядочность там попросту не выживает, только подлость. Только грязь...

Беда в другом.

Амадо не сможет допросить их. Это же все – высочества! Все – королевская семья. И его величество такого разрешения не даст, и круг посвященных увеличивать нельзя...

Разве что попросить Феолу?

Чисто теоретически девушка может почуять ложь. Но надо еще исхитриться и побеседовать с их высочествами. И не спрашивать же напрямик: вы тут на трон метите?

Тут кто и что ни ответь – соврут же! Потому как метят.

На трон. Амадо даже не сомневался.

Итак, это у нас вторая сила.

Третья – неизвестная сила. О которой Амадо пока не знает, но вполне возможно, что она существует. Это просто допуск. А вдруг? Но... Амадо не оставляла мысль, что он упускает нечто важное.

Вот есть что-то такое, что важно, и нужно, и вообще... если он это поймет, то сможет начать разматывать клубочек. Но – что?!!

Мысль не давалась в руки. Вилась вокруг, словно назойливая муха, зудела, свербела, но...

Нет, не понять.

Карточки не раскладывались как следует. Оставалось только признать, что он чего-то важного не знает. И ждать дальнейших событий...

А пока пойти и поспать. Феола предупреждала, что надо? Вот и не будем спорить с магом. Ей виднее. Амадо сгреб все карточки, запер дела в сейф и отправился в камеру, отсыпаться.

* * *

Тан Ксарес с интересом посмотрел на вошедшую в его кабинет ритану.

– Добрый вечер, тан, – поздоровалась с ним Альба.

– Добрый вечер, ритана Риалон. Дочь объяснила мне, что произошло. И я благодарен вам за помощь Розе.

Альба качнула головой.

– На моем месте так поступит любая женщина. Да и ваша дочь, тан, помогла мне...

Тан Патрисио прищурился.

Альба мило улыбнулась. Даже в простой юбке и блузке она была настоящей красоткой. Так что тан улыбнулся ей в ответ.

– Ритана, я прошу вас разделить с нами ужин. Вы же не откажетесь?

– Конечно, нет, – мило улыбнулась Альба.

Домой ей не хотелось. Что ее там ждет?

Кто ждет?

Муж наверняка на работе. Если вернется, чудом будет. Но... Альбе его видеть не хотелось совершенно! Хватит и того, что она полностью угробила свою молодость на этого негодяя.

Сын?

Сыну она уже не так интересна. Ему с друзьями проще и приятнее. Веселее и любопытнее. Скоро он начнет интересоваться девушками, а потом сделает ее бабушкой. А ей этого так не хочется, она еще так молода... и никто, никто ее не понимает! Все вокруг твердят, что дети – счастье, внуки – тоже счастье!

А как же для себя пожить?

Покрасоваться среди людей, выйти в свет...

Увы. Альба точно знала, что ее семья ее не понимает.

Что мать, что отец, они твердили одно и то же. Вышла замуж? Все, жизнь закончена.

Свободная, веселая, легкая... теперь надо жить для семьи, для детей... вот, все же так живут! Ну, наверное, все и живут! Но Альба-то не все подряд! Она другая!

Паулина... ну что про нее скажешь? Серая, скучная, даже удивительно, как такой мужчина на нее польстился. Понятно, она будет жить своим домом.

Тони... брррр! Про Тони даже вспоминать не хотелось. Ладно еще – дар самой Лассара. Давил он достаточно сильно, но Альба, может, в силу родственной крови, могла его игнорировать.

А вот Эрнесто Риалон... это точно – бррррр! Слово ты в сыром подвале сидишь, и крысы вокруг бегают! Или змеи ползают! Жуть жуткая!

Попробуй с таким хоть слово скажи! Да тебя сожрут заживо!

Кстати, в чем-то Альба была недалеко от истины. Эрнесто, конечно, не питался дурами, но качественный скачок в развитии у него

произошел. И столкнусь он сейчас один на один с тем же Освальдо – даже не задумался бы. Растер в порошок и пошел дальше.

Но дело-то не в нем!

Дело в том, что пусть все живут так! Они просто курицы! Серые, скучные, созданные для того, чтобы нести яйца! А вот она, Альба, тропическая, яркая, искристая...

Она должна жить иначе!

Блистать, покорять, ослеплять...

Мысль о том, что даже под павлиньим хвостом скрывается все та же птичья... хм, попа, ей в голову не приходила. Ей же блистать надо! Помаду на нее намазывать! И... куда там прийти? Там все пространство занято непоколебимой уверенностью в себе^[4].

А вот ее родители этого не понимают. Про мужа и говорить нечего – дундук он, вот он кто!

И начинается: должна – обязана – надо – надо – надо!!!

А хочется блистать! Хочется в высший свет, на балы, на вечера, на приемы! Хочется...

Ладно еще – раньше! Двор был в Каса Норра, да и его величество, мягко говоря, не способствовал активной светской жизни. То болел, то помирал... а сейчас?!

Сейчас, когда все перемещается в столицу?!

Тут бы и показаться... ах, вот она вся такая, изящная, тоненькая, одетая по последней моде, с солидным мужчиной рядом... мечты скукожились, словно розы, которые вместо воды кислотой полили. Увы, Амадо не тянул на солидного, с его-то работой. А его зарплата позволяла разве что одно платье у сеньоры Наранхо. В год.

Так что Альба была зла на весь свет. И с улыбкой приняла приглашение на ужин.

Ксаресы?

Почему нет?

Семья богатая, знатная... интересно, здесь не найдется ли подходящей невесты для Карлоса? В будущем, конечно, но... дети так быстро взрослеют!

Альба оперлась на предложенный локоть тана Патрисио и под ручку с хозяином дома отправилась на вечернюю трапезу.

* * *

Лоуренсио аж трясло от отвращения. А вот так! Кому бы другому сюда прийти! Но Анхеля он просить не мог, друг и так для него очень многое сделал.

Но и сам тан Ксарес...

Бррр!

Морды эти... нет, не лица, а именно морды, хари и рыла! Ухмылочки такие... жутковатые, гадкие. И взгляды... словно он поросенок на обеденном столе. И сейчас его сожрут.

Но к стойке тан Ксарес прошел вполне уверенно (и не надо тут ехидных взглядов!).

И монету положил, и то самое пойло заказал... бэээ! Как бы еще не вывернуло! Ладно...

– Для Крыса.

– Передам. На словах чего сказать?

– Что третьего раза не будет.

К пойлу Лоуренсио даже не прикоснулся. Хватило ему еще того раза, сегодня он его разве что понюхал. Развернулся и вышел, печатая шаг.

И стараясь не показать своей неуверенности.

Местные? Да плевать на них три раза!

Вопрос в другом. Стал он убийцей – или нет? Взял грех на душу?

Вот это ему узнать хотелось. А все остальное... нет, остальное – неважно.

Больше он не даст денег без гарантий или доказательств. Довольно!

* * *

Вторая сцена повторилась так же, практически без изменений. Разве что в этот раз трактирщик деньги не крал – не успел. Анхель подошел слишком быстро.

– Где?

– Вот, держи, Крыс...

Анхель кивнул и переправил кошелек в карман. Ржавчина неприятно ухмыльнулся, показывая отсутствие половины зубов.

– Третьего раза не будет, слышал?

Анхель, конечно, слышал. Но принимать во внимание такие глупости не собирался.

– Будет. Еще как будет, но дня через три. Или четыре...

– Вот как?

– Кстати, Могильщик сегодня тут?

– Наверху, с девкой. Подождать придется.

Анхель кивнул.

Подождет, никуда не денется. Может, пока в кости сыграет, по маленькой... есть на что играть. Или не надо?

Не везет ему в последнее время... ничего! В любви повезет! Вот она – очаровательная Алисия, бери и пользуйся! Прелесть же! И на все готова, и почти даже не надо уговаривать. Рауль вот...

С другой стороны...

Ортис, ты сам напросился. А долги подождут какое-то время. Никуда они не денутся!

Кошелек решительно отправился обратно на стойку.

– Есть разговор.

Глава 2

– Сколько вы хотите?

– Десять тысяч желтяков, тан. И девка ваша.

– Морда не треснет?

– Тан, вы же хотите тихо, быстро и без шума.

Педро посмотрел на заказчика даже с сочувствием. Вот... его бы воля, не ввязался бы он в это дело. Но последнее время отряду постоянно выпадали две единички на костях.

Сбежали двое стрелков, ушел хороший клинок, лопнул банк, в котором Педро держал деньги... нет, не отрядные, но свои личные, а это еще грустнее, чем общие. Потом еще выгодный заказ перехватили, да и с той бабой...

Откуда он знал, что она – жена нанимателя?

На ней что – написано?

Баба, она и баба, в темноте не разберешь, вот и потащил в постель. А тут хозяин.

Ну и шум, крики, потеря репутации, полоскать отряд стали на каждом углу так, что хоть ты вешай клинок на крючок, да и иди коров пасти. Ну так и коров-то...

Хорошо бы своих прикупить, а денег нет.

Вообще нет.

И тут – заказ!

Найм, да какой!

Когда к Косому подсел этот тан, Педро даже своей удаче не поверил!

Деньги, деньги, ДЕНЬГИ!!!

Откуда видно, что тан? Так внешность, повадки, разговор – такое не замажешь. Хоть и на морде маска... да хоть ты ее и на задницу надень! Ничего не изменится!

Если Педро сейчас возьмет этот заказ, ему на долю не меньше двух тысяч желтяков достанется. А с этим можно уже и поработать. И в бумаги какие вложить, и в дело... ну, это потом, потом...

– Хочу, – кивнул тан.

– А тут такое... не каждый решится в столице работать.

И это было чистой правдой. Самоубийц среди наемников было маловато. Выбивали их. В самом начале. Но у Педро ситуация была сложная, а выбора и не было.

Заказ был... сложным?

Нет, не то слово.

Муторным, тошнотным, опасным, зубосверлильным... все плохое, что о нем можно бы сказать – о нем и нужно сказать! Это уж точно!

Кто понимает – оценит.

Надо прийти в дом, практически в центре столицы, выкрасть оттуда девчонку, попутно можно захватить ее бабу с дедом, а можно и убить, как получится, а братьев – убить. И представить все это практически несчастным случаем.

Как?

Молча. К примеру, пожар. Если кое-какое алхимическое зелье плеснуть, гореть будет, что тот пучок соломы. Потом и не разберешь, до пожара кто умер, после пожара...

Некромант?

Так ведь и против них есть методы. Примешь кое-какие снадобья, тебя и не поднимут, и не призовут. Есть такое...

Убивать мальчишек? Вот уж моральная сторона вопроса Педро нисколько не волновала. Плевать на нее три раза! Если ему платят, он делает! Все, что прикажет наниматель. Но никто не сказал, что Педро будет делать это бесплатно.

– Вы понимаете, что если нашумите... я вам ни медяка не дам?

– Понимаю, – согласился Педро.

Это вопрос, конечно, сложный. Дам, не дам... доверенные люди у Косого есть, один из них и проследит за нанимателем. Никуда ты не денешься, родной, платить будешь как миленький. Всю жизнь...

– Если вас поймают, будете тоже выпутываться без меня.

– Буду, тан.

Можно подумать, ты нас защищать будешь! Ха и снова трижды ха!

– Хорошо. Это задаток, – на стол лег увесистый мешочек, и Педро аккуратно притянул его к себе. Спустил под стол, пересчитал.

Триста реалов.

Хорошо, но маловато.

– Тан?

– Это задаток. И вот еще... на оружие и прочие расходы.

Педро хозяйственно пригреб и второй мешочек. Судя по весу, тут реалов двести. Не меньше. Это хорошо, им все пригодится. Потрапились за последнее время.

– Куда доставить добычу, тан?

– Вот до этого места на дороге. Я буду вас там ждать, перегружу всех в свой мобиль и уеду. А вы получите остаток денег.

– По рукам, тан. Сколько вы будете ждать?

– До рассвета.

– Хорошо. Мы должны управиться.

– Когда?

Педро прикинул по времени.

– А когда вам надо?

– Вчера.

– Тогда... следующей ночью, тан.

Мужчина прикрыл веки.

– Хорошо. Постарайтесь меня не разочаровать. Мы можем сотрудничать и в дальнейшем.

Педро намеки понимал отлично.

– Я не подведу вас, тан.

А если и подведу, то сделаю так, что вы до меня не дотянетесь.

И встал из-за стола. Заказчик остался сидеть. Педро предстояло еще много работы. А человек, который заказал убийство детей, и не собирався на этом останавливаться, сидел, потягивал неплохое вино и смотрел в стену.

Сложно...

Откуда только раньше брались хорошие и верные слуги? Ведь куда ни ткни! Или верный, но дурак такой, что все дело завалит.

Или умный, но тогда обязательно на себя работать будет.

А ему-то надо другое...

Ему-то надо и дело сделать, и гарантии безопасности получить.

Как сложно жить!

Как трудно...

– ПОЖАР!!!

Феола подлетела на кровати, словно ошпаренная.

Что за скотство, а? Она только недавно уснула – и вот?! Какой пожар в двенадцать ночи?! Или сколько там... вы до утра подождать не могли?

Первой мыслью девушки было возмущение.

Она тут спит! И тут...

ПОЖАР?!

Веласкесы!!!

Попытка похищения!!!

Если бы эта ситуация не была обговорена с Амадо, Феола бы растерялась. Запаниковала, наверняка... она – одна. А где поджигатели?

Где похитители?

Куда бежать, за что хвататься?

По счастью, тан Риалон четко обговорил все с девушкой. В любой ситуации ее забота – дети. Похитители – потом. Висента... эта сама о себе прекрасно позаботится.

Веласкесы?

Они взрослые. Да и охрана у них есть, вон, сеньор Веласкес хвастался. А твоя забота – дети.

Которых могут или похитить, или... чего уж там! Бывали и такие случаи в истории!

Убьют малявок, да и все тут! Просто потому, что кровь в них та же, что и в Мерседес. А кому они нужны? Замуж не выдашь, детей не получишь, а на власть претендовать могут. Нехорошо!

Так что никому они не нужны. Никто не станет себе плодить конкурентов. Почему пока не убили?

Могла сначала попробовать договориться... зачем, зачем делать все с шумом? Дети же! Они могут совершенно случайно подавиться косточкой, могут совершенно случайно попасть под мобиль... вот лет триста тому назад был случай – один из принцев случайно упал виском на табакерку. Три раза.

И ведь как упал-то! При шестнадцати свидетелях! Ничего, все подтвердили!

Так что... в случае любой сложной ситуации Феола сначала спасает мальчишек, а потом по обстоятельствам.

Феола так и сделала. А именно – вылетела в коридор.

Дыма стояло – хоть ты топор вешай. А ведь огня почти не видно! И дым такой... едкий, пакостный, ни продохнуть, ни посмотреть... Феола опрометчиво вдохнула – и согнулась в приступе кашля.

Это ее и спасло.

Вылетевший из-за угла мужчина с навахой просто взмахнул оружием в том месте, где должна была оказаться ее шея. Но – увы.

Не повезло. Феола как раз кашляла, и удар прошелся чуть выше. А там и рефлексy включились, намертво вбитые Адэхи.

Ты – шаман?

Вот и работай, если ты шаман! Да не посохом по головам врага гвозди, что за вульгарщина! Откатилась в угол, залегла – и на расстоянии поливаешь всех заклинаниями. Что Феола и сделала.

Упала на пол, перекатилась чуточку вперед – и коснулась сапога мужчины. На долю секунды почувствовала под руками крепкое тело, мускулы... а потом – всё. С перепуга девушка просто «выпила» несчастного досуха. На пол тихо-тихо опустилась... почти мумия.

Феола злобно зашипела. Ну ничего, война все спишет... пусть потом докажут, что это – она. Адэхи ей говорил, не стоит показывать свою силу по-настоящему, люди испугаться могут. Но этот тип убил бы ее. Почти убил.

Да и некогда тут дозировать. Попробовать вперед? Так... детская – по коридору, направо, вторая дверь. Конечно, это было не слишком красиво, но Феола и не подумала вставать во весь рост и изображать из себя мишень. Она встала на четвереньки и в таком виде, полуползком, отправилась по коридору. И не прогадала.

Свистнул над головой клинок.

В этот раз Феола не стала выпивать чужую жизненную силу. Наоборот, отдала все, что уже успела поглотить. Двое мужчин, которые как раз взламывали нужную дверь, захрипели, сползая вниз.

Феола злобно ухмыльнулась.

Сила же!

Это как с кровью. Перельешь не от того, или не так, или не учтешь всех параметров – и пиши завещание. Вот и эти двое... что там с ними случится? Инфаркт? Инсульт? Да что угодно, когда все системы организма взбесятся и начнут жить в многократно ускоренном режиме.

Девушка поскреблась в дверь, предусмотрительно не поднимаясь на ноги.

– Это я, Фи...

Несколько минут царило молчание. Потом сдавленным голосом откликнулась нянька, взятая Веласкесами специально для детей.

– Ритана Феола?

– Я, – выдохнула девушка, – открой, Соледад.

Засов скрипнул. Феола тут же заползла внутрь и заложила его снова. Оглядела позицию. И от души похвалила няньку:

– Вы умничка, сеньора.

Соледад, симпатичная женщина лет так сорока пяти, улыbnулась в ответ. Приятно же, когда тебя похвалили. И за дело...

Дети действительно были в безопасности. Насколько это могло получиться. Соледад укрыла их в ванной, помогла сделать маски, и дышали они через мокрые тряпки. Сама она была в комнате. Задвинула засов на тяжелой дубовой двери, подвинула к окну тумбочку, да не просто так, а очень разумно. Чтобы любой, кто в это окно снаружи полезет, ноги переломал. И сама стала ждать рядом с тумбочкой. С ножкой от стула в качестве оружия.

Обычный человек.

У которого шансы против трех наемников вообще нулевые.

Феола подумала, что хотела бы такую няньку и своим детям.

С другой стороны, Соледад ведь и для себя старалась. В таких делах свидетелей не оставляют, случись что – ее первой убьют. Вот она и продала бы свою жизнь подороже.

– Что делать будем, ритана?

Наверное, кто-то другой скомандовал бы пробиваться к выходу. Куда-то бежать, искать, спасать...

Феоле за такие попытки нещадно перепало бы по спине шаманским посохом от Адэхи. Бежать?

Сначала выясни, куда, зачем и от кого, а уж потом бегай. А как тут выяснишь? Когда надо для этого сосредотачиваться, работать со своей силой... это воздушнику легко! Ему ветер нашепчет. Некромант может какое-нибудь некротворение, типа призрака запустить. А Феола не может. Нет у нее такого таланта.

А что есть?

Только умение работать с жизненной силой людей. В данной ситуации – маловато.

Огонь?

Так нет огня, только дым. И такой едкий, алхимический, что ли? Откуда ж он идет... Феола попробовала принюхаться.

– Мне кажется, что это оттуда, – сеньора Соледад поняла, о чем думает девушка. И кивнула в сад.

Феола задумалась.

Что ж. Это логично. Для любого, кто выкуривал пчел из улья, даже более чем логично. Но... что делают в таких случаях глупые пчелы?

Летят, куда им сказано.

А умные?

А умные находят источник дыма и начинают от души кусаться. Почему бы и не поучиться у умных насекомых?

Феола посмотрела на расстояние до земли.

На плющ, который вился по стене.

На сеньору Соледад. Пожалуй, доверять ей можно. А если что, Феола вернется. Или к ней, или за ней и детьми. Как повезет.

– Наемников в коридоре я уничтожила. Если что – кричите громче, хорошо?

– Х-хорошо. Ритана, а вы...

– А я тут рядышком прогуляюсь. В пределах видимости.

И Феола коснулась ладонью стебля плюща.

Потом, конечно, он погибнет. Но сейчас... сейчас он примет в себя толику ее жизненной силы – и станет прочнее стали. Уж Феолу-то он точно выдержит.

Девушка, как была, в одной ночной сорочке длиной до середины бедра, скользнула в сад.

* * *

Что могут шаманы?

Очень многое. И если кто-то наивно представляет себе сейчас пляски с бубном вокруг костра...

Ладно-ладно. Это они тоже могут. Но если есть возможность сработать быстрее и эффективнее – они так и сделают. А то пока ты весь танец пропляшешь, пока духов предков призовешь, или еще каких духов – глядь! А тебя уже шесть раз убили!

Вопи потом с того света... как раз бесплотным и неприкаянным духом. Авось, доорешься.

Адэхи был шаманом.

И магию ритуалов он знал досконально, и Феолу обучал. Но шаманы и в ближнем бою очень неплохи.

Так что Феола спрыгнула на землю и приложила к ней ладони.

Дон! Дон!!! ДОН!!!

Это не барабаны, это кровь стучит в ушах. А вот это – уже не ее кровь. Это стучат шаги по земле. Это...

Чужак! Враг! ЗЛО!!!

И если кто-то попробует доказать Феоле, что трое мужчин в саду, у костра, делают что-то полезное. Явно же это не садовники пришли травку пожечь? Или у костерка погреться...

Феола выпрямилась – и послала чуточку своей силы в воздух. И вокруг тут же закружились те, кто готов был выполнить приказ юной шаманки.

Нет, не духи. Чего их постоянно тревожить? На зов шаманки откликнулись те, кто является частью живого мира.

Насекомые.

Сколько насекомых может жить в одном саду? Если спросить садоводов и огородников, точной цифры они не скажут. Но их точно будет больше, чем нужно и хотелось бы.

Ладно – бабочки. Они, конечно, тоже вредят, но ведь и опыляют. Пчелы там, осы...

А со слизнями не сталкивались? С гигантскими?^[5] С медведками? С мокрицами? С...

Да много их! И на приказ шамана отозвались все. Да и что там было – того приказа? Насекомым просто сообщили, что их пища – у костра. Приятного аппетита!

Обычно насекомые так не поступают. Да и ночью не все активны. Но многие, очень многие. Феола зло ухмыльнулась, прислушиваясь к крикам. Да, не позавидуешь.

Ночные бабочки, жуки, мотыльки, кузнечики, а те же комары? Вы их не видели?

Порадуйтесь, что они не видели ВАС. Потому как все это летучее, кусучее и неубиваемое облако атаковало сразу и без пощады. Костер? Дым?

Поверьте, это – не преграда. Да, насекомые могут пренебречь вами, плюнуть сверху и полететь на поиски чего-то повкуснее и поудобнее. Но если им приказали? Если натравили?

Тогда – можно уже и не спасаться. Насекомые налетают со всех сторон, кусают, просто ползут по коже, лезут в глаза, в волосы, в уши, в рот и нос, проникают под одежду...

Что там дальше будет с негодями, Феола и не думала. Не ее это дело. Пусть потом их лекари откачивают. А она чутко вслушивалась в окружающую ее ночь.

И услышала.

Вскрик.

Оборванный хрип, словно кому-то рот зажимали.

Как тут не поучаствовать?

Феола даже не сомневалась, что те трое – это не все налетчики. Кто-то должен и в дом отправиться... кто? К кому?

Окно?

Феола плюнула на все подряд и послала приказ плющу.

Раньше мог бы отмереть один стебель. Но остальной плющ выжил бы. Сейчас... дом определенно полысеет. Но плющ будет охранять окно. И никого не пропустит внутрь. Будет душить листьями, рвать ветвями, хлестать зелеными плетями. Сам погибнет к утру, но даст людям шанс выжить.

Такая уж магия шаманов.

Хочешь? Пожалуйста, получай. Но ты за это заплатишь. И Феола тоже, кстати говоря. Магам проще. У них аура, каналы силы... Нет, у Феолы это тоже будет, наверное. Но шаманы платят иначе.

Феола отдает кусочек своей жизненной силы. Завтра она голову от подушки не оторвет. А может, будет что-то другое.

Слабость, головная боль, женские дни придут раньше, может нарушиться что-то в работе организма... у беременных так вообще выкидыш может быть. Даром шаманизм не проходит. В нем за всё надо платить.

За всё.

Но сейчас Феола понимала, что выбора нет. Сюда пришли со злом. И она... если она сейчас попробует отсидеться за чужими спинами, ее тоже убьют. Лучше уж сейчас выложиться до конца и умереть в бою. А не как корова под жертвенным ножом.

А теперь – вокруг дома. Туда, откуда донесся до нее крик.

Феола успела вовремя.

* * *

Когда в доме потянуло дымом, Висента сообразила быстрее всех. И действовать тоже начала первой. Феола – девочка из благополучной семьи.

Веласкесы – купцы.

А Винни...

Кто никогда не замерзал зимой, не протапливал убогий домишко, не дышал дымом...

Топить по-черному – да, бывало в нищенских хижинах и такое. И целые семьи угорали, надышавшись дымом. Иногда людей успевали вытащить, иногда не успевали. Никто не видел, каково это? Как выглядят люди, которые задохнулись в дыму? Вот и хорошо, не надо такое лишней раз никому. Их соседи тоже страдали.

И домишки горели, и всякое бывало. Поэтому Винни точно знала.

Горит?!

Дым?!

Спасайся, кто может!!!

При первом же намеке на запах дыма она взлетела с кровати и помчалась к Веласкесам. Вместе отбиваться легче.

Они еще спали. А в доме уже шел бой. Что-то звенело внизу, на первом этаже, что-то обрушилось...

– Что?! – ахнула сеньора Идана, которую Винни без особых рассуждений спихнула с кровати на пол. Ничего, ковер мягкий, не ушибется...

– Враги! – рыкнула девушка. Она бы и Гонсало потрянула, но тот уже сам сообразил и натягивал штаны. В постель с любимой супругой он лег в длинной ночной рубашке, а в ней не подвигаешься.

– Инни, немедленно, одевайся!

Сеньора Идана уже сама сообразила. Огляделась... Винни уже протягивала ей рубашку любимого супруга.

– Некогда с платьями. Так удобнее.

Сеньора кивнула, и девушка порадовалась. Хоть спорить не стала. Сама Винни спала, как привыкла.

Ночные рубашки? В трущобах? Ну-ну... сейчас на девушке были панталоны и рубашка. В них и спать удобно, и вскочить по тревоге, и спрятать можно много чего. К примеру, кистень.

Винни плохо стреляла, вообще не владела холодным оружием (ножи не в счет, ими все женщины владеют), но вот кистень был продолжением ее руки. А что?

Замечательное орудие, которым и более слабый человек может забить более сильного. Может-может. И даже сам под удар при этом не подставится. Винни понимала, что легко в этом доме не будет, вот и с кистенем не расставалась. Первой в коридор выглянула именно она.

На первом этаже явно шел бой.

– Мы можем их миновать? – посмотрела она на сеньора Гонсало.

– По черной лестнице, – кивнул мужчина. – Налево...

Увы, враги оказались не глупее. Даже умнее...

Куда пойдут люди из задымленного дома, в котором идет резня наемников, и те дорого продают свою жизнь? Понятно, на улицу.

То есть надо просто перекрыть парадный и черный входы. И дверцу для всякой хозяйственной радости, вроде угля, дров, запасов – тоже. Да, она ведет в подвал, но кто их знает? Могут и из подвала выбежать!

Веласкесов встретили у дверей черного входа.

– Хватай девчонку, – рявкнул кто-то.

Винни подумала, что ножом она бы точно ничего не сделала. А что тут можно? Да ничего... нож – это оружие ближнего боя. А в нем, как ни печально, женщине с мужчиной не тягаться. Хоть ты обкричись о равноправии, но мышц у мужчин больше, а реакция зачастую лучше. И тренировки, опять же. Наемники-то этим живут, а Висента каждый день с ножом не пляшет.

Так что с клинком ее бы в единый миг скрутили. А кистенем она успела махнуть. Аж два раза.

Первый раз попала неудачно, только по руке, мужчина закричал... этот крик и услышала, кстати, Феола. А вот второй раз – вообще замечательно. В висок. Правда, уже другому противнику, но какая разница? Чем их меньше останется, тем ей лучше...

А потом на нее навалились, кто-то заломил руки за спину... что там с Веласкесами?

Винни не знала. Она отбивалась, рыча сквозь зубы такие слова, за которые даже братик вымыл бы ей рот с мылом. Пока получалось не очень... руки уже обвивала веревка, кто-то ухватил за косу...

– Кто хочет остаться в живых – подняли руки, – прозвучал рядом неприятный голос. Звонкий, девический, но... до того жуткий! Так бы могла заговорить громадная змея. С шипением, присвистом... только вот голос Винни был знаком.

Феола?

* * *

Девушка совершенно не выглядела угрожающе, она стояла перед нападающими, в одной ночной рубашке, рыжие волосы небрежно рассыпались по плечам и спине. Вид скорее возбуждающий, чем угрожающий.

И она одна. А их... пятеро! То есть четверо, один на земле...

Фи, что же ты делаешь, дура! Надо же бежать, телефонировать... вторая мысль, кстати, пришла Винни в голову еще на лестнице, но телефонов у Веласкесов было всего два. Один в гостиной, где и шел бой, второй в кабинете. Тоже не проберешься, особенно сейчас.

И что остается?

– Феола! – почти простонала Винни.

Феола махнула ей рукой.

– Спокойно, подруга. Так кто хочет жить?

Наемники едва ей в лицо не расхохотались. А потом самый наглый, тот, который только что врезал в челюсть Гонсало Веласкесу, шагнул вперед. И даже руку протянул к Феоле.

Это стало его последним действием.

Феола ухмыльнулась так, что у Винни мурашки по коже побежали. Стройными рядами. И протянула руку навстречу мужчине.

Их пальцы едва-едва соприкоснулись, самыми кончиками, а он уже падал, оседал на землю, и как-то так неправильно, что казалось – он ничего не весит. А когда Винни увидела его лицо...

Визг был простителен девушке.

И обморок – тоже.

Не каждый ведь день видишь на земле натуральную сушеную мумию, которая получилась из живого человека. Вот же он, только-только ходил, говорил, двигался... и вдруг! Сейчас любой некромант поклялся бы, что этот человек уже лет двести мертв, а то и больше...

Коричневая кожа, запавшие глаза, в единый миг высохшее тело, превратившееся в сплошные кости...

– Кто следующий? – неприятным тоном поинтересовалась Феола. Над ее ладонью горел белый огонек. – Я могу хоть всех, разом. Ну?!

А больше и не потребовалось. Руки разжались. Мужчины кинулись наутек, вопя и завывая... не все. Огонек сорвался с ладони девушки, метнулся вслед... двое мужчин повалились на землю, словно подкошенные.

Феола с омерзением отряхнула руки.

– Тьфу, сволочи.

И обратила внимание на Винни.

– Ты в порядке?

– Ик, – вежливо ответила девушка. – Ык...

– Бывает, – посочувствовала Феола. – Значит, жива. И Веласкесы тоже... ты с ними побудь, ладно? Развяжи, приведи в чувство, успокой. А я в дом.

Винни поежилась.

А когда фигурка с рыжими волосами скрылась в дверях, порадовалась. От души порадовалась, что Феола к ней не прикоснулась. Такая жуть пробирала!

Брррр!

Такое было за гранью реальности даже для дочери трущоб. Есть пределы и ее стойкости... но послушаться Феолу стоило. Что она там сказала? Развязать? Успокоить...

Да что угодно! Сейчас займется! Со всем прилежанием! Винни мало кого и чего боялась, но вот эту рыжую красотку она сердить не захочет. Никогда.

То ли наемники паршивые, то ли десять – это мало, то ли еще какая причина.

Именно эта мысль появилась у Феолы в доме.

Четыре трупа красноречиво говорили сами за себя. Очень красноречиво. И оставшиеся наемники, которые отбивались от четверых противников, тоже Фи не порадовали.

Как-то они это паршиво делали... вот и еще один упал.

Да что же это творится такое? В центре столицы, буквально в паре улиц от Управления полиции...

А дальше Феола и не раздумывала. Она просто свистнула так, как научил Адэхи.

Это вам не выдыхание воздуха через зубки. Это резкий звонкий свист, уши закладывает. Понятно, на девушку обратили внимание.

– Оружие сложить, лечь на животы, лицом вниз. Сдавайтесь!

Вместо ответа в Феолу полетел чей-то кинжал. Не попал, конечно. Адэхи в нее регулярно чем-нибудь да швырялся, сначала не острым, а потом... потом и копьем мог запустить.

Девушка легко уклонилась – и развела руки в стороны.

Вот они, четверо врагов.

И их ауры, их жизнь, их сила, которая так соблазнительно сияет рядом. И так легко потянуть эти нити на себя, выпить их досуха, насытиться...

Так просто.

Так соблазнительно...

Впрочем, соблазняться было некогда. Феола поступила проще. Остатки чужой жизненной силы еще бродили у нее в крови. Еще пели, еще звенели, еще толкали на безрассудство – они и отправились в чужие ауры. Стрелками...

Двое мужчин оказались послабее, зашатались, один даже клинок выронил, и тут же был убит. Второго не убили, но рана оказалась серьезной.

Еще двое переглянулись – и ринулись на нее.

Тут бы Феоле и конец пришел – спасло чудо. Девушка отшатнулась назад, запнулась о порог и по-простому шлепнулась на попу. Первый удар прошел над ее головой, а второго уже и не

последовало. Ведьма она там, не ведьма, а кидаться на нее, оставляя за спиной живого противника – чревато.

– Уффф, – перевела дыхание Феола.

– Ритана. – Один из мужчин, вроде как командир? Или нет? Феола не помнила его в лицо... – Как вы?

– Нормально. Веласкесы у черного хода, дети в детской, поджигатели в саду, их надо спасать. И там же кто-то еще раненый. Или в обмороке, – честно созналась Феола. Она даже и не осознавала, что ее ночная рубашка задралась почти до талии, а трусики там чисто символические.

Голова кружилась.

– Ритана, а вы...

– Я, кажется, сейчас в обморок, – пробормотала Феола, борясь с головокружением. – Не переживайте, отлежусь – встану.

И действительно откинулась назад. Если бы не подхватили, была бы у героической спасительницы всех и вся здоровущая шишка на затылке. А так – повезло. Только синяк на копчике.

* * *

Нюхательные соли – такая пакость! Кого хочешь в чувство приведут!

Феола исключением не оказалась. Расчихалась и глаза открыла. Над ней склонилась серьезная и встревоженная сеньора Веласкес.

– Феола, вы... ты в порядке?

– Да, спасибо. Как... все?

– Все уже хорошо. Муж вызвал полицию, все прибыли. Мы пытались привести тебя в чувство.

Феола повела глазами по сторонам. Даже это действие причиняло боль. Тот, кого хоть раз накрывало мигренью, может оценить всю прелесть этого состояния. Только тут к головной боли еще и тошнота добавлялась. Девушка застонала.

– Оооооохххх... что ж в бою я не подох?

Адэхи всегда так говорил. Правда, сейчас Феола и сама так думала.

– Тебе плохо? – сеньора Идана была искренне встревожена. И было отчего.

Именно благодаря Феоле спасены ее внуки. Именно Феола оказалась рядом, когда подонки напали на самих Веласкесов. А конкретного момента выпивания жизни из человека сеньора Идана и не видела. Ее как раз тогда скрутили, она и не испугалась. Гонсало тоже сразу не понял. Сложно наблюдать, когда тебе по шее дали и руки крутят.

А Висента решила своими наблюдениями не делиться. Просто старалась держаться чуть подальше от Феолы. Так оно спокойнее...

– Плохо, – кивнула Феола, – очень. И еще сутки точно будет, а то и побольше.

– Чем я могу помочь?

– Листья матэ есть?

– Есть, – кивнула сеньора Идана. – Приказать заварить?

– И покрепче, и погорячее. И сразу принести. А еще сладкое, и побольше. И если можно... – Феола обнаружила, что укрыта только сомнительной толщины пледиком, и ей откровенно холодно, – что-то потеплее. Я много сил потратила...

Сеньора Идана кивнула. Вот это ей было понятно.

Как там маги тратят силы, как лечат истощение? Она и близко такого не представляла. Но если Феола говорит... матэ, кажется есть на кухне, она сейчас... да она и сама его заварит! И сладкое точно есть. И...

– Висента, детка, принеси Феоле плед из моей спальни? Синий такой, толстый... и халат там в гардеробной. Возьмешь? Тоже синий...

Винни послушно отправилась в спальню.

Все же ей было не по себе рядом с Феолой.

Девушка откинула голову назад и прикрыла глаза. Даже это сделать было больно. Словно на внутренней стороне век шипы выросли.

Больно...

Сердце глухо стучало где-то в горле. Ох, не стошнило бы... хоть бы согреться...

В эту ночь дежурить у гроба деда выпало Игнасио.

Честно говоря... его бы воля, вытряхнул бы он старую сволочь из этого самого гроба, еще бы и ногами попинал... всем дед жизнь поломал своим скотским характером.

Игнасио, хоть и не говорил лишнего, но уши имел. И был из разряда «тихих омутов», в которых под каждой корягой по три демона. Да жирных таких, годами откармливаемых...

А как, КАК еще выжить было при дворе?

Отец – тот сломался.

Тетка... Тоже, скажем честно. Если ее на что хватало, так это на защиту сына. Дочь та спихнула в Академию, учиться магии, а вот сына старалась защищать. Это единственное, что ее трогало.

Тетку Игнасио не уважал, но Лоренсо завидовал. И тому, что Лоренсо свободно ездил в свое поместье – тоже. И тому, что кузен регулярно бывал в столице.

Наверное, только его дед не согнул, не сломал.

За что он свою семью так ненавидел? Да уж было за что. Игнасио, хоть и помалкивал, про дедовскую любовь слышал.

Знал, что была у него какая-то симпатия, от которой бабка его заставила отказаться. И бабке он этого не простил. Ни живой, ни мертвой. Ни ей, ни ее детям.

Сколько уж лет прошло...

А мужчины, они так устроены, что детей от любимой женщины любить будут, а от нелюбимой... тут как повезет. Могут любить, могут ненавидеть.

Вот это и произошло.

Не любил их дед. Никого. Может, и не возненавидел, но относился к ним, как к кроликам в садке. Этого на развод, того на мясо, а белого и пушистого драть за уши, пока не почернеет. А потом опять драть. До поседения.

И счастлив не был, и всех вокруг сделал несчастным. Хорошо хоть еще внуков переженить не успел. Сына – женил. Мать Игнасио помнил хорошо. И любил ее. Но мать была несчастна тоже.

Не любила она Хоселиуса. И он ее не любил. Династический брак, который очень быстро стал только договорным под пятой властного отца. Дед всех придавил.

Игнасио думал время от времени, что если бы отец взял мать и уехал в другой замок, да хоть в столицу, их совместная жизнь получилась бы более счастливой. Но на это отец способен не был. Увы. И снова – увы. К громадному сожалению Игнасио.

Прожила бы мать дольше?

Ему казалось, что да, а там – кто знает?

Но отцу было просто безразлично. Никого он не любил, не умел просто.

И тетка любить не умела. Недаром дочь она отдала учиться магии и думать про нее забыла. И сына старалась к себе не приближать. Ладно! Не будем о грустном. Всех их придавило, всех изуродовало. Про себя Игнасио тоже знал, что на любовь не способен. Не дано ему.

Любовь – это ж что? Это когда у тебя за спиной крылья, и ты летишь к солнцу... или нет?

Это когда ты за любимого и для любимого все отдашь.

Жизнь, душу, деньги, комфорт, положение в обществе – просто всё. А Игнасио про себя точно знал, что ни от чего отказываться не будет.

На постельные отношения он способен.

На любовь? Нет!

Хорошо оно для королевской семьи? Идеально!

Плохо оно для души и для сердца?

Отвратительно.

Отец и тетка на любовь не способны. Брат? Бернардо его... нет, не любит, для него Игнасио, скорее, как ценное имущество. Будет он беречь брата? Да, безусловно. Но горевать, если с ним что-то случится, не станет. Не сможет. Не сумеет.

Отец – слаб и безволен, тетка словно мороженная рыба, а Бернардо слишком рационален. Словно арифмометр на ножках. Увы. Всех это так или иначе накрыло.

А все дед...

Игнасио с ненавистью поглядел на предка.

– Сдох ты, сволочь, и хорошо!

Любить парень не умел. А вот ненавидеть...

– Сволочь старая! Гадина, мразь! Чтоб тебя на том свете каждый день демоны вилами в зад... пихали!

Игнасио отвернулся от гроба, прошелся по комнате.

Сегодня – не церковь. Не храм.

То каждую ночь они проводили рядом с храмами, и гроб ставили в храме, на освященной земле, а сегодня, вот, заночевали в дороге. Так получилось. Деревня тут есть небольшая, но и только.

Храма тут нет, сгорел, да не восстановили. Отец хоть и дал распоряжение, но когда его еще построят? Сейчас-то его нет.

Вот и пришлось... поставили гроб в сельском трактире, и сидит сейчас рядом с ним Игнасио.

– Ненавижу...

Показалось Игнасио, или шевельнулась тень на стене?

Послышался ему шелест со стороны гроба – или это ветер за стенами?

Бред или реальность?

Мужчина взгляделся в лицо деда.

Кажется, раньше у него было другое выражение? Или нет?

Глаза закрыты, лежит спокойно...

НЕНАВИЖУ!!!

Игнасио порывисто отошел к окну и не увидел, как шевельнулись пальцы трупа.

Совсем чуточку. Буквально на крошку, согнулись-разогнулись и снова попробовали двинуться, но сил не хватило.

Покойник лежал, как ему и положено.

Игнасио сидел у окна, стараясь не смотреть на деда, а там и придремал в кресле, едва успел вскочить, прежде чем утром отец пришел. И даже не подозревал, что избежал серьезной опасности.

Мертвые не могут встать на освященной земле.

В храме.

В святилище Ла Муэрте – без ее воли.

А вот если так... если ночь, если ненависть, если нет никакого сдерживающего влияния святых предметов – да и откуда бы они?

Игнасио так и не узнал, что чудом избежал опасности. Его величество мог бы подняться, как упырь. Обыкновенный, кладбищенский.

Для зомби нужен некромант, для призрака незаконченное дело и кое-какие условия, а вот упырь из его покойного величества получился бы.

Хороший, на ненависти и родной крови вскормленный.

Но – повезло.

Когда Игнасио уснул, уснули и его чувства. А силы... сил у его величества тоже не было в достатке. Вот если бы несколько ночей, да подпитывать его гневом и болью, да не на освященной земле...

Игнасио ненавидел деда, потому что мечтал – безнадежно мечтал, чтобы его любили. Но любить его было некому.

Мать?

Матери его лишили, остальным членам семьи он был безразличен. Да и не умел никто в королевской семье любить по-настоящему. Откуда? Чего ты не видишь, чего ты с детства лишен, тому ты и не научишься. Никогда.

Увы, мединцы искалечили не одно поколение людей. И долго еще королевской семье будет аукаться их вмешательство.

* * *

Да сохранит Творец того, кто изобрел телефон!

И пусть даст Он изобретателю достойное перерождение! Сколько сил экономит его изобретение! Сколько времени!

То пришлось бы посылать кого-то в полицию, писать или надеяться на хорошо подвешенный язык посыльного. А то можно просто поднять трубку телефона и разъяснить дежурному, кто это, откуда он телефонирует и что случилось.

Гонсало и в своем-то языке не был уверен, после всего увиденного. Ладно еще бой! Ладно – смерть!

Этим купца не напугать! Видывал он виды!

Но вот мумии, которые остались после Феолы... что в них такого? Казалось бы, просто применение заклинания. Сожженные люди выглядят тоже жутковато. И утопленники – после соответствующего вида магии. Но почему-то ТАК они не пугают.

До дрожи, до истерики, до крика.

Что-то есть в этом такое, подсердечное, словно всплывает из детских кошмаров. И становится жутко, и по телу дрожь пробегает... Гонсало к ним даже прикоснуться не смог.

Наемники оказались покрепче, стащили все трупы в кучу, а своих погрузили отдельно. Отвезут в церковь, там отпоют и похоронят по

всем правилам. Гонсало уже с ними расплатился, в том числе и «кровавые» отдал. Те, которые выплачиваются за погибших. По традиции, если умерший наемник был женат, эту сумму отдадут жене или родителям, если те есть.

Если у него никого нет, «кровавые» идут на счет отряда. Их ведь не всегда выплачивают, а люди гибнут. Такая у них работа.

Но Гонсало не поспешил.

Да, Феола спасла всех, но если бы не наемники, она бы просто не успела.

А вообще, ночь выдалась жуткая.

И смерти тоже...

И мумии.

И заеденные насекомыми люди.

И плющ, который до сих пор никого не подпускает к окнам. Видно, что погибает, с него листья облетают, ветки падают на землю, усыхая, но держится он до последнего.

А впрочем...

Купцы народ практичный. Чего переживать?

Подсчитали прибыль – убытки, да и вперед! Работа сама собой не сделается, пока ты переживаешь! Так что телефонируем полиции и начинаем подсчитывать убытки. Прибыль-то ясна, его семья жива и цела. А остальное – разберется!

* * *

– Сволочи, – печально сказал Амадо. И освободил камеру.

Почему, ах, ну почему здесь не предусмотрены камеры для буйнопомешанных? Такие, знаете, уютные, со звукоизоляцией? А задвижку внутри он и сам бы привертел. Ладно, хотя бы подпер дверь чем потяжелее.

И выспался.

Ага, недостижимая мечта снова помахала хвостиком.

Ну почему, ПОЧЕМУ нельзя было напасть на Веласкесов пораньше? Когда он еще не лег спать? Часов в десять вечера?

Почему нельзя было это сделать часа в четыре утра?

Почему в час ночи-то?! А его сейчас будят, а на часах полтретьего. И спать охooooоота...

Амадо зевнул так, что чуть челюсть не вывихнул. И печально поглядел на дежурного полицейского, который и пришел его будить. А самое грустное, что даже если бы Амадо спал дома, все равно бы разбудили. Только еще и Альба возмущалась бы. К приличным людям полиция ночью в дом не является. И не телефонирует! Даже если муж там работает! Это – не оправдание!

– Рассказывай.

– Было предпринято нападение на семью Веласкесов. сеньориту Мерседес явно пытались похитить. Самих Веласкесов или обезвредить, или увести с собой... не убили. Хотя и могли, было у них несколько минут.

Амадо едва глаза не закатил. Это что за дамский роман?

– Сеньор, докладывать как положено вас не учили?

– Простите, тан Риалон, – исправился дежурный, понимая, что и правда накосячил. Амадо ругаться не будет, чего уж там, три часа ночи, но стоит все же ввести следователя в курс дела. – Около часа назад в сад особняка Веласкесов проник отряд в пятнадцать человек. Из них трое остались в саду. Они развели костер, и едкий дым пошел в особняк. Туда же отправились остальные наемники. Завязался бой. Ритана Ксарес проснулась и направилась к детям. – Амадо перевел дыхание. Он хоть и объяснял Феоле, что лезть в драку не ее дело, но все-таки... – К детям пытались прорваться двое наемников.

– Двое наемников?

– Они мертвы. Еще одного нашли в коридоре. Инсульт...

Амадо хмыкнул. Какие у нас наемники хрупкие, оказывается! Перенервничал – и готово? Прямо кисейные барышни.

– Это трое. Итого шестеро.

– В саду тоже три трупа.

– И тоже – инсульт?

– Нет, тан Риалон. Мошка заела.

– Чего?! – даже ошалел Амадо от неожиданности.

– Мошка. Комары, мухи, прочая насекомая пакость... к телам прикоснуться, сказали, страшно. Их просто заживо жрут.

– Шесть трупов, – посчитал на пальцах Амадо. – Еще кто?

– Сеньор и сеньора Веласкес, сеньорита Веласкес пытались сбежать через черный ход. Их встретили пятеро наемников. Одного убила сеньорита Веласкес.

– Как именно?

– Кистенем. Остальные скрутили всех троих, потом пришла ритана Ксарес. Один из наемников убит, два сбежали, еще один полупарализован.

– Убит?

– Я так понял, что ритана Ксарес применила свою силу.

Амадо кивнул, поставив себе на заметку расспросить Феолу.

– Одиннадцать наемников. Еще четыре?

– В гостиной и столовой завязался бой, в результате которого было убито шесть наемников, нанятых сеньором Веласкесом. Остальные отбивались, но неясно, на чьей стороне была бы победа, если бы не ритана Ксарес.

Амадо зашипел сквозь зубы.

Если посчитать... куда Феола не успела?

Везде успела. Какие наемники? Зачем Веласкес их вообще в дом тащил? Чтобы их там перебили? Ее одной достаточно! Ей-ей... уши надрать паршивке!

– Что она сделала?

– Применила свою силу. Один из наемников мертв... даже двое. Еще двое взяты в плен.

Амадо закатил глаза.

– Подсчитывая... у нас десять трупов, трое пленных, двое сбежавших.

– Да, тан Риалон.

– Среди Веласкесов есть жертвы?

– Все живы. Погибли шестеро наемников, двое слуг.

Амадо только головой покачал.

– Бред какой-то. Ничего не понимаю... зачем? Скрыть такое? В центре столицы? Не получится. Но что может быть такого важного, чтобы идти на такой шум и риск?

Дежурный вежливо промолчал, понимая, что Амадо рассуждает сам с собой. И когда тан Риалон замолчал, позволил себе кашлянуть.

– Тан, у меня кофе... свежий. Пять минут назад сварил.

Аккурат перед тем, как идти, будить несчастного следователя.

Ответом ему был полный благодарности взгляд Амадо.

– Вы мне жизнь спасаете, сеньор.

– И пирожки с мясом к кофе.

– И рассудок тоже...

* * *

Феола маленькими глоточками пила матэ. Если его заваривать в калембасе, его можно и нужно пить практически сразу. Листья падуба постепенно прогоняли отвратительную горечь с языка, и расслабляли сведенный спазмом желудок.

Может, минут через десять она даже попробует что-то скушать.

Может быть^[6].

Нельзя сказать, что этот матэ был идеален, он слегка горчил, да и вкус мог быть более насыщенным, но это же лучше, чем вообще ничего?

Конечно, лучше...

Ее укутали в теплый халат из овечьей шерсти, накинули на голову капюшон, на ноги натянули теплые носки, а сверху все это еще укрыли пледом. И Феола постепенно начала согреваться.

Очень противно, знаете ли, когда на улице жара, а тебя дрожь бьет. Колотит так, что калембас в руках удержать сложно.

Сеньора Идана погладила девушку по волосам.

– Ничего-ничего. Я помогу...

Она и помогала. Поддерживала, успокаивала, гладила по волосам... Феола постыдно расклеилась. И что самое ужасное, она себе это позволила. Ей даже стыдно не было. Да и за что?

Она сделала больше, чем кто-либо другой. Она имеет право быть слабой, она женщина. Так и Адэхи говорил. То есть, что мужеподобная женщина так же нехороша, как и женоподобный мужчина. Боги всем дали свои задачи, и не дело человека менять ИХ дороги.

А для женщины вполне нормально и поплакать, и раскиснуть, особенно сейчас, когда враги закончились. А еще – упасть в обморок. Даже два раза. Сейчас можно, сейчас не опасно.

Дверь хлопнула.

Амадо Риалон выглядел спокойным и сосредоточенным. Те же темные брюки, та же рубашка темно-синего цвета, сверху куртка.

– Доброе утро, ритана, сеньоры, – вежливо поздоровался он. – Все в порядке? Ритана Ксарес?

Феола прислушалась к себе.

– Пока не все. Но будет лучше часа через два.

– Хорошо. Тогда пока лежите. Нам предстоит много работы...

И Амадо с ехидством подумал, как сейчас матерится Хавьер Карраско. А то как же!

Ему тоже телефонировали! Ты ж некромант, а тут десяток трупов... работать надо, тан. Никуда не денешься, полиция – она такая. Работа без выходных и проходных.

Впрочем, Амадо тоже долго злорадствовать не сможет. Если кто думает о романтике...

Нет, сеньоры! Подобные дела – это большая, очень большая, просто преочень разбогшая куча бумаг. И раньше полудня Амадо даже и не рассчитывал закончить всю писанину. Хорошо б не к вечеру! Никуда тут не денешься.

А когда расследованием заниматься?

И ведь ни на кого другого это не переложить, может быть важно каждое слово...

Амадо вздохнул – и приступил к работе...

Спустя два часа он был попросту в бешенстве. И были на то объективные причины.

Во-первых, наемников было не пятнадцать, а семнадцать. Двое ждали в мобиле, неподалеку.

А во-вторых, заказчика знал только один. И да! Эта сволочь умудрилась не сдохнуть, а сбежать! Где его теперь искать? Да где получится... вся Астилия к вашим услугам, что там Римат!

Амадо точно бы удрал подальше. Или на дно залег... вот не верилось ему в сказки. Чтобы наемники не имели пару-тройку мест, где можно отсидеться?

Ха! И снова – ХА!

Наверняка их раньше, чем через месяц, а то и через год-два, никто и близко не увидит. Пока раны не зализут, новичков себе не найдут... еще бы! Так провалиться! Расскажи кому – не поверят! Три четверти

всего состава потеряли! И не на войне, а так... гонялись за девчонкой. Красота!

Отряд Педро Косого был не из самых удачливых, это верно. Но таких потерь у него еще не было.

Двое человек, трое... бывало.

Но тринадцать из семнадцати?

Жаль, что сам Педро ушел, но это зверюга не раз травленная, опасность он шкурой чуял. Феола его зацепила, и нездоровиться ему будет долго. Но ведь не сдохнет!

Отлежится – и снова за свое...

А те наемники, которые попали в плен... да ничего они не знали, кроме своей задачи! Педро ни с кем ничем не делился.

Надо было прийти, взять девчонку, убить мальчишек, потом поджечь особняк... стариков? По обстоятельствам.

Получится – привезти живыми. Нет? Пусть сдохнут вместе с девчонкой.

Куда везти, знали Педро и водитель, который остался в мобиле. Понятно, их не спросишь. Куда-то в пригород, это точно.

Амадо только зубами скрипел. Вот кто, кто помешает негодяю повторить попытку? Кто помешает найти новых исполнителей?

И кто?

Негодяй-то кто?!

Увы, ответа на вопрос не было.

Конечно, Хавьер еще проверит трупы своими способностями. Но по живым... глухо.

Феола, хоть и морщилась, и постоянно закрывала глаза, все равно качала головой.

Не врут. Увы, опрошенные на скорую руку наемники просто не врут.

Может, они что-то знают, но что? И сколько? И как долго придется копать, чтобы дойти до этого знания? И будет ли оно полезным к тому моменту?

Амадо не знал и злился. А, кстати!

Надо поговорить с Феолой на предмет шаманской магии. Что именно она сделала, и как это вносить в протокол. Мало ли что...

КлЕдбЕще «Сан Хосе».
МАгила на алее нищих.
Сам увидЕшь.
С тИбя пятсот желтяков.

Лоуренсио смотрел на записку так, словно у него в руке оказался жгучий ядовитый слизень.

Кладбище «Сан-Хосе»?

Да, есть такое, одно из самых старых, давно разрослось, и нищих там тоже хоронят, и мавзолеи там стоят, и церковь, и... да много чего там есть. Но зачем ему туда надо?

Но раз уж написал...

Лоуренсио положил записку на стол. Осторожно так, бережно. Анхель еще не пришел, а когда придет, он с ним обязательно поговорит. Пусть друг посоветует... или может, ему пока одному съездить?

Что такого-то? Утром он может и в храм заехать, и молебен отстоять, и по кладбищу прогуляться. Говорят, там невероятные по своей красоте мавзолеи. И мозаики периода до Завоеваний. А он так и не побывает там?

Нет-нет, надо срочно приобщиться к культуре предков.

Лоуренсио решительно встал и вышел из дома. Про записку он, конечно же, забыл. Подумаешь – лежит тут что-то такое...

Про слуг он тем более не вспоминал. Слуги – это же почти мебель, правильно? И собственных мозгов у них тоже нет...

Впрочем, он такой не один и даже не один из сотни. Увы.

* * *

Завтрак в особняке Ортисов проходил намного веселее, чем у Ксаресов. Улыбки, шутки, сам Рауль, две его сестры – пока незамужние, отец, мать, младший брат пока за стол не допускается... нет, приборами-то он пользоваться умеет. И все с ним нормально, десять лет уже.

Но!

Если его допустить за стол, никто другой и слова сказать не сможет. И как этому малолетнему поросенку удастся постоянно и непрерывно разговаривать? Даже когда он ест. Даже когда он спит?

Загадка...

Сначала все шло более-менее спокойно, но потом младшая сестричка, Инес, тоже решила поговорить о самом любимом и женском. О чужих отношениях.

– А братика видели на набережной. Да с такой красивой ританой...

– Рауль? – поднял брови отец.

Было, было дело.

С тех пор, как Рауль лишился невесты по милости тана Анхеля, связывать себя брачными узами он не торопился. А родителям хочется внуков, наследников, гарантии того, что род не прервется, если завтра любимый сыночек на мобиле в овраг улетит на полной скорости.

– Ритана Алисия Катарина Ксарес, – отозвался Рауль скучным тоном. – Это важно?

– Конечно, – кивнула мать. – Ксарес? Из тех самых Ксаресов?

– Из них. Но от младшего сына...

– Там какая-то сложная история была? – вспомнил отец.

– Нет-нет, – отмахнулась мать. – Там было все очень романтично. Хулио Ксарес встретил свою настоящую любовь, отказался ради нее от наследства и уехал в Колонии. Это его дочка?

– Да, мама.

– И что ты о ней думаешь?

– Красивая. Глуповатая. Предсказуемая.

Отец тихонько хмыкнул.

По этим критериям из неизвестной Алисии могла получиться почти идеальная жена. Но надо было осторожнее, чтобы не спугнуть сына. Так что...

– Не знаю, Рауль. Мне все равно эта идея не нравится. Может, ты обратишь свое внимание на кого-то другого? У нее, небось, и приданого нет, что там, в тех колониях? А красота... да мало ли по борделям красоток?

Рауль нахмурился.

Нет-нет, он все это и сам себе говорил, но основная движущая сила человечества, как известно, дух противоречия. Да и не так уж

глупа Алисия, просто где ей было развиваться на том острове? Книжки, сплетни... такая домашняя тепличная девочка. Куда уж ей с таким, как Анхель, справиться? Даже распознать его! Тут и кто поумнее не справится!

– У нее хорошее приданое. Она сама говорила.

– Сто золотых? Или целых двести?

– Да, что-то около ста золотых. Ста *тысяч* золотых реалов, – согласился Рауль.

У тана Ортиса нож из рук выпал.

– Сколько?!

– Как я понял, в колониях удастся разбогатеть не всем. Но Ксаресы сумели наладить контакты с индейцами и очень выгодно торгуют. Так что в средствах не ограничены.

– Га... Гхм... – прокашлялся отец. – Ладно... Рауль, ты все равно подумай. Все же и ветка какая-то сомнительная, вот у старшего Ксареса тоже дочь есть, а деньги... у нас и своих хватает.

Рауль фыркнул, но отцу так отвечать не годилось. А потому...

– Да, отец. Я подумаю.

Видел он ту ритану Ксарес. До сих пор в кошмарах снится. Один нос непомерной длины с бородавкой на кончике чего стоит! Понятно, нос – это ерунда. И приданое ерунда, был бы человек хороший, но там ведь и характер под стать носу, и дед под стать бородавке! Столько Рауль, наверное, не выпьет. И вообще, надо бы ему съездить к Алисии, пригласить ритану на прогулку, пока Анхель не подсуетился.

Нужна она ему там, не нужна...

Но обломать такую тварь, как Толедо... надо! Обязательно!

* * *

– Как самочувствие?

– Паршивое, – честно созналась Феола.

Амадо сочувственно погладил ее по руке.

– Работать сегодня сможешь, или лучше отлежишься?

– Смогу, – кивнула девушка. – Только надо себя в порядок хоть как-то привести... голова болит.

– Бывает. Сможешь мне для начала рассказать, что ты делала и как?

Феола пожала плечами. Движение уже не отдавалось такой болью, как раньше, и она чуточку расслабилась.

– Это шаманская магия.

– В чем разница с обычной и что именно ты сделала? Сможешь мне пояснить?

Феола опустила веки.

– Да, смогу. Это несложно, просто неприятно. В чем отличие обычной магии от шаманской?

– Я как-то не изучал этот вопрос, – растерялся Амадо.

– Его мало кто изучал. Смысл в том, что у магов есть в ауре так называемые каналы. Если проводить аналогии, обычный человек в этом смысле безног и безрук. У него есть аура, но управлять он ей не может. И взаимодействовать с окружающим миром – тоже. Маг может быть проявленным или нет. То есть или калекой, или полноценным человеком.

– А шаман?

– Совершенно другая ситуация. Маг – тот, кто делает. Шаман – тот, кто знает.

– Знает?

Феола потерла виски и постаралась объяснить то, что знала от Адэхи. Все же другая культура, другое сознание и понимание тоже другое.

– Маг – управляет. А шаман ничем и никогда управлять не может. Вот представьте себе реку. Надо, чтобы она текла по нужному руслу... маг придет, проложит своей силой канал и река потечет по нему, покорно и безропотно. Как там будет реке – неизвестно. Может, это принесет ей вред и через пару столетий она иссякнет. Может, в ней погибнет вся рыба. Не знаю. И маг не знает. И узнать ему будет неоткуда. Шаман придет и попросит дух реки. И вместе с рекой они выберут для нее идеальный новый путь. Маг управляет. Шаман же... взаимодействует, разговаривает, просит, иногда получает не совсем то, что хотелось бы, но это всегда наилучшее решение.

– Для кого?

– Для мира. Выбор шамана не нарушает равновесия, это главное. Выбор человека может подтолкнуть, может ухудшить или улучшить,

может дать непредсказуемые последствия. Шаман всегда знает, что он делает, зачем и каков будет результат.

– Даже так?

– Это основное различие. Есть и другое. У мага есть резерв силы. Исчерпав его или, крайний случай, уничтожив свои каналы, такое тоже бывает от перенапряжения, маг становится самым обыкновенным человеком. У шамана так не будет никогда. Живой, мертвый, усталый – шаман останется при своей силе. Потому что его слышит мир.

– Ага... и то, что ты сделала...

– Попросила плющ заплести окно и защищать. Он справился, хотя и погиб. Больно... Я потом посажу отросток. Он вырастет заново, я помогу ему.

– Для этого нужен был бы маг земли.

– Зачем? Плющ тоже живой, как и все в этом мире. Надо только попросить.

– Угу, – согласился Амадо. – а с наемниками?

– А что с ними?

– Их сожрали насекомые. Троих...

– И что? Я попросила насекомых... нет, не так. Я сказала, что эти трое – добыча.

– Их и добыли. Добили... из милосердия, – согласился Амадо.

Феолу его слова не впечатлили. Подумаешь, три трупа! Во времена оны шаманы тысячи жертв в гекатомбы укладывали.

Было. Адэхи рассказывал. Во времена Исхода – было. Правда, надо отметить, что все эти жертвы шли на алтари добровольно. Они осознанно отдавали жизни и души, смерть и посмертие ради того, чтобы их семьи, дети, внуки, просто любимые и близкие смогли уйти туда, где их не достанут завоеватели.

И те ушли.

А кто-то и оставался.

Только вот отношение к жизни и смерти у Адэхи было своеобразным. Безжалостность, возведенная в абсолют. И нравилось Феоле, не нравилось... Она это восприняла в полной мере.

Чудовищно? Ужасно и кошмарно?

Нет. Для индейцев это было как раз логично и естественно.

Есть те, за кого не жалко жизнь отдать. Они есть. И чтобы они жили, можно умереть, убить, сделать что угодно.

Есть все остальные. Они могут либо мешать, и тогда помехи надо как-то устранять, либо не мешать. И тогда на них можно практически не обращать внимания.

Есть враги. И их надо уничтожать так, чтобы другим неповадно было. Да, вот так! Враг должен быть убит с максимальной жестокостью. Не потому, что индейцы были такими уж негодьями, или садистами, или получали удовольствие от чужой боли. Это просто урок тем, кто решит напасть потом. Страшный, но необходимый урок. Вот, смотрите.

Эти – тоже напали. И как они закончили! Вам нравится?

Вот и поберегите себя, жизнь у вас одна. Вы – не шаманы.

– Еще несколько наемников умерло от инфарктов, инсультов. Кто-то стал похож на высушенную мумию. Это ведь вы?

Феола пожала плечами.

– Да, я так могу. Это важно?

– Да, Феола, – вздохнул Амадо. – Мне это писать в протокол. Что я должен сделать?

– Напишите, что это магия шаманов. В ней все равно никто не разбирается.

Феола попала не в бровь, а в глаз. Амадо, который лет с десяти увлекался индейцами, и до сих пор не оставил своей слабости, нахмурился.

– Не разбирается. Да... Но как получилось, что ты разбираешься?

– Один из индейцев был моим наставником. Он и сейчас мой наставник...

– Расскажешь? – выдохнул Амадо.

Феола кивнула. Расскажет. Потом – обязательно. А сейчас надо прояснить еще один вопрос. Даже два. И начать с более важного.

– У нас на островах это приняли бы как самооборону. Пришедший в мой дом со злом – да умрет. А в столице?

Амадо кивнул.

– Точно так же. Проблем с законом у тебя не будет.

– Тогда вопрос второй, что хотели нападающие? За кем они пришли?

– Мерседес похитить, детей убить, Веласкесов тоже похитить.

– А потом убить. Понятно.

– А... ну да! – сообразил Амадо, у которого голова была занята не тем. Понятно же, Веласкесов обязаны были потом убить. Они же не станут сотрудничать с теми, кто убил их внуков? Нет, не станут... – тогда что могут знать Веласкесы?

– Или кого они могли потревожить за эти дни? – подкинула идею Феола. – Если сеньор начал вникать в дела сына?

Амадо посмотрел на девушку с уважением.

– Ты прелесть.

И сказано это было не ради пустого комплимента. А ведь действительно. Раньше просто старались похитить Мерседес. Сейчас же...

Убить детей, поджечь дом, убить взрослых... и что после такого собирались делать с Мерседес? А вообще-то вопрос серьезный.

Всю жизнь держать под замком?

Сообщить, что напали враги, а ее, вот, спасли, и теперь она по уши обязана прекрасному принцу?

Или... что-то поинтереснее?

Амадо серьезно задумался. А потом все же решился.

– Феола... я знаю, что мединцы никогда не связывались с шаманами. В Астилии эти твари есть, в других странах континента – вполне возможно. Или есть, или бывали, далеко от своей демонессы они старались не уходить. Но их никогда не было в Колониях. Почему?

– Потому что это – извращение естества, – Феола даже удивилась. – Ты же понимаешь, – как-то незаметно и у нее вырвалось это «ты», и было это очень естественно, – шаман не сможет такого стерпеть. Появись во владениях Адэхи хоть один мединец, он бы тут же его почуял. Они бы почуяли друг друга. А бороться с такими существами шаманы научены.

– Вот даже как...

– Если я определила, что Вирджиния не вполне человек, если ее мать... вот Мерседес – та уже почти человек. Хотя рожать я бы ей советовала только под присмотром мага. На всякий случай.

– Ты можешь узнавать мединцев?

– Вряд ли все население столицы пройдет передо мной строем, – фыркнула Феола. – И сколько мне придется на них смотреть?

Амадо понурился и расстался с очередной идеей. А как было бы приятно...

– Подожди! – вскинулась Феола. – А ведь было!

– Было?!

Феола закивала головой – и тут же охнула, упала обратно, схватилась за виски.

– Дура!!! – вырвалось у нее стоном.

Еще бы. Только что едва ползала, а теперь прыгать начала? Конечно, в такой ситуации поплохеет. Амадо молча протянул ей калекс с матэ.

Глоток, второй... вот, вроде бы и полегче стало, и подышать можно, и ноги теплые, и руки... сейчас-сейчас, все будет в порядке.

– Прости, – повинился Амадо. – Это я, дурак, не подумал...

Феола махнула рукой.

Я, он... сама перенапряглась – сама и виновата.

– Я сама не подумала. Не сообразила...

– Может, еще что-то нужно? Чтобы восстановиться?

– Нет, спасибо.

– Ты не думай, у меня отец – маг, мачеха тоже... я ко всему привык.

– Например?

– У нас одному магу помогали сигары. Только не курить, а жевать.

Феола фыркнула прямо в бомбилью.

– Нет, мне не надо. Я приду в себя и достаточно быстро. Я правда серьезно потрудились сегодня ночью. Вроде и ничего такого не делала, а все равно... мой учитель справился бы за десять минут, а я... я пока еще ничего не могу толком.

– А учитель как бы справился? – поинтересовался Амадо. Пусть девушка чуть отвлечется.

– Приказал бы врагам умереть, – даже чуточку удивилась Феола.

– Просто приказал? И все?

– Он умеет. Я не умею, – опустила глаза Феола. – Адэхи... он Учитель.

Произнесено это было так, что Амадо пока решил в тему не вдаваться. Учитель – и учитель. Хорошо. А вот что Феола вспомнила такого? Что ей даже плохо стало?

– Феола?

– Я... я же на таможне видела девушку. У нее такое красивое имя... Элота, Элона, нет, не вспомню. Но мне показалось, что с ней

неладно. А потом я просто обо всем забыла. Меня же встречали с таном Анхелем, ну я и разозлилась.

– С этим уродом? – рыкнул Амадо. – Нет, ну чем твой брат думает?

Феола качнула головой.

– Лоуренсио хороший. Просто мы ведь росли на острове, все знакомы, все свои, как тут научиться отличать гадюк от полозов?

– Как ты?

Феола пожала плечами.

– Меня воспитывал Адэхи. Это немного другое.

В эту тему Амадо снова влезать не стал. Успеется. Вместо этого он поцеловал девушке руку и пообещал немедленно отправиться на таможеню. Поискать девушку с именем на «Э».

Феола едва-едва успела остановить его.

– Тан... если она тоже... самоубьется?

Амадо резко затормозил.

А правда?

Он не маг, ничего сделать с мединкой не сможет, разве что оглушить? Но как тогда с ней беседовать?

До места-то доставить – ладно. А остальное?

Амадо искренне задумался.

Вот, у отца такое выходило преотлично. Некроманты еще и не то могли.

У Рейнальдо тоже... он никого не оглушал, но выудить информацию мог из любого. Причем человек даже не понимал, что проговорился. Просто не осознавал этого.

А вот как быть ему?

В этой игре высокие ставки...

Феола смотрела на него несколько секунд, потом качнула головой.

– Тан, дайте мне шкатулку из синего чемодана, пожалуйста.

– Откуда?

– Синий чемодан, в гардеробной...

Амадо послушно отправился за шкатулкой, и всего после получасового сражения с вещами, победил. И принес добычу.

– Эта?

Самая обычная шкатулка.

Из самого обычного некрашеного дерева.

Только вот в крышку вделан осколок обсидиана. Обработан он в виде глаза, грубо так, схематично, но выглядит словно живой. Так и кажется, что через этот кристалл смотрит на тебя недобрый и чуждый всему живому разум.

Очень-очень голодный разум.

– Спасибо, – поблагодарила Феола.

Ей-то крышка шкатулки подчинилась легко. А Амадо – нет, хотя он и пробовал открыть. Ладно-ладно, совершенно случайно! Просто рука соскользнула... любопытно же!

Все равно – не получилось.

Внутри шкатулки чего только не было.

Перья, бусины, какая-то трещотка, кулоны, бусы, браслеты... жемчуг перемешивался с деревом, перламутр с дешевой галькой...

Феола ловко достала трещотку.

– Один взмах – парализация на полчаса. Два – на час. Три – смерть.

Амадо поежился.

– Даже так?

– Ну... вы не шаман, потому так. Доставить ее в участок хватит, а дальше решайте сами.

Амадо кивнул. И благодарно поглядел на Феолу.

– Я верну, ритана.

– Да, пожалуйста. Это из моих первых работ, хорошая память. На один раз вам хватит, не больше. Потом ей еще долго заряжаться.

Амадо понимающе кивнул. И осторожно сунул трещотку в карман куртки.

Такая маленькая. Такая опасная.

– Один человек – или все, кто будет рядом?

– Если рядом будет больше – делите время на количество людей, – понурилась Феола. – я же говорю, первые опыты. Два человека? Один взмах парализует обоих, но на пятнадцать минут.

– А три?

– Все равно смерть.

– Три подряд? Или с перерывом тоже?

– Именно подряд, – Феола не собиралась скрывать. – И третий взмах будет тяжелым и для вас. Может даже обморок быть.

Амадо кивнул. Он понял и запомнил.

Феола проводила взглядом Амадо Риалона. И хорошо, что никто этого взгляда не видел, столько в нем было нежности.

Все, все она понимает!

Он женат, он старше, он...

А, неважно все это. Важно другое. Это – ее любимый мужчина. И никому она его не отдаст. Просто не сумеет. Рядом с ним становится легче. Просто сидеть рядом, держать его за руку... такое бывает, хотя и редко. Когда двое полностью совпадают, когда их ауры переплетаются друг с другом, когда растворяются...

Она не рассчитывала, что у нее будет так. Но вот – пришло. И случилось. И что теперь?

Конечно, можно себе сказать тысячу разных оправданий. И что ей всего семнадцать. И что еще столько всего может быть... хоть сто мужчин, всяких и разных, как в дорогой кондитерской, и что нельзя себя хоронить за первым встречным. Это бы ей наверняка сказала мать.

И Алисия...

Хотя мать за отца выскочила после пары встреч, и до сих пор жалеет только об одном. Надо бы – сразу! Чего это они целый месяц потеряли?

А Алисия... ну да! Анхель – не первый встречный, конечно...

Крыса!

Впрочем, долго ругаться Феола не стала. Потому что Висента вошла в комнату.

– Феола, ты сможешь встать?

– Могу попробовать. А что?

– Тебе телефонируют... некто сеньора Торо.

– Елена Фелиса?

– Д-да, кажется...

Феола протянула руку. И отметила, что Висента не отшатнулась назад. Может, у них будет еще одна подруга? Хорошо бы...

Интересно, что сейчас делают девочки?

А зачем звонит сеньора Елена?

– Ритана Феола, мне кажется, вы должны это знать.

– Это?

Записку-то Лоуренсио бросил на столе. И понять ее как-то иначе было сложно. Конечно, сеньора ее прочитала. И решила, что это самый натуральный шантаж. Что ж она, дура какая? Все ясно и понятно!

Феола решила то же самое.

– Аллея?

Чувствуй она себя хоть немного получше, она бы туда отправилась. И разузнала бы все сама. Но...

Боль снова рвала виски когтями. И голова кружилась, и Феола понимала, если она сейчас не вернется на диван, под пуховое одеяло, она просто свалится в обморок. И будет этому рада.

Обморок – хорошо.

Пока ты в обмороке, ты ничего не чувствуешь, а вот как выйдешь из него... о, там ты и получишь все богатство ощущений. Маги пропускают силу через свои каналы. А Феола... шаман – он же не щупальцами взаимодействует, если проводить аналогии. Он просто растворяется в окружающем мире. И требуется очень много сил, именно чтобы не уйти.

Не рассыпаться, сохранить целостность.

Магам – чтобы не пропустить избыток сил и не сгореть.

Шаманам – чтобы не раствориться.

Адэхи рассказывал, когда шаман готов умереть, он просто... рассеивается. На рассвете, как правило, его учитель ушел именно так. Его тело рассыпалось миллионами сверкающих искорок, и на небе появилась радуга.

Ненадолго. Но она – была.

Шаманы плоть от плоти и кровь от крови мира.

Феола тепло поблагодарила сеньору Торо и, опираясь на Висенту, отправилась обратно.

– Что-то случилось? – поинтересовалась подруга.

– Да, наверное, – вздохнула Феола.

– Я могу помочь?

Феола обдумала это предложение.

– Да, возможно. Скажи, есть ли у тебя возможность навести справки о некоем тане Анхеле Толедо?

– Я попробую. Нужно – что именно?

– Просто что это за гусь. Слишком уж он прилизанный, аж лоснится. Уверена – он дрянь. Просто я в столице чужая, не знаю, куда можно пойти и где спросить.

Честность Висента оценила.

– Я знаю. И спрошу. Меня бы сегодня ночью сложили, если бы не ты.

Феола кивнула.

– Спасибо. Если узнаешь о нем что-то – считай, в расчете. Семья для меня важнее всего, а он к семье лезет.

– Узнаю, – Винни такого тоже не понимала.

И получила в ответ улыбку.

Интересно, что сейчас делают девочки?

* * *

Лоуренсио медленно шел по кладбищу.

Кому-то, наверное, кажется возвышенной эта атмосфера. Все эти пихты, ели, кипарисы, ограды иobelisks, саркофаги и склепы...

Церковь, которая возвышается над всем этим полем смерти, поблескивая изящными стрельчатыми окнами.

Поэты могут тут прогуливаться, бледные, в блузах и со взором горящим. Потом сочинят вдохновенные стихи, зарифмовав «любовь» и «кровь», и ощутят, что выполнили свое предназначение.

Или художники...

Для творческих личностей такая атмосфера идеальна. Мрачная, торжественная...

Лоуренсио это решительно не нравилось. Его все угнетало... в Колониях, на его родном острове, умерших хоронили в океане. Выходили в море на плоту, отходили подальше от берега, читали молитву... могли плот поджечь, а потом уплыть от него на лодке, могли не поджигать, а просто сбросить умершего в воду...

Дальше обо всем заботились море и рыбы. Кстати, потом и рыбы было больше, и улов лучше.

Обычный похоронный обряд, не хуже и не лучше других.
Сжигать на костре? И где на острове столько деревьев набрать?
Хоронить в земле?

Теоретически – можно. Практически... вы знаете, какова площадь острова, и как часто могут умирать люди? Ладно, на плантации Ксаресов такое случалось крайне редко, но на других-то? А когда пройдет пятьдесят лет? Сто?

Это попросту нерационально, так расходовать землю, на которой можно что-нибудь посадить.

На материке землю не ценят. И разбазаривают под кладбища. И ходят сюда... зачем? Тело – только оболочка, а душа уже улетела, и ей все равно...

Ты хочешь показать, что помнишь и любишь?

Но зачем это показывать кому-то? Любимые и так рядом с нами. Всегда... в душе, в сердце, даже если сейчас они далеко, они все равно с тобой. Потому что ты – всегда мысленно с ними.

Потому что ты их любишь...

Впрочем, Лоуренсио не формулировал четко свои мысли, хотя думал именно так. Ему просто было неприятно. А еще непонятно.

Вот где искать эту аллею нищих? Где их вообще хоронят?

А, вот, минуту... кажется, это местные рабочие? Будь это кто-то из родственников или друзей усопших, они не были бы такими замызганными...

Лоуренсио шагнул вперед и повертел между пальцами серебряную монету. Недолго, секунды три. Потом реал исчез, словно и не было его никогда. Растворился...

– Чего надоть, тан?

Мужчина, который задал вопрос, выглядел так, что ночью Лоуренсио к нему не подошел бы. Точно. Вот в той таверне он казался бы на месте. А здесь...

Здесь он тоже на месте, учитывая неприязнь Лоуренсио к кладбищам.

Гадкое место, гадкий человек. Фу.

Весь толстый, какой-то бесформенный, словно свеча оплывшая... неприятный. И взгляд у него такой липкий, противный.

– Мне нужно знать, где аллея нищих.

– Это показывать надоть. Так не дойдете, тан. Заблудитесь.

– Покажите. И кто последний там похоронен – тоже.

Командный тон Лоуренсио на Слизня не произвел никакого впечатления.

– Добавить бы надоть, тан...

– Сколько?

– За желтяк я ваш на целый день.

Лоуренсио покривился. Так много ему было не нужно. Но...

– За... желтяк ты забудешь, что меня тут видел.

– Я уже забыл. И ребята тоже, – оглянулся Слизень на двух могильщиков, которые стояли рядом с ним.

– Пока не забыли, – протянул один из мужчин, показывая, что зубов у него осталось штуки три, и те черные.

Лоуренсио скрипнул зубами, но еще три серебряных монеты достал. Те тоже растворились в воздухе и явно обеспечили кому-то амнезию.

Если больше не предложат, конечно...

Слизень сделал полупоклон и повез Лоуренсио по одной из аллей.

Скоро тан Ксарес вынужден был признать, что песета... ладно, это много, но будь он один, он бы отсюда до утра не вышел. С пути он сбился еще на четырнадцатом повороте. А потом перед ним открылось совсем другое «Сан-Хосе».

Кладбища – они ведь тоже бывают разные.

Есть чинные, солидные, достойные, с мощеными дорожками, пихтами и памятниками истории.

А есть и вот такие. Где могилы натканы чуть не сплошняком, где никаких деревьев не растет, да и с дорожками беда, где ноги вязнут в жирной густой глине... и почему она такая? Вроде и дождей-то не было? А она цепляется за ботинки, норовит жадно засосать ноги по щиколотки, добраться до носков (между прочим, шелковых, два реала пара!), до брюк...

Да и саркофагов тут нет. Стоят кресты в два ряда, спинами друг к другу, и на каждом номер. Кое на каких таблички с именами, но и только, а так номера, номера...

– Почему так? – не выдержал Лоуренсио.

– Вы кресты-то поглядите, тан.

– А что с ними не так?

– А вот то... сбиваем, из чего придется, хоть бы и из старых заборов. Кто может, и сам крест поставит, и имя напишет, а мы, грешные... Это ж благородных хоронят, как положено, а всякую шелупень... вот, смотрите. Самоубийца лежит.

– Я думал, их в неосвященной земле хоронят?

– Да кто там разбираться-то будет, тан? Освященная она или еще какая... понятно, для благородных и священник с кадилом пошагает, и молитовку честь по чести. А для нас – нет. Это еще из свежих кресты, старые-то вообще стоят, шатаются.

Лоуренсио сам видел. Старые кресты были полностью черными. Дерево гнило на глазах, пару-тройку лет – и от них ничего не останется. Снеси деревяшки в огонь и хорони заново.

– А там раньше... там поле?

– Да что вы, тан. В два-три ряда хороним. Тут земля такая... года три, четыре – и можно опять копать. А бывает и такое, что старые могилы разрывают, кости в ров, что останется... если останется, и хоронить по новью.

– А родственники? Не возражают?

– Какие у нищеты родственники, тан? Кто другой и сам здесь очутится к тому времени.

Лоуренсио поежился.

Такой от этого всего веяло безнадежностью, такой тоской...

– А там что?

– А, из недавних. Вот, бедолага, сивухой траванулся. Говорят, ажно синий весь был...

– Бывает...

Лоуренсио силой задавил вопрос, в каком именно кабаке траванулся несчастный. Было у него одно подозрение... учитывая ТУ сивуху.

– А вон там парня мобилем размазали. Да непростого.

– Мобилем размазали? – поглядел Лоуренсио на свежую могилу.

– А то! Такая история, тан! Хочь, расскажу?

– Расскажи. – Еще одна монета поменяла владельца.

Слизень приосанился и провел рукой по жидким волосам.

– Это такое дело было. Говорят, кто из благородных на мобиле гонял, да и сбили парня молодого. В канаву оттащили, как собаку... совсем недавно, пару дней тому назад дело было. Знаете, есть у

благородных такая забава, на мобиле по ночам рассекать... людям есть нечего, а они жируют!

Лоуренсио ощутил в горле твердый ком. Тяжеленький такой, словно чугунное ядро скушал. Даже сглотнуть попытался, чтобы это прошло, но слюна как-то разом пересохла и не проталкивалась внутрь.

– Во! А парень тот был не из простых свиней свинья.

– Не понял?

– Каракатий то парень был!

– Чей?

– Вы, тан, что ли, с неба свалились, Караката не знать?

Лоуренсио замотал головой, показывая, что не знает. Ни Караката, ни таракана. Про каракатиц слышал, но при чем тут одно к другому?

– Каракат под собой много кого держит. Из главарей он, понятно? – оглянулся по сторонам Слизень, хоть и не было никого рядом.

– А-а... – дошло до Лоуренсио. – Понял.

О нравах городского дна он немного был осведомлен тем же Анхелем. А то мало ли, попадет провинциал не туда, и лишится тан Толедо удобной дойной коровушки... так что Лоуренсио знал, что столица поделена бандами на несколько частей, что у каждой банды есть свой вожак, который и порядок обеспечивает на данной территории, и спрашивает чего, и доит тех, кто у него живет...

Не танов, понятно. Но всякую шелупень – почему нет?

– Во! У Караката как раз дочка замуж за парня собиралась! Говорят, рыдает день и ночь, Каракат поклялся, найдет, кто его в канаву... того, скинул – кишки по веткам разматает.

Чугунное ядро в горле Лоуренсио увеличилось в размерах.

– А... кишки?

– Вы, тан, не местный. Не знаете, как оно... того, бывает...

Уж что-что, а языком болтать – не лопатой махать. Слизень рассказывал вдохновенно. И о том, как людей находили без кожи, и завернутыми в содранную кожу, и сожженными заживо...

Те, кто работает на кладбище, такого порассказать могут... авторы ужастиков тихо заплачут, посыплют пеплом голову и удалятся под одеяло. Бояться.

Лоуренсио исключением не оказался. Песету он Слизню отдал, и еще пару реалов добавил. Но когда он дошел обратно до мобиля, его

серьезно пошатывало. И тошнило.

И страшно было не на шутку.

Чего уж там, жить хотелось тану Ксаресу, жить... с неразмотанными по кустам кишками. А как уладить эту ситуацию?

Он и не знал даже.

Надо посоветоваться с Анхелем. Может, друг чего подскажет?

И... придется отдать деньги. Во всяком случае – пока.

Ой, мамочки, как же страшно!

* * *

– Не знаю, – честно ответил сеньор Веласкес на вопрос, кого он потревожил за эти два дня. – Знакомых и партнеров сына обзванивал, было...

– Список составляйте, – распорядился Амадо. – Подробный.

– Да, конечно. Тан Риалон, спасибо вам.

– Это моя работа, – отмахнулся от благодарностей Амадо.

Гонсало покачал головой.

– Тан Риалон, вы ж не понимаете. Кто другой не подумал бы, и нас бы приговорили, и кого угодно, и вообще... если б не ритана Ксарес, нас бы ночью порешили. Я-то понимаю... поговорил с людьми. Нас убивать шли. Это понятно и видно.

– Вот тем более, думайте, раз поняли, – распорядился Амадо.

Сеньор Веласкес кивнул.

– Да, конечно, тан. Скажите, а чем бы можно ритану Ксарес поблагодарить?

Амадо даже не задумался.

– Не запрещайте им с Мерседес дружить. Мне кажется, для нее это ценнее золота. Кто у нее там, на островах и был-то? Считай одна сестра. А сейчас она себе подруг нашла.

– Не запрещаю, конечно! – аж вскинулся сеньор Гонсало. – Как вы могли подумать!

Как-как! Молча!

Что Амадо, слепой, что ли? Не видел, какими вы глазами на Феолу смотрели? Бойтесь вы ее, видно же, и от своей семьи

постараетесь держать подальше! Но проводить разъяснительную работу он не станет, еще не хватало.

Так что тан Риалон еще раз повторил свою просьбу и по списку, и по дружбе, и вежливо поинтересовался, как там Мерседес.

– Отлично, – сообщил сеньор Веласкес. – Проснулась, позавтракала, говорит, что сидит и рисует. А тан Мальдонадо рисует ее.

– Сеньор, вы понимаете, что никому...

– Слово даю, – поклялся Веласкес.

– Даже жене. Даже подушке ночью.

– Я понимаю, тан Риалон. Во что-то мой несчастный сын вляпался, иначе и не скажешь.

Амадо кивнул.

И не скажешь, и не надо ни о чем таком говорить... вляпался? Он и всю семью втянул, и под удар подставил... чем, ЧЕМ ты думал, идиот?! Денег хотелось? И побольше, побольше... ну, заberi их с собой, на тот свет! В гроб подложи для весомости!

Что вот твои родные делать теперь будут? Как расхлебывать? Чтобы их за тобой следом не отправили?

А что еще тан Кампос скажет? Накануне коронации такое...

Никаких слов, кроме матерных, у Амадо не было. И надо было ехать в порт. Вдруг да повезет?

* * *

Некроманты могут работать на выезде. Но предпочитают они свой уютный морг, интимную рабочую обстановку, комфортное окружение...

У Хавьера Карраско все это и было.

Трупы из дома Веласкесов все доставили ему. И мужчина расставлял свечи.

Тереса внимательно наблюдала за процессом.

Хавьер уже успел обнаружить, что трупов его помощница не боится, крови тоже... прелесть что за девушка! Бесценная подруга для некроманта.

– Свечей маловато. Я дам денег, сходи, купи. Ладно?

Тереса кивнула.

В работе тан Карраско начал обращаться к ней вполне непринужденно, но она не поправляла и не возмущалась. Это видно!

Человек работает, человеку не до того, человек увлечен... он бы и королеве реал сунул.

– Свечи так дорого стоят?

– Из черного воска? Да... возьми две коробки. Если останется сдача – сладостей. Лавка Мендеса, это на калле Тарло, там найдешь.

Все же присутствовать при некромантских ритуалах девушке не стоило. Пока – точно.

Вот позднее, когда Тереса ко всему привыкнет, когда он будет точно уверен, что некромагия не оказывает на нее разрушающего воздействия, тогда... тогда – как сама пожелает! Захочет, пусть сидит в уголочке. Да, вот еще, если в обморок падать не станет, визжать и хватать его за руки. Работа же! Понимать надо!

А пока ей и остаточных эманаций от ритуала хватит.

– Да, и каменной соли купи. Килограмм. Лучше – два.

Тереса кивнула.

Ну, каменная соль не редкость. Правда, частенько морскую продают, выпаренную, и кто победнее ее берет...

– Каменную? Не морскую?

– Каменную. Она лучше действует.

– Хорошо, – коротко ответила Тереса, взяла деньги и удалилась.

Хавьер проводил ее взглядом, прикрыл дверь за девичьей фигуркой, а потом размял пальцы жестом вдохновенного музыканта.

– Приступим, сеньоры!

И потащил в пентаграмму первый труп.

* * *

Эллора заполняла документы.

Рутинная работа ее ничуть не напрягала. Даже наоборот...

Было в ней что-то такое, размеренное, успокаивающее, спокойное, даже уютное.

Когда идеальные букочки ложатся на бумагу, когда все скучно, разумно, так обыденно, что поневоле расслабляешься. И не думаешь

ни о чем.

Ни о Дарее... ох, сестренка, вляпалась же ты...

Ни о маминой тревоге – и кто бы не волновался на ее месте?

Ни о Кармело...

Ах, милый, милый Кармело... и букетик из хризантем, который он ей подарил. Осенние, тревожные, пахнущие дымом цветы... получится ли у них что-то? Будут ли они счастливы?

Эллора настолько была в своих мечтах, что даже не увидела, как открылась дверь, и на пороге вырос решительный темноволосый тан.

– Сеньорита Эллора?

– Да... – с удивлением откликнулась девушка. – Простите, тан...

– Мы не знакомы. Мое имя Амадо Риалон. – И уже ее начальнику: – Сеньор Лопес, оставьте нас. Наедине.

Эллора с удивлением увидела, как сеньор Лопес поднялся с кресла. И он, и все остальные...

Но почему?

Что такого в этом мужчине?

Эллора подняла брови, но спросить не успела, мужчина представился первым. Достал из-за воротника жетон на цепочке, взмахнул им и убрал.

– Полиция. Следователь Риалон.

– Эммм, – пробормотала Эллора, соображая, что ей надо сделать.

Соображать получалось плохо.

Чем она могла заинтересовать следователя?

Что она могла сделать?

Садизмом Амадо не страдал, а потому и вступать в дискуссии не стал. Просто достал трещотку и взмахнул ей. Один раз.

Эллора осела словно подкошенная, а Амадо развел руками, убирая опасную игрушку.

– Простите, сеньорита. Моя знакомая сказала, что вы из мединцев, а потому... сейчас мы проедем в управление. Если я неправ – извинюсь. Честь по чести. А если прав... будем беседовать.

И, глядя на выражение глаз Эллоры, уже понимал, что прав. Он действительно прав...

Феола, ты не девушка! Ты настоящее сокровище! Скорее, в участок!

Глава 3

Море...

Оно вечно, бесконечно, оно о чем-то шепчет, бормочет, смеется...

Оно перебирает песчинки на берегу, оно перебрасывает гальку с ладони на ладонь, оно улыбається.

Лазурные губы, пенные зубы...

А еще – черные клыки скал.

Острые, жадные...

Даря смотрела на море. Смотрела с тоской и печалью.

Здесь она могла не притворяться. Здесь могла быть собой.

Мединец...

Каково это – с рождения лгать, прятаться, не сметь показаться людям при свете дня? Помилуйте, она даже на земле жить не сможет! Ей нужна вода!

Она – амфибия! В том самом смысле. Не лягушка, которых стали понимать под этим названием. Она двоякодышащая.

Она может жить на земле, но должна возвращаться под воду. Иначе потом она сможет жить только под водой.

Она... да, она никогда не появилась бы на свет без Владычицы Синэри. Но разве от этого легче?

Она живая, ей хочется всего того, что есть у сестры... и никогда не будет у нее.

Эллора радуется, купив новые туфли.

Даря... а куда ей надевать туфли? На щупальца?

Как же она тосковала! Бросалась в море, приносила маме и сестре добытый жемчуг – так, от тоски, пыталась спуститься все ниже и ниже... умереть! Рано или поздно, она понимала, она заплывет или на такую глубину, откуда не сможет вовремя выбраться, или... да, бывает и так, что вода становится ядовитой. Всякое бывает^[7].

Семья не бедствовала. А вот Даря... она тосковала. Она едва не выла от боли и горечи. Она...

Одна.

Навсегда одна.

Она же не знала, что на свете есть и другие! Такие, как она! Мединцы!

Оказалось – есть! Она думала, все погибли! Надеялась, что кто-то выжил, но встретить их... нет, невероятно! И все же, все же...

Когда она впервые увидела живого мединца...

Этот день она помнила всегда. Он был с ней, как кусочек сердца.

Даря сидела на камне. Она частенько так встречала рассвет. Сидела, смотрела на море, пела... ей нравилось представлять, что ее голос помогает солнцу. словно где-то там, оно за невидимой преградой, бьется – и не может попасть к людям. И лучи свои отправляет, и мечется, и...

Нет, никак оно не сможет перейти некую границу.

А голос Дарей словно надламывает ее, как скорлупу. И солнце медленно, осторожно, чтобы не оцарапать округлые бока, выбирается наружу.

Странная фантазия?

И что? Девушка уже не имеет права пофантазировать?

Даря пела и ждала. Пела на самых высоких нотах, которые только могла взять. Ждала, пока розовая полоса не побагровеет, пока по волнам не побежит солнечная дорожка, на долю секунды наполняя море кровью...

И по кровавой дорожке из моря появился ОН!

Самый красивый!

Самый невероятный.

Просто – ОН!

Рамон рассказывал, что плавал неподалеку. Ловил для удовольствия рыбу и слышал Дарю. И помчался на зов своей сирены...

Да, своей...

Его сирены.

Его...

Даря произносила эти слова не просто так. Они с Ра-моном... да, у них уже все было. Его не смущали щупальца, при его-то шипах. Его не смущала чешуя – он был сам закован в броню.

Ему нравилось в Дарее всё. Ее гибкость, ее изящество, то, как она обхватывает его тело щупальцами, даже ее магия... ее голос, ее

проклятье, от которого мама иногда валилась в кровать с жестокими мигренями. И рыба могла погибнуть от ее голоса^[8].

Но Рамон был счастлив.

Так казалось Дарее. Или правда – был?

Сначала они были только вдвоем. Их медовые дни, их любовь, их разговоры обо всем...

А потом... потом оказалось, что он не один. Что медицы не погибли. Что они живы... хотя бы их часть. И они хотят вернуть Владычицу.

Дарее поехала. Посмотрела на горизонт, на котором уже пробивалась розовая полоска. Взяла низкую ноту. Почти угрожающую...

Хочет ли она вернуть Владычицу?

Она не знала.

Она обязана Ей жизнью, если бы не Синэри, Дарее не было бы на свете, но... дальше-то как?

Хотя... чего тут думать?

Любимый мужчина говорит, что Владычицу надо вернуть!

Любимый объясняет, что потом они смогут быть вместе всегда. Вообще всегда... всю жизнь... вместе, жить, детей родить... могут ведь у нее быть дети?

Правда же?

Дарее сомневалась, что может родить от человека, но почему не должен получиться ребенок от медицы? От такого же, как она?

Лидия не знала, что медицы стерильны. Большая их часть создавалась Синэри как обслуга, питание, воины... да и просто – не хватало вначале умения. Потом уже Синэри приноровилась, а первые медицы... да, их было очень легко и просто сделать. Но дальше они размножаться не могли.

Никак.

Дарее... она не успела пройти полное посвящение, но она тоже была стерильна. Увы, убедиться в этом можно было только одним способом – на практике.

Или – двумя. Только где найти такого мага, который согласится осмотреть медицу? И не выдаст, и никому не расскажет?

Так рисковать никто не станет. Поэтому Дарее могла мечтать о семье, о детях...

Синэри? Ее возвращение может принести вред людям?

А когда это влюбленные девушки задумывались о политике или пользе для общества? Для Дарей был один-единственный критерий оценки ситуации. Одобрит Рамон – или нет?

Если Рамон хочет возвращения владычицы, значит, и Дарей его хочет. Вот и все философские размышления.

Сколько там должно погибнуть людей, что именно для этого надо сделать, как потом жить? Через труп легко переступят не только хладнокровные убийцы. Влюбленные дурочки тоже... вполне себе переступят. И не заметят. У них же розовые очки. Красивые такие, приятные... через них и десяток трупов не заметишь, не то что один!

И Дарей подняла голову навстречу солнцу.

Только почему-то в этот раз пелось плохо. Вдохновения, наверное, не было...

* * *

– Ты б не ходила, а, Ришка?

Тереса подняла брови, поглядела на Пабло.

– Ты мне указывать будешь?

Это еще умолчать про остодемоневшее «Ришка». Когда ж ты, недоумок, запомнишь, что я – Треси!!!

– А ты не слышишь, что ли? Щас еще колданет! Будешь потом на четырех костях ползать!

Тереса прислушалась.

В морге что-то пролетело, упало, разбилось. Потом еще раз.

Потом послышался отчетливый мужской мат-перемат. И снова.

Тереса сделала шаг вперед.

– Не пуцу! – преградил путь храбрый Пабло. За что и поплатился.

Никогда не загораживайте путь девушке с тяжелыми сумками в руках. А то ведь девушки... они и отмахнуться могут! Тереса и махнула ручкой.

Пабло прилетело тремя килограммами соли. Хорошей, каменной, с комками. Не убило, а жаль. Но отодвинуть – отодвинуло. Свечами Тереса драться не решилась, вдруг еще помнутся, да и жалко, стоят,

как заразы! Считай, две трети денег за них отдала. Но остатка хватило и на травяной сбор, и на варенье... Тереса уже поняла, что некроманту очень нужна забота. Может, он и повелевает мертвыми, но это не делает мертвым его. Ему и помощь нужна, и варенье, и горячий кофе, и просто, чтобы кто-то выслушал...

Ну, нравится он ей! И что?! Это еще не повод думать о тане Карраско как о мужчине. Конечно, у них ничего быть не может. Но чтобы на работу не пускать?

Убью!!!

Бедолага Пабло так и остался стоять, привалившись к стеночке морга. Пережидал. И правильно, Треси сейчас бы и еще ему добавила, чтобы костей не собрал! Дурак!

– Что надо?! – рыкнул Хавьер. И тут же был обезоружен выставленным вперед свертком, из которого так потрясающе пахло рыбой, что даже у некроманта слюна выделяться начала.

– Давайте я вас покормлю? Тан Карраско?

Долго тан ломаться не стал.

Все равно ничего не получается. Половина покойников не поднимается, вторая просто ничего не знает, кто бы там всякой мошкаре в чем отчитывался... вот и разозлился. Пострадали при этом два черепа.

Один – костяной, ну тому что будет? Врезался, откатился, да и лежит себе на полу. Хавьер им регулярно кидался, еще в детстве начал, когда стащил со стола у деда и на спор в футбол играл.

Второй, правда, погублен безвозвратно. Но какой идиот будет дарить некроманту пепельницу в виде хрустального черепа?

Металлическую надо!

Некромант – человек с тонкой психикой и бьющиеся предметы у него долго не живут.

Тереса даже и внимания на это все не обратила.

Очень быстро на столе возникла тарелка с одуряющее пахнущей жареной рыбкой, рядом с ней салат с какой-то приправой... вот кто бы мог подумать, что обычные водоросли можно так вкусно приготовить?

[9]

В чайничке заваривалась какая-то трава, на стол были выставлены несколько баночек с вареньем, а от беспорядка и следа не осталось. И

черепе вернулись на свои места. Хрустальный, правда, в мусорное ведро, но там ему и место!

Хавьер накинулся на еду, словно дикий зверь. Треси молчала. Заговорила она, только когда тарелки почти опустели, а движение челюстей некроманта замедлилось.

– Я могу чем-то помочь?

Хавьер качнул головой.

– Нет, Треси. Я просто разозлился. Ничего у меня с трупами не получилось... не встают, а кто встал, тот не говорит. Постаралась твоя подруга.

– Феола? – угадала Тереса.

– Ну да.

– Она говорила. Шаманская магия – это серьезно.

Хавьер фыркнул.

Шаманство он серьезным разделом магии не считал. Ну что, вот что они там могут делать, те шаманы? Грибочки жевать?

Вокруг костра плясать? Духов предков призывать?

Хавьеру налить, он чьих угодно духов увидит! Несерьезно это.

Но вот лежат ведь трупы, не поднимаются. Даже те, кого насекомые заели. И никакая некромагия, даже высшая, не может ему помочь! Да что там! Объяснений – и то нет!

– А подруга не говорила, почему так происходит?

– Нет, – качнула головой Тереса. – Но это можно у нее спросить.

– Спроси, пожалуйста, при случае, – попросил Хавьер. Ему было интересно, но он – некромант! Представитель одной из старейших семей некромагов! И интересоваться шаманством?

А вдруг чего будет интересного?

Ладно... сначала пусть Тереса, а потом и он, как положено.

В дверь морга постучали.

Сытый мужчина, как известно, добр и радушен, так что Хавьер даже на Амадо Риалона посмотрел благосклонно.

– Чего тебе, Риалон?

– Почти ничего. У меня тут живой мединец. Сможешь обеспечить ее такой до конца допроса?

– ГДЕ?! – подскочил Хавьер. – Смогу, конечно! Давай его сюда! Гм...

Мединцем оказалась девчонка лет двадцати. Амадо попросту втащил ее в морг, как куль.

– С ней что? – уточнил Хавьер.

Амадо посмотрел на часы.

– Ровно через шесть минут она придет в себя. А пока с ней шаманская магия, Феола помогла. То есть ритана Ксарес.

– Уже Феола? – съязвил Хавьер.

– Как у нее дела? – пискнула Тереса.

Амадо утащил с блюда пирожок с земляникой.

– Все нормально. Перенапряглась немного, голова болит, но жить будет. Она эту девицу и вспомнила.

– А-а...

– Если захочешь – съезди к ней вечером.

– Если будет время, – развела руками Тереса.

– Посмотрим, как сейчас дело пойдет, – подвел итог Хавьер, устраивая парализованную девицу в центре гептаграммы и устанавливая свежкупленные свечи.

Сбежать?

Даже если помрешь, никуда ты от меня не денешься, дорогуша! С того света достану! То есть для начала я тебя туда не отпущу.

* * *

Сбывался самый страшный кошмар Эллары.

Некромант!

Маги!!!

ПОЛИЦИЯ!!!

Ладно еще маги разного вида, Эллора и сама кое-что может. Но не сейчас, нет. Сейчас она с водой не заговорит, это она хорошо понимала. Загорались черные свечи, а сила внутри девушки словно бы гасла. Пряталась куда-то, испуганная. И Эллора понимала, что ничего не сделает. И физически...

Сбить свечу?

Вырваться?

Здесь и сейчас это было невозможно. Шаманская магия, некромантия... Эллора понимала, что даже если ее на куски захотят

порезать – смогут. Ничего-то она не сделает, увы.

Наконец жутковатое оцепенение спало, и Эллора смогла шевельнуться, открыть рот...

– Я... за что вы меня?

– Сеньорита, – начал разговор Амадо. – Вы – то, что мы, люди, назвали мединцами. Будете отрицать?

Отрицать было сложно. Но Эллора поежилась...

– Можем раздеть и осмотреть, – пригрозил Амадо.

Девушка поняла, что придется отступить. Ну и что?

– Да, я такая. Но я же в этом не виновата! Вас родили человеком, а меня нет!

Амадо подтянул стул поближе, уселся на него верхом и положил сначала сцепленные пальцы на его спинку, а потом и голову на руки. Тяжко вздохнул.

– Никто не виноват. А препарировать придется.

– Что?! – забилась Эллора. Наручники ее, понятно, не выпустили, но... препарировать?

Ее?!

Да за что?! Что она им такого сделала?! Жила себе и жила, вреда не несла... ЗА ЧТО?! Просто потому, что она отличается от других?!

– Видите ли, милая девушка, вы – первая, кого я вижу живой. Из мединцев, понятно. А пакостят эти твари в последнее время постоянно. И чего добиваются... вряд ли вы будете с нами сотрудничать по доброй воле. Потому придется вас скальпелем, а уж потом... Вот он, Хавьер, некромант. И шаман у нас есть. Не сомневайтесь, выпотрошим вас, как рыбу-прародителя.

Эллора задрожала.

Некромантов она боялась, но все же не так. А вот шаманы...

Страшное слово для мединцев, на самом деле. Нет, с шаманами они не сталкивались, это было, скорее, наследие Синэри. Когда индейцы уходили, когда ее туша протискивалась в проем, один из шаманов даже внимание обратил, что в оставленный мир лезет что-то не то.

И даже проклятием ее приложил.

Не убил и не добил, некогда было. И с проклятием Синэри постепенно разобралась. Но к народу, который способен на подобные

вещи, преисполнилась уважения. У демонов оно всегда с трепки начинается. Порода такая.

– Я... не надо шамана. Пожалуйста...

– Ну, это смотря как разговаривать будете, – честно сказал Амадо. – Вот, тан Хавьер, он же почует, если вы врать будете?

Хавьер качнул головой.

– Нет, такого я не почую. А вот черный огонь...

Установить еще две свечи, нарисовать руны и поджечь фитильки было несложно. Эллора поежилась.

– Давайте проверим, – предложил Амадо. – Вы – Эллора?

– Да.

– Вы – Лариса? Соврите мне.

– Д-да...

Свечи полыхнули ярким бездымным пламенем, и огонь вернулся к прежнему размеру.

– Соврать не выйдет, – подвел итог Амадо. – Поговорим серьезно?

– Я... я же не знаю ничего!

– Чего именно вы не знаете, сеньорита?

– Ну... практически ничего и не знаю, – пожала плечами Эллора. Огоньки стали чуточку поярче, но ненамного. – У меня мать была замужем за одним из... тех, мединцев, которые сотворенные. А когда он подох, она меня схватила в охапку и убежала. И никаких контактов с оставшимися в живых не поддерживает.

Свечи и не дернулись.

А что? Эллора ведь не соврала. Лидии мединцы и даром нужны не были. Вот Дарее – дело другое. Но про сестру Эллору и не спрашивали.

Амадо вздохнул. А потом достал из папки лист бумаги.

– Давайте пройдемся по пунктам, сеньорита. И с вашей матерью я тоже хочу познакомиться. Итак... ваше полное имя, полное имя вашей матери, имя отца... дата рождения... вы – один ребенок в семье?

Эллора едва зубами не закричала.

Дари, прости меня. Я честно промолчала бы. Но ведь не совершь им!

Гады!

Как поступит настоящий мужчина, узнав, что у его подруги – проблемы?

Кто-то, наверное, помчится разбираться и выяснять.

Кто-то махнет рукой.

Кто-то...

Кармело Луна Эскобар считал себя мужчиной умным и порядочным. Но вот что делать – не знал.

С одной стороны, Эллора вроде бы как его подруга... наверное. Он ей даже цветы дарил, целых четыре раза. И за руку держал, было. И гуляли они вместе.

Но ведь разговоров о будущем не велось?

Нет!

Обещаний он не давал, клятв тоже, о своей великой любви не говорил, так что дальше-то? Есть Эллора, будет и любая другая. Мама ему постоянно повторяет, что Кармело у нее сокровище. Ее маленькая Луна, солнце и звезды. А мама лучше знает.

Мама уверена, что такое счастье, как Кармело, должно достаться только самой-самой лучшей женщине в мире. Умной, красивой, богатой, желательной сироте, и дворянке. Нет таких?

И не предвидится?

Тогда... тогда посмотрим по сторонам. Вот – Эллора. Симпатичная, но не красавица, если не считать редкого цвета глаз. Неглупая, работает, но Кармело, кажется, любит, и мужа будет беречь и обеспечивать. И что еще нужно?

Правильно, ничего.

Маменьке и Эллора не нужна была, но вот беда, без нее внуков никак не получишь! При всей безумной любви к сыну был у нее один недостаток. Ну не может маменька родить от Кармело, никак не может. И женщина ему нужна, никуда не денешься.

Но какой должна быть эта женщина?

Ответ – правильной.

Чтобы была хуже мамочки, чтобы любила Кармело и была полностью покорна и послушна. Кажется, под эти условия Эллора подходила, ну а остальное...

Что поделать, если ни одной свободной принцессы рядом с Кармело просто нет.

И вроде бы не в монастыре работает мальчик – на таможне. И женщин вокруг много, и есть возможность с кем-то познакомиться, но вот ведь горе!

Не успеваешь мальчик начать встречаться с девушкой, а ее уже и нет... отвратительное легкомыслие! Зачем ты подаешь парню надежды, если у тебя нет серьезных намерений?!

Понимать же надо!

По-ни-мать!

Если ты строишь парню глазки, то должна и последствия осознавать! А то крутят такие хвостом, а потом орут, что их тут изнасиловали... да кому вы нужны?!

Радоваться должны, что Кармело на вас обратил свое внимание!

Радоваться! И до конца дней быть ему за это благодарными.

Вот, Эллора, кстати, и радовалась. И благодарна была. И вообще, жена из нее могла получиться идеальная... со временем, конечно, и после обучения у мамочки. Но...

Полиция?

И жена Кармело Эскобара? Даже будущая?

Даже невеста?

Как вы себе это представляете?

Нет-нет, это совершенно нереально, даже если она ни в чем не виновата... ее бы уже вернули. Или вообще не забирали! А так...

Ложечки найдутся, а осадочек останется. Навсегда.

Даже если бы полиция просто зашла к Эллоре, Кармело бы потом серьезно с ней поговорил, объяснил, что недопустимо себя так вести, что его жена должна быть выше подобной мерзости...

Или просто – не быть его женой.

Тогда – на здоровье, можешь в любой грязи извлекаться. Главный приз своей жизни ты уже упустила, дорогуша. Кармело найдет себе другую, достойную его женщину.

Но сейчас-то что делать?

Эллары рядом нет, а законное негодование... оно прямо-таки распирает! И кому его можно высказать?

Хотя... чего тут думать?

Конечно, матери Эллары.

Вот он сейчас отправится к сеньоре Лидии и все-все ей выскажет! А чего она? Нельзя так детей воспитывать! Вот у Кармело мама

другая, потому нежный сын и не заинтересует полицию.

А у Эллары...

Отвратительное поведение! Приличные девушки не должны попадать в подобные ситуации! Вот!

Наступал обеденный перерыв, слова с делом у Кармело не расходились, он ведь мужчина, а потому в полдень он вышел из здания таможни и решительным шагом направился к домику, в котором проживала семья Бенитесов.

Сейчас он все выскажет Лидии Консепсьон Бенитес!

* * *

Лидия как раз ничего не ждала. И когда она распахнула дверь, а на пороге оказался Кармело Эскобар, искренне удивилась.

– Что случилось, сеньор?

Кармело скривил губы.

– Сеньора Бенитес, я пришел сообщить вам, что между мной и вашей дочерью не может быть ничего общего.

Как перед иконой – у Лидии в этот момент все внутренности сжались.

Узнал?

Догадался?

Что делать-то?!

Но Кармело совершенно не походил на человека, который ее боится. А это уже было странно... поэтому Лидия, собрав всю свою волю в кулак, вежливо уточнила у молодого человека:

– Почему же, сеньор Эскобар?

Кармело с детства был приучен матерью к определенному шаблону действий. И гласил он: если не орут, если оправдываются, если растеряны, значит человек чувствует за собой вину.

Вежливость?

Нет, не слышали.

Интеллигенция? А это слово вообще еще не изобрели. Есть люди благородные – и есть все остальные. И точка.

Так что Кармело расправил плечи и в красках поведал, как явилась полиция и увела Эллору. А подобное поведение недопустимо

для сеньоры Эскобар. Что бы она ни сделала...

Лидия честно слушала. Минут пять.

Потом до нее дошло. И... кровь взыграла.

Возраст? Воспитание? Скрытность?

Ну, последнее и без нее полетело под хвост крокодилу, первое ее еще не беспокоило, не тот там возраст, а воспитание?

Да помилуйте, какое там в ее жизни воспитание-то было? В борделе? Или у мединцев? Вот и воспиталось... что получилось.

Но основы дипломатии Лидия все же усвоила. И точно знала, что сначала надо прояснить ситуацию, а уж потом начинать разъяснять оппоненту всю его неправоту. Так что...

– Мою дочь арестовали?

– Да. – С точки зрения Кармело, сеньора Бенитес приняла это как-то слишком спокойно. Его бы мать уже бежала, кричала и слезами уливалась, а эта стоит, смотрит, словно так и надо. Значит, точно в чем-то виноваты!

– Неизвестно на каком основании?

– Просто так у нас не арестовывают...

– Следователь из Главного управления?

– Да, – это Кармело узнал. Уши-то не заткнешь...

Уверенным жестом Лидия протянула руку за дверь. Древко метлы скользнуло в ладонь как родное.

– И вы, сеньор, ничего не сделали, чтобы выяснить подробности, чтобы поддержать Элли или помочь ей, вы просто явились с этим вопросом ко мне?

– Эммм...

Кармело собирался ответить вопросом на вопрос. Например: «Я что – должен все выяснять о каждом?» или «Зачем мне это нужно – выяснять?».

Не успел.

Древко метлы со всего размаху врезалось ему между ног. Нет, не из садизма. Просто после такого удара далеко враг не убежит, не те уж у Лидии годы – за паразитом гоняться. А разъяснить ему всю глубину его заблуждений надо!

И слева надо, и справа надо...

– Ах ты гадина! – разъясняла Лидия, после каждого слова охаживая несчастного Кармело черенком метлы. Так, для лучшей

проходимости слов от ушей к мозгу. Там же долгий путь, где уши, а где его мыслительные полушария... вот она ему спину с боками и стимулирует, чтобы слова по дороге не заблудились! Руки у женщины были крепкими и сильными, стесняться она не собиралась, так что Кармело приходилось несладко. – Мою дочь арестовали невесть за что, а ты, вместо протеста, вместо того чтобы потребовать объяснений, еще и ко мне пришел? Еще и претензии предъявляешь?! Это я свою дочь плохо воспитала? Да то, что ты жив, скотина, говорит о ее высочайшем уровне воспитания! И милосердия! Я бы тебя давно прибила!

Разъяснительная работа могла бы продолжаться долго, но – увы.

Кармело, оправившись самую чуточку от боли между ног, сообразил, что это пока еще цветочки. И решил не дожидаться ягодок. Вон, за дверью еще и лопата стоит.

И грабли... ему просто очень повезло, что попалась именно метла. А если бы туда лопатой... ой...

Скорость он развил потрясающую! Сначала отползал, потом перевернулся на четвереньки, заставив Лидию остро пожалеть, что метла – не копьё! Такая мишень пропадает! Она бы в десяточку попала... а не попала, так засунула! И уже на четвереньках чесанул по улице. На ноги он поднялся только метров через сто, демонстрируя, что человек таки произошел от скотины.

Этот – наверное, от свиньи. Всеведущие и вездесущие уличные мальчишки проводили его залихватским свистом. И Кармело помчался еще быстрее. Он... кошмар какой!

Она!!!

Хамы!!!

СВОЛОЧИ!!!

Он все маме расскажет, вот!!!

Долго его Лидия преследовать не стала, еще не хватало. Вместо этого она аккуратно поставила метлу на место (еще не хватало добром раскидываться) и направилась в дом.

– Дари! Не делай вид, что ты – призрак!

Даря и не собиралась.

– Мама, Эль... арестовали? Потому что мы...

– Я не знаю, – честно ответила Лидия. И крепко обняла свою дочурку. Плевать, что чешуйчатую и со щупальцами, все равно – это

Её дочь! Сомневающимся – в угол с метлой. – Дари, я сейчас отправлюсь в управление. А ты должна мне кое-что пообещать.

– Что именно, мама?

Лидия потерла виски.

– Дари, тут два варианта. Если это недоразумение, то Эль отпустят, а мой визит будет выглядеть логично. Это – моя дочь! Я обязана возмущаться.

– А если...

– Тогда пообещай мне, что ты не вернешься. Твой Рамон тебя любит?

– Да. Но, мама...

– Значит, ты можешь пока пожить ТАМ. С ним. Понимаешь?

– Да. Но...

– Я не могу просить тебя вернуться. Дари, пойми, если там все так плохо, нас будут допрашивать с магами. И мы им скажем всё. Я точно скажу, я боюсь за Эль...

К чести Дареи, идея бросить сестру и уплыть, спасая свою чешую, ей даже в голову не пришла. Смеетесь, что ли?

Она хоть и мединец, но не тварь же последняя!

– Я понимаю, мама...

– Я не смогу договориться с тобой о словах или знаках, из меня вытянут всё. Вообще всё. Понимаешь?

– Да, мама. Но это ненадолго. Мы вернем Владычицу, уже скоро вернем...

– Замечательно. Дожить осталось, – отрезала Лидия. Как же она боялась сейчас за свою девочку! Свою Эль...

– Мама!

– Дари, ты мне обещаешь?

– Да.

– Ты сейчас уплываешь и наблюдаешь. До коронации – точно. Если поймешь, что мы живем спокойно, что нет слежки, магии, нет ничего опасного для тебя... доченька, тогда ты знаешь, что мы тебя любим и ждем. Но если у тебя хоть что-то вызовет подозрения – умоляю! Не рискуй!

Дарея расплакалась бы.

Нельзя. Нет у нее слезных протоков, и желез тоже нет. И вообще...

– Мама, мамочка...

Лидию она обвила своими щупальцами с головы до ног. И получила в ответ такие же крепкие материнские объятия.

– Детка моя маленькая...

Хотя деточка была раза в полтора длиннее мамы. Если учитывать щупальца.

– Мама, я обещаю.

– Вот и отлично. Береги себя, Дари. И умоляю – не рискуй! Тебя не пощадят, ты знаешь...

Даря кивнула.

И впервые... вот впервые она подумала, что Владычица Синэри, конечно, чудо, но...

Она не могла подумать, что на ее творения будут охотиться? Люди вообще не любят ЧУЖИХ и давят их везде, где могут.

Владычица, ты не могла придать своим созданиям более... человеческий облик?

* * *

– Ваше величество, я умоляю вас, уделите мне немного вашего внимания.

На Августина Аурелио это действовало безотказно. Любил старик всю эту велеречивость и церемонность. Можно еще глаза распахнуть, большие такие, красивые... и ресничками похлопать.

На Хоселиуса Аурелио это вообще никакого впечатления не произвело.

Может, будь Мегана Виктория поумнее, она бы и поняла, почему. Устал несчастный так, что видел перед собой даже не девушку, а так – цветное пятно. В глазах и двоилось, и троилось, а тринадцатая чашка кофе с утра (заметим, сейчас еще и полудня нет) была явно лишней. Вот ведь число несчастливое.

Увы – развитым интеллектом девушка не отличалась. И сморщила носик.

– Ваше величество!

– Да-да, я слушаю...

– Ваше величество, я – единственная принцесса фамилии.

С этим спорить было сложно. Ну, почти единственная и почти принцесса...

– Поэтому я должна принимать участие в коронационных торжествах, и разумеется...

Дальше Хоселиус уже и не слушал. И не слышал даже.

Он преотлично знал, чего хочет Мегана.

Обряд коронации расписан от и до. Выверен и не меняется вот уже несколько сотен лет. И в том числе участием в нем женщин королевского дома.

Доходило до того, что при отсутствии женщин королю или принцу нужно даже было найти себе невесту. Потому как закон.

К алтарю короля должны сопровождать сын – при его наличии. Если сына нет, то короля тщательно обследуют, и рядом с ним идет придворный маг. И рядом с алтарем зачитывает свидетельство о том, что его величество может произвести на свет здоровое потомство.

Все серьезно!

Преемственность поколений, сохранность династии – это не шутки.

Да, были случаи вранья. Кончались они, кстати, или гибелью короля – или придворного мага. Как повезет, но – быстро. И безжалостно.

И к алтарю короля должна сопровождать или супруга, если есть. Или мать, дочь, сестра... любая принцесса династии. Порядок таков. Если есть – то жена. В противном случае по нисходящей – мать, дочь, кузина, любая из принцесс замужних или нет, неважно.

Мегана тоже подойдет.

Дело в том, что все должно быть уравновешенно. Огонь – вода. Земля – воздух. Мужчина – женщина.

Потому и сопровождение именно такое. И примета есть, кстати. Если женщина подходящего возраста, обязательно она после этого понесет. От мужа, конечно.

– Ваше величество...

Отвлекшись, Хоселиус Аурелио обнаружил, что невестка что-то говорит.

А что?

Зачем?

Он резко махнул рукой.

– Нет, Мегана. Не утруждай себя.
– Ваше величество? – опешила девушка.
– Рядом со мной пойдет Маргарита Мария.
– Она не сможет, ваше величество, – с хорошо скрытым злорадством сообщила Мегана. – У нее что-то серьезное... она болеет. Очень серьезное.

Мегана была настроена решительно. Да, Мануэль – не король, во всяком случае, пока, но она-то! Чем она не королева!

И первым шагом на этом пути может стать ее появление на коронации!

Так что Маргарита Мария была обречена. Нет-нет, убийство Мегана не замышляла, такой грех на душу, что вы! Так грешить надо только ради очень серьезного выигрыша. А бабке...

Да-да, шестидесятилетняя Маргарита Мария казалась Мегане настоящей бабкой. Так вот, много ли ей надо? Маленькое ведьминское проклятие очень удачно запуталось в шерсти дорогой шали, которую любила накидывать на плечи женщина, и прилипло.

Спину продуло.

Спину свело.

Спина не разгибается... как ни назови, Маргарита Мария не смогла бы принять участие в похоронах и коронации. Разве что появиться на пару минут, не больше.

Сволочная болячка позволяла только стоять. Лучше – на четвереньках.

Или лежать. И сильно-сильно страдать.

Мегана не увлекалась. Она отлично помнила, что заклятия найдут, что порчу снимут, но ведьминская магия... она тонкая. Она даже напрямую не воздействовала, просто немножко помогла. Самую чуточку. Накладывалось сильно загодя, чтобы не попасться, и буквально вчера ее магия сработала.

Если проклятие или порчу можно обнаружить, снять, найти заказчика, то ведьминскую магию, такую вот, точечную, тонкую... нет. Ее – не обнаружишь. Разве что в первые пару дней, но что не получилось, того и не случилось. Теперь уже поздно.

– Значит, Ленора Маргарита. А если и она не сможет... Кстати, Мегана, я благодарен тебе, но, когда двором занимается супруга бастарда, это неправильно.

Если бы его величество с размаху хлестнул женщину по лицу грязной тряпкой, и тогда бы такого эффекта не получилось! Но...

Если уж честно, Маргарита Мария просто не хотела заниматься двором. И здоровье шалило, и нервы, и отец был ужасно требователен. Так что она предпочитала спокойно коротать дни в компании книжек, кошек и вышивок. Детей вырастила, можно и для себя пожить. Брат принял это объяснение и не приставал к ней.

Ленора Маргарита тоже была занята. Учебой. Ее высочество родилась с несильным, но проявленным магическим даром.

Магией огня.

Соответственно, надо было себя контролировать, надо было за собой следить, учиться управлять даром, ну и просто – интересно.

Ленора училась. И ей искали мужа.

Принцесса обязана выйти замуж, ну хотя бы один раз, хотя бы «для галочки». Тут еще и вопросы престолонаследия добавлялись.

Но...

Маг. Огня.

То есть супругу придется достаточно сложно. Если обычная жена, застав мужа с любовницей, максимум возьмет сковородку, то эта... останутся там две горелых тушки.

С магом огня достаточно сложно жить. Они вспыльчивые, ревнивые, подозрительные, а тут еще и происхождение такое... ниже, чем за герцога ее высочество и отдавать-то нельзя.

Но так выдашь ее замуж неудачно – и получишь... герцога-гриль.

Сложный вопрос. И его надо будет решать.

Но факт тот, что в династии есть урожденная принцесса. Просто она не любит придворную жизнь.

Мегана уж и забыла про нее. А как оказалось – зря.

– Ваше величество!

Из широко раскрытых карих глаз хлынул водопад слез. Жемчужных, искристых, почти бриллиантовых... Мегана умела красиво плакать. И нос у нее не краснел.

Не помогло.

Хоселиус Аурелио отодвинул ее, словно вещь, и открыл дверь в свои покои.

– Готовься передавать дела, невестка. Ленора скоро приедет.

И дверь хлопнул.

Изверг!

Вандал!!!

Да как... как он смеет?! Мегана, которая тут же перестала плакать – никто ж не видит! – с возмущением воззрилась на запертую дверь.

С ней? Вот так?!

Знаете что, ваше величество...

Не знаете. Пока. Но такое – не прощают.

* * *

Мегане не надо было так уж сильно стараться. Если бы сейчас она увидела ту же Ленору Маргариту, она бы облегченно выдохнула и махнула рукой. Можно не дергаться, враг сам себя закопает.

Ленора Маргарита сейчас как раз занималась любовью. Причем – совершенно в духе всех бульварных романов. На столе, в лаборатории, и с собственным учителем.

Да еще и удовольствие от этого получала немалое, приходилось рот зажимать, чтобы визгом цветы с окна не снесло. А то до них докричаться – какой-то жалкий метр, может, полтора.

И других магов не стоит беспокоить.

Хотя они и сами не без глаз, это уж так... вопрос вежливости. Ауры-то они видят, а аура женщины голодной и аура женщины удовлетворенной сексуально различаются очень сильно.

Ну а летящие вокруг партнеров искры...

Два огненных мага, знаете ли, пожароопасны. Особенно когда теряют над собой контроль. Финал процесса и вовсе ознаменовался яркой вспышкой пламени и копотью на потолке.

Несколько минут любовники молча лежали рядом. Потом мужчина погладил кончиками пальцев щеку партнерши.

– Возвращайся поскорее, Нора.

– Обещаю, – честно сказала женщина. – И чего дяде заблагорассудилось тащить меня ко двору? Нет бы маму попросить, или эту... крысу декоративную!

Ленора тоже не любила Мегану. Увы.

– Видимо, так будет лучше. Но если коронация пройдет хорошо, и вы сможете поговорить о нашем браке.

– Браке? Альварес, ты все еще настаиваешь?

– Нора, ты знаешь, мое предложение всегда остается в силе.

Ленора коснулась кончиками пальцев цепочки на своей шее. Кулон с рубином отозвался теплым блеском. Да, подарок любимого мужчины.

Почти архимага.

К сожалению, у Альвареса были и свои недостатки. Возраст – любимый почти на пятьдесят лет старше, для магов это вообще не критично, но дед не понял бы, выйди она замуж за его ровесника.

И происхождение.

Увы, будущий архимаг родился в нищете, в рыбацком квартале. Который чуть и не сжег потом, в припадке ярости. Он не хотел, это само, случайно...

– Я поговорю с дядей. Если он согласится, я выйду за тебя замуж. А если нет... все равно выйду.

– Нора...

Мужчина привлек к себе любимую женщину. Да, магам тоже сложно найти себе пару. Чтобы и характер, и совместимость, и направленность силы... сложно.

Но если уж нашел... они уже почти три года вместе, и Ленора не собиралась отказываться от своего счастья ради какого-то там двора! Или титула...

Сто лет ей эта чушь не сдалась! Двести!!!

Мегана могла не переживать на этот счет. Но кто бы поставил ее в известность?

Маги достаточно закрытая каста, и учеников себе выбирают очень придирчиво. А уж что там между учителем и учеником происходит...

Лучше вообще не лезть.

А то и пепла не найдут.

* * *

Когда с треском и грохотом распахнулась дверь морга, Эллора едва сдерживала злые слезы.

Это пятнадцать лет назад Амадо Риалон был белый, пушистый и неприспособленный к жизни. Но с той поры он поработал в

университете, пообщался всласть со студентами, с преподавателями, с родителями студентов... тот еще гадюшник.

Потом перешел на работу в полицию.

Там студентов не было, но веселья все равно хватало. Так что белый пух быстро поменялся на черную чешую. Еще и клыки отросли. В три ряда и с ядом.

Допрос был проведен по всем правилам. Эллора и пыталась что-то скрыть, но куда там! Из нее вытряхнули всё!

И про Дари, и про ее любовь, и про планы... Амадо даже собой погордился минуты три.

Правильно он все просчитал!

Надо, надо им вернуть Синэри Ярадан!

Но – обойдутся. Такие вот люди нехорошие! Совершенно не желают умирать, и переделываться в другую расу тоже не хотят... перебьются мединцы! Амадо еще демонов в Римате не хватало! С людьми-то справляться не успеваешь!

Амадо уж вовсе подумывал отправить полицию в дом Эллоры, как...

– Мама?!

Лидия выглядела так, что ее и Хавьер сейчас не остановил бы. Да что там!

Синэри – и та бы подвинулась, от греха... Самое страшное существо – это мать, которая защищает своего ребенка. Она и с голыми руками на танк бросится, и дракону зубами горло порвет.

– Я, детка, – рыкнула Лидия так, что светильники дрогнули. – Ну, таны?! Чего вы хотите от моей дочери?! В чем вы ее обвиняете?!

– Абсолютно ни в чем, – развел руками Амадо. – Эл-лору Лидию – точно ни в чем. А вот с Дареей Лидией я бы пообщался.

Сеньора Бенитес только тяжело вздохнула. Подтверждались ее самые худшие предположения.

– Вы не сможете этого сделать, таны. Даря в море.

Амадо даже и не подумал спорить.

– Присаживайтесь, сеньора. Тогда давайте поговорим с вами. И – нет. Я не собираюсь обнаружить ваше существование, или уничтожить вас, или передавать церкви. Вы не виноваты в случившемся и заслуживаете спокойной жизни.

Эти слова из Лидии словно воздух выпустили. Мужчина не врал ей, он говорил то, что думает.

И верно...

В чем виновата она? Ее дочери?

Пока – ни в чем. Они эту судьбу не выбирали, просто жили и старались не делать людям вреда.

Но...

– Вы что-то знаете о Рамоне? – жестко спросил Амадо. – Где его найти, как связаться? Может, еще кого-то из мединцев?

Лидия качнула головой.

– Нет. Поймите, я была так счастлива, когда... когда это все закончилось! Я и слышать о них не хотела, и думать, и знать...

– Понимаю, – согласился Амадо. – только вот у меня выбора нет. Я расспросил вашу дочь, и она подтвердила мои слова. Мединцы хотят вернуть свою демонессу. А гекатомбу ради этого прекрасного события они устроят акkurat посреди площади. На похоронах или коронации?

– Скорее на похоронах, – вздохнула Лидия, понимая, что выбора-то и нет. – Даряя говорила, что должно быть несколько попыток, не похороны, так коронация, не одно, так другое.

Если тан обо всем знает, чего ей скрывать?

Она ни в чем не виновата, кроме сокрытия своей тайны. Своих детей.

Даряя... ее девочка тоже пока ни в чем не виновата. И может, если повезет...

Вот не нравился Лидии этот Рамон! Влюбленность – прекрасно! Но зачем же всех в жертву-то приносить? А еще... Хочется ему кого-то вернуть?

Его право. И его дело.

Личное!

При чем тут ее дочурка?! Занимался бы сам... слово «терроризм» Лидия знала. Но выговорить не могла.

С другой стороны, это и не терроризм вовсе. Террористы же шантажисты еще... если вы мне дадите миллион, я не взорву бомбу! К примеру! А тут никто и никого шантажировать не хочет. Тут все намного печальнее. Мединцы все равно взорвут город. Даже если им предложат миллиард, им не нужны деньги, им не важна политика, им

безразлична власть. Им нужна только гнусная демоническая тварь. Сволочи...

Но ее дочка! Ее маленькая девочка! И плевать, что со щупальцами!

– Осталось всего два дня, – подвел итог Амадо. – Если за это время я кого-нибудь найду и распутаю дело... это одно. Если нет... – договаривать и не понадобилось. И так было страшновато.

– Дарю точно не найдете, – качнула головой Лидия. – Поймите правильно, я не знала, что именно вам нужно. И упростила ее уйти в море. И не возвращаться какое-то время. Мало ли что... она может быть кем угодно, но это моя дочь, и я ее люблю.

Амадо кивнул.

Он отлично понимал, он тоже сына любит. И с этим ничего не поделаешь...

– Тогда думайте, сеньора. Мне не нужна ваша дочь, но нужны медицы. Очень нужны.

Лидия кивнула.

– Я... да, я попробую что-нибудь вспомнить.

Амадо кивнул. И повернулся к Хавьеру.

– В некромантии есть методика поисков человека...

– Не в море, – отрезал сразу же Хавьер. – Нереально. Соленая вода, сам понимаешь... наши способности будут бессильны.

– А если она в Римате?

– Вроде бы там не дура? – поднял брови Хавьер. – Оставаться, рискуя поимкой и допросом?

Амадо только печально вздохнул. Не дура. В том-то и беда... конечно, сейчас Дарю не в Римате. Что ей тут делать?

Кстати!

– Я сейчас телефонирую одной ритане. Может быть, она сможет помочь... пока подумайте, сеньора.

И вышел.

Но Амадо сильно ошибался в своих предположениях. Дарю пока еще была в городе.

Вопрос «что делать?» актуален в любое время и в любом месте.
Здесь и сейчас – особенно.

Завтра прибывает в столицу королевский кортеж. Послезавтра похороны. А кортеж надо встретить, разместить, да так, чтобы все были довольны и счастливы... игра в шахматы?

Да тьфу ваши шахматы рядом с политикой! Нереально просто!

А теперь с трех попыток! Кого назначат крайним и виноватым, если что-то пойдет не так?

Правильно!

Мэра города!

То есть – тана Кампоса! Его и назначат, и выгонят, и посадят, и хорошо, если в живых оставят! А жить хотелось. Долго и счастливо.

Впрочем, был в Римате и еще один козел отпущения. Мажордом.

То есть распорядитель королевского дворца.

Вот его тоже преотлично назначат крайним, если он кому-то и чем-то не угодит! А как тут угодишь?

Чтобы знать все вкусы и потребности, надо в этом жить, вариться... то есть – из Каса Норра им, конечно, телефонировали. Но ведь и соврать могли, и перепутать, и что угодно. Случаи разные бывают.

Так что тан Карлос Мануэль Кампос и тан Диего Хосе Овьедо быстро нашли общий язык. Возраст у них примерно совпадает, цели одни и те же, делить нечего...

Работаем?

Да, а то обоих сожрут поодиночке!

Да, чиновники и так умеют. Когда им грозит опасность, они прекрасно объединяются. Только что плавала одна маленькая рыбешка – и вот их уже несколько дюжин, и к тебе направляется косяк голодных пираний. И тут уж – хоть лети!

Тан Кампос еще колебался, конечно, рассказывать или нет, а потом подумал, что для верности заложил бы заряд и в королевском дворце. И не стал миндальничать. Честно сказал, мол, так и так...

Тан Овьедо где стоял, там и сел. Прямо на пол.

– Тан Кампос!

Тан его, конечно, поднял, отряхнул, извинился честь по чести, но легче бедолаге не стало.

– Да, тан Овьедо. Была высказана и такая идея. Поэтому... подумайте. Может, в подвалах королевского замка есть прямое сообщение с морем? Хоть бы и канализация? Может быть еще что-то?

Тан Овьедо только головой покачал.

– И вы только сейчас это говорите, тан!

– Если бы я знал раньше! – вздохнул Кампос. – Чем хотите поклянусь, начали копать с убийства у Веласкесов, тут всего ничего прошло...

Дело было достаточно громкое, так что тан Овьедо вспомнил его быстро и кивнул.

– Простите, тан Кампос. Я был неправ.

– Что вы, тан Овьедо. Я когда узнал, так и вовсе в голос матерился, – отмахнулся тан Кампос.

– И что теперь делать?

– Кортёж прибудет завтра вечером. Если до утра, до послезавтра ничего не прояснится, я первый упаду королю в ноги.

Тан Овьедо кивнул.

– Пожалуй, это единственно возможный выход. Хотя головы все равно полетят.

Тан Кампос кивнул.

Полетят. Но не в таком количестве, как того хотят мединцы. Да и без демона в Римате прекрасно обойдутся.

– Подумайте, где можно разместить взрывчатку. И кто мог это сделать.

– Подумаю.

– И еще... я знаю, тан Овьедо, вы работали во дворце очень давно. Вам знакомо имя сеньориты Арандо?

– Наталия Марина Арандо, – тут же кивнул сеньор Овьедо. Тан Кампос даже позавидовал. Сколько лет прошло! А он помнит! С ума сойти!

– Она. Вы можете мне про нее что-то рассказать?

– А вы мне, тан Кампос? Я понимаю, она вас заинтересовала не просто так?

– Нет, не просто. Она – одна из... Этих.

Тан Овьедо поежился.

– Бррррр! Погодите, вы хотите сказать, что с его величеством... оххххх!

Тан Кампос мрачно кивнул.

– Она не выглядела, как эти самые. Но она – одна из них.

Тан Овьедо только что за голову схватился.

– Слов у меня нет! Никаких!

– А рассказ будет? Может, узнав, кто ее сюда рекомендовал, мы и размотаем хоть какой клубочек? – предложил Карлос.

– Герцог де Медина, – четко ответил Диего. – Он лично, не мне, конечно, ее рекомендовал, но тану Сальтосу, который тогда занимал это место. Не знаю уж, о чем и как они договаривались, но он привел девушку, и та стала работать. Без нареканий, как сейчас помню. Да, и без романов, без всего... ну, дело молодое, а тут такая красотка! Все попробовали подкатиться! Я и то подумывал!

Карлос Мануэль Кампос понимающе кивнул. Да, он такое тоже видывал. Кто-то пробует обаять новенькую девушку из спортивного интереса, кому-то она и правда нравится, на кого-то вообще стадный инстинкт срабатывает. А что?

Все побежали, и я побежал, все полежали, и я полежал.

Тут все было четко. Девушка отказывала всем. Даже цветочек паршивый ни у кого не взяла. Даже печенье. Хотя это уж вовсе никогда девушку ни к чему не обязывает!

Но – нет. Отказ следовал за отказом, уже и пари заключаться начали, и сплетни поползли, что девица не промах, на высокое место целится.

А потом ее заметили с королем.

Последовал роман, потом роды у королевы и увольнение сеньориты Арандо. Что с ней стало дальше, тан не знал.

Карлос восполнил его пробелы в знаниях и попросил уточнить.

Мало ли что? Мало ли кто?

Может, остался еще кто-то из тех, кто помнит сеньориту? А вдруг?

Тан Овьедо плюнул на вежливость, подошел к конторке и открыл здоровущий грессбух.

– Я вообще всех не помню, штат очень большой. Но сейчас попробую освежить память.

Тан Кампос оценил. Времени-то и правда нет на всякие глупости.

Так, в чтении и размышлении, прошло около десяти минут. Потом тан Овьедо решительно хлопнул крышкой грессбуха.

– Идемте! Кажется, я нашел того... ту, кто нам поможет!
А что тан Кампос? Тан Кампос и возражать не собирался!

* * *

Кто любит копаться в грязном белье?

Много кто. Но есть те, кому это по должности положено. Например, кастелянша, к которой и привел тана Кампоса тан Овьедо.

Ритана Консуэла Анна Варгас.

Впрочем, ритана – это хорошо. Но кастелянша в любом случае заведует бельем.

Простыни – полотенца – подушки – халаты... да много чего проходит через ее руки. И ссориться с ней не рискуют. Она и знает много, и счеты может свести с тем, кто считает себя выше скромной ританы...

Еще как может.

Тан Кампос ее внешним видом не обманывался. Пусть ритана выглядит, как добрая бабушка из детской сказочки: седые волосы уложены в затейливую прическу, круглое лицо, добрая-предобрая улыбка, мягкие уютные формы, не избыточная полнота, а именно та, при которой на лице будет поменьше морщин. Окажись она в детской сказочке про Красную Шапочку, съели бы там – волка. Быстро и качественно. Да, сначала содрал шкуру на шубу.

Это чувствовалось.

Так что поздоровался тан Кампос со всем возможным почтением, и руку ей поцеловал. Тут урона чести нет. Он тан, она ритана, все логично...

– Здравствуйтесь, ритана.

– Тан... Кампос, верно?

– Ваш глаз всегда верен, прекраснейшая, – поклонился тан Овьедо, задавая тон всей беседе. – Умоляю проявить снисхождение и поговорить с таном Кампосом об одной девушке, которая некогда служила во дворце. Если вы не помните ее, никто не вспомнит.

И были, были у тана основания это утверждать. Память у ританы действительно была фотографической. Она запоминала всё. Людей,

события, имена, даже число складок на платье. Чисто автоматически. Привыкла.

– Вы мне льстите, тан, но – можете продолжать, – улыбнулась «добрая бабушка». – Мне приятно...

– Я бы провел с вами вечность, ритана, но работа не ждет, – развел руками мужчина. – Прошу вас, уделите время тану Кампосу?

И удалился со всем возможным достоинством.

Тан Кампос умоляюще сложил руки.

– Ритана, прошу вас. Я понимаю, что дело было давно, но вдруг? Тогда во дворце работала некая Наталия Марина Арандо.

Ритана прищурилась. Была бы она кошкой – точно бы замела хвостом, да так, что люстру сшибла.

– Чем вас заинтересовала эта дрянь?

– Своими шашнями с его величеством, – честно ответил тан. И не прогадал.

Ритана кивнула.

– Стерва! Я ей говорила – не лезь! Супруги помирятся, а ты отсюда вылетишь... нет!

Тан Кампос даже головой помотал.

– Ритана, а нельзя ли с начала? Пожалуйста?

С начала было можно. Ритана прикрыла глаза – и рассказ полился легко и уверенно.

Дело было давно, а вот помнилось, словно сейчас.

Его величество был молод, ее величество только что приехала...

Все было хорошо, состоялась свадьба, супруги принялись налаживать мосты. Юная королева производила очень приятное впечатление. И тем удивительнее было, когда ее застали в постели с таном Игнасио Хосе Валенсуэла.

Состоялась тяжелая и неприятная сцена. Но там все было так, что сомневаться не приходилось. Он голый, она голая, оба под одеялом...

Явно же они там не сборник молитв читали?

Королева клялась и божилась, что невиновна, но синяки такие характерные у нее пониже талии тоже не из пустоты появились. И у мужчины спина расцарапана...

Король взбесился.

Ладно бы еще дело было кулуарно. Можно перенести рога, если ты по-тихому забодал ими соперника и никто об этом не знает. Но когда весь двор видел?

Когда твой позор на всю страну прогремел?

А тебе ведь жить с этой бабой, тебе с ней детей рожать, и развестись не получится. Королевские фамилии, знаете ли. Ее величество тоже не на помойке себя нашла, она тоже принцесса, она залог договора между Астилией и Орталией.

Выгонишь?

Король Орталии с тебя шкуру спустит и голым в море пустит. Но и смириться... это надо быть вовсе не мужчиной.

Ее величество была заперта в своих покоях, к ней приставили доверенных фрейлин, ну а юная ритана Варгас там и так была. Думаете, королеве простые сеньориты прислуживают?

Ладно-ладно, они тоже, но в данном случае...

Ее величество сидела у себя в покоях и лила слезу. А его величество вовсе утешался с молоденькой горничной. Да-да, тут и всплыла Наталия Марина Арандо.

Стерва!

Влезла, понимаешь, покрутила хвостом, может, королевская семья и раньше бы помирилась, но тут и королева обиделась. И пошло, одно за другим...

Договор с Орталией, конечно, не расторгли, но охлаждение в семье было. И потом оно сказалось. И на Хоселиусе Аурелио, и дальше пошло...

Королям и так сложно найти свое счастье. А тут вообще все испоганили, что могли, так вот и погубили судьбы у хороших людей. И ее величество рано умерла, от горя, и его величество из столицы уехал. И дети несчастны, и внуки – сколько жизней поломалось! Грустно это на самом-то деле.

Не был бы тан Кампос мэром города и чиновником до мозга костей, будь он дураком. Или не умеи разбираться в людях. Вот и сейчас...

– Ритана, – он смотрел на Консуэлу Анну Варгас почти умоляюще. – Почему мне кажется, что это – не все? Что есть еще нечто важное?

Ритана замаялась. Явно не хотелось ей говорить...

И мужчина решился.

– Помните... пятнадцать лет назад? Рыболоди?

– Помню, – вздрогнула ритана.

Поди, забудь такое. Страшно было до ужаса. Когда понимаешь, ЧТО было рядом, ходило, дышало, когда осознаешь, ЧТО прошло мимо...

Жутко...

– Арандо была одной из них.

– Н-но...

– Только более человекообразной, ритана. И герцог де Медина тоже...

Ритана поднесла руку ко рту. Картинка сложилась мгновенно, и была она жутковатой.

– О боже!

– Именно, ритана. Умоляю вас, расскажите. Может быть, именно дела тех дней помогут нам сегодня.

Ритана кивнула, словно в кошмарном сне.

– Да-да... я понимаю. Я расскажу...

Она потихоньку возвращалась туда, в то время, в роскошные покои, в которых, мрачно сверкая глазами, сидела за столом королева.

* * *

На слуг мало кто обращает внимание. Да хороший слуга и сам в глаза не полезет. Словно сама по себе постелется постель, поменяется белье, заштопается чулок и приготовится обед.

Невелик труд забрать корзину с грязным бельем, да и отнести ее к себе. А там рассортировать, что куда. Да, именно так. Разные вещи стирают по-разному, это целая наука. А тем, кто сомневается, можно посоветовать постирать черные носки с белыми рубашками. Занимательный опыт получится.

Но как быть, если, заходя в гардеробную, ты слышишь сдавленные рыдания?

Тихие-тихие, чтобы никого не потревожить, не насторожить, задушенные простыней, которую что есть сил прижимает к лицу ее

величество... растрепанная, простоволосая, в ночной рубашке... от нее только что ушел муж.

Выполнил свой королевско-супружеский долг и ушел.

А жена осталась почти в состоянии истерики. Да какое там – почти?! Вот в истерике она и билась, пока к ней вновь не явятся фрейлины... сколько ж можно?! Даже у стали есть предел, что там о человеке говорить?

Может, кто-то другой и вышел бы. И дверь за собой закрыл.

Но юная Конни была сделала из другого материала. И старшая сестра у нее была. И... тоже с не особенно удачливой судьбой. Так что Конни присела рядом, обняла несчастную женщину за плечи, да и притянула к себе поближе, глядя по волосам и утешая.

В первую минуту королева дернулась, но видимо, и достоинство, и гордость – все уже давало сбои. Все осталось там, на испачканных простынях. И ее величество разрыдалась вовсе уж беспомощно, понимая, что ее успокаивают и укачивают, как ребенка.

Прошло не меньше часа, прежде чем женщины смогли поговорить. Конни уже успела и водой напоить несчастную, и лакричный леденец ей сунуть (вот оказался он в кармане, что ж теперь?), и даже волосы расчесать (гребень у нее всегда с собой, мало ли что случится).

Наконец ее величество успокоилась и смогла говорить. Да и что уж там говорить...

Мария Пилар попросту не выдержала. Королевских детей, конечно, не в тепличных условиях растят, но ведь и не в атмосфере всеобщей ненависти?

И не так, чтобы круглосуточно под наблюдением... это Конни прошла, ну так она за бельем, а кто другой к покоям и близко не подойдет. Особенно слуга. Если мужского рода.

Ага-ага, мечта у королевы. Взять и изнаsilовать всех напрочь!

Вот кого-кого, а идиоток среди коронованных особ не водится. Есть стервы, есть гадины, есть блудливые кошки... да кто угодно есть! Что они – не люди, что ли?

Но одно в принцев и принцесс вбивается на уровне инстинкта.

Обеспечить престолонаследование.

Вот потом – хоть голой и на башне, с тремя крокодилами! Но потом, по-том! Понимаешь? Сначала наследник, а потом

развлечения...

Ладно!

Бывают случаи, когда лет десять супруги вместе живут, и ни муму. Тогда понятно, надо изворачиваться. Но сейчас-то что? Не то что года... полугода не прошло! И уже найти себе любовника? Да еще не в уголке где, не у него, не...

Привести аманта в супружескую спальню?

И уснуть рядом с ним? В самый что ни на есть будний день? В который у короля никаких важных или срочных дел попросту нет, так что он может и поработать, и о супруге вспомнить, и долги с нее потребовать.

Нет, такой выдающейся глупостью королева не страдала.

Но ведь было же?

А вот так... не помнила ее величество решительно ничего. Пришла к себе, разделась, легла... и уснула. И решительно ничего остального не помнила.

Только когда ее разбудили вопли оскорбленного супруга, она начала что-то соображать. Но и тогда...

Королева клялась и божилась, что ничего не помнит! Ну, не помнит она! И не понимает! И... и как это ни парадоксально, Конни ей верила. Смотрела и понимала, что вот ТАК – не лгут. Не в этом состоянии.

Только вот что проку от ее веры? Она кто?

Да служанка самая обычная, на тот момент вообще мелкая сошка. Таких по дворцу, что семечек в подсолнухе, пересчитывать замаешься. А король, увы, не верит.

И не поверит.

Но королеве и так стало уж легче. Когда она выговорилась, получила утешение и простое, чисто человеческое: «Ваше величество, а кому нужно было вас подставить-то? Да еще так?»

Тут уж и королева задумалась.

Получалось, что некому.

Но тогда – зачем?!!

И вот сколько уж лет прошло... с тех пор так дружба и связала королеву с простой служанкой. И не прекращалась та дружба, и Конни была рядом с ее величеством сколько смогла, и королева ей сильно помогла с карьерой, хотя не искала молоденькая служанка выгоды.

Просто посочувствовала. И несчастная Мария Пилар отплатила ей добром за добро. Не откупилась, не оценила хорошее отношение деньгами или должностью, а тоже – помогла.

У Конни и семья есть, и сестры, и братья... все у них хорошо сложилось. Равно, как и у самой женщины. Ее величество помогла.

А Конни всегда помогала детям королевы. И любила их, как родных.

А что здесь осталась, в Каса Норра не поехала... там свой штат прислуги был. Опять же, иногда знать, что происходит, тоже важно.

И еще...

Конни не простила его величеству смерть королевы. Она твердо была уверена, что это он, он во всем виноват!

Не разобрался!

Не захотел...

Или?..

Тан Кампос, а что вы об этом знаете?

Тан Кампос знал и не собирался скрывать от кастелянши. Дело-то выходило такое, что ой-ой-ой. Интрига на года завязывалась. И то, что большая часть интриганов уже померши, ничего не меняет. Вот ничего.

Почему-то считается, что смерть все списывает. И зря. Человек напакостит и помрет, а сколько потом людей будут мучиться и ликвидировать последствия его действий? Скольким он ломает жизнь?

Или уже сломал.

В чем была виновата несчастная королева Мария? Ни в чем. Просто у герцога де Медина была своя игра. Свои планы. И тан Кампос без зазрения совести рассказал все кастелянше.

И про Наталию Арандо.

И про ребенка королевской крови.

И про кого-то третьего, кто возник в этой истории... только вот – кто? И на что они рассчитывали?

Конни слушала внимательно. Думала, что-то прикидывала. А потом задала вопрос, который не пришел в голову тану Кампосу.

– Скажите, пожалуйста, а дочь Наталии Арандо бывала в храме?

– Да... я так понял, что бывала. Но могу уточнить.

– И внуки?

– Они – определенно.

– Наверняка принимали крещение.

– Да, – тан Кампос не был уверен до конца, но рассудил так, что семья Веласкесов нормальная. А в любой нормальной зажиточной семье крещение – всегда праздник. Не только для ребенка, но и для его родни. Допустим, Наталия Арандо не крестила дочь.

Но внучку наверняка крестили. Может, и без нее.

– Тогда и обряд коронации должен пройти безболезненно. Кровь разбавилась достаточно. Я так понимаю, что там четвертушка от нечисти – и три четверти человека?

– Да. Но...

– С нечистью я не знаю. Но королевской крови там как раз хватит. Внука его величества... м-да. То есть внука первого ребенка его величества. Это серьезно...

– Не первого. Королева родила раньше, – качнул головой тан Кампос.

– Тогда я не понимаю. И родилась дочка... если бы сын... тогда он имел бы права на престол... нет, не понимаю.

– Если мы чего-то не понимаем, значит, не видим всей картины, – вздохнул тан Кампос. – Спасибо вам, что рассказали о делах тех дней. Спасибо, ритана.

– Не стоит благодарности, тан. Если вам понадобится помощь, обращайтесь ко мне.

Тан Кампос кивнул.

– Ритана, могу ли я просить вас...

– Промолчать? Можете. Но только пока не будет определенности. Вы понимаете, что я не стану ничего скрывать от его величества или от ее высочества?

– Отлично понимаю, ритана.

Про взрывчатку тан Кампос собирался пока молчать.

Но кое-что ритана Варгас ему подсказала.

Любовник ее величества.

Да-да, именно тот самый любовник, Игнасио Хосе Валенсуэла. Он просто так оказался в постели с королевой – или нет?

И еще...

Действительно, может ли Мерседес Веласкес принимать причастие, ходить в храм и прочее. Могут ли священники почуять в

ней нечисть?

Этот вопрос тоже требовал прояснения.

Тан Кампос не стал его откладывать. Он попросту телефонировал в участок, где Серхио Вальдес внимательно выслушал его, потом навел кое-какие справки и отправился на поиски Амадо Риалона.

Информация была важная. И надо было действовать.

И – быстро!

* * *

Мерседес, не подозревая о состоявшемся разговоре, наслаждалась жизнью. Может, это и странно звучит, но...

С Вирджинией было не разгуляться.

Дом, сад, иногда несколько магазинов. Еще реже – церковь. Очень редко.

А сейчас перед Мерседес был весь огромный мир. Появляться у мастера Агирре ей сегодня было не с руки, мало ли кто и что увидит? Ночью такой кавардак был, а сеньорита Мерседес, вместо того чтобы в лежку лежать, по столице бегают?

Или, того интереснее, сеньорит всего две штуки. Одна бегают, вторая дома сидит. И такое возможно... сразу неприятные вопросы возникнут. Нет, такого Мерседес не хотела. А потому...

Она честно намеревалась попросить у тана Мальдонадо книжку и посидеть тихонько до вечера, но у тана были другие планы.

– Книжку? Сеньорита, а хотите погулять по городу?

Мерседес хотела. Но... опасно!

– Никакой опасности, – поощрительно улыбнулся ей тан Мальдонадо. – Слово даю. Но придется кое-что надеть.

Мерседес покосилась с сомнением, но тан весело улыбнулся и извлек откуда-то из-за спины... длинный каштановый парик.

– Под короткий ваши локоны не спрячешь, будет топорщиться. А под этот упишем и замаскируем, – с улыбкой пояснил он.

Мерседес подумала, да и махнула рукой. А почему нет?

И началось веселье.

К каштановому парикуну полагалось еще и платье. Серо-зеленое, Мерседес отродясь таких не носила. И украшения к нему. Только

туфли свои остались.

А потом тан Мальдонадо усадил девушку на стул рядом с окном и принялся водить по ее лицу кисточкой, ворча, что совершает преступление, уродуя столь прекрасную девушку. И не смейте возражать, сеньорита, краска косо ляжет, сказал – прекрасная?

Значит – восхитительная!

Но когда Мерседес поглядела в зеркало, она поняла, что тан прав. Целиком и полностью.

В зеркале отражалась совершенно чужая женщина. Лет на пятнадцать старше, явно сеньора, усталая...

– Никто не удивится. Меня с кем только не привыкли видеть, – ухмыльнулся тан Мальдонадо.

– Да?

– Безусловно!

Мерседес еще раз покосилась в зеркало. Чужое лицо. Просто – чужое.

– Но как это возможно?

– Немножко туши, немножко сажи... я ведь художник, сеньорита, – подмигнул ей милейший тан Мальдонадо. – Какая разница, на чем рисовать? Хотя сердце у меня просто кровью обливается. Уродовать самое прелестное лицо Римата! Это преступление!

Мерседес покраснела.

– Я... э...

Херардо склонился к ее руке.

– Не надо слов, сеньорита, лучше скажите мне, как вы относитесь к мороженому?

– Положительно, – пискнула вконец застеснявшаяся Мерседес.

И что тут скажешь? Херардо смотрел на девушку и мог только головой качать.

Дура ее мамаша. Вот как есть – дура! Ничему девчонку не научила. Ни кокетничать, ни мужчинами вертеть... на что она вообще рассчитывала?

Херардо не видел Вирджинию, но полагал, что дочь намного красивее. И не ошибся, кстати.

Действительно, Наталия Марина Арандо была великолепна. Она просто блистала, в любой одежде, она приковывала к себе взгляды,

она... она так и создавалась.

Как идеальное оружие, бьющее точно в цель.

Вирджиния была красива, безусловно. Но чего-то в ее красоте не хватало. То ли нос длинноват, то ли лоб низко-ват, то ли фигура не такая точеная... сложно сказать, но до идеала она не дотягивала. Красива, приятна, привлекательна, но той самой изюминки, которая превращает женщину в королеву и становится звездой над ее головой, в Вирджинии не было.

А вот в Мерседес – была.

Мерседес нельзя было назвать идеальной красоткой. На чей-то вкус она могла быть изящнее, на чей-то вообще блондинкой. Но отказать ей не смог бы ни один мужчина. Это уж точно.

Она привлекала взгляды даже сейчас, даже с измененным лицом. Даже одетая в жуткие тряпки. Но красота – тоже оружие! И им надо, надо уметь пользоваться!

Мать Мерседес просто ничему ее не учила, Херардо это отлично понял. Девушка краснела от самых невинных комплиментов, стеснялась, мялась, жалась по углам... так – нельзя! Ее просто сожрут!

Будь она страшенькой, она никому бы не понадобилась. А она-то красотка!

Херардо мысленно обругал Вирджинию Веласкес. И пообещал себе, что займется малышкой.

Вы что подумали? Вот не надо никаких пошлостей!

Он ее просто научит не стесняться самой себя. Улыбаться, чувствовать себя красивой, умной, обаятельной, не теряться в любой, даже самой сложной ситуации. Ведь правда – сожрут малышку. Сейчас она даже не добыча, та хоть убежать сможет, а просто жертва.

Что-то в этом царапнуло мужчину, но что?

Нет, не понять...

Значит, и понимать не надо! Надо идти кушать мороженое!

* * *

Пабло злобно поглядел в спину некроманту.

Хавьер даже не почесался – для этого понадобились бы десятка два Пабло. Да не со взглядами, а с чем потяжелее.

А охранник тем временем думал.

Занятие это было сложное, трудное и достаточно для него редкое, а потому...

Тереса...

Отличная кандидатура в его супруги.

Тереса в курсе, Пабло ей сказал, значит, теперь надо поговорить с ее родителями.

Согласна ли она сама?

Конечно! Это она просто ломается, цену себе набивает, ну так все они, девки, до свадьбы носом крутят! А потом и ничего, живут не хуже прочих!

Значит, Пабло надо начинать переговоры. Как раз, пока королевские похороны пройдут, пока траур, пока туда-сюда... девчонке наверняка пышную свадьбу захочется. Чтобы платье, чтобы подружки там всякие... что ж. Пабло не из бедноты какой! Скоплено у него кой-чего, да и родные подкинут в долг. Опять же, после свадьбы поживут они с родителями Пабло, а там, глядишь, и дети пойдут, Тересе все легче будет, если свекровь с ними помогать будет. Да и сама Тереса может его матери с младшими помочь.

Хорошо получится.

Работать?

Зачем бабе работать! Полы мыть и мужа ублажать – вот ее работа. Еще детей рожать и пожрать приготовить... а больше-то ничего и не надо. Незачем.

Так что надо начинать разговаривать. А то некрос этот... знает Пабло таких! Оглянуться не успеешь – задурит девке голову! У него деньги, подарки, мобиль, опять же. И тан, как-никак. А Пабло себя не на помойке нашел, чтобы чужие объедки подбирать! Если Тереса с этим типом закрутит, он ее... хотя нет!

Все равно возьмет, уж больно она ему нравится. Тут главное, чтобы в приданое денег побольше принесла. Это намекнуть надо будет ее родителям. Они тоже свою выгоду поймут.

Пабло потер ладони.

Ладно!

Надо идти и свататься. Если получится – забирать девку домой, да и стеречь до свадьбы.

Если нет... тогда хоть объяснить ей, что некромант – это на раз-два, а вот он, Пабло, и есть, и будет, и вообще – чем он не муж? Умный, красивый, надежный, работа есть... чего этим бабам еще-то надо?

Такого, как он, вообще надо на руках носить! Ценить и любить! Тереса поймет, не дура же! И выгоду свою баба завсегда учует!

Да, надо поговорить с родителями, и чем скорее, тем лучше.

Пабло ухмыльнулся и снова со злостью посмотрел в спину некроманту, который за какой-то надобностью снова вышел из управления. В лицо-то боязно было. Как еще Тереса не боится, с ним же рядом стоять – жутко!словно ты в сыром погребе и крысы бегают! Ф-фуууу...

Ишь ты, ходят тут, чужих невест сманивают!

Впрочем, Хавьер опять не обратил на героя никакого внимания. Для него что охранник при морге, что ступенька, были примерно равнозначны. Перешагнуть – да и дальше. Тоже еще, сокровище...

О планах Пабло он тем более не задумывался. А то...

Знаете, сколько препаратов нужно в морге?

Не знаете. А у Пабло был хороший шанс и узнать, и пополнить их количество. Но охраннику повезло, хотя он об этом никогда и не догадался. Везение – оно и такое бывает. Незаметное, но увесистое.

Глава 4

Костер на берегу был громадным.

Адэхи специально сделал его таким, чтобы хватило надолго. Не сам, конечно, рабы помогли. Ксаресы давно объяснили, что Адэхи помогать надо, вот просто надо – и точка!

Потому рабы и деревья натащили, и уложили нужным образом, и ушли, оглядываясь.

Боятся.

Правильно делают.

Адэхи собирался сделать нечто серьезное. Очень нужное. И практически необратимое. Даже для шамана.

Если он все сделает правильно – хорошо. Он останется жив. Может, еще и сто лет проживет, кто знает? Шаманы живут долго, пока сами не захотят раствориться в мире, или не возникнет сложной ситуации, которая потребует всех их сил, всех знаний.

Вот как сейчас.

Костер.

Море рядом.

Что еще остается?

Да ничего! Искунаться в море – и усесться рядом с костром. И старый бубен в руках рассылет привычную дробь, знакомую с детства.

Такой старый, что кожа на нем уже белая. От времени.

Ничего, сейчас его хватит.

Бум. Бум. Бум.

Шррррр...

Звучат глухие удары, отзываются им побрякушки из кости.

Смотрит на импровизированный жертвенник солнце.

Это ничего, что нет пирамиды.

Неважно, что Адэхи даже не нарисовал ничего.

Есть вода, огонь, земля и воздух.

Четыре стихии и шаман. Для него этого достаточно – к чему больше? И бубен в его смуглых руках говорит с миром.

Адэхи обнажен, как в день своего рождения. Одну из вен он вскрыл, и на его груди, животе и лице кровью нарисованы знаки.

То, что он собирается сделать сейчас... это сложно. Впрочем, Адэхи сможет.

Феола тоже смогла бы. Не сейчас, со временем, когда родит пару детей, но справится. У него хорошая ученица, есть чем гордиться.

Бум. Бум. Бум – звучит старая, туго натянутая кожа.

Шррррр – отзываются костяные фигурки...

И постепенно шаман опускается на песок. Бубен звучит уже и словно бы сам по себе. Тело Адэхи практически перестает двигаться, даже не видно, что он дышит.

Вообще, опасно проводить такие ритуалы. Если кто-то помешает, потом и концов не найдут. Но на земле Ксаресов безопасно. Здесь Адэхи может быть спокоен.

Бубен говорит с миром.

Шаман идет по миру.

Не тело, нет. Но разве важно, тело или душа?

Адэхи все равно. Сейчас телом он здесь, на этом острове, а душу – душу он отправляет туда, где чувствует нарастание демонических эманаций. Где скорлупа мира становится особенно тонкой. Где есть опасность прорыва.

Телом он туда не успеет.

Но отправить свою душу и магию – может.

Расскажи кому, так не поверят. И маги первые закричат – невозможно! Ладно еще выйти из своего тела, походить рядом! Но когда разорвется связь души и тела, а она через час разорвется окончательно, ты станешь просто неприкаянным духом.

Может быть.

К Адэхи это не относится.

Он может быть вне своего тела хоть сутки, хоть двое. Так долго, правда, еще не пробовал, но все когда-то случается впервые.

Тело человека не приспособлено к таким нагрузкам?

Умрет тело – и душе тоже придется уйти?

А с чего умирать телу? Не есть человек может долго, очень долго.

Не пить?

Адэхи специально выбрал место на берегу моря.

Костер за его спиной, так, чтобы сам шаман находился на границе всех четырех стихий. Между землей и небом, между огнем и водой.

А вода в море двигается. Прибой будет накатывать, не так, чтобы утопить Адэхи, но немного воды его тело получит. Достаточно, чтобы не умереть.

Ему достаточно.

С Ксаресами все договорено.

Если все обойдется, он придет к ним сам.

Если нет... десять дней хватит, чтобы выдержать время. Через десять дней сюда придут их рабы. Найдут то, что останется от тела, если что-то останется. Зажгут на этом месте костер, подождут, пока он прогорит до серого пепла. И щедро зальют здесь все водой.

И Адэхи сможет уйти.

Он не боялся смерти.

Не боялся раствориться в мире.

Старый шаман боялся другого. Самым жутким страхом шамана было не оправдать доверия мира. Вот это действительно страшно и жутко. А смерть...

Смерть для шамана – это лишь начало пути.

Смерть, принятая во имя жизни мира – вдвойне почетна.

Но пустая смерть, смерть, потому что не смог, не справился... этого Адэхи действительно боялся. Что ж.

Он здесь, Феола там...

Да исполнится предначертанное. А он сделает все, что должен.

Бум. Бум. Бум – гремит старый бубен.

Шррррр – отзываются костяные фигурки...

Право и долг шамана.

* * *

Дари металась по дому, словно у нее щупальца подождгли.

Мама!

Эллора!

Своих родных девушка искренне любила. Загрызла бы любого врага, задушила и утопила где поглубже. И сейчас, когда Эллора попала в беду, когда мама отправилась ее выручать, и тоже может... может...

Нет, думать об этом Дари не хотела.

Но – увы. Дурой она не была. Она преоотлично понимала, что может потерять свою семью. Что не может им помочь, вообще никак. Что подставляет их одним фактом своего существования.

Если мама – человек, ну... скрыть прошлое можно. Не было рядом с ней никаких мединцев. Не было, и не надо.

Эллора вполне человекообразна. Даже если ее раздетой рядом с людьми поставить... все равно в сумраке она за человека сойдет.

А вот Дарея...

Можно кричать, можно молчать – но пользы не будет никакой. Она – монстр. Поставь ее перед людьми, и девять из десяти убегут, а десятый в обморок упадет. Вот и все. Ей среди людей нет места.

Но как отказаться от тех, кого любишь?

Когда мама читала им, маленьким, сказки, ей все равно было, что Дари переворачивала странички не руками, а щупальцем. И когда Дарея болела, Лидия ее тоже на руках носила, и успокаивала, и гладила, и переживала за малышку, и ночей не спала.

И Эллора сестренку обожала, и платья для нее сама шила, и играли они всегда вместе, и плавали...

Дарея чувствовала себя так, словно ее кислотой облили.

Бежать бы, кричать, хоть что-то сделать, но что? Что можно сделать?

Вынырнуть в фонтане и заорать: «Помогите!!!»?

Поговорить с Рамоном? О да! Последнее – безусловно. Мешает только одно обстоятельство, Дарея попросту не знает, где именно любимый мужчина сейчас находится. В известном ей месте он будет только ночью, а до ночи – как?! Как выдержать эти несколько часов?

Дарея могла бы сейчас уйти в море, но... снова – куда?

Сидеть на месте она просто не сможет.

Плыть и плыть? А потом возвращаться обратно? Или плавать вдоль побережья? А вдруг сейчас все обойдется? И мама вернется, и сестренка? Надо будет просто подождать... совсем чуть-чуть... а она

сбежит? И Рамона понапрасну растревожит? Вот как оно познается, что страшнее всего ждать.

Лучше уж она побудет дома.

А если что-то случится, она всегда может нырнуть в погреб. А там потайная дверь и выход к морю.

Владычица!

Хоть бы с родными все обошлось!

Хоть бы все было хорошо!

Хоть бы...

Даря металась по комнатам, когда раздался стук в дверь.

Громкий, уверенный, даже яростный.

Девушка опрометью метнулась к двери, выглянула в маленькое окошко рядом... нет! Это чужие!

Стоит на крыльце толстая бабища лет пятидесяти, иначе и не назовешь, лупит что есть силы, по двери. Даже не ладонью, а кулаком. И ручища у нее, как свиной окорок!

– А ну, открывай! Я знаю, что ты дома! Ах ты, ...!!!

Таких выражений Даря и от моряков на пристани не слышала. Но как открыть чужому? Впрочем, тетка ее от выбора быстро избавила. Звуки-то она слышала, а совсем бесшумно Даря передвигаться не могла – щупальца! А если кто-то внутри есть, но не открывает, что с ним делать? Правильно, взять оружие и заставить! Тетка и подобрала с земли каменьюгу! Лидия этим камнем дверь подпирала, когда проветривала, тяжелый, между прочим. Но Кармен его держала, как пушинку.

– А ну, ...!!! А то сейчас все окна тебе ...!!!

Булыжник в руках незнакомки выглядел очень убедительно. Даря подумала пару минут.

Что теперь – позволить разнести дом вдребезги и пополам? Где та полиция, когда она нужна, только и могут, что невиновных арестовать! Гады!

Ну... сама напросилась!

Даря ловко, самым кончиком щупальца поддела защелку на двери и кинулась в соседнюю комнату.

Нельзя спугнуть дичь!

И на улице показываться нельзя, сейчас все тихо сидят, но из-за занавесок сто глаз любопытных смотрят, это уж точно... ничего! Она

подождет!

Пусть тетка только войдет в дом... пусть только войдет!
Дверь скрипнула, приоткрываясь...

* * *

ДА КАК ОНА ПОСМЕЛА?!

Другого вопроса у Кармен Марины Эскобар и не возникало. И можно, можно понять несчастную мать!

Каждая нормальная мать ее поймет! Несомненно!

Растишь ты ребеночка, ночей не спишь, куска не доедаешь, самое лучшее ему отдаешь! Вокруг него орлицей кружишься, мух крыльями разгоняешь... он же самый-самый лучший! Ты точно знаешь, что твой малыш – идеален.

Конечно, соседи что-то бухтят, да и муж... ну, тот вообще говорит глупости. Не так она ребеночка воспитывает, надо его драке учить, борьбе кулачной, а не на скрипке играть, и кружева для парня лишние, в драных штанах побегаёт, все равно порвет, и привычка все время бегать к маме – тоже не слишком хороша. Но это он глупости говорит! Кармен знает лучше, как надо воспитывать малыша!

Она же мать!

Она разбирается!

Она сына растит, настоящего! Чтобы идеальный получился! Чтобы опора в старости, гордость в молодости! Чтобы все смотрели и восхищались!

И Кармело вырос идеальным.

Почти? Никаких – почти! Он просто самый-самый лучший, идеальный, умный, красивый, потрясающий, невероятный... можно в королевский дворец везти, да вот беда – принцесс отгонять замучаешься! Разве нет?

Одна беда – Кармело не тан. Но это временно!

Вот сыночек сделает что-то такое, героическое, и станет таном! Кармен даже не сомневалась в этом!

Он же лучший!

Это ЕЁ сын!

Но время шло, и принцессы к порогу не торопились. Гулял где-то и героический подвиг, который должен был подвигать Кармело... конечно так, чтобы не сильно подвергаться опасности! Мало ли что?

А пока... пока сыночка удалось пристроить работать на таможню. Вроде бы и деньги неплохие, и безопасное место, и надо же ему где-то работать?

Там-то он и познакомился с этой... Эллой!

Фу, тоже еще, имечко!

Конечно, девица не понравилась сеньоре Эскобар. Но мальчику же кто-то нужен? Мальчик не может гулять по проституткам! Мальчик не может искать себе какую-нибудь бабу... еще подцепит что-то, или того хуже...

Ночным кошмаром сеньоры Эскобар была разгульная наглая девица, в коротком ярком платье, покрашенная в три слоя, которая стоит на пороге под руку с ее обожаемым сыночком и нагло произносит: «Мама, вы скоро станете бабушкой!»

Ужасные картины!

Просто кошмарные!!!

А эта вроде бы скромненькая, неприметная... ладно! Пусть пока будет!

Мальчик ходил к ней, встречался, а сегодня... сегодня пришел...

Нет, даже про себя сеньора Эскобар не могла озвучить весь этот ужас!

ДА КАК ОНА ПОСМЕЛА ТАК ОБРАЩАТЬСЯ С ЕЕ СЫНОМ?!

Ярости несчастной матери позавидовали бы штук двадцать огнедышащих драконов разом. Мать взвилась на крыло и полетела к дому обидчицы, плюясь огнем, как целая эскадрилья!

Вот, уже и дом обидчицы... и метла валяется... ах ты ж...

Кармен взлетела на крыльцо – и что есть силы забарабанила в дверь дома! Ну все! Сейчас она тут всем головы поотрывает!!!

И живые позавидуют мертвым!

Дверь была закрыта, но разве это остановит несчастную оскорбленную мать? Да никогда! Тем более Кармен заметила, как колыхнулась на окне занавеска. Услышала шорох за дверью. И разъярилась еще больше, хотя куда уж еще-то?

Прячутся? Значит, боятся! Значит, виноваты! А если боятся, она сейчас их... вот она их сейчас просто ух! И полетят клочки по

закоулочкам!

Орать женщина могла бы еще долго, но тут дверь скрипнула под ее руками и приоткрылась. Кармен и влетела внутрь, даже не соизволив подумать, что и зачем.

– Ты где, дрянь такая?!

Ответом ей была тишина.

Может, кто-то другой, слабее духом, и дрогнул бы. Вышел на крылечко, да и дверь за собой закрыл. Или хоть не орал дурниной. Но Кармен Эскобар была не из таких!

Она сейчас...

Ух!

Женщина решительно пошла вперед, подозревая, что кто-то в доме есть, а если так, то негодяи не уйдут от расплаты! Шаг, другой, третий...

Когда Даря взметнулась пред ней, словно жуткое видение из кошмаров, женщина даже не сразу поняла, ЧТО это такое. И немудрено.

Чешуя, щупальца, клыки...

– Ты что здессссссь зсссабыла?

Не говоря дурного слова, Кармен ушла в глубокий обморок.

Даря потыкала женщину кончиком щупальца. Куда там! Тетка лежала, словно труп. И... и что с ней теперь делать? Убивать?

Даря не умеет. Самое большое ее достижение – акула. Из некрупных. А если уж честно, и с ней бы девушка связываться не стала. Просто акула почему-то решила, что из ее щупалец получится хорошая закуска. А девушке это не понравилось.

После длительного выяснения отношений Даря победила. Акула, правда, оставила ей на память с десяток шрамов, и лечилась девушка потом долго. Лидия и Эллора ее выхаживали, едва не рыдая от жалости.

Ничего, зажило.

Но то акула! А эту тетку за что? Потому что дура?

Ну... как-то нехорошо ее убивать, наверное. И Даря не умеет, она никогда сама людей не убивала.

Такое вот странное восприятие. Заложить взрывчатку и убить несколько десятков тысяч человек?

Запросто! Она же их не увидит, а значит, их как бы и не существует. Маму и сестру она предупредит, они не погибнут. Остальные же... остальные – это другое. Они вот пожалеют Дарею? Поймут ее, помогут?

Или как эта, в обморок брыкнутся? Или убить ее попытаются?

Какое Дарее дело до чужих людей, которых она и не увидит-то никогда в жизни? Правильно, никакого! А вот убить данную толстую сеньору, которая прилетела скандалить... Дарее это было не под силу. И что с ней делать?

Только одно.

Дарей перекатила тяжелую тушу поближе к двери, пыхтя от натуги.

Раз, второй, третий... уффффф! Что ж ты так отожралась-то? Не будь Дарей из мединцев, не будь она сильнее обычного человека, она бы и вовсе не справилась. Но – вот.

Последний рывок, сеньора выкатывается на крыльцо, а дверь закрывается на засов. М-да.

Лучше и правда удрать в море. Очнется еще, орать начнет... мало ли что?

Дарей махнула рукой и отправилась в подвал. И правильно. Потому что ровно через двадцать минут подъехали полицейские, обнаружили на крыльце сеньору Эскобар и задержали ее. До выяснения.

Мало ли кто тут валяется?

И вообще, начальству надо предоставлять результаты. Или хотя бы побольше вариантов для выбора. Есть кто дома? Привезем – всех!

* * *

Мерседес шла по столице. Тан Мальдонадо галантно поддерживал ее под локоток, рассказывал интересные истории и об улицах, по которым они шли, и о людях, которые там жили...

Мерседес слушала как замороженная.

Мама и половины не знала. А если знала, то ей не рассказывала.

– А это калле Лилия. Знаменита эта улица забавной историей. Жила здесь когда-то цветочница. И так она была хороша, что по

преданиям, сам король к ней ездить не брезговал. Еще и букеты для супруги у нее покупал, совмещал приятное с полезным. Но люди у нас злые, недобрые. Позавидовали чужому счастью. Выходит однажды король из дома, а тут – ее величество.

– Ой, – ахнула Мерседес.

– Вот. А его величество не растерялся. Протягивает он супруге цветочки и проникновенно так: «Дорогая, я тебя люблю! Вот, за цветочками заехал!». Опрометчиво, конечно, с его стороны. Окна-то он в спальне закрывать не догадался, вся улица слышала, как ему цветочки продавали. И супруга тоже. А цветочки-то розы. А розы-то с шипами...

– Ой... – Мерседес начала догадываться, что будет дальше.

– Вот и ой... – рассмеялся тан Мальдонадо. – Выхватила его величество розочки, да как треснет ими по супругу. И раз, и второй... а колючие же! Хорошо, глаз не выбила, но жизни его величество все равно не порадовался. С тех пор на этой улице роз нет. Вообще. Торгуют только лилиями. В память о том самом случае.

Мерседес только головой покачала.

– Никогда бы не подумала. Тан, вы столько всего знаете!

– Сеньорита, а хотите мы сейчас свернем в ювелирный квартал? Погуляем, украшения посмотрим?

– Хочу! – загорелась Мерседес. Столица была восхитительна, но и ювелирное дело ее интересовало. Она сейчас временно забросила свои занятия, но это ненадолго! А пока можно и на чужие работы посмотреть! Чтобы понимать, что из ее идей можно воплотить в металле, а что лучше и не пытаться.

– Тогда нам на калле Виатрикс, прогуляемся и мы на месте. Кстати, там есть кафе, в котором подают удивительно вкусный кофе. Не желаете ли?

Мерседес желала.

Как приятно пить кофе, когда никто тебя не называет толстой, когда улыбаются, когда рассказывают разные забавные случаи. И Мерседес улыбалась в ответ.

Она чувствовала себя удивительно живой. И – счастливой.

Да, она отлично понимала, что ее родители мертвы, то есть отец мертв, а мать может еще умереть. Что ее родные подвергаются опасности. Что она сама может быть похищена и убита.

Но кто об этом думает в семнадцать лет? По-настоящему думает? В таком возрасте ни болезнь, ни смерть не воспринимаются окончательными. Просто они есть. Но это же не с ними! С Мерседес такого никогда не произойдет, вот! Мерседес была счастлива, а значит – бессмертна. Или она себя так ощущала. И ей было хорошо. По-настоящему хорошо.

И тану Мальдонадо тоже.

Он впервые за долгое время чувствовал себя живым. А оказывается, рецепт счастья такой простой! Не радоваться жизни в одну... гхм, радость. Просто поделиться с кем-то – и счастье удвоится!

Кстати, надо будет купить девушке что-нибудь на память об этом дне. Красивое и золотое. Девушки любят побрякушки.

Зачем?

Да просто так. Не рассчитывая ни на что.

Вот будет лежать у нее в шкатулке колечко или кулон-чик, посмотрит она на него спустя лет двадцать и вспомнит этот день. И порадует. Даже если самого Херардо уже не будет на свете.

Мальдонадо мог быть каким угодно. Эпатажным, сволочным, жестоким, надменным, коварным... попробуйте, выживите в творческой среде, будучи безобидными маргаритками! Растопчут и сожрут!

Но одно хорошее качество у него точно было.

Если он мог кому-то помочь, без ущерба и вреда для себя, он просто помогал. Не думая ни о пользе, ни о выгоде – ни о чем. Просто так. А если мог подарить радость – он ее подарит.

И красивая девушка улыбнется.

И жить станет немножко легче и приятнее. Много это или мало?

Господь оценит.

* * *

– Я?! ДА Я ТУТ САМАЯ ПОСТРАДАВШАЯ!!! ДА МОЙ СЫН!!! ДА ЭТИ НЕГОДЯЙКИ!!! А ЕЩЕ ЧУДОВИЩЕ!!!

Визг стоял такой, что шатались стены управления.

Амадо схватился за голову.

Казалось, сейчас от давления визга на уши глаза выпадут и по полу покатятся.

Феола сдвинула брови. А потом прошла вперед, остановилась прямо перед орущей сеньорой Эскобар – и легко-легко коснулась ее шеи.

И случилось ЧУДО!

Рот сеньора открывала. А слова вымолвить не могла, так и шлепала губами, как рыба. Большая, глубоководная...

– Будете орать – на месяц язык отнимется, – нежно предупредила Феола. – Будете орать?

Женщина замотала головой.

Не будет! И детям-внукам закажет! Да никогда!!!

Феола еще раз дотронулась до шеи женщины, только пониже.

– Говорите. Что случилось?

Со слов Кармелы, она пришла к Бенитесам, чтобы поговорить. Да, и так тоже разговаривают! С камнем в руке, для доходчивости. Кто сомневается, что все дойдет? Хотите – на вас проверим?

А что там с ее мальчиком сделали?

Он же теперь заикается! Ходит, правда, но уже три раза – под себя. Как такое спустить? Правильно, ни одна мать не потерпит, вот она и шла, чтобы разобраться с негодяйками. А там чудовище. Большое, черное, чешуйчатое – и с зубами. И с глазами, кажется... но зубов там было больше. И щупальца были! Много! Не человек – осьминог здоровущий!

– Похоже, она встретила Дарею Лидию, – Амадо думал вслух.

Феола кивнула.

– Да. И встретила, и спугнула, зараза! После такого, конечно, Дарей оставаться не рискнула. Уплыла себе в море, и вряд ли быстро вернется...

И кто бы на ее месте вернулся? Такая мать за сына кого хочешь сожрет! Повезло Дарее, что сработал фактор внезапности, а то ей бы и щупальца вырвали, и чешую общипали.

Амадо думал недолго. сеньора Эскобар была решительно выставлена за дверь на том основании, что по чудовищам – не к ним. К некромантам. Дать рекомендацию к тану Карраско? Он у нас при морге работает, с удовольствием вас препарирует. То есть примет, конечно. Простите, оговорился.

Нет? Странно.

К магам хотите? Вот, ритана Ксарес маг огня, кого хочешь поджарит! Дать адрес? Тоже нет?

Тогда вопрос. Вас это чудовище покусало? Атаковало? Где следы погрызов?

Ах, нету! Ну вот когда убьют, тогда и приходите! Конечно, это свинский подход. И с кем-то другим Амадо в жизни бы себе такого не позволил. Но в данном случае все его симпатии были на стороне чудовища.

То есть – Дареи.

У вас сестру арестовали, мать арестовали, вы сидите дома, не зная, что делать, тут приходит такая мамаша... и ведь жива осталась! Амадо за себя бы не ручался, а Да-рея, хотя и могла свернуть тетке шею, сдержалась. Косвенно это говорило в пользу девушки.

Сеньора хотела заорать, потом вспомнила, что до камеры недалеко, а за хулиганство в общественном месте – десять суток, сдержалась – и вылетела из участка, плюясь ядом и возмущением. А Амадо направился в камеру, в которой сейчас содержались Лидия и Эллора.

– Сеньора, сеньорита Бенитес.

– Тан Риалон?

– Я вынужден попросить вас задержаться у нас в гостях. На некоторое время.

– Здесь? – Лидия обвела глазами камеру.

– Да, пока здесь. Это не арест, обещаю, что еду вам будут доставлять из хорошей таверны, если нужно что-то из вещей – скажите. Но выпустить я вас пока не могу.

Бенитесы переглянулись.

– Ничего, – тихо сказала Эллора. – Если это ненадолго... может, белье и расческа?

– Я прикажу. Простите за неудобства, но у меня нет выхода. Вам лично ничего такого не надо? Вода? Пицца? Что-то особенное?

– Нет, тан Риалон. Мединцы не слишком отличаются от людей. Я не слишком отличаюсь.

– Хорошо. Еще раз простите за неудобства.

Амадо попрощался и вышел из камеры. Эллора переглянулась с Лидией, а потом подошла к рукомоинику в углу.

Вода там была ржавая, гадкая, но проточная. А это главное.

Эллора вдохнула, выдохнула, собралась...

Она маг воды.

Слабенький, паршивенький, но маг. И сейчас ей потребуются все ее способности.

Руки погрузились в воду.

– Дари, с нами все в порядке. Мы в полиции и будем здесь еще какое-то время. Не беспокойся за нас, главное, сама не попадись. Береги себя, мы тебя любим.

Сила, исходящая из ее рук, зримо питала воду, окрашивала ее голубоватым цветом – и искрящиеся струи уходили в слив, растворялись без следа. Такое не отследишь, не подкараулишь.

Этого достаточно.

Больше Эллора сказать не может. Сил не хватит. Она и так стоит, шатается. Лидия подхватила дочь, уложила на тощий матрас, погладила по голове.

– Отдохни, Элли. Все получилось, ты умничка, детка.

– Да, мама...

Эллора зевнула – и через минуту уже спала. Сил много потратила. Лидия улеглась рядом, обняла дочь, укрылась двумя одеялами. Так теплее, Элли всегда после магии мерзнет. Но это было необходимо сделать.

Вода пойдет дальше, вода рано или поздно найдет Да-рею, вода скажет ей о родных...

Они семья. Пусть вот такая, необычная, исковерканная, с чешуей и щупальцами, но семья. И Элли никому не даст в обиду свою сестренку.

Дари, держись!

Держись, доченька!

* * *

Трещотку Амадо Феоле вернул. И сразу же поинтересовался, нет ли чего полезного? Вот, для поисков всяких черных и чешуйчатых в море?

– Поиск человека?

Феола задумалась, но ненадолго.

– Она может быть в море. А в соленой воде некромантия бесполезна. И водяные маги ее не найдут – далеко. Может, есть что-то... какая-то методика...

– Есть, – вздохнула Феола. – Есть. Но я не уверена, что она законна.

– А вот на это мне глубоко наплевать, – фыркнул Амадо. – Тан Кампос нам что хочешь одобрит. Феола, в чем она заключается?

– Я смогу призвать душу Дареи и поговорить с ней, – вздохнула Феола.

– Она же не умерла.

– Мне и не надо ее смерти. Мне надо, чтобы она спала. Я кратенько о теории, ладно?

– Слушаю, – кивнул Амадо, который хоть и изучал индейцев, но о шаманской магии знал на редкость мало. И то!

Индейцы чужаков в магии признавали только в одном виде. Жертвы на алтаре. И никак иначе. А чтобы обучать кого-то, делиться...

Феола была исключением. Единичным. Амадо им не стал бы никогда.

– Душа человека не прибита к телу гвоздями. И когда человек спит, она отправляется в путешествие. В верхний мир, в нижний мир, куда получится... иногда и к другим людям. Вот эту частичку души я смогу притянуть к себе. И расспросить. Она знает все, что знает сама Дарейя. Так что я смогу. Только потом опять могу свалиться. Я еще не настолько сильная, как Адэхи.

– Ясно. Феола, милая, это обязательно надо сделать. А Дарейя потом будет помнить допрос?

Феола, которая мечтательно улыбнулась от слова «милая», качнула головой.

– Нет. Не будет. Кто же помнит все свои сны? Может, неприятные ощущения и сохраняются, но и только. Она ничего не должна вспомнить. А и вспомнит – мало ли что приснилось?

– Ясно. Что нужно для допроса?

– Частицы, – удивилась Феола. – Ногти, волосы, да хоть платок сопливый. Можно кровь кого-то из родных...

Теперь задумался уже Амадо.

Кровных родственников у Дареи точно нет.

– Молочная мать не подойдет? Та, которая ее выкормила?

– Нет. Нужна именно общая кровь. Или частички тела.

Ногти, волосы... и рад бы, да нету! Это он сейчас даст задание полицейским. Пусть обыщут дом Бенитесов. Если что-то найдется, пусть тащат сюда, и побыстрее, и побольше!

– Когда можно будет провести обряд?

Феола подумала недолго.

– Когда... Да, пожалуй, этой же ночью. Я надеюсь, Да-рея будет спать – и ее душу притянет ко мне. Лучше бы после полуночи... мне нужны частички тела, тогда я попробую настроиться и почуять, спит она или нет.

– А если не будет спать?

– Тогда придется подождать. Пока человек бодрствует, я ничего с ней не сделаю. Тем более мединец. Если вообще это сработает на полурыбах.

– Я сейчас телефонирую. Все будет.

– Хорошо, – кивнула Феола.

Попрощалась, положила трубку, прислушалась к себе. Вот честно?

Самочувствие у нее пока еще не очень. И хорошо бы воздержаться от магии хотя бы дня три. Только нет у них этих дней. Попросту нет.

Тогда какие у нее варианты?

Феола позвонила в колокольчик, но вместо служанки пришла Висента.

– Помочь нужна?

– Нужна, – не стала спорить Феола. – Винни, ты не могла бы мне принести побольше сладкого? Мне надо все это съесть – и уснуть.

– А...

– Надо срочно восстановиться. До ночи.

Это Висента понять могла. Надо так надо. Владелица антикварного магазинчика тоже была магом, некромантом. И Винни отлично знала, что Антония Лассара после любой магии начинает коробками поедать свой любимый апельсиновый мармелад с корицей. И кофе.

– Я сейчас все принесу. И прослежу, чтобы никто не будил.

– Спасибо, – улыбнулась ей Феола. – Если что-то пойдет не так, пусть будят. Но я надеюсь, до вечера новых проблем не будет.

– Хорошо. Может, я пока съезжу, справки наведу про твоего кошмара. Который Толедо!

– Отлично! – обрадовалась Феола. – Я как раз к вечеру проснусь, а ты мне расскажешь. Если узнаешь что-то!

– Расскажу все, что узнаю. А вечером... ты уедешь?

– Нет, – Феола махнула рукой. – Моя магия сработает хоть здесь, хоть там... был бы живой огонь, а он у меня будет.

Висента кивнула.

И тихонечко порадовалась и за себя, и за Веласкесов.

Вот как хотите... успокаивает. Когда рядом такая сила, можно бояться только ее. А все остальное уже не страшное и не опасное. Сама Висента тоже не ромашка безобидная, но Феола... рядом с этой девчонкой Висента почувствовала себя просто... просто монашкой! Которой только и осталось, что молиться!

Феола не чудовище. Но можно ли назвать ее человеком? Висента не знала. Мумий она тоже видела. Сначала даже испугалась Феолы. Слов нет! Это ж надо, на что она способна! А потом подумала, что маги вообще существа страшноватые. Вот вам Риалоны, Лассара... некроманты же! Трупы поднимают! Призраков вызывают! А Феола может вот такое... важно не какие у тебя способности, а как ты их применяешь! Феола пока их только защищала. И рядом с ней как-то спокойнее становится. И ей и Веласкесам. Так что Висента кивнула и ушла на кухню, чтобы вернуться с кучей разных сладостей и большим калебасом с матэ.

Феола поблагодарила, кое-как съела все, что смогла впихнуть – и уснула, чувствуя неприятную тяжесть в желудке. Но надо.

Сейчас она поспит, и к вечеру ей будет намного лучше. А что восстанавливаться тяжело... ей кто-то обещал, что будет легко и приятно?

Нет.

Вот и не надо мечтать о несбыточном. Спим...

* * *

– Я? – удивился Хавьер.

– Именно ты, – кивнул Амадо? – с нарядом полиции.

– Но...

– Карраско, моя бы воля, я бы отца дождался, от него пользы точно будет больше. Но у меня нет выбора. И запасных артефактов у Феолы тоже нет. Она дала бы, но – увы. Только на тебя и осталось надеяться.

Хавьер посмотрел на Амадо, как на таракана. Особо отожравшегося и потому наглого.

– Риалон, я ведь прокляну – и не снимут.

– Карраско, ты хоть обпроклинайся, но выбора у нас нет. Я не отличу мединца от обычного человека. И не справлюсь с такими тварями. А ты все же некромант.

Хавьер сверкнул глазами, пообещав припомнить наглое «все же». Но признал, что логика в словах Риалона есть. Действительно, сам Хавьер справится практически с любой тварью.

А Риалон – не маг. Даже рядом не стоял. Кто его знает, чем медицы владеют? Теоретически – чем угодно! И магией воды – тоже. И воздуха... вроде как было в материалах дела, что маги у них есть. Так что выбора нет. Но поломаться для приличия надо.

– А эта... рыжая?

– Сегодня ночью пытались убить Веласкесов. Удалось предотвратить покушение, но Феола до вечера с кровати не встанет. И ей отдохнуть надо, у нее ночью поиск.

– Поиск? – тут же заинтересовался Хавьер.

– Магия шаманов позволяет найти человека даже в море, – обтекаемо ответил Амадо.

Потомок целого клана некромантов тут же заинтересовался новыми знаниями.

– Как именно?

– Это лучше спросить у Феолы.

– Риалон, бартер. Я еду к этому... как его там...

– Игнасио Хосе Валенсуэла.

– Вот. Еду к нему и разбираюсь, мединец он, не мединец... помогу с допросом, вообще во всем помогу. А ты договариваешься с ританой Ксарес. Хочу посмотреть на магию шаманов в действии.

Амадо только головой покачал.

– Я поговорю с ней. Слово даю. Но если она не захочет, не обессудь. Сам понимаешь, шаманы...

Хавьер кивнул.

Это он мог понять. Шаманы?

Не только они. Еще и некроманты. Ему бы тоже не понравилось присутствие постороннего человека, когда он работает.

– Договорились. Где полиция?

Амадо молча кивнул в сторону входной двери.

Конечно, можно было телефонировать Серхио Вальде-су. Он бы поговорил с Карраско, убедил, приказал...

Наверное.

Круг обязанностей Хавьера прописан достаточно четко, и в нем никак не значителен гоняться за мединцами. Более того, он может и рывкнуть, и уйти...

А другого мага под рукой сейчас нет. Тем более достаточно надежного и неболтливого.

Если вся история с мединцами дойдет до короля... тут важно, когда и как она дойдет.

Или ему расскажут сейчас, что в столице может случиться взрыв и вызов демона... ну, тут уже и взрыва ждать не придется. Головы и так полетят, и этак.

Или ему потом расскажут, что, мол, были проблемы, но мы их все решили, ваше величество, коронация же прошла без проблем?

Вот, а кто там, что там... чего вам в такие мелочи-то вникать?

Хавьер, конечно, та еще пакость. И Амадо его терпеть не может, и вполне взаимно, как и всех Карраско. Но он, по крайней мере, зависит и от Серхио, и от тана Кампоса. И понимает, что лучше чуточку поступиться гордостью и спокойно работать в хорошем месте, чем нажить себе врагов и проблем.

Хавьер хлопнул дверью морга.

Амадо развернулся и пошел по своим делам.

Тереса, которая отлично слышала разговор, задумалась. Она – помощница, так написано в официальных документах. Но сейчас ей заниматься нечем. Можно, конечно, разобрать в морге и сделать уборку. Но...

Убьют.

Гнев человека, которому все перебрали, переложили, «навели порядок», и он теперь даже не представляет, где и что искать... это сродни урагану. И накроет, и размажет. И прав будет. Такая вещь, как

уборка на рабочем месте некроманта, первый раз должна делаться только под его строгим присмотром и контролем. А то и не один раз, чтобы всё запомнить и ничего не наворотить.

Сидеть просто так, сложа руки?

Это тоже неправильно.

А вот позаботиться о самом некроманте – это можно. Придет теперь голодный, усталый... вывод – надо накормить и напоить. А нечем. Вот этим вопросом Тереса и займется. Вкусы тана Карраско она уже примерно поняла, так что – вперед.

Мужчин надо кормить. Это древняя народная мудрость.

* * *

– ОНО!!! Жуткое такое! Чешуйчатое и глазастое!

Сеньора Кармен Эскобар рассказывала свою историю уже не в первый раз. После отказа от Амадо Риалона она принялась бегать по соседям, но и тут ее слушали без внимания.

Надоела она всем, что та рыба чешуя. Особенно рассказами про своего самого лучшего, умного, замечательного, восхитительного сына, который достоин всего-всего... просто принцессы о нем не знают, а так бы очередь тут выстроилась! Но гонять ее было занятием долгим, муторным и убыточным. Как разорется, считай, весь день насмарку. А потом еще по городу понесет... понятно, веры ей нет, но ведь неприятно! Кто ж по доброй воле в луже валяться будет?

Сейчас же...

По соседям она пошла и принялась рассказывать про то, что случилось у Бенитесов. Но кто ж тебе поверит-то?

Ты бы хоть что приличнее придумала! А то монстры-щупальца, рыба-колбаса... что ж тебя тот монстр не сожрал? Столько мяса вхолостую пропало?

Раз ей такое высказали, два...

Кармен, конечно, возмутилась. Но полноценный скандал устроить не получилось – увы.

Стоило ей открыть рот, как перед глазами снова плыли чешуя, щупальца, безжалостные синие глаза – и горло аж судорогой сводило.

Ненароком Даря оказала громадную услугу и семейству Эскобар, которое изнемогало под гнетом авторитарной матери, и всему кварталу, в котором жила Кармен. Жить им стало намного спокойнее и тише.

* * *

Даря целеустремленно плыла к известному ей островку.

Мама, Элли...

Что с ними будет?

Что с ними сейчас делают?

При одной мысли о том, что их могут пытаться, допрашивать, а то и вовсе убить, аж щупальца судорогой сводило.

И потому, когда послышался голос Эллары, Даря резко остановилась, словно на стену налетела.

– Элли?

...береги себя, мы тебя любим...

Если бы Даря могла плакать, она бы заплакала. Она точно знала, что это Элли, что они с мамой ее любят, что это ее магия. Элли ведь может говорить с водой...

Они живы.

Остальное – детали. Надо их просто вытащить из... действительно, а откуда их вытаскивать? Об этом Элли не сказала!

Впрочем, такие мелочи Дарю не остановят! Она сейчас встретится с Рамоном, и любимый придумает, что делать! Обязательно!

Он же самый умный, самый-самый... он не бросит в беде ни ее, ни ее родных! Он все поймет!

Черная тень метнулась в толще воды – и пропала. Как и не было.

* * *

Мерседес чувствовала себя на вершине блаженства.

Один ювелирный магазин, второй, и везде можно посмотреть украшения, померить, почерпнуть какие-то идеи для себя... нет,

девушке не так интересно было их носить, как посмотреть, повертеть в руках, прикинуть, как это можно сделать... а вот тут она бы сделала лучше. Слишком много камней, аляповато.

И с золотом перебор...

Херардо слушал и думал, что у малышки идеальный вкус. Она просто чувствует, что и кому будет к лицу.

И чувство стиля. И соразмерность. И вообще, ее мамаше голову бы оторвать! Такой бриллиант гранить надо, в достойную оправу, а она что? Засунула девочку, словно в карман, да еще закрыла от всех. Тьфу, дура!

– А это что?

Херардо пригляделся.

Мерседес держала в руках подвеску, которую он не видел ни разу. Но точно мог сказать, из чьих рук вышла эта вещь.

Голова женская, но вместо ушей – рыбы, во рту клыки, в волосы вплетены щупальца, вместо глаз рубины, такое увидишь – второй раз не захочешь, а не забудешь. Не красота, не уродство, а их сплав. Завораживающий и жуткий.

Конечно, Сальвадор Пабло Коронель. Кто бы сомневался.

– Тебе понравилось? – уточнил он.

Мерседес покачала головой.

– Нет... и ощущение такое... неприятное. Словно кто-то наждачкой по коже провел.

Херардо кивнул.

– От произведений Коронеля у многих такое начинается. Но многим нравится. Эпатаж, китч...

Мерседес вернула подвеску продавцу.

– Нравится?

– Тан совершенно справедливо заметил, сеньора. Произведения маэстро Коронеля многим по сердцу, и продаются за высокую цену, – кивнул продавец.

Мерседес передернулась. Но...

– А можно посмотреть что-то еще из его работ?

Продавец задумался и покачал головой.

– Пожалуй, что нет. У нас и было всего три работы. Вот эта подвеска, браслет и серьги. Осталась только подвеска. Но, возможно, позднее?

– Мы зайдем еще, – согласился Херардо. – Купить тебе эту подвеску?

– Нет, – даже передернулась Мерседес.

«Красота» вернулась к продавцу, Херардо подхватил девушку под локоть и вывел на улицу.

– Мерседес, все в порядке?

Девушка качнула головой.

– Не знаю. Коронель, да?

– Сальвадор Пабло Коронель. Весьма известный в своей области ювелир, его произведения легко узнать. Ты что-то почувствовала?

Мерседес кивнула.

– Да, пожалуй. Мне неприятно его украшение. Но так... странно.

– Странно? – насторожился Херардо.

Он был не в курсе происхождения Мерседес, но пообщался с девушкой уже достаточно. Просто так она переживать не будет.

– Словно оно мне знакомо. Но я никогда его в глаза не видела.

– Может, ты видела нечто подобное в детстве, но забыла?

Мерседес покачала головой.

– Нет, вряд ли. Тан Мальдонадо, я могу телефонировать тану Риалону?

Херардо задумался.

– Безусловно. Но у меня есть предложение получше. Мы можем наведаться собственно к Коронелю. А уж потом, от него, если ты что-то будешь чувствовать... почему не телефонировать следователю чуть позднее?

Мерседес задумалась.

Ну да, ей было неприятно прикасаться к подвеске. И ее словно холодом пробирало, и вообще... отвратительное ощущение. Словно на тебя глядят злые глаза из темноты, глядят, и демон их разберет, что им нужно.

Но...

Вдруг это просто ее нервы?

Или действительно, реакция именно на эту подвеску? Бывает ведь и такое! Бывает! Еще и не такое бывает, если уж честно. Может, и правда стоит пойти к Коронелю? А там уж...

И Мерседес решительно кивнула.

– Да, наверное, так будет лучше.

Херардо кивнул и подхватил девушку под локоть.
– Идем.

* * *

Амадо тем временем потрошил архивы. Именно там добывается самая ценная информация.

Вот и в данном архиве налоговой полиции ему нужно было нечто важное. А именно список имущества некоего Валенсуэлы.

Убийства, кражи, шантаж... да любое, вообще любое преступление оставляет финансовый след.

Жил да был человек. и вдруг прикупает он себе дом.

А откуда денежка? С неба упала? На морском берегу нашел?

Если есть обоснование, это хорошо. А если нет?

И не стоит считать налоговую полицию всемогущей. Там тоже люди работают, и потерять что-то могут, и пролопоушить... все живые! Болела у сотрудника голова, вот он и не присмотрелся. ...Или наоборот.

Голова не болела, а на душе было радостно – подарок занесли. Хороший подарок, вкусный. Вот и выпала из его внимания строчка-другая отчета.

Амадо о такой практике знал и собирался проверить все досконально. Пока картина получалась... интересная. Жаль только, что времени на просмотр документации за последние пятьдесят лет требовалось много. А меньшим и не обойдешься. Не просто ж так этого гада поймали с королевой?

Нет, не просто.

Значит, следы надо искать ДО того случая.

А вот за сколько времени ДО? Кто ж его знает... не угадаешь, не разберешь.

Род Валенсуэла был древним и знатным, но нищим. И пятьдесят лет назад он был не из богатых. Да-да, налоги.

Те самые налоги, которые не платит только король. А всем остальным – простите. Платить придется.

Вот, пятьдесят лет назад налоги были буквально из медяков. Полуразваленное поместье, полуразрушенный дом. Продано очень

многое.

А потом благосостояние семьи начало выправляться.

Откуда?

А вот ЭТО в налоговой декларации не указано. Увы. К примеру, начала милая девушка жить с мужчиной, а он ей подарки делает. Она их продала, да и купила себе дом.

За дом она налог уплатит, а откуда деньги, указывать не обязана. Увы.

Амадо это очень огорчало. Но налоги ему еще кое-как доступны, а вот казначейство, банки...

Можно! Кто бы спорил – можно! Но это все равно не на один день работы, и не на два. А мысль у Амадо была проста. Пока он лопатил налоговые декларации, служащие спешно составляли ему списки недвижимого имущества семей Валенсуэла, Веласкес и Арандо.

Не так, чтобы медленно, но и не слишком быстро, увы.

Зачем? А ГДЕ закладывать взрывчатку? В канализации?

Чисто теоретически можно и там.

А чисто практически – место уж больно неудобное. Римат – город у моря, то есть тут уровень грунтовых вод высокий, и заливают канализацию, и затапливают, и наводнения, и грозы, и сели случаются... или закладывать ее надо в последний момент, или рисковать, что ее смоеет, что она придет в негодность, что на нее кто-то наткнется... не приставлять же охрану к каждой закладке?

И не замуровывать ее в стену... потом ведь не взорвешь! Да и в стене она отсыреет! Кто не верит – можете купить дом у моря и проверить. Очень высокая влажность.

А потому – нелогично делать тайники заранее. А вот поручить своим людям... мединцам... купить несколько домов в нужных местах, да и оставить взрывчатку в подвале, как у Наталии Арандо? Запросто!

Кстати, может, и у Наталии Арандо ее планировали взорвать. Квартал там такой... домишки скученно стоят. Человек сто могло бы скосить, а то и побольше. А с улицы по трупу – мединцам гекатомба. Это теоретически.

Больше у Амадо вариантов пока не было.

Когда Хавьер побывает у Валенсуэла, они могут или появиться, или нет. А пока... пока хоть что-то делать.

Скажете – хомячок в колесе? А и плевать... вы говорите, а Амадо делать будет. Вот так.

Кстати... а если посмотреть тех, кто связан с Валенсуэла? Может, какая дальняя родня, или ближняя? Двоюродные, троюродные... а вдруг?

И Амадо в порыве служебного рвения зарылся в бумаги.

Кстати...

Как насчет убитого помощника секретаря? Ладно, сейчас он получит все выписки и сходит, побеседует с кем надо.

* * *

Когда Анхель вошел в кабинет, Лоуренсио отложил счета и посмотрел на друга так, что стало сразу ясно – сработало.

Есть подсечка.

– Ты чего, мой друг, невесел? – Анхель выглядел очаровательно. Костюм с иголки, улыбка ослепляет, а блеск бриллианта на пальце меркнет перед блеском его глаз. Устоять невозможно!

– Я был на кладбище, – отозвался Лоуренсио. – Наводил справки.

– И?

После рассказа про Караката Анхель показательно задумался. Побарабанил пальцами по столешнице.

– Даже и не знаю, что тебе сказать, дружище. Очень ситуация неоднозначная...

– Да неужели?

– Конечно. Сам понимаешь, такое не прощается.

Лоуренсио кивнул.

– Понимаю.

– Но может, можно попробовать откупиться.

– Хм... И сколько это может стоить?

– Да уж понятно, не одну тысячу монет. Но жизнь дороже... и свобода...

– Свобода... да, свобода. В тюрьму мне не хочется.

– Это еще, если в качестве выкупа не потребуют кого-то из вас. Тебя, Феолу, Алисию...

– То есть?

– Лишил девицу-красавицу жениха? Вот и женись в обратную.

Лоуренсио аж передернуло. Понимая, что сестер надо выдавать замуж, сам он в брачное ярмо вовсе не стремился. Что там хорошего-то? На свете столько красивых женщин, а он навеки связан с одной?

Не пойдет!

Не хочу!

– Вот еще не хватало!

– Тогда надо договариваться. Может, даже что и с Каракатом. Заплатить, чтобы тебя с ним свели, а там видно будет. Поговоришь, подумаешь...

Лоуренсио эта перспектива не нравилась, но...

– Боюсь, другого выхода у меня не будет.

– Только надо подумать и о себе, и о сестрах. Может, тебе заключить помолвки? Хотя бы фиктивные, для вида, чтобы показать, что на брак рассчитывать не стоит?

Лоуренсио качнул головой.

– Нет, вряд ли. У меня никого нет на примете...

– Ну, это не проблема. Найдем кого-нибудь посимпатичнее... Кстати, а как поживает Алисия Катарина? Могу я выразить ей свое почтение?

– Можешь, – кивнул Лоуренсио. И коснулся колокольчика. сеньора Торо ждать себя не заставила.

– Тан Ксарес? Тан Толедо, доброго вам дня.

Анхель кивнул, считая, что здороваться с каждой экономкой – ниже его достоинства. Лоуренсио чуть склонил в ответ голову.

– Сеньора Торо, где сейчас мои сестры?

– Ритана Алисия уехала кататься с таном Ортисом. Ритана Феола у знакомых...

– Ах да! Я и забыл, что отпустил ее на несколько дней к Веласкесам.

– Веласкесам? – удивился Анхель, который вроде как и слышал это имя, но где и когда?

– Да, Феола подружилась с их дочерью... или внучкой... кажется, внучкой.

Анхель задумался.

– Погоди, это не те Веласкесы, о которых писали в газете?

– В газете? А что?

– Про убийство?

Лоуренсио откровенно растерялся.

– Я не уточнял у Феолы. сеньора Торо, вы не в курсе?

Сеньора была в курсе. Телефон Веласкесов у нее был, но ставить в известность эту дрянь? Анхеля Толедо?

Перебьется восемь раз!

– Простите, тан Ксарес. Это не мое дело.

И даже не соврала. Следить за ританой – не ее дело. И точка.

– А тан Ортис? Почему я не знаю, что он появляется в нашем доме?

– Он не заходил в дом, – честно отчиталась сеньора. – Он телефонировал ритане Алисии и пригласил ее на прогулку.

Анхель скорчил рожу.

– Осторожно, Рен. У Ортиса та еще репутация, оглянуться не успеешь – придется незаконного ребенка воспитывать.

– Алисия не такая, – сдвинул брови Лоуренсио.

– Такая, не такая... знаешь, почему Ортиса невеста бросила?

– Почему?

– Да потому, что он изменял ей со всеми встречными. Просто со всеми. Вот ей и надоело терпеть. Я просто оказался рядом в неподходящий момент... думаешь, почему меня Ортис ненавидит? Да именно поэтому! Не может простить мне своих грехов.

Лоуренсио только вздохнул.

– Ладно... спасибо, сеньора. Подавайте обед, хорошо?

– Да, тан Ксарес.

– Анхель, пообедаешь со мной? Заодно поговорим, а там и Алисия вернется?

– Да, буду рад.

– Вот и отлично. У нас сегодня суп-крем из морепродуктов, паэлья...

Мужчины направились в столовую, беседуя о совершенно мирных вещах.

* * *

– Дядя Рей, добрый день.

Начала Висента с самого простого – телефонировала одному из самых осведомленных людей Римата.

– Здравствуй, Винни. Что случилось?

– Дядя Рей, скажите, вы ничего не знаете про тана Толедо?

Рейнальдо Игнасио Шальвейн задумался. Ненадолго.

– Да, знаю. Любит жить за чужой счет. Кажется, живет по поддельным документам. Ко мне на грифель он не попадал, внимательно я им не занимался. Так, всплывало...

– Поддельные документы?

– Это надо уточнять. Я не уверен, но для тана – он общается со слишком подозрительными людьми. И общается уверенно.

– Уверенно?

– Да. Ты себя будешь неуютно чувствовать при дворе?

Винни поняла, о чем речь.

Можно иметь дело с людьми из разных слоев общества, но чувствовать себя с ними легко и непринужденно? Такое не сымитируешь... тану легко с танами, подонку с подонками. А если человеку одинаково легко и там, и тут, значит, где-то он носит маску. И в этом надо разбираться. Даже дядя Рейнальдо, хотя и одинаково легко себя чувствует и в трущобах, и во дворцах, притворяется и там, и тут. А настоящий он в полиции. А Толедо?

– А еще что-то? Дядя Рей?

– Вроде бы ищет богатую невесту. И какая-то история с самоубийством там с ним связана. Точнее не знаю.

– Это и так много. Спасибо, дядя!

– У вас все в порядке, Винни?

– Терпимо, – обтекаемо отозвалась девушка. – Вас не хватает. Дядя Рей, как ваша нога?

– Пока болит. Лежу, не хожу даже на костылях. Перелом плохой, может кость сместиться.

– Плохо, – девушка была искренне расстроена.

– Знаю. Но это безвыходная ситуация.

– Дядя Рей, к кому можно обратиться, чтобы о нем расспросить?

– К Пауку. Очень советую. Ты справишься.

Винни в себе и не сомневалась. Подумаешь, Паук! То есть... неприятно, конечно, но она сможет!

– Определенно. Спасибо, дядя Рей!

- Держитесь, Винни.
- Обещаю...

* * *

Тан Патрисио Ксарес оглядел столовую.

Скучно.

Попросту – скучно.

Про Феолу он помнил, но пока по его просьбе наводят справки, надо же чем-то развлекаться?

Справки – это дело небыстрое, пока то, пока се, надо же не просто о человеке, а подноготную. Чем его зацепить можно! Это сразу и не узнаешь, поэтому Патрисио передумал давать Розе задание. После их встречи в магазине Феола будет очень негативно настроена по отношению ко всем Ксаресам. А вот попросить знакомого из полиции – это можно.

Пусть кого расспросит. У них работа такая, их этому учат.

Справятся.

А пока Феола не попала ему в руки, остается только своя семья. Одни и те же лица, одни и те же фразы, глаза, слова, разговоры... нет, так он до ста лет точно не доживет, помрет со скуки. Но что сделать для оживления сборища?

Хотя... идея есть.

И главное, как всем будет весело!

А уж как весело будет ему. И тан обратился к дочери, которая сидела за столом с самым несчастным (после вчерашнего) видом.

– Розы, как поживает твоя вчерашняя знакомая?

– Эммм... отец?

– Ритана... Риалон?

– Да, отец.

– Или ты не знаешь? – в голосе патриарха семейства Ксарес начали потрескивать разряды приближающейся грозы.

Роза помотала головой.

– Отец, мы пока еще не общались... сегодня.

– Зря, очень зря. Милейшая ритана, – взмахнул рукой Патрисио. – Телефонировать ей. Я бы хотел пригласить ее на ужин...

– Эммм...

– Ну да. Вечером, к нам. И буду рад, если вы подружитесь.

Роза перевела дух.

На секунду ей показалось, что отец предполагает романтический ужин. А это не так. Все в порядке, отец просто немножко неправильно выразился. Бывает.

– Конечно, папа. Я ей телефонирую сразу же после обеда.

– Да, будь любезна.

И Патрисио с чувством выполненного долга принялся за еду. Первый шаг сделан. Посмотрим, что будет дальше... он-то развлечется в любом случае. Это уж точно.

* * *

Мужчина, который среди своих носил говорящее прозвище Могильщик, посмотрел на подручного.

– Чего тебе?

– Никак сбrehал Крыс?

– С чего ты так решил?

– В доме только одна девка. Светленькая такая... сочная! Сам бы... ух!

За уханье и получил, хоть и не слишком сильно. Там и так-то мозгов нет, если посильнее треснуть, вообще голова работать не будет.

– На нее Крыс глаз положил.

– А второй нет... а что нам тот Крыс, а? За такую ух сколько дадут! Можно ее на похоронах и того... и вторую тоже, если появится?

Могильщик задумался.

Волшебное слово «деньги». Много.

Прямо-таки замечательное слово... действительно, за двух девчонок дадут больше, чем за одну. А тот Крыс ему не брат и не сват... навел?

Спасибо! И свали в туман, процент получишь. Чего тебе еще-то надо? Действительно, можно взять обеих. И похороны короля – самое подходящее время и место. Цапнуть баб и на корабль их. А там и отплыть через денек...

Могильщик уверенно кивнул.

– И у тебя, Борода, голова иногда умные мысли рождает, прямо удивительно! Пожалуй что, так и поступим. Готовьте два места, чтобы перевезти баб...

А Крыс утрется. Невелика птица – много не нагадит.

* * *

Феола спала и видела сон.

Они с Адэхи сидели у костра. Сидели, попивали мате, Адэхи привычно перебирал одной рукой свои амулеты...

– Я рада видеть тебя, учитель.

Плох тот шаман, который не отличит сна от реальной встречи.

Да, именно, что реальной. Пусть она происходит в верхнем мире, это неважно. Важно, что они сейчас рядом.

– Ты потратила много сил, ученица.

– Да, учитель.

– И собираешься потратить еще. Я вижу, что ты спешно восстанавливаешься.

Феола не стала спорить.

Да, она собирается. И у нее нет иного выбора. Учитель должен это понимать... он сам говорил про неизбежность и риск. Все это было написано на лице девушки, легко читалось в сдвинувшихся бровях, в крепко сжатых губах, так что Адэхи только взмахнул рукой.

– Я пришел не отговаривать тебя. Я пришел предупредить.

– Учитель?

– Мне было видение. Боги виновны в том, что нарушили равновесие, и эта вина на нашем народе.

Феола не спорила. Она внимательно слушала, прикидывала, потом покачала головой.

– Учитель, так нельзя.

– Боги велели.

С этим сложно было спорить. Феола не знала, как там с Творцом у монахов, может, он им отвечает, может, помалкивает... это их личное дело. Ла Муэрте отзывалась, хотя и не всем, только самым достойным. А боги индейцев...

В некотором роде это были их предки. Не все, нет, имя им легион. Далеко не каждый человек может стать богом. Как объяснял Адэхи, это не так просто. Надо расти, развиваться, причем не в течение одной жизни. Душа человека движется по спирали, и если человек сумеет воспитать в себе некий духовный стержень... да, он пройдет через испытания в одной жизни, не сломавшись, во второй, в третьей, потом станет шаманом, и если поведет себя правильно...

Может быть, еще через пару витков спирали он сможет подняться до духа-покровителя племени, не теряя памяти при очередном перерождении. И развиваться уже как дух...

Это вполне возможно. Но долго, муторно, тяжело... расти всегда сложно. И конечно, боги индейцев всегда помогали своим детям. Родители всегда приглядывают за малышами.

Были условия, были оговорки, были определенные сложности. Были.

И сейчас Адэхи говорил вполне уверенно. И о том, что должна сделать Феола, и о том, что должен сделать он...

Но как же Феоле не хотелось это выполнять!

– Учитель, почему нельзя найти другой путь?

– Попробуй.

Феола решительно тряхнула рыжими кудряшками.

– Попробую.

– Если получится, я буду гордиться тобой. Я воспитал хорошего шамана.

– А если не получится?

– Я буду гордиться тобой, – улыбнулся Адэхи. – Я воспитал хорошего шамана.

Феола только головой покачала. Адэхи...

– Наставник, я сделаю все.

И получила в ответ ласковую улыбку.

– Все будет хорошо, ученица. Ты справишься. А теперь расскажи мне, кто твоя вторая половина?

– Наставник?

– Я вижу, твоя душа сияет. Так случается, когда нужный человек рядом, и ты его узнала.

Феола улыбнулась. Сделала глоток матэ. Мир духов?

Может быть. Но язык ощутил привычную терпкую горечь, и девушка принялась рассказывать. Кому еще и довериться, как не наставнику, который растил тебя с малолетства?

И поделиться хотелось.

Любовь...

* * *

Хавьер насмешливо оглядел особняк семейства Валенсуэла.

Ну... так себе. У Карраско лучше. Но Карраско – древний и сильный род, а Валенсуэла... так себе. Он коснулся молоточка у ворот. Бронза, конечно. Только вот у Карраско не молоточек и гонг, по последней моде, а колокол. Старый такой... весь в патине. А этот сияет... новодел.

Красиво, вычурно, дешево.

Неинтересно.

И привратника пришлось ждать чуть не пять минут. Случись такое в особняке Карраско... хотя – как? У них уже лет триста как привратником является скелет. Старый, поднятый еще прапра... да, еще лет триста назад. С историей косточки, не просто так. Он и открывает ворота для любого пришедшего. Сразу, без промедления. Прекрасный привратник, кстати. Ни есть, ни спать, ни разговаривать, ни секреты фамилии кому-то выдать... Посетителям может быть неуютно? Кому надо к некромантам, те обычно не убегают. А если приемы или торжества... ладно, для особо нервных добавляется еще пара зомби. Когда они свежие, их от живых людей не отличишь.

А тут идет этакое чучело, почесывается...

Хавьер бы его лично сначала упокоил, а потом поднял. Мигом бы разучился спать на работе, недоумок. Еще и глаза вытаращил.

– Т-тан?

– Открывай, – рыкнул Хавьер.

– А в-вы...

Карраско с удовольствием продемонстрировал свои регалии полицейского некроманта. Медальон и браслет из человеческих костей. Ладно, медальон был служебный, а вот браслет его личный. Он, знаете, сколько времени на кладбище провел, чтобы его собрать?

Самая маленькая кость в человеке – стремечко, она размером с рисовое зернышко. Вот, у него в браслете таких «рисин» ровно три сотни.

Насчет браслета привратник все равно не понял, а медальоном впечатлился.

– Я сейчас у хозяина спрошу...

– Я буду под дверью ждать? – в голосе Хавьера зазвучали опасные нотки.

Привратник понял, что спросить он ничего просто не успеет, и распахнул ворота.

– Что вы, тан! Конечно, нет! Входите!

Поклон у него получился очень почтительным, и правильно. Хавьер бы не задумался прибить недоумка. Мединцы все спишут.

Сам особняк на некроманта тоже впечатления не произвел. Весьма так себе... стиль «дорого-богато» не вчера придумали и не завтра забудут. Хотя и выглядит это смешно. Вот зачем по два балкона на каждом этаже?

И лепнины наляпали столько, что особняк кажется голубями засиженным, и все остальное... нет, Хавьеру это решительно не нравилось. Он предпочитал строгую классику, разве что химер можно добавить.

Или костяных драконов... парочку. А позолота – вообще фу.

Впрочем, отдельные странные личности считают, что это у некромантов плохой вкус.

Не верьте им! Они так утверждают потому, что не пробовали на вкус ни одного некроманта. А вот если бы рискнули...

Тогда утверждать было бы некому. Покойники – они тихие.

Хавьер решительно шагнул внутрь, в распахнутую перед ним дверь. Ха, дверь!

Ворота настоящие! Через такие можно и костяного дракона протащить... но сколько ж здесь всякой пакости!

Вазы, статуи, этажерки, цветы, еще какая-то пакость... все это просто било в глаза, ослепляло, нескромно заявляло о богатстве хозяина дома.

Да, я такой!

Я могу себе это позволить, а вы не можете! Я могу купить вазу периода Филиппо Третьего, а вам это не по карману!

А у меня она в прихожей стоит!

Хотя на аукционе за такие вещи золотом по весу платят, и считают, что дешево купили.

В таких вещах некромант разбирался. Да, в его семье не принята столь наглая и кричащая роскошь, но знать-то надо? Надо...

– Что привело вас в наш дом, тан Карраско?

Хавьер обернулся.

На лестнице стоял мужчина. Высокий, симпатичный, с рыжеватыми волосами... если он похож на своего... да, наверное, своего деда, то короля можно понять. Мальчишка – само очарование.

Точеные черты лица, огромные синие глаза, очаровательная улыбка... фигура – из тех, что нравятся всем женщинам без исключения. Не тощая, но и не перекачанная, а очень соразмерная.

А еще... еще у этого мальчишки достаточно характерная аура.

Если бы Хавьер не видел Мерседес Веласкес, если бы не пообщался... ладно, не обследовал Вирджинию, не полюбовался на ритану Арандо...

Он бы спутал ЭТО с человеком.

А так – шалишь!

Мединец ты, мальчик! И крови той в тебе четверть точно...

А теперь вопрос – откуда людишки? Если Мерседес Веласкес кварталерон, но тут понятно. Кровь разбавлялась человеческой. А ты выглядишь ненамного ее старше.

Впрочем...

– Тан Валенсуэла?

– Да.

– Скажите, кем вам приходится Игнасио Хосе Валенсуэла? И могу ли я с ним побеседовать?

– Дедом, – не чуя опасности, ответил парень. – И вряд ли вам удастся с ним поговорить. Дедушка уже покинул этот бранный мир.

– Адриан?

На лестнице, рядом с парнем, появилась весьма симпатичная женщина. Ну... для кого и симпатичная. А Хавьер снова ощутил на губах привкус... чужого. Обычные люди пахли иначе. А тут...

Нотки моря, соли, рыбы... это чувствуется.

– Ритана? – Хавьер мог быть образцом вежливости, если ему это необходимо.

– Ритана Валенсуэла, моя мама, – представил ее парень. – Тан Карраско, так что вам нужно в нашем доме, да еще с подобным сопровождением?

Хавьер медленно развел в стороны руки, и между ними замерцала темная полоса.

– Позвольте вас познакомить, – самым светским тоном произнес некромант. – Заклинание авторства моего прадеда, называется – лист праха. Если я сейчас его активирую, в особняке пустыня будет. Прахом засыпанная. Любой, кого коснется мое облачко, прахом станет. Но я его пока активировать не буду. Мне хочется видеть вашего отца. И получить объяснения.

Тан Валенсуэла храбро шагнул вперед, закрывая мать.

– Это мне хочется получить объяснения, тан! Вы врываетесь в мой дом, угрожаете, на что-то намекаете! Что вы себе позволяете?!

– Юноша, с людьми я себе ничего такого не позволяю. Но вы – дело другое, вам родители не объяснили ничего про ваше происхождение? Вы по внешности чистокровный человек? – у Хавьера даже голос не поменялся, разве что на губах заиграла самая светская улыбка. – Или какие-то признаки от мединцев у вас остались? Чешуя, хвост, жабры... что там еще у вас бывает?

Если бы не было на Хавьере амулетов, на том бы и история его закончилась. Печально так... похоронами. Потому что в следующую секунду нечто тяжелое ударило его под лопатку. Сильно...

Не пробило, конечно.

Амулеты авторства Карраско сбоев не давали. Никогда. Но больно все равно было.

Тишина особняка взорвалась криками и воплями. Хавьер недобро усмехнулся и взмахнул рукой.

Ладно-ладно, соврал он. Но не сильно.

Лист праха действительно существует. И разить будет. Но чтобы накрыть особняк, у Хавьера сил не хватит. А вот на нескольких мединцев, которые буквально хлынули в холл из дверей – вполне.

Шестеро существ осыпались на пол серым прахом.

Молодой Валенсуэла схватил свою мать – и потащил ее куда-то вглубь особняка.

Полицейские сцепились с оставшимися мединцами, закипела схватка.

– Врешь, не уйдешь! – взревел Хавьер и помчался за Валенсуэлой. Интересно, где их папаша?

По лестнице некромант почти взлетел, прыгая через три ступеньки. И – едва не полетел обратно.

Щенок оказался храбрым и ждал Хавьера наверху, да еще и какую-то железяку со стены содрал. Алебарду, что ли?

– Хочешь жить – сдавайся, – без лишних изысков предложил Хавьер.

Ответом стало просвистевшее рядом с его носом лезвие. Ладно, он предлагал...

Проблема была в другом. Если просто убить, это Хавьер может. Это быстро, качественно, с гарантией! Но допросить-то потом мединцев не получится! У них ведь нет души как таковой! Так, огрызок! И тот уйдет на перерождение! Это как рыбу допрашивать, хоть ты вызови дельфина, хоть не вызывай, все равно ничего не узнаешь!

Эти сволочи нужны живыми. Ему.

А он-то им не нужен...

Впрочем, сдаваться Хавьер не собирался. Уклонился от удара, перехватил алебарду за древко, дернул на себя... мальчишка сунулся вслед за ней и едва не загремел с лестницы... простите, уже загремел. Хавьер с удовольствием помог, еще и по шее добавил. Авось, не содохнет. Но если переломает пару костей, ему будет не до бегства. Это уж точно.

– НЕЕЕЕЕЕТ!

Визг был такой, что у некроманта чуть мозги через уши не вылетели. С чокнутой девицей Хавьер разобрался тем же способом, а именно – спустил ее с лестницы.

Почему чокнутой – а то какой же? Нападать на некроманта, с визгом, предупреждая тем самым о своем нападении, да еще вылетать на лестницу, да в платье, понятно – идиотка.

И с удовольствием отметил, что за ним кинулись двое полицейских. Вот они сейчас и увязывали тушки. И правильно!

Кстати – дохлых они бы не увязывали. Значит, уже есть два мединца для допроса. А там и больше будет... где у нас ритана Валенсуэла? Та, которая хозяйка дома?

Хозяйка тоже времени зря не теряла. Хавьер и трех шагов по коридору второго этажа сделать не успел.

– Стоять! Медленно поднял руки вверх, так, чтобы я их видела...

Некромант прищурился на странную конструкцию в руках женщины.

От холодного оружия у него защита есть. От огнестрельного тоже, пару ударов он выдержит. А потом как?

Потом уворачиваться надо будет лучше.

А вот что это у нее в руках? Похожее не морского ежа... такого, раздутого?

Мысль, которая пришла Хавьеру в голову, заставила его облиться холодным потом.

Яд.

Ядовитый газ, как вариант.

И вот от этого у него защиты как раз и нет. Ох-хх...

– Это ты положи оружие и подними руки вверх. Особняк окружен, вас всех тут положат!

– Все одно умирать! Ну?!

Хавьер даже не размышлял. Умирать, так не на коленях. Как же, оставит эта тварь в живых некроманта! Обсмеяться можно!

Мужчина упал, как стоял, ничком, перекатился – и буквально ссыпался по лестнице, молясь, чтобы переломать себе не все кости, а хотя бы половину. И успел вовремя.

Вслед ему полетело облако лилового газа, но это не Лист праха, им никто не управляет. Оно неразумное...

Где было, там и осталось, там, на втором этаже и развеялось.

Жаль, не сразу.

Минут пятнадцать туда нельзя было войти, облако так и стояло. И дышать им никому не хотелось. Потом, когда оно рассеялось, конечно, никакой ританы там не оказалось. Комнаты были пусты, в кабинете открыт сейф, а куда делась сама ритана...

Да кто ж ее знает?

Где-то должен быть потайной ход. Но искать его – дело не одного часа и даже не одного дня. Это надолго...

Хавьер чувствовал себя отвратительно.

В руки к нему попал младший Валенсуэла. Старшего, то есть его отца, ненароком пристрелили при задержании. Совершенно

случайно... зачем он на людей с мечами кидаться начал? Да еще плюнул в одного из полицейских.

Тот упал и умер.

Остальные запаниковали и начали стрелять. И – увы.

Труп мединца не допросишь. Но труп же! А у него есть и живой...

И все равно Хавьер не был доволен собой и жизнью. Ну что это такое? Один из четырех, а то и больше! И при осмотре людей в особняке обнаружилось, что было еще минимум трое мединцев.

Минимум!

Просто этих убили, а остальные выжили. И удрали куда-то. Но куда? И где они теперь всплывут?

Ох, сунули они палку в осиное гнездо! Каков еще результат будет?

Карраско снял трубку и телефонировал Риалону, предчувствуя выговор. Но, как ни странно, Амадо проявил благородство.

– Вези всех, здесь на месте разберемся, кого и куда.

– Хорошо.

– Ты хорошо поработал.

А вот это была уже наглая лесть. И все равно она не сработала. Хавьер просто в нее не поверил, и сам себя не оправдывал.

Ну да, он некромант, а не боевик, и не учили его брать заложников, и воевать с людьми тоже не учили, и арестовывать кого-то, и задерживать... не его это! Не! Его!

Труп поднять, призрака отловить и допросить, с потусторонним миром разбираться...

Тут – пожалуйста, в любое время и в любом месте. А сегодняшнее дело выбивается из рамок, вот и получилось через пень-колоду.

Но себя-то не оправдаешь...

Сам про себя Хавьер отлично знал, что лопухнулся. Увы.

* * *

– Милая Альба, если вы позволите...

Конечно, Альба позволила. Намного приятнее идти в столовую, опираясь на крепкую мужскую руку.

Ладно-ладно, не такая уж эта рука и крепкая, и вообще, лет тану Ксаресу сколько! С ума сойти можно! Он раза в два старше Альбы...

Да что там! У него дети старше нее!

Но сидеть дома было вовсе уж скучно. А с утра телефонировала Роза и пригласила Альбу в гости. Поболтать, посплетничать... а если милейшая ритана Риалон идет на коронацию, то может, обсудить совместную прогулку?

Альба даже и не задумалась.

Да?

Конечно, ДА!!!

И похороны, и коронация... она там будет. Но если придет одна... а она точно придет одна! Амадо уже сказал, что будет работать... работа ему важнее всего! Негодяй! Он совершенно не думает, как Альба будет выглядеть!

Как посмотрят на нее знакомые, что скажут подруги... можно пойти с родителями, но помилуйте! В тридцать... так, ладно! В ее двадцать семь, а лучше двадцать пять лет хочется погулять, повеселиться, она совсем еще молода, а родители... нет, они такие занудные! Это просто ужас, что такое!

Считай, день будет испорчен.

Альба уже совсем отчаялась, и тут ей телефонировала Роза. Поздоровалась и пригласила на обед.

Альба подумала и согласилась. А что она теряет? Безумно скучно сидеть дома. И даже на поход по магазинам денег нет... тоже муж виноват! Мог бы и заработать побольше, вот!

А так...

Все будут в новых модных платьях! А она! Как нищенка!

Так что в дом Ксаресов Альба шла не в самом радужном настроении. Но Роза встретила ее, улыбаясь, защebetала, да и тан Ксарес-старший отнесся к молодой женщине вполне дружелюбно. Пригласил приезжать в любое время, а пока разделить с ними трапезу. И Альба с радостью согласилась.

Приятно же!

Она, между прочим, ритана по рождению, а не так, как Амадо, жалованная... ладно-ладно, про маму – дочь купца, Альба давно уже забыла. И вспоминать не собиралась, вот еще не хватало!

Не было такого!

Она никому не расскажет, а значит – не было!

И вообще... приятно! Приятно пообщаться с равными себе по рождению, приятно посидеть за красиво сервированным столом... серебро, хрусталь, фарфор! Да, дома она тоже с удовольствием бы устраивала нечто подобное. Но увы. Ничего-то у Альбы не получалось. Муж перекусывал на ходу, а явиться к назначенному времени его вообще не заставишь.

Сын?

Сын сначала не дорос, кто же пускает за стол маленьких детей? А сейчас в школе, на занятиях... две трапезы из трех Альба остается одна. И за ужином никого толком не соберешь.

Вот и выходит – к чему стараться? Для одного человека так стол не сервируют, тут и попроще можно. И слуги... как сложно найти нормальную, хорошую прислугу! Просто невероятно сложно! Сплошные хамки кругом!

У Ксаресов не так. Здесь слуги скользят неслышными тенями и глаз от пола не поднимают, и кухарка тут явно из-за границы выписанная... Альба с удовольствием пробовала разнообразные блюда, поддерживала застольную беседу и в упор не замечала взглядов, которыми обменивались младшие Ксаресы.

Что надо отцу от этой курицы?

Чего он добивается?

Непонятно. Но есть подозрение, что результат никому из них не понравится.

* * *

Тан Валенсуэла смотрел на тана Риалона.

Тан Риалон улыбался так очаровательно, что его можно было заподозрить в протivoестественных наклонностях.

Неподалеку перебирал свои щипчики-скальпели Хавьер.

– Побеседуем? – милейшим тоном поинтересовался Амадо.

Плевков до него не долетел. Амадо только плечами пожал.

– Стаканчик дать, тан Валенсуэла? Или у вас слюна не ядовитая, как у вашего папаши?

Ответом ему был трехэтажный мат. Амадо даже фыркать не стал в ответ.

– Тан Валенсуэла, вы не понимаете всей серьезности ситуации. Вы думаете, мы тут в игрушки играем? Пытать вас начнем, или что?

– Почему нет? Риалон, доверь эту полурыбину мне, он быстро заговорит, – Хавьер поиграл симпатичного вида скальпелем. Вообще, он его использовал для вскрытия грудной клетки, но скальпель – вещь многоцелевая.

– Потому что пытаться – долго, – разъярил Амадо. – Понимаешь, Карраско, выпотрошить мы его можем. Но он нам ничего не скажет.

– Ты сомневаешься в моих талантах?

– Нет. Я просто уверен в его разуме. Он же не идиот, смотри, как косится. Пытается понять, что именно нам известно.

– Так поделись, Риалон. Все равно этот тип никому не расскажет... уже никогда.

Амадо задумчиво кивнул.

– Можно и поделиться. Действительно, тан Валенсуэла, мы сложили почти все кусочки мозаики, кроме самых главных. Мы знаем, что вашего деда попросту подставили королеве. Он с вами подробностями не делился?

– Н-нет...

– Ну и ни к чему. Вы такой человекообразный именно потому, что ваш дед должен был лечь в постель с ее величеством... что у него такое? Голос? Ядовитые железы?

– Железы, да...

Амадо кивнул.

Биологию он знал достаточно неплохо, вот и прикинул, что бы он сам вживил человеку. Чтобы и было, и незаметно... изменения должны быть внутренними. Да и ядовитый плевок, о котором сказал Хавьер, тоже помог. Дал подсказку.

– Итак, ваш дед опозорил королеву и скомпрометировал ее в глазах супруга. Думаю, вы не знаете, зачем это было нужно. Я и не стану вдаваться в подробности, сейчас это не столь важно. А вот другое... ваш дед прошел не полный обряд слияния, так? Потому и жив остался, когда вашу демонеску Синэри выкинули из этого мира.

– Не смей так о Владычице! Ты... человек!

Сорвался. Амадо довольно улыбнулся, правда, про себя. Теперь легче работа пойдет. Это так, стоит один раз заговорить, сам не заметишь, как все выложишь.

Если не хочешь ничего рассказать – молчи. Стисни зубы и молчи, что бы ни говорили, как бы ни оскорбляли, за какие бы струны не тянули... молчи!

Просто – молчи!

Тогда у тебя есть шанс. А сказал хоть слово? Сам не заметишь, как на допросе из тебя все остальное вытащат. Амадо постарается.

– Человек. И ты вполне человекоподобен. И другие тоже... Кто остался. Не все, нет. К примеру, тот же Рамон за человека не сойдет, хоть ты с ним что сделай. Верно?

Если бы Амадо треснул несчастного тана по голове подносом, Адриан Валенсуэла и тогда не выглядел бы более удивленным.

– Ты... знаешь о Рамоне?

– Знаю. Я тебе больше скажу, мы и про ваш план знаем. Со взрывами.

Юноша побледнел.

– Я вам ничего не скажу!

– А чего тут не говорить? Вот, смотрим. У нас же все в бумагах есть, все записано. Вот семья Валенсуэла, вот семья Кальдерон, с которыми вы роднились в последнем поколении... тоже ведь мединцы. Видишь? Вас несложно выцепить. А теперь смотрим список имущества. И узнаем, что у вас есть несколько симпатичных маленьких домиков. И в городе, и на побережье. У вас – это у обеих семей в собственности. И у Валенсуэла, и у Кальдеронов. Зачем они вам нужны? И что я могу там найти, если наведаюсь? Понятно, не людей... то есть не мединцев, вы уже успеете удрать. Но взрывчатку – безусловно.

Адриан побледнел так, что глаза показались двумя ранами на его лице. Осунулся, словно даже постарел как-то.

– Я... что... хотя что я спрашиваю? Все равно вы всех убьете.

– Сестра у тебя пока еще осталась, – пожал плечами Хавьер. – Пока.

– А...

– Извини, твоих родителей взять живыми не удалось. Мать сопротивлялась до последнего, отец отравился.

Адриан съежился на стуле.

– Вот. И меня вы убьете.

– Дебил, – с удовольствием припечатал его Амадо. – Похоже, что у вас большой процент потери мозговой ткани.

– Чего?

– Мозги у вас, что ли, при посвящении высасывают? Вот чего... сам подумай! Ну, сколько вас, тех мединцев? Пара-тройка тысяч, верно?

– Ну... даже меньше, – честно сознался Валенсуэла.

– И через какое время вы полностью растворитесь в человечестве? Через пару поколений, чтоб ты понимал. Ты учился хоть где-то?

– В Королевском Университете, между прочим!

– Там, где ты учился, я преподавал, – не удержался Амадо. – Так вот. У меня есть знакомая. Она кварталон. От человека она вообще ничем не отличается. Понимаешь? Ни-чем.

– Кварталон?

– Болван, – оскорбил благородного тана второй благородный тан, который некромант. – Четвертушка в ней вашей крови. Всего четвертая часть. Бабка жила с человеком, мать с человеком, она сама уже вообще человек... может, чуть дольше под водой продержится, но и только. В следующем поколении там и того не останется... потому Рамон и хочет вернуть вашу Синэри. Кстати – зря.

– Зря?

– Конечно. Он может открыть проход и устроить тут гекатомбы, но демонессу вашу не вернешь.

– Почему?

– Потому что она погибла. Я точно знаю, у меня отец – некромант. А Ла Муэрте... тебе это о чем-то говорит?

– Говорит, – кивнул Валенсуэла. – Богиня, я знаю...

– Не просто богиня, а активная и деятельная. Вот она сказала, что Синэри погибла. Был большой выброс силы, вскоре после того, как ее выперли из мира. Это было сделано с божественной силой, отпечаток ее остался на вашей демонессе... я сам половину, честно говоря, не понял, из того, что мне отец объяснял.

– Риалон! Демоны, Риалон же! – мог бы Адриан, так себя бы по лбу хлопнул. – Точно же! Риалон!

– А Антония Лассара – моя мачеха.

Парень окончательно осунулся и погрузился. Амадо фыркнул.

– Не переживай, у всех свои семейные проблемы. Я продолжу, с твоего позволения. Ла Муэрте твердо уверена, что вашу демонессу сожрали более голодные и хищные.

– Такого не может быть!

– Еще как может. Те, кто сильнее, жрут тех, кто слабее. У демонов это всегда так, пора бы знать. Синэри Яра-дан расслабилась в нашем мире. Хорошо так, пару столетий расслаблялась. А за его пределами... мигом сожрут. Вот она и не смогла сразу отреагировать. Ее сожрали, был выброс силы, ну и часть ее перетекла к Ла Муэрте. Вот и все...

Амадо не врал.

И Адриан Хорхе Валенсуэла это почувствовал, выдохнул рвано, на глазах даже слезы показались.

– Владычица... разве так может быть?! Нет, не верю...

– Верись, – отмахнулся Амадо. – Сам понимаешь, что я не вру.

– Нет, нет...

Амадо осталось только зубами скрипнуть.

Перестарался. Теперь с мальчишкой только часа через два-три можно будет поговорить. Но и так неплохо. Пусть пострадает сейчас, потом сговорчивее будет. А Амадо пока послушает, что скажет полиция. В указанные дома уже отправились наряды. Вот и узнаем, что они там найдут.

Амадо действительно не рассчитывал на мединцев. Только на взрывчатку.

Но ведь и то неплохо?

Для них двадцать килограммов взрывчатки – не так много. А для мединцев? Это ж надо и достать, и привезти, и разместить... для них каждый грамм, небось, в цене золота.

Надо, надо их лишить этого преимущества. А там, кто знает? Может, и что-то еще попадетя?

Глава 5

Деда Адриан Хорхе Валенсуэла не помнил.

Да, он был. И что? Он уж когда умер... может, лет пятнадцать тому назад! Фео тогда был совсем мальчишкой! Ему еще и пары лет не было!

Да и помнил бы!

Что с того?

С точки зрения Адриана, все это было редкостной глупостью. Какая-то древняя история, какая-то королева... да мало ли что там у деда было?

Воля бы Адриана, он бы вообще уехал куда-нибудь. Вон, в ту же Орталию. А что?

Какая разница, где прожигать жизнь? В Орталии еще и лучше, там никто... да, там никто не заподозрит в них мединцев.

О своем происхождении Адриан знал.

Дед, судя по портрету, был вполне человекообразный, отец тоже, ну и они с сестрой получились. Несмотря на то, что мать тоже была из мединцев. Так что «рыбьей крови» в них была половина.

И это грустно.

Что с ними теперь сделают?

Адриан не знал. Но подозревал, что убьют. Он бы убил, наверное.

Родные говорили, что мединцев обязательно убивают. Мама, отец... смерти самых близких людей пока не осознавались так остро, как надо бы. Но это еще придет, еще ударит...

Кто знает, до чего бы додумался парнишка, но дверь открылась, и к нему втолкнули...

– Мануэла?!

Сестра была растрепана, на щеке царапина... увы, надежды Хавьера Карраско не оправдались, кости мединцы не переломали. Но синяков у них хватало.

– Риан! Ты жив!

– Да, – удивился парень. – А что?

– Некромант сказал мне, что если я не буду говорить, он тебя...
он...

Мануэла от души разрыдалась.

Ну да, если Адриан попал к доброму и вежливому Амадо, то девушка отправилась к Хавьеру. А нечего тут кидаться!

И Хавьер, без затей привязав ее к столу, достал скальпель. И разъяснил, что сначала вскрыет ее, а потом ее брата. Интересно ему, чем медицины от людей отличаются.

Или Мануэла ему все расскажет. Или ее брат расскажет...

А Адриан ничего и не знал!

Чтобы спасти его, Мануэла исповедалась до доньшка. И про взрывчатку рассказала, и адреса домов назвала. Может, у медицинов это и не принято, но брата она любила. И сейчас ревела в три ручья.

Живой!!!

– Я некроманта не видел. Эла, это правда, что мне рассказали?

– Про что именно?

– Про взрыв в столице.

Мануэла потупилась.

– Ну... да.

– И Кальдероны тоже?

С Анной Кальдерон Адриан даже помолвку заключить хотел. А что? Она красивая, веселая, родителям нравится...

– И они. Но родители не сами...

– Неужели? – съязвил Адриан.

Мануэла нахмурилась.

– Порадуйся, что они тебя от этого уберегли. А может, и зря.

– Ну, ты расскажи. А то помру, и не узнаю, за что, – вздохнул Адриан. Ладно еще о своем отличии от людей он знал. Но не обо всем остальном.

Взрывы, заговоры – да зачем?! Что, так жить не дают?

Мануэла потерла переносицу.

– Риан, это долгая история.

– Про деда и королеву можешь пропустить. Я в курсе.

– Хорошо. Дед женился на такой же, как он сам. Родился отец. Он тоже женился, правда... сначала родил нас двоих.

– Как – родил? – удивился Адриан.

– Наша мать детей иметь не может, – вздохнула Мануэла. – Поэтому отец обзавелся детьми заранее. Нашел женщин, которые

родили сначала меня, потом тебя... записал их на мать. За деньги все возможно.

– Мама не могла иметь детей?

– Нет.

– А как звали нашу мать? Она у нас одна – или разные? Ты знаешь?

– Нет, а зачем?

Адриан только головой покачал. Действительно – зачем?!

– Ладно. Все женщины-мединки стерильны?

– Не все. Но мне тоже надо будет смотреть. Это зависит от многих факторов, от степени изменения в том числе. Мы практически люди, нам будет проще, – вздохнула Мануэла. Потерла лицо... – Лет десять назад к родителям пришел Рамон Амадо Бустос. И предложил им... точнее, он просто нас шантажировал.

– Чем?

– Представь, что все о нас узнают?

Адриан вздохнул. Да, это было печально.

– Убили бы?

– Или передали в монастырь, или на опыты, или... да много вариантов. А у родителей были мы. И родители тоже хотели жить.

Это Адриан понимал. Самому хотелось.

– Из-за него так и получилось?

– Да. Он хотел вернуть нашу Владычицу. Синэри Яра-дан.

– Мне сказали, что она умерла.

– Мне тоже.

– Соврали?

– Да кто ж их знает? Мы это не проверим. Но... Рамон все равно предлагал страшное. Он хотел взорвать в столице несколько бомб, во время похорон. Или коронации. И решил начинать готовиться.

– За десять лет? – удивился Адриан.

– Купить дома, не привлекая внимания, привезти достаточно взрывчатки, сделать передатчики силы... там очень много надо. Да и король последние годы скрипел на ладан, кто ж знал, что эта пакость столько проживет?

– Хм-мм...

– Кажется, у Рамона был еще и запасной план. Но в чем он заключается, я не знаю. Может, родители знали. Или Кальдероны...

Адриан уселся на тюремное ложе и уронил голову на руки.

Все было плохо. Жизнь заканчивалась, не успев начаться.

Ладно еще происхождение! Тут можно было и отболтаться, и откупиться, Адриан же не виноват, его не спрашивали, когда рожали! Но взрывы! Убийства!

Такого ни одно государство не одобрит, вы уж поверьте! Тюрьма или монастырь? Это если очень повезет.

Если взрыва не случится.

А если случится, то и голову ломать не придется. Тут всех и накроет...

Вот что, ЧТО не жилось родителям? Почему они не уехали все вместе?! Почему не сбежали, не спрятались, не донесли, наконец?! Почему предпочли всех подставить, почему?!

– Родители считали, что мы вымираем. А если Владычица Синэри вернется, мы возродимся...

– Поздравляю. Возродились. Порадуемся? – язвительно уточнил Адриан.

Вымирают они!

Образование юноша получил хорошее, мечтал стать биологом, и слова мог найти правильным. Мединцы – просто прирост к человечеству. От людей они произошли, от людей и зависят. И сами по себе просто вымрут за одно-два поколения. Уж что другое, а биологию Адриан знал, и немалую роль в этом сыграло его происхождение. Любопытно ведь!

Было...

А теперь все кончилось. И жизнь кончилась.

Мануэла села рядом, обняла брата, но тот ни на что не реагировал. Все было очень печально.

* * *

Серхио Вальдес вспоминал молодость.

Понятно, у него и сейчас еще не старость. Но... бегать по городу ему как-то и не хочется. А вот вместе с Веласкесом проглядывать документы – это можно.

Это даже нужно.

Гонсало Веласкес задумчиво перекладывал бумаги из одной стопки в другую.

– Даже и не знаю, что сказать, – на листе бумаги появлялись все новые и новые цифры. – Разве что я дурак?

– Гонсало?

– Понимаешь, Серхио, тут вот, в бумагах, цифры такие... – мужчины уже успели и выпить вместе, и перейти к неформальному стилю общения. Подумаешь, один тан, а второй – нет. Серхио таном не родился, он себе титул сам заработал, и нос при этом не задрал. Гонсало это оценил по достоинству.

Ну, не всем же купцами быть... в своем деле Вальдес – профессионал, а вот это в любом кругу ценится. И повыше титула.

– Какие – такие?

– Ты не купец...

– Зато ты купец. Так что объяснишь для идиота, – отмахнулся Вальдес. – Давай, не стесняясь, своими словами.

– Для тебя слова «баланс», «дебет», «кредит», «сальдо», «оборот»...

– Кредит один раз брал. Когда мобиль покупал. Все. А, еще оборот колеса.

– Вот, и я о том же. Смотри сюда. Если по-простому, видишь цифру?

– Вижу.

– Во-от... хорошая такая циферка. Крупная?

– Средняя.

– Это чистая прибыль, которую мне показывал сынок. И она у него действительно есть. Вот, в этих бумагах. Я их отложил.

– Так.

– А вот в этих еще денежка. Вот уже с такой циферкой.

– Ух ты! – восхитился Серхио.

И было отчего. И первая-то цифра была весьма приятной. А вторая... к ней просто прибавили нолик. И такая уж симпатичная цифра получилась! Хоть в песо, хоть в реалах... и так приятно, и этак восхитительно!

– Во-от! Получается, что сынок мне десятую часть прибыли показывал.

– А куда шло все остальное? Если дворцов он не строил и колеса у мобилия не из золота?

– Неужто такая дурь теперь есть?

– Я тебе скажу по секрету, Гонсало, я при обыске даже золотой унитаза видел.

– Тьфу, недоумки.

– Зато может честно сказать, что... кучу он навалил на это ваше золото.

Купец хмыкнул.

– Ладно. Вот, смотри. Я более-менее разложил бумаги. То, о чем я знаю, то, что для меня новость.... Что мой сын сотрудничает с торговой компанией Кальдерона, я не знал.

– Кальдерон? И что с ними не так?

– Судя по бумагам, сын активно работал с ними. Они перевозили его грузы. Соль, сахар, пряности... цифры видишь?

– Вижу.

– Это за перевозку соли.

– Она что – золотая?

– Судя по цене, так и с добавлением бриллиантов. А вот это – произведения искусства. Произведено в мастерской Коронеля, приобретено честь по чести, выкуплено, доставлено заказчику, от заказчика... от его места жительства опять везутся пряности...

Серхио честно вникал в цифры. Ладно, не в сами числа, но хотя бы в порядки. Выходило нелогично.

Самуэль Веласкес нанимал несколько кораблей, чтобы отвезти к заказчику... да, несколько тонн соли. За эту соль ему платили, словно она была из золота, плюс оплата кораблей, за которую... да Серхио и сам бы за такие деньги сплавал! По воде бы сбегал!

Даже сейчас, будучи таном, он за полгода столько не имеет, сколько получал Самуэль за один рейс. На полученные деньги он закупал пряности, причем в таком же количестве, как и соль... тоже интересно, правда?

Мешок соли может стоять, как мешок корицы? Что-то Вальдес сомневался, вспоминая, сколько денег в его доме уходит на пряности.

Самуэль возвращался сюда, продавал уже пряности, причем опять втридорога, и снова закупал соль.

– Ерунда какая-то, – потер лоб Серхио. – Ощущение такое, что это просто... отмывали деньги? Пытались их легализовать?

– Да, скорее всего. Понимаешь, суммы проведены, налоги уплачены, а чем именно и кто там торгует? А вот на это всем глубоко наплевать, – разъяснил Гонсало.

– Пошлины уплачены, налоги уплачены... без своих людей на таможне такое не провернешь.

– На таможне, в налоговой службе, – принялся загибать пальцы Веласкес. – И увы... подозреваю, что сына прикрывал кто-то достаточно высокопоставленный.

Серхио склонялся к тому же мнению.

– Вот, смотри. Тут они вообще обнаглели. Наняли корабль для перевозки заказчику украшений от Сальвадора Коронеля.

– Знаю такого. Гадость редкостная.

– Думаешь, это может столько стоить? – палец Гонсало подчеркнул одну из строчек.

– Эммм... если из бриллианта их вырезать? Мы ж не знаем... и потом. Я сам видел, как индейскую вазу из глины за такую цену продавали, что мобиль дешевле купить было. Какой-то там у них узор, период... я половины не понял, – сознался тан Вальдес.

– Ладно. Это оставим. Действительно, произведения искусства штука сложная. И на кого попадешь, и что там будет с модой... обратно корабль идет с грузом розового дерева. Оцени?

– Оно что – в золоте обваляно и бриллиантами обсыпано? – оценил сумму Серхио. – Гонсало, я понял. Вот эти бумаги явно прикрытие для чего-то более важного и вонючего.

– Противозаконного, – не стал прятать голову в песок мужчина.

– Понятное дело. Кого можно допросить по этим вопросам?

– Я там отметил фамилии. Но это без гарантии. Тот же Коронель... что такого, что он торгует украшениями?

– Ничего.

– Вот так он и ответит.

Серхио потер лоб.

Проблемка. С одной стороны, хотелось бы хватать и тащить.

С другой... нельзя. Поднимется шум, дойдет до короля... Действовать надо только наверняка. А уверенности – нет. Есть возможные варианты, но этого так мало!

Ладно.

Телефонируем Амадо. И зададим еще один вопрос.

– Слушай, а зачем твоему зятю было легализовать эти деньги? Так, теоретически? Мединцы планировали громадное жертвоприношение, под это дело все спишется. Зачем так трудиться?

– Значит, мы не знаем всех планов, – Гонсало был спокоен, как удав. Отволновался уже.

– Ну а ты бы зачем такие деньги проводил по бухгалтерии? Легально?

– Чтобы отдать их кому-то другому. Публичному.

Серхио застонал.

Да что ж за гидра такая? Будет мединцам конец – или нет?! Чтоб им всем повылазило!!!

* * *

Мерседес с любопытством вошла в магазин.

Красиво.

Витрины, в них лежат произведения искусства. То есть работы Сальвадора Пабло Коронеля.

– Добрый день, тан, ритана, – бросился к ним продавец. – Вы позволите помочь вам?

– Благодарю, – Мальдонадо небрежно взмахнул рукой, отпуская мужчину. – Мы сначала посмотрим сами, и, если что-то нас заинтересует, попросим помощи.

– Да, конечно, тан. Как прикажете.

Мерседес только вздохнула. Нет, она никогда не сможет разговаривать с людьми – вот так. Легко, спокойно, непринужденно...

Ладно. Пока можно посмотреть работы.

Мерседес впила глаза в первую витрину.

Облако. Выполненное из серебра, со щупальцами, с какими-то полурыбьими-полуптичьими головами, которые торчат из него... если бывает форель, но с клювами, инкрустированное алыми и голубыми камнями, из которых сделаны глаза.

Общее впечатление?

Работа тонкая, но...

Почему ей так неприятно?

Мерседес перешла к следующей витрине. Но легче не стало.

Полуженщина-полузмея. Стоящая на хвосте, с искаженными пропорциями тела, вся словно изломанная...

К третьей.

Подвески в виде рыб, но с человеческими лицами. Злыми, хищными, а кое-где страдальческими. Мерседес пошатнулась и вцепилась в руку спутника.

– Что случилось? – забеспокоился Херардо.

– Мне плохо, – прошептала девушка. – Уведи меня отсюда...

В таких случаях Херардо действовал решительно. Он ловко подхватил Мерседес на руки и кивнул продавцу. Но дверь тот открыть не успел, на сцене появилось новое действующее лицо. Сам Сальвадор.

– Мальдонадо, ты ли это? Какими судьбами?

– Я, Коронель. Дверь открой.

– А что с твоей спутницей? Потеряла сознание от восторга?

Мерседес бессильно прикрыла глаза.

Ей становилось все хуже и хуже с каждой минутой. Начиналось как легкое головокружение, а сейчас ее уже полноценно тошнило, болела голова, сильно и остро, подкашивались ноги. Пожалуй, поставь ее сейчас Херардо на пол, она просто упадет.

Какие же у него руки сильные. И держит он ее так легко!

– Коронель, тебе заняться нечем? Ритане стало плохо в твоей лавочке. Может, от запаха. Ты что – тараканов травил?

Мерседес тихонько застонала.

А и правда. Она не поняла сразу, но запах был. Какой-то странный, очень въедливый. Вроде и ничего особенного, но спустя несколько секунд сладковатое благоухание начинало ввинчиваться куда-то в кровь...

Определенно, это оно.

– Плохо стало? Ах она, бедняжка, – без всякого сочувствия огрызнулся Коронель. – Проваливай отсюда, Мальдонадо. Еще раз появишься с этой... собак спущу.

Не будь у Херардо на руках девушки, он бы за такие слова наградил Коронеля парочкой затрещин. И покрепче, и посерьезнее. И

чем бы еще это кончилось, учитывая, что ювелир не стерпел бы. Но – сейчас ему было не до того.

Мерседес едва не помирала у него на руках.

– Дверь открой, твою ... и ...! – огрызнулся Херардо. – Только и мечтаем, что уйти!

Коронель почти издевательским жестом распахнул дверь.

– Помечтайте еще и не возвращаться!

Херардо не повезло окончательно. Дверь открывалась внутрь, так что пнуть ее как следует ногой не получилось. А хотелось бы. За него все сделала Мерседес.

– ...!!!

Настала пора Коронеля материться. И было отчего.

Пока Мерседес была неподвижна, она еще как-то себя контролировала. Но стоило Херардо сделать первый шаг... Качка ее добила. Даже такая, несильная. Взбунтовавшийся окончательно желудок подкатил к горлу – и всех сил Мерседес хватило только на то, чтобы отвернуться от Херардо.

На Мальдонадо и не попало. А вот лавку окатило почти фонтаном. Досталось и двери, и Коронелю, и даже ступенькам снаружи.

– Обязательно всем расскажу о силе твоего искусства, – съязвил напоследок Мальдонадо, не упуская своего шанса. – Пусть к тебе еще и страдающих запором водят.

Дверь закрылась за ними с мощным хлопком. Словно пнули в спину. Но Мальдонадо до этого уже и дела не было.

Мерседес – очаровательная девушка. Уменьшечка, красивая, обещающая вырасти в потрясающую женщину. Только вот легче по весу она от этого не становится. А он моложе...

Лет двадцать бы долой, он бы ее весь день на руках таскал, а вот сейчас...

Уффф!

Вот и подходящая лавочка.

Херардо почти упал на нее, не выпуская девушку из рук, и принялся размеренно дышать. Вот так, сейчас он уже придет в себя. И круги перед глазами совершенно лишние, не нужны они тут. Ни к чему.

Сейчас, еще буквально минуту.

Мерседес приходила в себя с огромным трудом. Ее тошнило, болела голова, кружилась...

– Мерче, ты как?

– Отвратительно.

Было бы в желудке хоть что – опять бы стошнило. Но – нечем. Сухие спазмы были еще неприятнее. А то, что это происходит на глазах у тана Мальдонадо...

БЫЫЫЫЫ!!!

Позорище!

Куда бы провалиться и там занориться? Навечно?

После такого кошмара страшно даже подумать, какими глазами он на нее посмотрит. Приличные девушки так не поступают никогда! Они молча и тихо умирают на руках у мужчин. Но чтобы их стошнило?

Оооооо...

Как вообще можно жить после такого позора?

С другой стороны, и помереть не получится. Никак. Не помирается почему-то.

Мерседес рискнула осторожненько приоткрыть один глаз.

Херардо сидел на скамейке с удивительно довольным выражением лица. Она по-прежнему полулежала у него на коленях, руками Мальдонадо крепко обнимал ее, прижимая к себе, и Мерседес было приятно. Но...

– Я... Прости.

– За что?

– Ну... я там... меня там... – почему ни в одной книге не написано, как простыми и ясными словами сказать мужчине, что ты не нарочно оплевала половину лавки? Оно так само получилось? – Я...

– Не переживай. Меня от его творчества регулярно тошнило, – Мальдонадо даже не шевельнулся. – Просто у меня желудок крепче.

Мерседес качнула головой.

– Н-нет...

– Меня же не стошнило? – не понял Херардо.

Мерседес сдвинула брови. Говорить было до сих пор сложно, объяснить почти нереально. Но – надо.

– Запах.

Теперь уже начало доходить и до Мальдонадо.

– Запах? Погоди-ка... запах, который был в лавке?
– Да.
– И он на тебя подействовал?
– Мне так кажется.
– Так... Мерседес. Как ты себя чувствуешь?
– Отвратительно, – честно созналась девушка.
– Из-за запаха? И реакция Коронеля мне не нравится. Пожалуй, надо поставить в известность Амадо Риалона. Если уж он занимается расследованием этого дела.

Мерседес опустила ресницы.

Кивать – и то было сложно.

– Да, надо.

– Тогда я сейчас поймаю такси – и мы едем домой. Там ты полежишь, придешь в себя, а я телефонирую в участок.

– Да.

Херардо не знал, что происходит. Но если Мерседес стало плохо от запаха?

Кого или что травит Коронель? Или он сам не подозревает, что происходит?

Или...

Нет, не понять. Пусть в этом разбирается полиция. А он даст им информацию к размышлению. Так будет лучше всего.

* * *

Карлос Амадо Риалон сидел в дешевом трактире.

На дорогой денег не было, скидывались хоть и вскладчину, но Карлосу не везло – увы. Отец решительно не мог его содержать на достойном уровне. Мать даже не работала. Оставались бабка и дед, да, со стороны матери, но что там тех денег? Сильно не разгуляешься. Они больше матери подбрасывают, чем Карлосу.

А лезть с такими вопросами к деду-некроманту Карлос и сам не рисковал. Жить хотелось...

Вот и пил Карлос дешевое вино.

Вот и изливал душу приятелям.

– Это ты неправильно думаешь, – заметил ему один из друзей. – Ты учти, мамаша твоя, хоть и красотка, а уже не первой свежести. Вряд ли за какого богатого выйдет, а и найдет старика, там свои внуки окажутся. Наверняка.

Карлос только вздохнул.

– А что делать?

– Сам женись, – предложил один из приятелей.

– Яа-ааа?

– Почему нет? Только надо кого подходящего выбрать. Чтобы и помоложе, и побогаче... хотя бы побогаче.

– Мне пока нельзя.

– По возрасту?

– Ну да.

– Так помолвку уже заключить можно, чтобы никто на твое не зарился. А через пару лет и женишься, это дело такое. Хороших невест, которые богатые и из порядочных семей, чуть не с колыбели разбирают, тебе самое время приглядывать, чтобы разница в возрасте у вас подходящая была.

Карлос задумался.

– И где такое счастье взять? Из хорошей богатой семьи?

– По сторонам почаще смотреть, – заржал приятель. – К примеру, те же Вальдесы. Слышал?

Карлос пожал плечами. Вроде как слышал.

– Там жена мужа убила, что ли?

– Ну! А осталась дочь как раз нашего возраста и два сына. Совсем малолетки. Бабка с дедом в них души не чают. Считай, им все состояние достанется, а там и дед торговлей занимается, и отец занимался...

– Торговля, – Карлос поморщился, но не сильно. Понятно же, хочется аристократку в невесть каком поколении, и чтобы с громадным состоянием, но... в реальности надо довольствоваться тем, что дают.

– Между прочим, они наши соседи, – заметил приятель. – Веласкесы.

– А чего сам не попробуешь с ней замутить?

– Попробовал бы, но отец что-то крепко с Веласкесами не поделил. Тут не то что денег не дадут, тут есть шанс всего лишиться. И у них не разживешься, и папаша из дома выкинет.

Карлос кивнул.

Это он тоже мог понять.

– Тогда устрой мне знакомство. Сможешь?

– Смогу, конечно. Но с тебя будет причитаться.

– Мои доходы ты сам знаешь.

– Не сейчас. Потом, с приданого супруги.

Карлос кивнул.

Что ж. Приданое, если оно будет, еще предстоит получить. А пока познакомимся. Хотя бы.

– Когда?

– Да хоть бы и сейчас попробуем. Поехали к нам?

– Поехали.

Откладывая полезные знакомства в долгий ящик Карлос не собирался. Получится, не получится... кто сказал, что такие вещи сразу делаются? Лучше начать сейчас, чтобы время было в запасе.

Все разумно и продуманно. Как там мать свою жизнь устроит, неизвестно. Да и приживалом при ней быть грустно. Лучше самому удачно жениться. Так спокойнее...

* * *

Ее высочество Ленора Маргарита догнала кортеж в одном дне пути от столицы. И то она считала, много, надо бы попозже. Ну да ладно!

День она потерпит!

И обратно, к любимому мужчине!

Во дворце ее ничего не держит. Мать ее отослала, отказалась, брат – отрезанный ломоть, дяде и прочим она даром не нужна. Придворным магом она тоже не станет, еще не хватало.

Отстреляется – и домой. Домой, в Академию.

И Ленора погладила животик, в котором рос ее малыш. Пока еще совсем крохотный, но уже очень-очень любимый.

Мобиль ее высочества остановили на подходе и вежливо поинтересовались: откуда, зачем и к кому. Ленора молча предъявила приглашение и перстень с гербом, стража впечатлилась и задумалась.

Принцесса?

Оно, конечно...

А если нет? Кто ее в лицо-то знает? Не тащить же ко всем и сразу? А вдруг она на его величество покушаться будет? Всякое ж бывает!

Незнакомый Леноре тан размышлял об этом минут пять, а потом принял замечательное решение:

– Выше высочество, мы вас проводим к ее высочеству, хорошо?

– Да, конечно, – взмахнула рукой Ленора.

Что ж, логично. Последний раз ее при дворе видели лет шесть назад, если кто и опознает, так это мать. Она хоть иногда наезжала в Академию. Остальные и того не делали.

Опять же, если Ленора вздумала сотворить какую-то пакость...

Принцесса – это не будущий король. За нее нагорит, но принцесса все же не так важна для династии.

– Прошу вас, ваше высочество. У ее высочества сейчас лекарь...

– Что-то случилось? – чуть встревожилась Ленора.

Пусть даже она матери безразлична. Ну... бывает, что поделать? Но это же не повод ей уподобляться!

Ее высочество Маргарита Мария лежала на животе. И скрипела зубами, когда лекарь натирал ее поясницу каким-то разогревающим снадобьем.

Больно!

Даже дотрагиваться больно!

А как ехать еще день?

Как участвовать во всех церемониалах?

Рехнешься!

Может, обезболивание? Но... столько она не выпьет! Таблетки – они же все вредные, пусть привыкания у нее и не возникнет, она редко пользуется чем-то подобным, но обезболивающее вообще штука коварная. Чуть больше выпьешь – и не проснешься.

Рисковать не хотелось.

Папаша помер, теперь бы жить и жить!

Скрипнула дверь. Ее высочество повернула голову – и вот теперь застонала в голос от боли. Вот не так она себе представляла встречу с дочерью, совсем не так!

Не на пузе, с голой поясницей и в присутствии лекаря! А... какая теперь разница! Уже поздно...

– Ритана Ленора Маргарита Агоста, – спокойно представилась принцесса, протягивая лекарю руку. – Магистр огненной магии. А вы? Привычка.

Кто ж в Академии титулами трясет? Такие тоже бывают, но наставники с ними быстро разбираются, обиженный маг очень опасен для здоровья равно как обидчиков, так и окружающих.

– Тан Фео Иниас Ахуна, – представился в ответ лекарь, симпатичный мужчина лет шестидесяти, и встал с колен. – Рад вас видеть, ритана Агоста. Я уже ухожу. Ваше высочество, прошу вас соблюдать режим и не перетруждать спину. А завтра утром я приду, и мы попробуем что-то придумать.

Тихо стукнула дверь. Неловко шевельнулась и скрипнула зубами от боли принцесса.

– Что со спиной? – Ленора стесняться не собиралась. Курс лечебной магии в Академии тоже был. Понятно, небольшой, но огневикам ей приходится пользоваться втрое чаще.

– Застудила, наверное. В мобиле или на ночевке.

– Плохо. Это быстро не пройдет. Дай, посмотрю...

Ленора, не прикасаясь, провела ладонями над спиной матери. Подумала пару минут.

Что-то ее смущало, но что? Вроде воспаление налицо, но что-то царапает... не понять! Вот если бы это рана была или ожог! Там Ленора разбиралась.

– Дня четыре, не меньше. А то и дней шесть, раньше не пройдет.

– Проклятая коронация. Придется тебе выполнять мои обязанности.

– Да вот еще! – фыркнула Ленора. – Попрощаюсь с дедом – да и поеду! Я тут ненадолго, дня на два-три. И то много будет!

Рита неловко шевельнулась еще раз. Но на этот раз ей было не до стонов.

– Так быстро?!

– Что я тут забыла?

– Семейю?

– Моя семья в Академии. А тут у меня никого нет, – жестко отрезала Ленора.

Маргарита грустно улыбнулась.

– Это ты так думаешь. Возьми, пожалуйста, у меня ключ и открой вон ту шкатулку. Коричневую, большую, кожаную.

– Не рановато для наследства? – съязвила Ленора.

Но ключ взяла и в замке повернула. Ладно уж.

И остолбенела.

В этом ларце была вся ее жизнь.

Начиналась она миниатюрами, прикрепленными на крышке ящика. От совсем девочки до...

– Когда это написано? – коснулась она пальцами последнего овала.

– Два месяца назад.

– Хм-мм...

– Смотри дальше. Быть с тобой рядом я не могла. Но эти вещи у меня никто отнять не мог!

Ленора принялась копаться дальше.

Отчеты и ее работы. Поделки и несколько лент, портреты и рассказы... чего тут только не было! Судя по содержимому, мать серьезно следила за ее жизнью. И это не подделка, такое за два дня не соберешь. Даже по бумаге видно, какие отчеты старше, какие моложе. И по чернилам, они же выцветают... первым отчетам тут десятилетие...

– А просто приезжать ко мне или меня вызывать нельзя было?

Рита вздохнула.

Мазь начала действовать, ей стало чуть полегче.

– Хотела бы. Но...

Дочери она свою историю рассказывала впервые. Ленора внимательно слушала, задавала вопросы, а потом и итог подвела:

– Повезло.

– В чем?

– Что дед сдох.

– Эммм... – не то чтобы Рита была против. Но сама формулировка задевала.

– Я беременна. И собираюсь замуж за отца ребенка. Срочно. Дед бы точно никогда не одобрил, Альварес вообще не из знатных, просто рыбак. Зато архимаг – в будущем.

Не лежала б Рита на пузе – точно бы в обморок упала. А так вроде и неудобно.

– Беременна? Замуж? Охххх!

Теперь настало время Леноры откровенничать.

А спустя полчаса – и рыдать в сорок ручьев, обнимая мать. Да, маму, которая ее, оказывается, любила, и не бросала, и вообще, это дед во всем виноват, скарабеев ему в могилу!

Не смогла мама драться в открытую?

Так тоже бывает, не у всех есть на это силы. Но как могла, она дочь защитила, и помогала ей, и поддерживала, и без присмотра не оставляла. Это очень много.

– Мам...

– Да?

– Как ты думаешь, если у меня будет девочка?

– Я буду и внуку рада, и внучке. А что?

– Просто если будет девочка... мне нравится имя Пилар Ленора. Или Мария Ленора. А тебе?

– Мама была бы счастлива...

Слезы лились потоком. И смывали и тоску, и боль, и даже... да-да, ту самую порчу. Об этом мало кто знает, но есть способ противостоять ведьминским заклятьям. Не всем, но вот таким, слабеньким – очень неплохо.

Когда человек счастлив, в его душе зажигается огонь.

А когда горит огонь, в нем отлично сгорает все, что налипло на душу. Грязь, отчаяние... порча.

Лекарю оставалось только удивляться, как быстро пошла на поправку ее высочество. Буквально за сутки – это от радости, не иначе! Приезд родного человека, он всегда хорошо действует. А мать и дочь явно нашли общий язык.

Одна из ран, нанесенных мединцами, была залечена. Но сколько еще осталось!

* * *

– И как ты себе это представляешь?

Парни стояли в саду Кальдероносов. И видели, что в саду Веласкесов кто-то есть – девушка. Черноволосая, симпатичная... Мерседес Веласкес?

Наверняка!

Но как с ней познакомиться?

– Вот так, – Бенито Мария Кальдерон с ловкостью фокусника достал откуда-то большой мяч. – Лови!

– Ловлю! – понял замысел друга Карлос.

Бросок, второй, третий – и мяч совершенно случайно улетает за ограду.

– Бенито! Демон, ты так неловко!

– Дружище, тебя не затруднит сходить к соседям? Мы с ними не особенно дружим...

– Конечно, Бенито!

Карлос спокойно направился к воротам особняка Веласкесов, позвонил в колокольчик и дождался привратника.

– Простите. Наш мяч улетел к вам в сад. Вы позволите его разыскать?

Привратник прищурился.

– Ваше имя?

– Карлос Амадо Риалон. Тан Риалон. Я пришел в гости к своему другу, Бенито... просто у Кальдеронов с Вальде-сами почему-то испорчены отношения.

Бенито высунулся из ворот и помахал рукой, подтверждая сказанное.

Привратник подумал пару минут и кивнул.

– Проходите, разыскивайте.

А что?

В саду охраны – чуть не под каждым кустом. Пусть этот тип сразу себя проявит, если он покушаться на кого вздумает. Тут ему и головушку отвернут. Чихнуть не успеет.

Да и сеньорита... не совсем та, которая должна быть. Так что пусть его.

Карлос Амадо Риалон и не подозревал о мыслях привратника. Он прошелся по саду, запинал увиденный мяч поглубже под куст и решительно направился туда, где мелькнуло белое платье.

– Сеньорита, простите.

Сеньорита обернулась, и Карлос подумал, что девушка весьма симпатичная.

Черные волосы, большие глаза...

Только вот смотрит она совершенно равнодушно.

Висента и правда не слишком заинтересовалась парнем. Интересно, что он тут делает, но похоже, он сам скажет. А так...

Она же видит, как паренек двигается!

Это самый обычный мальчик, из благополучной семьи, ничему толком не обученный.

Чего тут бояться?

С таким она за минуту справится.

– Прощаю. Что вам угодно, тан?

– У меня мяч улетел в ваш сад. Вы нигде его не видели, сеньорита?

– Нет, не видела, – отрезала Висента. – можете посмотреть дальше, к ограде...

Карлос повиновался, чтобы вернуться через пару минут.

– Нет, к сожалению. сеньорита, а нет здесь никаких ям, в которые мог завалиться мяч?

– Нет, – Висента решила сразу не гнать парня.

Как мужчина он ей и рядом не нужен, и близко не интересен, но вдруг это подводка? То есть подсадка?

И ему кто-то приказал познакомиться с Мерседес?

Так пойдет девушка с парнем соловьев послушать, а там как в лоб дадут, так уши и отвалятся.

А вдруг?

Есть ведь и такая вероятность!

Так что Висента слушала и оценивала. Карлос разливался соловьем. Потом, когда он назвал свою фамилию, Висента и вовсе не удержалась от улыбки.

По счастью, не замеченной парнем.

Вот так номер! Риалон-младший! И судя по всему, ищет себе богатую невесту! Да, Висента была в курсе этой истории. Через брата, конечно.

А вы попробуйте хоть что-то скрыть от пронырливых и пролазных мальчишек, которые работают у вас в лавке? И учтите, для них информация – это не роскошь. Это единственный способ выжить.

Так что Висента знала и что Амадо взял Альбу беременной, не знала только, от кого.

И что Карлос не родной внук Эрнесто Риалона. Эрнесто как раз супруге жаловался. Сам на грабли наступил, и сын женился неудачно.

Понятно, всех подробностей Висента не знала, но судя по поведению Карлоса... папаша его та еще дрянь был. Девушка решительно принялась избавляться от назойливого юноши, но тут в саду появилось новое действующее лиц.

Феола решила прогуляться по свежему воздуху, растрясти слопанные пирожные. И увидев, что Висента в саду не одна, заинтересовалась ситуацией.

– Мерче?

– Фи, наконец-то! Тан Риалон, будьте знакомы. Ритана Ксарес.

– Тан Риалон? – заинтересовалась теперь уже и Феола. – Вы не родственник некоего тана Амадо Риалона? Он ведет дело родителей Мерседес.

– Да, я! – распустил павлиний хвост Карлос. – Это мой отец! Один из лучших следователей в столице! Его сам Вальдес хвалит!

– Ой, это так интересно. Расскажите поподробнее? – тут же перешла в атаку Феола.

Увы, оказалось, что хвост павлиний, а мозг куриный. Рассказать что-то интересное девушкам мальчишка просто не смог. Амадо с ним не делился, а сам по себе Карлос интереса ни для кого не представлял.

Так что девушки быстро его распотрошили, расспросили – и выставили вон.

Впрочем, Карлоса это не расстроило.

Теперь у него было целых два объекта приложения сил.

Сеньорита Мерседес Веласкес. Денег там много, а вот родителей нет. Это хорошо.

И ритана Феола Ксарес.

Ксаресы фамилия известная, с семьей там хуже, но с деньгами тоже неплохо. И ритана. Это большой плюс.

В остальном же...

Обе вполне симпатичные, обе в подходящем возрасте – надо брать.

Приглядеться к обеим, выбрать одну, подходящую, и ей заняться вплотную.

Что по этому поводу думает девушка?

А вот такие скучные материи Карлоса не волновали. Девушка не думает по определению! У нее голова для прически, а не для мозгов. Вот!

* * *

Если бы Карлос узнал, о чем потом говорили девушки, он бы сразу принялся искать другой объект для своих замыслов. Но ему повезло. Не узнал, потому и от стыда не сгорел.

– У Амадо такой неприятный сын, – нахмурилась Феола.

– Его отец не Амадо Риалон, он просто дал его матери свою фамилию. Я всей истории не знаю, – не стала врать Висента. – Своих детей у Амадо в том браке нет.

– А Карлоса он любит?

– Сложно сказать. Вроде бы да, но... ты сама видишь. Сложно любить такое.

Феола была согласна.

– Вообще нельзя. Это как кошелек из тебя делают, а ты терпи...

– Амадо пока терпит. Я знаю. Но рано или поздно взбрыкнет. Это как его отец... пока у него не было надежды на лучшее, он оставался рядом с женой. Из безразличия, из нежелания менять свою жизнь – наверное.

– А потом?

– А потом Эрнесто Риалон женился на Антонии Лассара. И тоже стал Лассара. Не слышала эту историю?

– Нет. Я же в колониях росла! Расскажешь?

– Расскажу, конечно.

Карлос был забыт. И упомянула его Висента только раз, сказав, что не знает, от кого Альба его нагуляла. Но явно не от порядочного человека, и добра там не жди.

Феола была с этим полностью согласна.

Забавно. Если у них с Амадо что-то начнется, у нее будет сын... почти ее ровесник. И вряд ли сыночку это понравится. Хотя сейчас им обоим не до этого.

Что-то нехорошее намечается в Римате. А у Феолы здесь и брат, и сестра, и родители сюда приехать могут. И Феоле этот город нравится.

Значит, будем разбираться. А Карлос пусть под ногами не путается, а то каблучками запинают.

* * *

Амадо сидел за столом и раскладывал карточки.

Узор не складывался, рассыпался, создавал все новые и новые прихотливые завитки.

Нет, не понять.

Что же происходит?

Как же это выглядит?

Эта история начинается давно... когда обнаруживают неверность королевы. Когда крадут кровь короля?

Нет.

Это отдельный росток. Это определенно отдельный росток.

Итак, выкладываем одну ветку. Кража крови, да, так это проще называть. И незаконные потомки короля. Сюда же идет Веласкес. И сделанное ему предложение. Сюда же идут попытки похитить Мерседес. И сюда же – попытка убийства старших Веласкесов.

Целое дерево получилось.

Берем вторую ветку событий.

Тот, кто сделал предложение Мерседес Веласкес, не подозревал о ее наследственности. Наверняка. Иначе бы в жизни не связался с мединцами. Даже октарон – и то слишком много. Наверное...

Надо бы провести опыт...

Но Хавьер говорит, что, когда понимаешь, что именно ищешь, находишь практически сразу. Если Мерседес будут проверять на нечеловеческую кровь – это легко обнаружится. А если трон, корона...

Это ведь не просто так себе – постоял, корону на башку напялил, да и пошел себе. Это серьезно.

Это ритуал, и ритуал магический. Да, с проверкой на кровь.

Амадо помнил историю. Дело это было еще во времена позапрошлой династии. Если вдаваться в историю, то рассказывать долго. Но смысл прост.

Король, который в то время сидел на троне, был не особо адекватен. Да, и такие попадались. Его сначала короновали, а потом у

него рассудок начал мутнеть. Приступы пошли, проблемы с памятью, припадки...

Нет, короля не травили. Просто такое тоже бывает. Перенес в детстве болячку, вроде бы полежал недельку в постели, а она потом дает осложнения. Яда там точно не было^[10].

Но все трудности управления государством легли на плечи королевы. И – вот! Наследника у нее не было на тот момент! Дочь была, а сына пока супруги не сделали.

А еще были родственнички. Много. Интриговали они, интриговали, потом у королевы-таки родился сын. Муж его еще смог признать, но у дядюшек-тетюшек, которые спали и видели себя на троне, уже руки тряслись и глаза горели. Они хотели власти!

И когда король умер (а до этого еще десять лет жил в своих покоях, из которых сделали настоящую камеру для безумца, с мягкими стенами и без острых предметов), разорались на все королевство. Потребовали проверки крови...

Королева согласилась прямо-таки с удовольствием. И поручила церкви разработать ритуал.

Церковники подумали, почесали за ухом, привлекли к делу магов, чтобы никто потом ничего не сказал, и разработали. Завязали на кровь, на корону...

Его высочество оказался законным. Сел на трон, долго правил, что там было с его родней, история умалчивает. То есть даты смерти есть, а причин – нет. Может, грибочками отравились, а может, и собственным ядом.

А ритуал остался. И при следующей коронации был применен автоматически. А чего?

Король – законный! Вот!

Но ритуал-то разрабатывали церковники! И маги тоже! И... и некроманты, да. И Амадо знал то, что ему как-то раз сообщил отец. Под настроение Эрнесто любил рассказывать сыну разные истории. Жаль только, что времени у них было мало. Да и ритана Барбара в свое время ревновала мужа к сыну, ругалась... ну да что уж теперь вспоминать.

Вот и про ритуал Эрнесто рассказывал, правда, с точки зрения некроманта. О том, что маги, принимающие участие в разработке, предложили добавить еще парочку проверок. На нечисть и нежить.

А что?

Мало ли как оно там складывалось? Может, король уже того? Протух и попахивает? Или вампирит помаленьку. Или еще чего...

Церковники в кои-то веки не стали спорить с магами. Ритуал разработали, все были довольны и счастливы, но... не все знают об этой маленькой детали. Может, уже и короли давно забыли – к чему им? Им кровь важна... Если ребенок рожден от своего отца-короля, то камни в короне цвет не меняют, а если нет...

Так они белые. В короне бриллианты вставлены, и немаленькие. И есть у них еще один плюс, помимо цены. Они легко принимают заклинания и держат их очень долго. Веками.

Если камни станут красные, синие, зеленые, черные... для всего свой цвет. Амадо даже и не сомневался, что возложенная на голову Мерседес Веласкес корона свой цвета поменяет. Камни чернеют на нечисть... вот, так и получится. Пусть не нечисть! Но ведь демонское отродье, как ни крути! Четверть крови там есть?

Демонесса лапку приложила? Или щупальце? Вот, было... и сработает!

Скандал будет на всю Астилию, не говоря уж о сопредельных странах.

Итак, кто бы и какие планы ни питал, о таком свойстве короны он не знает. Хотя это и король может не знать. Дочь-то Вирджиния вполне себе кровная. А что вторая половина... того... подкачала...

У всех свои недостатки. Кстати, об этом и герцог мог не знать.

Какая у короны функция?

Проверка на родство, а оно как раз есть. Про все остальное еще надо узнать.

Ладно, оставим это. Одну ветку выложили. Начинаем раскладывать вторую.

Веласкесы. Которые торговали не пойми чем, исправно платили налоги и богатели, богатели... кстати – денег на счетах не обнаружено. И драгоценностей, которые видела Мерседес – тоже. Вопрос – почему?

Ответ.

Потому что Самуэль Веласкес просто прокручивал эти деньги. И уходили они куда-то еще. Как вариант – тем же мединцам, уж очень похоже, что из этого дела их уши торчат.

Итак, есть Наталия Марина Арандо. Она явно подозревала, для чего ее подложили под короля. Но когда умер герцог и изгнали демонессу – растерялась. Но – ненадолго ведь! Только пока мединцы были рассеяны и раскиданы. Потом гадины опять принялись сползаться в клубок.

Что самое логичное? Да найти друг друга и использовать. Мединцы хотят вернуть демонессу. Для этого необходима гекатомба. Уж чья мудрая голова придумала устроить взрыв в столице...

Кстати, а правда – чья?

И готовилось это последние лет... да, года три. Если бы больше, Серхио увидел бы финансовые следы. А их нет. В последние три года у Самуэля пошли сомнительной чистоты операции. Потому их и заметно стало, кстати.

Если бы это началось лет десять-пятнадцать назад, купец придумал бы, как все спрятать. Но – нет. Сроки поджимали?

Или... Хотели приурочить к смерти короля?

Естественной? Или...

Так, об этом лучше даже не думать. Сколько его величество правил, убивать его уже и не надо. Сам помрет. Возраст уж такой, что любой помрет. И надо полагать, его близкие были примерно осведомлены о сроках. Вот и подгадали мединцы. То есть года три-четыре назад на них вышел некто...

Получается треугольник? Третья ветка?

Или... или – первая?

Амадо всерьез задумался.

Допустим... только допустим.

Вот – мединцы. Они хотят вернуть свою тварь.

Вот – некто. Пусть тан... как же обозвать этого фигуранта? Пусть – тан Тиран. Оно и логично, белые и пушистые зайчики к власти обычно не рвутся.

Итак, у нас есть некто Тиран. Он имеет реальный шанс сесть на трон, но не имеет возможности его реализовать. К примеру, он последний в очереди. Или предпоследний. Или даже третий с конца. Нет, не женщина, просто потому, что в историю оказалась замешана Мерседес. Это кто-то из мужчин, и Мерседес нужна ему для повышения своих шансов.

Сужает ли это круг подозреваемых?

Ни разу.

Пожалуй, вне подозрения только его будущее величество и его сыновья. Старший – точно. Младший... ну и ему, пожалуй, ни к чему. Случись что с его отцом и братом, он сядет на престол без всякой Мерседес. Остальные – все. И кстати, женщин исключать тоже не стоит. Мало ли у кого может быть незаконный ребенок? Даже у той же принцессы Марии... допустим, у нее есть побочный сын. И там-то невеста точно понадобится.

Предположения?

А что вас так удивляет? Пусть женщинам сложнее скрыть внебрачного ребенка, нежели мужчинам. Пусть. Но это вполне реально. Амадо знал несколько таких случаев.

Ладно... вернемся к Тирану.

Допустим, он узнает про мединцев. Как именно?

Или случайно, или ищет намеренно. Это вполне реально, никто ж особенно не скрывал. Вся столица болтала, вся Астилия гудела... просто думали, что эти твари вымерли. Но мало ли кто и как смог на них наткнуться?

Если Амадо правильно понял, та же Дарея... она есть. И она не особенно человекообразна. Но договориться можно с кем угодно.

Итак.

Тиран и мединцы нашли друг друга. Одним нужно устроить гекатомбу, второму – избавиться от конкурентов. Чем не общность интересов?

Хм... тогда почему такие сложности с Веласкесами?

Почему было сразу не поговорить с Наталией Арандо? Почему сразу не убедить Веласкесов? Просто – почему? За три года можно бы и на брак своей дочери с козлом согласиться, не то что с лицом королевской крови?

Да и не худшая это судьба, коли на то пошло. Не за козла же, правда, выходить предлагают!

А Веласкесы отказываются.

Вот проводить деньги для мединцев – пожалуйста. А поговорить с будущим королем – нет?

Нелогично. Тогда второй вариант. Тан Тиран каким-то образом узнает о заговоре и решает им воспользоваться в своих целях.

Насмерть пугает Веласкесов, торопится, делает глупости... о чем это говорит?

Об отсутствии должной подготовки. То есть он узнал недавно, а решение получить трон принял спонтанно. Как вариант.

Но тогда он должен знать и о мединцах, и о краденой королевской крови? И узнать об этом одновременно?

Снова сомнительно. Вряд ли сеньора Арандо болтала на каждом углу о том, что делала в юности. Ладно, пусть Тиран узнал о королевской крови достаточно давно...

Кстати – вариант.

Судя по глупости поступков, может быть и так. О крови он узнал достаточно давно, но с Веласкесами решил не связываться. Зачем? Перспектив никаких, а получить в семью сеньориту...

Еще раз – зачем?

Это не ритана, особой знатности у нее нет, богатства она не принесет, связей тоже – и?.. Просто потому, что она внучка покойного короля? Но если это не приблизит Тирана к трону, то зачем?

Правильно, незачем.

Итак, допустим, он – узнал. Про Веласкесов – недавно. А вот про заговор и взрыв – давно. И решил воспользоваться этим в своих целях.

Вот вам и спешка, и свадьба с Мерседес, такая быстрая... и испуганные Веласкесы...

Вот что может сказать Тиран? Ну, как вариант?

Амадо невесело рассмеялся.

Да попросту: «Я знаю все. И всем все расскажу, если не получу, что мне нужно». А ЧТО он знает, о чем именно...

Рыло-то в пуху по самые уши! Уж года три, как в пуху!

Да и не пришло им в голову ничего про королевскую кровь наверняка. Вряд ли Наталия Марина Арандо кому-то и что-то рассказала. Вот не выглядит она добренькой и доверчивой. Если уж так поступила...

В заговор она была замешана по самые уши. Но – и только. Кричать на каждом углу о своих шашнях с королем – не в ее интересах. Да и кто поверит?

А еще...

Амадо, недолго думая, поднял трубку и телефонировал Веласкесам. Поговорил минут пятнадцать.

Ну, примерно так он и думал. Если кто-то наивно начитался сказок и думает, что в жизни так же... вот, пришел невесть где и невесть когда потерянный принц и взгромоздил попу на трон...

Это – может быть.

А вот женился, наплодил детей и правил долго и счастливо – уже нет. Нереально. Срок жизни такого короля будет измеряться в месяцах. А может, и того не дадут.

Кто-то будет править из-за его спины?

Тоже сомнительное утверждение. Зачем довольствоваться частью власти, если можно получить всё? Чтобы человек мог успешно... ладно, даже не править, а просто сидеть на троне, его надо долго и упорно учить, натаскивать, тренировать, дрессировать... и ничего подобного с мальчиками не делали. Веласкесы росли милыми детьми, но...

Нужного образования они не получили. Это Гонсало Веласкес точно знал, он и с детьми разговаривал, и с сыном, и с учителями мальчиков был знаком... Какой там трон?

Нет, нереально.

Мерседес?

Как полноценная королева она на троне не усидит. А вот как чья-то супруга она будет идеальна. Покорная, неглупая, с хорошим характером, во всем повинующаяся мужу... так ее и растили.

Ладно! Это отступление... принимаем, что о королевской крови Наталия Арандо своей дочери не рассказывала. Но Тиран о ней узнал. Давно... или не очень давно, это как раз неважно.

Он узнает о планах мединцев. Понимает, что ввязываться в них – глупо, потому и не ввязывается. Но и умолчание для него – не грех. Точнее, в данном случае оно грех, но тут можно поиграть с формулировками. Не понял, не подумал, не решился...

Вариантов много, но сводятся они к одному. Человек может сказать, что он не виноват в гибели своей семьи. В гибели всех остальных претендентов на трон.

Знал и не помог? Не сообщил?

А он и не обязан. На то полиция есть, чтобы всякое такое искать. А он узнал, но не поверил. К примеру.

Тиран идет к Веласкесам, пугает их, просит руки Мерседес – и начинает крутиться карусель.

Веласкесы мчатся к мединцам, те в панике их ликвидируют, чтобы не рухнул весь план, и Тиран... скорее всего, он просто растерялся.

Отсюда и спешное похищение Мерседес. Спешное, глупое, с исполнителями, для которых стала угрозой даже Феола.

Феола...

Хоть и не время было для чувств, но Амадо вспомнил рыжие волосы, вспомнил уверенный взгляд светлых глаз. Эта девушка не просто красива. Она еще не пустышка. Она яркая, умная, искренняя, ее избраннику очень повезет. И... Амадо ее сильно недооценивает. Скорее всего.

Вот как хотите, не выглядит Феола ни пустышкой, ни легкой добычей. Амадо не знал, чему ее научил шаман, но...

Сначала она разобралась с похитителями. Потом помогла Веласкесам отбиться от убийц. Теперь собирается призывать дух...

И вы хотите сказать, что она милая и беззащитная? Нет, серьезно? Даже подумать об этом уже смешно!

Феола опасна, как коралловый аспид. Очаровательный, красивый, смертельно ядовитый. И на минутку... питается этот аспид другими змеями. Тоже ядовитыми. Решительно протестующими против съедения. Так что...

Не стоит ее недооценивать.

А еще Амадо надеялся, что человек, на которого Феола обратит свое внимание, сможет понять ее. И не сломать. И помочь ей.

Как часто сильные люди оказываются слишком хрупкими?

Как часто такие девушки, как Феола, влюбляются в недостойных, ломаются от любви, от непосильной ноши?

Слишком часто. Увы.

Амадо мог только надеяться, что с Феолой такого не произойдет.

Ему эта девушка... нравилась? Или...

Нет! И думать ни о чем не надо! Пятнадцать лет назад он выбрал свою судьбу, он женился на Альбе, он признал ее сына. Довольно!

Он поступил правильно, и не жалеет об этом. Ведь правда же? Не жалеет?

Особенно глядя на чьи-то рыжие волосы... огонек. Живой и искренний огонек, который отогревает его замерзшее сердце.

Амадо усилием воли выкинул из головы посторонние мысли и решительно потянулся к карточкам.

Мединцы паникуют? Безусловно. У них разорено несколько гнезд, об их плане стало известно властям... что они будут делать?

Да кто ж их знает? Могут и просто взорвать заряды.

Могут. Но вряд ли они будут это спешно делать. Они не знают, что именно на них есть. Они не знают, чего ждать от людей. И надо полагать, если взорвать заложенное сейчас... отомстить они могут. А вот своей цели не достигнут.

Если сейчас ими управляет не полный идиот, он подождет еще пару дней.

А если идиот?

Тогда Амадо все равно не успеет ничего предотвратить. Увы.

Продолжаем дальше.

Планы Тирана срываются один за другим. Что он должен делать?

Попробовать еще раз или два выкрасть Мерседес. Или поговорить с Веласкесом-старшим. Почему нет?

Вполне возможно, ему будет сделано некое предложение... от которого не получится отказаться. Вполне возможно.

Сейчас Амадо не собирался загадывать. У него были более важные дела. К примеру, найти, где прячут остатки взрывчатки, и предотвратить покушение. Только вот как это сделать?

Пока у него слишком мало данных. Пока...

А потом может и не наступить.

Телефонный звонок разорвал тишину.

– Слушаю... – поднял трубку Амадо. И спустя несколько минут: – Хорошо, тан Мальдонадо. Я сейчас этим займусь.

Говорите, Сальвадор Коронель?

Сейчас я с ним тоже поговорю. Он уже всплывал в деле... вот и отлично! Хоть какие мне ниточки дайте! Хоть самые тоненькие...

Амадо сейчас и за паутинку схватится. Только бы все обошлось.

Только бы все получилось...

* * *

Свой план Карлос продолжил воплощать за ужином. Для разнообразия – дома, с матерью. Отец, как обычно, был на своей паршивой работе. Ну и ладно, все равно он не одобрил бы! А вот мама поймет! И поддержит!

– Мама, скажи, что ты знаешь про семью Ксаресов?

– Я недавно познакомилась с милой дамой – ританой Розой Ксарес. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Я просто недавно познакомился с ританой Феолой Ксарес. Не могла бы ты навести некоторые справки про нее?

Альба улыбнулась сыну и получила в ответ неповторимую улыбку Валерансы. Ах, как он похож на ее первую любовь.

Мысль о внутреннем сходстве ритана отогнала, и побыстрее. Только улыбка! Только обаяние! Остальное у сына от нее. Ум, честность, порядочность... ее сын другим и быть не может!

– Конечно, сынок. Ах, как летит время! Только что ты был совсем малышом, и вот! Ты уже интересуешься девочками!

Карлос едва не фыркнул.

Будешь тут интересоваться, когда мать с отцом нищebroды! Ему же надо как-то жизнь устраивать?

Надо!

Вот он и будет.

Хотя к чести Карлоса, родителей из своей жизни он вычеркивать не собирался. А зачем? Пусть тоже помогают! И побольше, побольше...

На жену и ее семью еще надо будет произвести хорошее впечатление! Так что пусть мама все толком разузнает, а там уж и Карлос не оплошает. Да...

* * *

Даряя металась по пещере, словно ожившая молния.

Щупальца со свистом разрезали воздух, руки ни минуты не могли полежать спокойно, волосы растрепались, глаза горели...

Ее родные в лапах полиции!

Сбывается самый страшный кошмар любого мединца.

Что теперь будет, что же будет... и где Рамон?!

Где же он, где?!

Впрочем, долго ей ждать не пришлось. Рамон появился примерно через час после своей подруги. Только вот ей этот час показался длиннее иного года.

– Ром!!!

– Дари?

Девушка кинулась своему мужчине на шею, прижалась так, что между их телами и иголку не получилось бы просунуть, обвила его руками, оплела щупальцами...

– Ром! Ром...

И разревелась в голос.

Рамон незаметно поморщился.

Ладно... будем честны. Не любил он Дарею. Увы – не любил. В его сердце была только Владычица, для остальных там просто не нашлось бы места. Даря была ему симпатична своей внешностью, столь отличной от человеческих стандартов, ему было хорошо с ней, легко и приятно.

Но – и только.

О любви, увы, речь с его стороны не шла. И вот такое проявление эмоций он никак не приветствовал. Но не говорить же это влюбленной дурочке? Еще придушит от горя!

– Что случилось, Дари?

– Ром...

Прошло не меньше пятнадцати минут, драгоценных, почти бесценных в преддверии грядущего триумфа, прежде чем Даря более-менее успокоилась и смогла говорить.

И рассказала.

Рамон только поморщился. Но...

– Дари, что ты хочешь, чтобы я сделал?

Даря задумалась. А правда – что?

– Ну...

– Я не могу сейчас напасть на участок... кстати, ты уверена, что твоя мать и сестра еще там?

Даря не была в этом уверена. Ни разу.

– Я не могу узнать, где их содержат, не смогу сейчас освободить. Но через несколько дней, когда вернется Владычица, мы сможем попросить ее.

Даря подняла брови. На ее лице это выглядело ужасно, но все же...

– А если маму и сестру убьют за это время?

– Зачем их убивать?

– Ну...

– Ты им ничего не рассказывала? О нас?

– Я сказала, что мы встречаемся, – опустила глаза Даря.

– И все?

– Да. А что я еще могла рассказать, – даже удивилась девушка.

– О наших планах, к примеру, – прищурился Рамон.

– Что мы собираемся пожениться? Да, я говорила им... не надо было? Но, Ром, они меня любят и только порадуются моему счастью.

Плевать Рамон не стал. А как хотелось!

Вот ведь дура-то! Свадьба...

Владычица! Вот что действительно важно. А эта идиотка... одной больше, пятью меньше... кто их там считать будет? Тьфу!

– Конечно, Дари. Но если не вернется Владычица, мы не сможем пожениться. Ты же понимаешь, наш брак будет обречен на бездетность. А я не хочу для тебя такой судьбы. Ты должна быть женой и матерью, ты просто создана для этого.

Даря мечтательно заулыбалась.

Рамон попал в самую точку... детей она хотела. Но... да, вот почему-то получалось так. Если два мединца вступали в связь, то детьми им обзавестись было намного сложнее, чем мединцу и человеку.

Даря не знала, что стерильна. А Рамон...

Да наплевать Рамону было на эту романтическую дуреху! Пусть хоть лишаями покроется, только бы ему никто не помешал вернуть Владычицу Синэри!

Только бы все удалось!

– Да, Ром...

– Поэтому сейчас надо все силы направить на осуществление нашего плана. Чтобы все получилось, чтобы никто нам не помешал. А когда Владычица вернется, ей достаточно будет только щупальцем шевельнуть.

– Да...

– И мы освободим твоих родных. Обещаю.

Остатками разума Даря все же смогла задать один вопрос.

– А они не пострадают? Когда Владычица будет возвращаться?

– Конечно нет! – как можно более убедительно ответил Рамон. – С чего бы?

– Ну... взрывы...

– Мы все рассчитали. Если твои мать и сестра не окажутся на центральной площади во время коронации, или у храма, во время похорон, они и не пострадают.

Даря только кивнула.

Да, конечно. Рамон всегда прав, и он все предусмотрит. Правда же?

Конечно, правда...

А здравый смысл и логика никогда не приходят в голову, занятую любовью. Там для них места не хватает.

Глава 6

Несколько лет тому назад...

Его высочество брезгливо отряхнул рукав.

М-да...

Ругаться не на кого, сам дурак. И в то же время...

Сам?

Не вполне. Если друзья подбили тебя на опасную авантюру, они, конечно, в этом виноваты. Но если ты согласился – ты дурак. И если ты себе подобрал таких приятелей, ты тоже дурак.

Впрочем, именно так его высочество не думал. Мало кому понравится признавать свою неправоту. Но и назвать себя умным...

Был бы умным, не согласился бы на такое пари. Пройти на яхте, вдоль побережья, от Сеуты до Овьедо, за час... невозможно?

Для кого-то другого это нереально! Но он-то умный! Он справится... правда?

Справился бы, не налети неожиданно шторм. Да, в это время года шторма обычно не дождешься. Это не весна, не осень, летом, может, один или два шторма за сезон будет. Но вот налетело же, и станет еще хуже.

Яхта все сильнее раскачивалась на волнах, и было ясно, что до начала шторма он спрятаться не успеет. И добраться никуда тоже не успеет.

Придется встречать опасность в море...

Берег?

Да, до берега не так далеко, и, если что, придется спасаться вплавь... шансы у него есть. Или бросить яхту уже сейчас и плыть побыстрее? Это на яхте он не пристанет, ничего не получится. А вот если вплавь, человек на берег может высадиться. Судно разобьется.

Рифы, мели, подводные течения – моряки вообще этот кусок побережья обзывают «кладбищем кораблей» и стараются сюда не заходить. Примета плохая.

Деревеница суеверная. Тьфу.

Несколько минут его высочество размышлял, потом принял решение.

Подождет.

Он подождет и попробует справиться с яхтой. Шторма в это время года если и случаются, то не сильные. И не слишком долгие. Да, он не выиграет пари, но и не потеряет лица. Просто объяснит приятелям, что попал в шторм, и пройдет вдоль побережья еще раз.

Так можно.

А вот если бросить яхту, если его придется спасать...

Такого лучше избегать. Как будут над ним смеяться, если принца выловят из воды, как мокрую крысу? Или будут потом искать по всему побережью...

Кстати, не слишком-то скоро и искать начнут. К вечеру в лучшем случае.

Надо попробовать выбраться самому.

А поскольку трусом его высочество никогда не был, он развернул яхту носом к ветру и приготовился лавировать.

Сначала было не так и плохо. Да, ветер налетал, хлестал по лицу дождевыми полотнищами, сбивал с ног, выворачивал парус, метался, как взбесившаяся крыса...

Но с этим можно было бороться. А вот потом...

Шторм разбушевался всерьез. Резко ухудшилась видимость, дождь полил сплошной стеной... на такое яхта не рассчитана. Если бы с ним был хоть кто-то, чтобы вычерпывать воду, откренивать легкое суденышко, помогать с парусом... но для хорошей погоды одного человека хватало. А вот на плохую...

Его высочество уже давно потерял ориентацию и не знал, куда плывет. Достаточно было и того, что суденышко держится на воде, пока еще держится...

Очередная волна подняла легкий кораблик – и уверенно понесла к берегу. Дотащила бы, но на пути попала скала.

Хруст дерева, почти крик погибающей яхты... кто не слышал этого звука, тот не знает, что такое агония. А его высочество услышал.

Сила инерции выбросила его с яхты, словно котенка за шиворот. Мужчина пролетел вперед несколько метров и с головой погрузился в горькую соленую воду, щедро перемешанную с песком. Ему повезло.

Он не разбился, он попал не на галечный участок, а то, пожалуй, стесал бы себе все, что можно. Он не сломал себе пару-тройку костей, не свернул шею и даже не потерял сознания. Практически не потерял, так, дело обошлось легкой дезориентацией.

На несколько секунд он потерял ощущение верха-низа, забил руками, ногами, кое-как вынырнул на поверхность, сплюнул воду...

Очередная волна потащила его к берегу, и он не упустил своего шанса. Демон с ней, с яхтой, тут уже самому бы уцелеть. Пробковый жилет был на нем, что немало помогало держаться на воде, и мужчина уверенно погреб вперед.

Волна покатила назад, но мужчина умудрился за что-то зацепиться, дождался нового прилива...

Фууууу!

Вот и песок под ногами!

Теперь надо отползти, чтобы волны не утащили его обратно в море. Его высочество кое-как пополз вперед. Дождь что есть силы лупил его по голове, по плечам, спине...

Не сдохнуть бы от переохлаждения. Лето, конечно. И море теплое, и будет тепло, но это – потом. После ливня, промозглого ветра и сырости, которые надо как-то пережить. А пока... найти хоть какое укрытие, чтобы спрятаться от воды, накатывающей, кажется, со всех сторон. Снять мокрую одежду, подвигаться, растереться, развести костер... хотя нет. Насчет костра – это уже утопия.

Нечем ему огонь развести. Ну хоть мокрое снять, да обсохнуть. И то уже дело будет...

Его высочество практически пополз к скалам. Пещера, ему нужна пещера...

Найти хорошую пещеру – тоже дело сложное. Вот перед тобой скала. Но она же не идеально гладкая! И пещеры... до них еще добраться надо. И приходится почти ползти, прижимаясь к холодному скользкому камню. Нарочно его, что ли, таким сделали? Вроде бы скользкий, но какие ж у него встречаются острые грани! И как впиваются! УЙЙЙЙЙ!

А пещеры далеко не идеальные. Какая-то слишком высоко, в какую-то вода заливаается. В эту даже змея не пролезет.

А эта...

Вот эта, пожалуй, подойдет.

Мужчина упал на четвереньки и полез вперед, в пещеру, прощупывая руками пространство перед собой. Да-да, гордо вступать не выйдет. И пещера не такая высокая, и мало ли что ждет внутри? Это пещера! И видимость в ней сейчас крайне паршивая.

Расщелина оказалась практически идеальной. Вся засыпана мелким белым песком, сухая, чистая, словно по заказу, без лишних жителей... разве что... а, вот почему!

Продолжая передвигаться на четвереньках, его высочество нащупал длинную трещину, которая пересекала пещеру. Потому здесь животных и нет, в ширину она... да сантиметров тридцать. Он может через нее переползти, а вот змея или какое-то мелкое животное – вряд ли.

Его высочество перебрался через трещину и улегся на пол.

Надо было снять одежду, растереться, подвигаться... надо! Но сил не было.

Он понимал, что так лежать нельзя, что он замерзнет, заболит... ладно! Еще пять минут – и он встанет! И займется собой... в пещере послышались голоса.

– Опять из этой дыры какое-то дерьмо сыплется! Мне здесь не нравится.

– Сейчас утихнет шторм – и пойдём, поплаваем.

Первым побуждением его высочества было крикнуть, потребовать помощи...

Не получилось. Он просто неудачно вдохнул, поперхнулся, но услышав следующие слова, даже откашливаться перестал. В глотке дыхание сперло.

– Хорошо. И убери свои щупальца. Мне хвост положить некуда, ты все занял...

Щупальца?

Хвост?!

Что-то подсказало его высочеству, что лучше не привлекать к себе внимания. Как-то... неприятно это звучало. Люди? Да, они гады те еще, но обычно это в душе, а не... в щупальцах проявляется.

Мужчина замер, словно мышь под веником, даже и дышать прекратил, а разговор внизу продолжался.

Сначала воркование девушки и парня, потом любовные игры, потом снова разговор...

Девушка щебетала, парень ее поддерживал, ну а про мединцев его высочество и так слышал. Не придавал особого значения, но слышал ведь!

И получалось так, что это именно они. Больше никому. Ой, как же это грустно... Или нет?

Любое явление природы его высочество рассматривал только с одной точки зрения. Может оно быть ему полезно – или нет?

Если может, надо брать и пользоваться.

Если нет... все равно надо брать. Обстоятельства меняются, что сейчас не пригодилось, потом в дело пойдет. Так что...

Он слышал о мединцах. И пригреет этот компромат на мэра Римата... вдруг пригодится?

А разговор внизу продолжался.

И вот тут-то его высочество и наострил уши.

Не то чтобы мединцы прямым текстом рассказывали обо всех своих планах. Но про возвращение Владычицы они упомянули. И о Валенсуэла – тоже. Его высочество боялся пропустить хоть слово.

Он – принц, но в очереди на трон он далеко не первый. Не третий даже. Шансов править у него практически нет. А хочется...

Власть!

Что такого в этом слове, что все так сходят от него с ума? Глупый вопрос. Изначально глупый.

Тот, кто понимает – никогда его не задаст. А кто не понимает, тому и не объяснишь. Как рассказать слепому про красный цвет?

Как объяснить эту неизъяснимую сладость? Когда ты – хозяин чужих жизней, судеб, когда ты имеешь право казнить и миловать, когда твоей воли ждут, словно небесной, когда ты можешь управлять людьми, словно марионетками?

Как этого можно не хотеть?

Как можно жить без этого восхитительного ощущения? Даже он... пусть, не первый наследник! Но и его не обошла эта зараза...

Ему кланяются, перед ним заискивают, преклоняются, егорасположенияищут, егословокое-чтозначитв томмире...

Шторм утихал.

Мединцы ушли, и принц начал раздеваться.

Холод?

Какой, к демону, холод?!

Какое крушение, пари, насмешки? Да плевать ему на все эти мелочи! Сто раз плевать на все и каждую! Важно только то, что он узнал!

И про планы, и про Валенсуэла, которые тоже медицы... кто бы мог подумать! И про взрывчатку, которую закупают...

И даже самое главное.

Что в ближайшие пару-тройку лет медицы должны уложиться. Что ж...

Не они одни. Ему тоже надо и подумать, и кое-что предпринять, и подготовиться. Надо, ох как надо... опасная игра?

Очень опасная. И проигрыш в ней будет караться смертью. Но выигрыш стоит риска! Или он расстанется с головой, или наденет на нее корону! И никак иначе!

Его высочество тщательно продумывал свои планы.

Правда, болезням было начихать на его соображения. И почти на месяц он слег с воспалением легких. Но это тоже пошло ему на пользу. Не свались он в кровать, и не случилось бы того разговора...

* * *

– Ваше высочество, надо.

Его высочество скорчил рожу.

Надо-надо... а не хочется! Почему все лекарства на вкус, как кошачья блевотина? Кто бы ему ответил?

– Не хочу. Уйди.

– Ваше высочество, – личико хорошенькой служанки прямо-таки преисполнилось горя, глазки захлопали, губки задрожали, на ресничках набухли две громадные слезищи. – Меня выгонят... умоляю!

Не подействовало. И то... видел он и не такие виды.

Горничная повела плечами, и пуговичка, словно ненароком, выскользнула из нетугой петельки.

– Ваше высочество... я вам сладенького дам...

– Ну, если сладенького, – скабрёзно ухмыльнулся принц, протягивая руку за стаканом...

Горничная не соврала. Правда, мужчина был не в состоянии проявлять инициативу, но она и сама справилась. Хорошо так сработала, душевно, с огоньком...

Потом вышла из его комнаты... и спустя пару минут его высочество, который встал по важной нужде, услышал из гардеробной звук пощечины.

А это еще что такое?

Никакого желания встать на защиту горничной, или рявкнуть, или как-то вмешаться в конфликт у него и рядом не возникло. С чего бы?

Он и так снизошел до этой дурочки! Он уже ее осчастливил! А вот кто вторая? И в честь чего пощечина? Его высочество прислушался.

Разговор велся хоть и вполголоса, но слух у него был хороший, да и голос у второй бабы оказался очень пронзительным. Таким бы верещать хорошо... аж ввинчивается в уши!

– Ты чего добиваешься, дура?

– Тебе какое дело? Завидуешь?

– Да было б чему! Поиметь он тебя поимеет, но и только! Не женится же!

– А мне свадьба и не нужна! Мне ребеночек нужен!

– Зачем?

– Уж малыша-то его высочество не оставит!

Его высочество мрачно ухмыльнулся.

Конечно, не оставит. За ухо к доктору отведет и заставит плод стравить. На любом сроке. Что он – дурак, что ли, ублюдков от прислуги плодить? Вот еще не хватало!

– И что? Пусть не оставит, у него самого в кармане вошь на аркане!

Это прозвучало весьма неприятно, но справедливо. Увы.

Принц? Отлично! Только вот титул не означает достойного финансирования всех высочеств. Особенно отдаленных.

Денег принцу решительно не хватало! Даже на самое необходимое!

Яхту придется покупать, отделявать заново... расходы! И немалые, между прочим. А из казны ему деньги на это выдавать отказались, спасибо еще, стоимость утопленного судна не взыскали.

Но ему-то с того не легче!

Положено вам, ваше высочество, содержание? Вот, его и получите. Как положено, раз в квартал, под расписку. А формажорные обстоятельства... идите-ка вы к королю. Если его величество распорядится, так вы сверх того денежки и получите.

Распорядится, ага!

У старого скупердяя снега зимой не допросишься! За соленую воду в море плату скоро взимать начнет! Поддыхает, а чужие жизни так же заедает! Совершенно Аурелио Августин не понимает, что у стариков-то потребностей нет! А у него – есть! И еще какие! Важные и большие! Вот!

– Это по его меркам вошь. А по нашим там целый кит, – отрезала вторая служанка. – Мне так много и не надо. Вот, как Наталии Арандо выделили, домик и деньги на прожитие! И кстати, если б покойная королева не потребовала, король бы с ней не расстался.

– Ну так потребовала же! И тебя выгонят, как ее...

– Зато у меня ребеночек будет. Как...

– Как у нее?

– Ну...

– Рассказывай, дурица?

– Чего сразу дурица? Теть...

– Рассссссказывай, – перешла на гадючий язык заботливая тетушка. Племянница шмыгнула носом – и созналась.

– Мать мне говорила. Когда Наталия Арандо уходила из дворца, она в тягости была. Вот его величество и денежек ей дал, и с домиком помог... чего еще надо-то?

– Тебе, убогая? Мозгов тебе надо! Еще раз к его высочеству подойдешь – ноги вырву! Будешь на локтях до дома ползти! Тьфу, дура!

Вправление мозгов продолжилось, и ничего интересного для себя больше его высочество не услышал. Но и уже имеющееся...

Наталия Арандо?

Ребенок от короля? Хм?

Положа руку на сердце его высочество осознавал шаткость своей позиции. Даже случись что плохое со всеми впереди стоящими в очереди на трон, даже останься он единственным претендентом...

Королевской крови в нем маловато.

Но если у короля была незаконная дочь? Или сын? Или кто?

Это надо разузнать подробнее. Наталия Арандо, говорите?

Вот и разговаривайте, очень хороший разговор у вас получился! И я кое-что новое узнал! И выгоду свою не упусти!

Надо узнать, кто и когда родился у сеньориты Арандо, дочь или сын. Если сын, к сожалению, мальчишка будет бесполезен. Если дочь... когда?

Сколько ей лет, замужем она или нет, где сейчас находится...

Узнать нужно многое. Но ведь и выигрши будет хороший! В нем королевская кровь, там королевская кровь. А если две ветви слить...

Можно!

Даже диспенсацию на это дело получать не нужно^[11].

Родство достаточно дальнее, так что и дети будут нормальные, и королевская кровь в двух ветвях – отлично! Сейчас-то в династии одна принцесса, и ту придется... того!

Огневик же! А с магами не договоришься.

Надо поискать! Наталия Арандо, была служанкой при дворе... потом уволена. Отлично!

Он ее обязательно найдет, и поинтересуется, почему та ушла. И кого родила, и что стало с этим ребенком. А потом и решит, что именно ему делать.

Перед его высочеством открывались блистательные перспективы. Определенно, судьба ему благоволит! Она показывает и возможность устранить соперников, и возможность получить большую легитимность... разве это не прекрасно?

Если он не использует предоставленный ему шанс, всю жизнь об этом жалеть будет! Это уж точно!

И его высочество потихоньку вернулся в кровать. Лежать, безропотно пить мерзкие отвары и настои, и думать, думать, думать...

Ему предстояло спланировать и осуществить сложную многоходовую интригу. Более того, сделать это так, чтобы его никто и никогда не заподозрил.

Сложно? Грязно?

Ленивые корон не носят. И избыточно совестливые тоже. Вот.

* * *

Епископ Тадео молился.

Да-да, иногда этим и епископы занимаются. И ничего смешного тут нет. С кем можно поделиться страхами и сомнениями? Кто не подставит тебя, не подсидит, не напакостит, не использует полученную от тебя информацию в своих неблагородных целях?

Только Бог.

Священники это точно знают, им человеческие пороки ведомы. Они на них постоянно любуются, да так, что иногда аж челюсти сводит. Принято думать, что священники всегда должны быть добры, милосердны, всегда служить проводником между Богом и человеком...

Ничего, что они тоже люди?

Попробуйте думать о Боге, когда у вас обострение... к примеру, геморроя? Или в спину так вступило, что ходить не хочется. Хочется ползать на четвереньках.

Да, и такое бывает. И бо-ольно...

Прихожане этого не осознают. Им кажется, что если ты священник, то ты – он самый без перерыва на сон, еду и естественные потребности. Врагу бы их подарить, но и врага жалко.

А уж как себя жалко, когда кто-то начинает выливать тебе на голову свои душевные помои, а ты даже треснуть дурака не можешь! Да что там! Даже лопату вручить и отправить на перекопку канав – и то нельзя!

И зря, между прочим. Лучше всего от душевных терзаний и сомнений помогает простой физический труд. Берешь ты лопату – и вперед. Деревья окапывать, или там, выгребную яму сооружать. И к вечеру у тебя душа терзаться не будет.

Она будет хотеть спать. Кушать, отдохнуть, полечить трудовые мозоли... да что угодно! Но терзаний ждать точно не придется.

К сожалению, глубокоуважаемому епископу это было недоступно. Он бы взял сейчас топор и пошел колоть дрова. Но...

Разве ж дадут?

Не дадут. Вот и приходится... молитвой.

Господь Бог если и слышал, то привычно не отвечал, но хотя бы мысли становились на место. Грустно было епископу, тошно... опростоволосились они, конечно, пятнадцать лет назад. И сейчас его ничего не оправдывает.

Если бы он тогда подумал, проверил, приказал еще раз разобраться...

Если бы...

И не надо сваливать на некромантов. Они во всем виноваты, они чего-то не доделали... кто – они? Антония Лассара, которая только из пеленок вылезла? Она еще маленькая.

Эрнесто Риалон? Так он лично с демоном и не общался.

Богине претензии предъявлять? Ла Муэрте? Ага, пооди, поори в кустиках у храма, повесели народ. Богиня поступила, как ей и положено, демонессу выгнала взашей. А с производными от демонессы должны были разбираться люди. Церковь, вот кто главный в борьбе со всякой нечистью! Церковь!

А они это дело завалили. За что сейчас и отвечать придется.

Епископ понимал, что выхода нет. Если в ближайшие два дня ничего не прояснится, он лично все расскажет его величеству. И примет всю тяжесть наказания.

Да, именно он.

Не тан Кампос – тот всего лишь чиновник. Не полиция, нечисть – не их епархия.

Именно Храм.

Именно церковь должна бороться с нечистью и нежитью. Некроманты... ну, будем честны. Сколько тех некромантов? Правильно, очень и очень мало. И они как раз боролись. А что не со всеми совладали...

Это как раз должна была доделать церковь. И проверить, и подумать...

Не сделали?

Нет.

Горели светлыми огоньками свечи, укоризненно глядели с икон святые. Ну, или епископу так казалось. Виноват же...

И ответит за свою вину. Впрочем, чуточку епископ все же кривил душой. Ему уже давно пора на покой, отдыхать, цветы выращивать...

ладно, садоводство – не его стезя. А вот рыбку ловить он бы не против. Но...

Есть такое выражение в психиатрии – синдром штурвала. Вот, именно оно у епископа и было. Этакая сверхответственность. Без него все обязано было рассыпаться, пойти прахом, подчиненные обязательно опростоволосятся, проглядят нечто важное...

Это просто судьба!

Он хоть как-то сглаживает их ляпы, но всем известно, хочешь сделать хорошо – сделай сам.

Ладно-ладно. Брату Анхелю еще можно доверять. Он неглупый, но... Наверное, еще не готов к столь важному посту? Или готов?

Кто ж его знает...

Раньше бы епископ точно сказал, что брату Анхелю надо еще годик-другой подучиться, подождать, прежде чем на такой важный пост становиться. А сейчас...

Сейчас у епископа шла переоценка ценностей. Все же наедине с собой и Богом он мог быть честным. Вульгарно выражаясь, это он пролопоушил мединцев.

Именно он. Не кто-то другой, не брат Анхель – он должен был все обдумать, он отдать приказ разобраться более тщательно, он...

Он этого не сделал.

Результат будем расхлебывать всем Риматом.

Иконы молчали. Молчал и Господь, и в этом молчании епископу чудился упрек. Молчаливый, невысказанный, но от того не менее увесистый.

Все погибшие от рук мединцев, все, и за эти пятнадцать лет, и возможные, в результате попытки вернуть демонессу – все будут на его совести. И только на его.

Что бы ни случилось, епископ Тадео оставит свой пост. Он честно проведет корабль Храма через этот шторм, примет на себя всю вину – и отойдет от дел. Отдаст свое место брату Анхелю.

Епископ отчетливо понимал, что виноват. И собирался за эту вину расплачиваться. По справедливости. Перед Богом и людьми.

Поздно?

Лучше поздно, чем никогда.

– Сестричка.

– Братик.

Лоренсо и Ленора смотрели друг на друга достаточно настороженно. Рита покачала головой.

– Дети, я понимаю, вы не станете по-настоящему родными. Но вы оба меня любите. Разве этого мало? Ради меня, Ленора тебя не предаст, Рен. Ради меня, Рен, ты всегда поможешь сестре. Мало этого или много?

– Думаю, нам хватит, – определился Лоренсо. – Ленора, мама сказала, что ты замуж выходишь?

– Да.

– За кого?

– За простолюдина. Но мага, почти архимага, – ехидно ответила Ленора. – Это важно?

Лоренсо потер лоб.

– Важно. Ты разрешение от дяди уже получила на брак?

– Получу.

– Отлично. Как получишь – приглашай мужа сюда.

– Зачем?

– Как – зачем?! А приданое?

– Приданое? – растерялась Ленора.

– Ты же не поденщица, а дочь герцога, – сдвинул брови Лоренсо. – Все будет прописано честь по чести.

– Да нам не нужно, – Ленора как-то об этом и не думала. – Заработаем сами.

Магам хорошо платят, а богато она никогда и не жила. Да и на что в Академии тратить? На занятия в золоте ходить? Глупо...

– Вот и хорошо. Значит, пропишем все так, чтобы доставалось тебе и детям. Согласится твой избранник?

– Конечно, – даже удивилась Ленора. – Почему нет?

– Вот и хорошо. После коронации и займемся.

Маргарита смотрела на своих детей и ощущала тихое счастье.

Ее дети.

Живы, здоровы, счастливы... будут. Выросли, вот, решают за себя и для себя, несут ответственность за свои решения. Разве плохо? И дед их не раздавил, она смогла их обезопасить.

Может, совсем родными они и не будут. Но стать друзьями, близкими – они могут. И их дети дружить будут, и родными себя ощущать. А это уже отлично.

Пока она жива, она этому поспособствует. И безразлично ей, что избранник дочери – безродный. Главное, чтобы Ленору любил!

И сын вроде как жениться собирается. Говорит, раньше бы дед разрешения не дал, а теперь, может, и сладится? А там и внуки пойдут? И жизнь будет прекрасна и удивительна...

Маргарита Мария смотрела на своих детей, смаргивала слезы и мечтала о счастье.

* * *

– Ваше...

– Без церемоний, брат Анхель.

– Хорошо, брат Тадео.

Епископ поглядел на своего возможного преемника с сомнением. Но слово дано – слово будет сдержано. Самые крепкие обещания это те, которые между человеком, Богом и совестью. Конечно, если в душе человека есть Бог и совесть.

С другой стороны, авось брат Анхель и справится?

Но говорить об этом надо сейчас.

– Брат Анхель, что вы уже сделали, чтобы обнаружить мединцев?

Брат даже не задумался.

– Я попросил в полиции списки проживающих в Римате. По улицам.

– Так?

– Я решил так. Мединцы могут жить в столице, и наверняка живут. Но в храм они ходить не будут. Или редко будут заглядывать. А если и наведаются, то не будут откровенны...

Епископ кивнул.

Что ж, это логично. Действительно, мединцы не будут рваться в храмы.

– Я приказал раздать эти списки по приходам. И пусть отметят тех, кого знают.

Тадео посмотрел на своего подчиненного с интересом.

С одной стороны, идея здравая. Скажем, числится семья, а в храме не бывает. Повод проверить? С одной стороны – нет. Мало ли кто в храм не ходит?

С другой стороны... а вдруг?

Утопающий за что угодно схватится, хоть за соломинку, хоть за гадюку. Может, кого и удастся найти?

– К сожалению, дома с заложенной взрывчаткой таким образом не выявишь. Это нереально, в столице их очень много. А вот отдельных мединцев... вдруг да и получится?

– Мы упустим нищие кварталы.

– Не думаю, что они будут селиться именно там, – отмахнулся брат Анхель. – напротив, я отсеял их в первую очередь.

– Почему же?

– Причин было несколько, – принялся загибать пальцы брат Анхель. – Первое, мединцы не бедствуют. В их распоряжении неисчерпаемый источник богатств – море.

– Допустим, – согласился епископ.

Действительно, любой из мединцев может или жемчуга добыть, или со дня моря что полезное поднять, или рыбалкой промыслять, добывая редкую рыбу.

Вариантов много. Но бедствовать они и правда не будут.

– Второе – мединцы не смогут сильно сближаться с обычными людьми.

– Они бывают вполне человекообразные.

– Это верно. И все же они – другие.

– Вирджиния Веласкес...

– Она не пример, она полукровка. Ее дочь кварталерон, от людей они ничем сильно не отличаются. Магия может помочь, но и только. А мы сейчас говорим о мединцах в первом поколении, о тех, кого не добились.

– Так... допустим.

– Что-то в них нечеловеческое будет. Как чешуйки у старшей Арандо. Да и характер наверняка тоже. Это мы не знаем, что они – другие. А они знают. И будут нервничать, и будут держаться подальше от людей. В бедных кварталах ничего не скроешь, там все на виду. Кстати, и семью создавать они будут далеко не с каждым.

– Вот как раз, чтобы вырваться из бедности, люди на все пойдут. Даже на брак с такими...

– Так ведь вырваться, – улыбнулся брат Анхель, – а не сменить одну хижину на другую. Опять же, не думаю, что мединцы такие идиоты. Глупо доверять человеку, который видит в тебе лишь... подъемник.

– Подъемник?

– Да. Нечто, могущее поднять их по социальной лестнице, или обогатить, повысить уровень жизни... понимаете, брат Тадео?

Епископ понимал.

Действительно, глупо на таких полагаться.

Человек пришел к тебе в расчете на выгоду? Ну так жди предательства, даже не сомневаясь. Сейчас ему выгодно с тобой, а через годик он возьмет все, что ты сможешь ему дать, и захочет большего.

Еще больше, еще вкуснее... и найдет нового перспективного покровителя. А тебе повезет, если прикормленная дрянь просто уйдет, не ударив в спину. Так, для верности.

Были прецеденты.

– Согласен.

– Слишком богатые кварталы я тоже отсеял. Я взял улицы, заселенные людьми среднего достатка, вроде той же сеньоры Арандо. И чтобы дома обязательно были или с выходом к морю, или в шаговой досягаемости. Чтобы удобно было добраться до моря.

Епископ едва не заплодировал.

Действительно, как это он сам не подумал о таком простом решении? И список сократился в несколько десятков раз, и...

– Вот три десятка домов. Населенных, здесь перечислены люди... да, вполне возможно, что они не мединцы. Но если хотя бы одну семью этих тварей мы накроем, уже будет очень неплохо.

– Ты прав, брат. И когда их будут проверять?

– Братья уже начали, ваше...

– Брат...

– Прости, брат Тадео. Я провинился, отдав приказ в обход...

– Не говори так, брат. Ты не провинился, у нас каждая минута на счету, каждая секунда. И если братья уже начали обходить указанные дома... есть ли у нас способ определить нечисть?

– Да, брат Тадео. Я поговорил с некромантом, он кое-что мне посоветовал.

– Что именно?

– Самое простое, брат Тадео. А именно – ладан. У этих тварей должна быть на него негативная реакция, и это станет поводом для тщательной проверки.

Епископ пожал плечами.

– Такое случается с людьми. Я знал человека, который не мог войти в храм, начинал задыхаться, корчиться, едва не умирал. У него была жестокая аллергия на ладан^[12].

– Мы будем разбираться. Тщательно.

Епископ мрачно кивнул.

Да, надо разбираться. И надо искать. И...

Приятно, что брат Анхель постепенно начинает принимать решения, не оглядываясь на патрона. А то... честно скажем, все же возраст сказывается. То спина ломит, то ноги отказывают, то голова болит при смене погоды. Пусть молодежь постепенно перехватывает вожжи. А он пока постоит ширмой. Пока кризис. А потом молодежь привыкнет, и все будет хорошо.

И ему можно будет на покой...

Хорошо, когда можно просто молиться Богу и ни о чем не думать.

Видит Бог, скромный епископ давно заслужил свой отдых.

* * *

Звонок телефона заставил Идану Мерседес поморщиться. Но трубку она сняла.

– Идана Мерседес Веласкес слушает.

– Сеньора Идана, добрый день. Это тан Риалон, следователь. Скажите, как там мой стажер поживает?

Феола, сидящая на кушетке, кивнула. И сунула в рот еще одно пирожное.

После встречи с наставником, пусть и во сне, она восстанавливалась намного быстрее. Есть такое в шаманской магии.

Шаманы друг друга поддерживают и усиливают. Есть.

Так что девушка встала и отправилась съесть что-то еще. И кофе выпить. Хватит! Она выспалась, сила восстанавливается, а остальное... если постоянно в кровати валяться, так и руки-ноги отвалятся.

– Ваш стажер сейчас ест пятое... шестое пирожное, – сеньора Идана чуточку ворчала. Так, немного. Внучка неизвестно где, ее чуть не убили, с мужем и внуками... да какая сволочь все это затеяла?!

Попалась бы она сволочь сеньоре Идане, там бы ни один некромант потом не помог. В клочья бы все порвала. И всех!

– Это хорошо. Спросите, пожалуйста, Феолу. Если я приеду за ней через полчаса, она сможет съездить со мной посмотреть на возможного мединца?

– Сможет, – отозвалась Феола.

Сеньора Идана находилась недалеко, а голос Амадо был преотлично слышен.

– Сможет, – передала сеньора Идана. И вздохнула.

– Тогда я приеду, – обрадовался Амадо. И распрощался.

Сеньора Идана посмотрела на девушку.

– Фи, ты уверена?

– Более чем, – сунула в рот седьмое пирожное Феола. И сделала большой глоток такого крепкого кофе, что он мог бы прожечь стенки кофейника. – У нас совсем мало времени осталось. Очень мало...

Она должна успеть!

Наставник говорил про волю богов, но шаманы знают главное. Даже с Богом можно договориться. Надо только знать, что предложить взамен.

И она предложит!

Для нее один Адэхи ценнее тысячи мединцев, поэтому отсчет надо начать с пяти тысяч. Сразу. И побыстрее... Авось, боги на размен и согласятся?

* * *

Смиренный брат Дуардо коснулся дверного молоточка.

Мединцы.

В столице.

Да, не доделали тогда братья свою работу. Теперь приходится добивать. Хотя брат никого осуждать и не собирался. Работа у него такая – с нечистью бороться. Там ли, здесь ли...

Где нечисть подвернется, там ее и прикопаем, братья непривередливы.

– Не подаем, – рявкнула весьма нелюбезная служанка, выглядывая в дверь.

– А я и не побираюсь, – отрезал брат Дуардо. – Хозяева дома?

– Вот и иди отсюда, коли не побираешься. Все одно тебе тут делать нечего! – не собиралась сдаваться тетка.

Брат Дуардо возвел глаза к небу. То привычно промолчало в ответ.

Почему, кто бы ему объяснил, люди воспринимают священников как нечто безобидное и беззащитное? Потому, что христианство – милосердная религия?

Так никто и не спорит!

Но если один раз милосердно выдрать дурака, то этим ты можешь сберечь ему жизнь. Вспомнит он о поротой заднице, да и не полезет на рожон. И жив останется.

Милосердие?

Дураки с этим не согласятся, пока не поумнеют. То есть порку надо проводить до вразумления. А пока...

Терпение смиренного брата закончилось. А дверь внутрь открывается... сильный пинок унес горничную внутрь коридора. С грустным звяканьем лопнула цепочка.

Тоже еще... цепочка! Страшная преграда! Плечом посильнее нажми – и кррррак!

У брата Дуардо было и желание, и возможности. И в особняк он вступил, исполненный стремления нести свет, радость и милосердие. Кстати, не стоит ли начать прямо отсюда? Что тут с горничной?

А, нет, не из этих. Просто склочная дура, такое частенько бывает.

– Ик... – выдала тетка, под взглядом монаха отползая к стене.

Брат Дуардо приложил палец к губам.

– Тсссс...

И направился туда, где слышались человеческие голоса.

Человеческие ли?

Их было трое. Мужчина и две женщины, все вполне человекообразные. И все так удивленно воззрились на монаха...

неужели раньше не видели?

– Добрый день, сеньоры, – поздоровался брат Дуардо.

– Что... – начал было мужчина, но закончить не успел.

Брат Дуардо попросту открыл кадьницу.

Запах ладана поднялся из нее, словно волна, поплыл по комнате.

А спустя несколько секунд брат Дуардо увидел и его действие.

Людей (людей ли?) буквально согнуло вдвое. Мужчина захрипел, хватаясь за горло, одна из женщин молча осела в обморок, вторая побледнела, словно полотно, ее начало рвать.

Брат Дуардо довольно кивнул. Да, брат Анхель не ошибся. Именно так и реагирует разная нечисть на святой ладан... ух!

Едва не пропустил бросок мужчины. Резкий, в горло... сбить священника с ног, убить, потушить мерзкую пакость, которая причиняет такие неудобства... ясно же – их обнаружили. Теперь чего скрываться?

Кадьница помогла и в этот раз. Брат Дуардо резко взмахнул ей словно кистенем, и враг не выдержал столкновения. Рухнул к его ногам, поверженный святым предметом. Разве что ладан по всей комнате разлетелся.

– Ай-яй-яй, – укоризненно вздохнул брат Дуардо.

И принялся увязывать поверженных мединцев. Ясно же, что не люди.

Раздевать и проверять он их не станет, незачем. Это потом некромант сделает. А у брата задача невелика. Прийти, поговорить, проверить... если что – телефонировать начальству. Этим он и займется. Потом сюда придет полиция, потом они обыщут дом, потом будут допросы. А пока...

Пока и он справится.

И все же брат Дуардо не удержался. Быстро провел руками по связанным телам... показалось ему? Или нет?

Ладно, проверить – дело минуты, да и подстраховаться не мешает. Из кармана рясы появился немаленький нож с острейшим лезвием, пара взмахов – и мужчина остался и без штанов, и без кальсон, а брат Дуардо еще раз убедился, что чутье его не подвело. Какая уж тут ошибка, если сзади у мужчины в штанах самый настоящий змеиный хвост? Толстенький такой, упитанный? И чешуя вверх по позвоночнику идет... ну да ладно, дальше брату смотреть было и

неинтересно. Он свое дело сделал, гадину обнаружил, а что дальше будет – начальству виднее. И точка.

* * *

– Алисия Катарина Ксарес, – Эктор Патрисио посмотрел на брата.
– И Лоуренсио Хулио Ксарес, – Эмилио понимал брата практически без слов.

Думали они об одном и том же, и мысли их были печальны.

Хулио оказался самым счастливым. Он продолжил род. А вот они...

У Эктора сына просто не было. Три дочери.

Ладно-ладно, был еще внебрачный сын, но Патрисио его не признавал. И об усыновлении даже слышать не хотел, а Эктор привык слушаться.

Патрисио разве что забрать его разрешил, когда мать мальчика второй раз вышла замуж и устроила свою жизнь. Но ввести в род?

Вот еще, ублюдками Ксаресов продолжать не хватало!

У Эмилио... лучше бы и не было. Дочь и сын. Причем сын родился душевнобольным. Патрисио Ксарес, разумеется, этого не потерпел, и мальчик сейчас живет в лечебнице. Роскошной, оплачиваемой... закрытой наглухо. Вечная тюрьма.

С другой стороны, там о нем действительно хорошо заботятся. Можно много чего говорить про особенных детей, но стоит согласиться со здравым смыслом.

Им тяжело среди нормальных и обычных, среди здоровых психически и физически людей. А людям тяжело рядом с ними. Кому же приятно видеть... неудачный результат вечной лотереи жизни? И думать, что вот это может случиться и с тобой, с твоим ребенком, или внуком... да мало ли с кем?

А еще...

Любой физический недостаток можно компенсировать. Иногда и магией, можно сделать протезы, можно... да много чего можно. Но болезни разума – единственные, которые отказываются лечить маги. Наотрез. По принципу – никогда и ни за что.

Впрочем, врачи говорят, что он может умереть достаточно скоро... что-то у него там с сердцем.

Здоровых психически людей лечат. Но душевнобольных?

Ни один маг за это не возьмется, такой вот жестокий отбор. А еще маги дают обоснование своему поступку. Несправедливое, практически бесчеловечное, но...

Безумие в роду – не приговор, но намек на него. Узнай, за что небеса тебя карают, искупи вину и приходи. И никак иначе.

Не узнаешь?

Твои проблемы.

Да, это мог быть твой прадед, мог быть прапрадед или прабабка. Но кто-то из твоих родных совершил серьезное преступление. За которое пресекается твой род.

Единственное, что могут подсказать маги, это кому именно искать. Мужчине – или женщине.

В данном случае... да, именно так. Магия пресекала род Ксаресов. Жестко и уверенно. А кто там и что там натворил...

– Почему у него получилось?

Старший брат даже плечами пожимать не стал.

– Есть несколько вариантов. Отец от него отрекся и выгнал из рода. Фамилии не лишил, равно как и титула, но тут уж... просто не смог. Прощение он его величеству подавал, – Эктор старательно припоминал прошлое, стараясь сложить мозаику. – Но король только посмеялся, мол, страшное преступление. Жениться на любимой женщине и жить своим умом. Еще и отцу, кажется, пригрозил... мол, еще раз такое случится, он отца самого титула лишит.

Эктор не знал, но расставание с Наталией Арандо серьезно царапнуло сердце короля.

Он король, он должен, он сделал свой выбор в пользу государства и престолонаследия. Но разве от этого ему стало легче? Разве было менее больно?

То-то и оно. Патрисио невольно растревожил сердечную рану его величества, за что и получил со всех сторон по шее.

– Скорее всего, так. Но у тебя есть еще версии?

– На островах тоже есть маги. То есть шаманы. Могли они посодействовать.

Эктор этим сильно интересовался во времена оны. Это ЕГО семья, его дети... если бы наказывали супругу, другой вопрос. Разведись, да и женись хоть еще четыре раза.

Да, неприятно. Репутация пострадает, скандал будет, крики, шум, но ради здорового наследника на такое можно пойти. А если ты сам, САМ виноват?

Тут разводись, не разводись...

Отец?

Отец твердо уверен, что это все глупости. И точка.

И подтверждением его теории служат дети Хулио. Что будет следующим шагом старика? Да и так понятно. Роза уже принялась собирать информацию о бабах, а Ксаресы-старшие...

Долго ли им ждать приглашения в дом конкурента?

Отец уже начал задумываться о приглашении в дом Лоуренсио, о письме Хулио... о, пока он еще ничего не сказал, но братья видели это совершенно отчетливо. Словно маячок в ночи. За столько лет они папеньку замечательно изучили.

– Надо аккуратно расспросить Розу. А потом и самим... разобраться.

– Надо... да, надо разбираться.

Эктор и Эмилио не собирались церемониться ни с кем. Они тут, понимаешь, жилы рвут, из кожи вон лезут, зловердного старика ублажают, капризы его терпят – и зачем?!

Чтобы явился какой-то там племянник и пригреб все под себя?

Ну, знаете ли!

Это и святому стерпеть не под силу! Это уж как-то вовсе жестоко и безжалостно!

Ни один, ни второй не произнесли непоправимых слов. О, нет...

Не прозвучало пока еще: «похитить», «скомпрометировать», «шантажировать», а то и попросту «убить». Нет, пока еще не прозвучало.

Но оно было.

Оно черным облаком заполняло комнату, висело, окутывало, проблескивало грозowymi разрядами между двумя мужчинами.

Отдавать наследство никто из них не собирался. И в борьбе за родные и любимые денежки все средства были хороши, даже самые

жестокие. А совести там, что у старшего поколения не было, что у младшего.

* * *

Чиновники!

Воистину, они бывают разные.

Толстые и тонкие, взяточники и лжецы, мошенники и негодяи...

Есть только два вида, которые до сих пор не удалось обнаружить науке.

Это чиновник честный беспримесный – как показывает практика, несуществующий.

И второй вид – чиновник, склонный прощать подставы.

Оба этих вида до сих пор никому обнаружить не удалось. А значит...

Карлос Мануэль Кампос лютовал и зверствовал.

Его – травить?!

Его человека убивать?!

На его власть покушаться?!

Ладно еще убивать кого-то, ладно травить мэра! Всякое бывало в этой жизни, и сам грешен, да не пойман! Но покушаться на самое ценное?

На власть?

За такое надо разорвать, попрыгать на останках и еще полить их сверху. И поджечь!

Серхио Вальдес держал начальство в курсе расследования, так что про мединцев тан Кампос знал. Но! Не мединцы же поменяли чашки? Это сделал человек! Его человек...

А ради кого он это сделал? Вот положи руку на сердце... некоторым, чтобы пойти на пакость, и стимула не надо. Только предложи! Но чиновниками такие не становятся. Настоящий чиновник пакостит только по расчету. За деньги, к примеру.

В данном случае...

Кто станет исполняющим обязанности, если сляжет тан Кампос?

Теоретически – Кадмус Кер Ломбарди.

А практически? Кадмус – умный, хороший заместитель, идеальный «второй». И потому мэр его не подозревал. Когда работаешь рядом с человеком несколько десятилетий, узнаешь его как бы не лучше, чем супругу или супруга. А не умеет тан Кампос разбираться в людях, и мэром бы не стал.

Итак, Кадмус сразу сольется. Или... или станет великолепным козлом отпущения.

А кто может его подставить?

Тан Кампос подумал немного – и вызвал к себе секретаря.

Сезар Вальверде явился с блокнотом и грифелем. Услышал вопрос, подумал...

– Хм. Пожалуй, из тех, кто действительно мог бы задумать такую операцию, я бы назвал Эву Марию Вильялобос.

– Вильялобос? Но... она ведь женщина!

Сезар усмехнулся.

– В том-то и дело, тан. Она женщина. Умная, яркая, сильная – и всегда на вторых ролях. Понравится ли ей это?

Мэр задумался.

Женщина...

Но у нее должен быть мотив. Только занять место мэра города? Нелогично...

– Что ты сможешь о ней рассказать – вот так? Навскидку?

Сезар задумался.

– Не слишком много, тан. Замужем она никогда не была. Это первое и главное. Очень привлекательна, умеет пользоваться своей привлекательностью, но до близких отношений ни с кем не доводит. Руководствуется принципом: нельзя никому – никому нельзя. Можно одному – всем можно.

– Хммммм?

– В мэрии начала работать примерно... двадцать два года назад. С самых нижних должностей, была письмоводителем, потом постепенно подросла до вашего третьего заместителя.

Тан Кампос забарабанил пальцами по столу.

– При этом ни с кем не переспав?

– Да, тан.

Невероятно.

Будем честны, женщины успешно делают карьеру. Но частенько пользуются именно своим полом в качестве аргумента. А иногда у них и выбора нет. Шантаж – такое дело...

А тут Эва Мария ни разу ни с кем не... и третий помощник мэра? Всего за восемнадцать лет?!

Невероятно!

С тем же успехом она могла сколотить многомиллионное состояние... невероятный успех! И почему никто на него не обратил внимание?

– Потому что никто не задумывался. Эве Марии свойственно намекать на наличие высокого покровителя, которому она хранит верность, все это принимают и понимают.

– Минутку. А ты?

На лице Сезара расцвела улыбка.

– Плохим я был бы секретарем, принимая чужие слова на веру. Я просто отправился к ее дому и побеседовал со служанкой. Приходящей.

– Нет семьи. Нет детей. Нет любовника. Хммммм?

Тан Кампос долго не раздумывал.

– Сезар, вызови ко мне некроманта? Этого... Карраско.

– Слушаюсь, тан.

Если за столько лет Эву Марию не раскусили... может, она вроде той Арандо? Почему семью не завела? Просто мединцам люди не нравятся? Или не нужны?

Пока на эти вопросы нет ответов. Но тан Кампос собирался их – получить как можно скорее.

* * *

Рауль и Алисия прогуливались по набережной.

Алисия щебетала о чем-то ужасно важном, вроде новых романов.

Рауль то отмалчивался, то поддакивал. Он уже понял, что в голове у Алисии наблюдается большое количество розовых облаков. Неумеренное потребление романов, оно до добра не доводит. Вот младшая в семье Ксаресов практична и умна. А старшая...

Кажется, и у нее, и у Лоуренсио один и тот же недуг.

Неправильно-книжное восприятие действительности. И Рауль начинал понимать, почему так.

Алисия не дура.

Лоуренсио не дурак.

Просто... Плантация же! План-та-ци-я! Остров! Понимать надо специфику!

Алисия рассказывала про жизнь на острове, и Рауль тихо завидовал. Тихо, спокойно, дни похожи друг на друга, соседи все известны до донышка. На острове-то не скроешь ничего! Даже на островах – не скроешь.

Если кто чихнул, через пять минут все соседи знают, что случилось.

Все друг другу известны. И... будем честны, чуточку поднадоели.

Родители Алисии занимались плантацией и друг другом. А вот дети...

Феола была в обучении, Алисия проговорилась. А сама Алисия не подошла. И Лоуренсио тоже. И в итоге... жизнь они знали только по книгам.

Такие книжные-книжные, романно-начитанные дети.

А в романах есть и герои, и злодеи, и приключения, и... и вы пытались когда-нибудь перенести свои книжные представления на окружающую действительность? Нет?

И не надо, дольше проживете.

Это в книгах злодей всегда только черный, герой только белый... а в жизни герой может бить морду соседу и спать со служанкой. А злодей трепетно ухаживать за любимой канарейкой. К примеру.

На островах все было проще. А тут Алисия попала в большой мир.

Конечно, сволочь Анхель кажется ей таким любезным и обходительным, на островах-то они с таким не встречались...

– ...мы обожали печь кексы...

В тихий голос Алисии вкрался захлебывающийся истошный визг.

Визг... да, визг погибающего животного.

Рауль огляделся вокруг.

Набережная... они умудрились пройти всю ее «чистую» часть и теперь находились совсем рядом с частью «грязной». Той, которую не благоустроили. Той, на которой мог собираться кто угодно, а не только

Гарпия на бреющем полете!

Народ принялся расходиться, а Рауль уселся, где стоял. Ноги ощутимо подрагивали. На руках жалобно поскуливал спасенный щенок.

– Так нельзя! Простынешь! – возмутилась Алисия. Подхватила его под локоть и потащила к ближайшей скамейке. Потом махнула уличному разносчику.

Горячий кофе, жареные моллюски и осьминоги... и любопытный черный носик, который высунулся из-под пиджака тана Ортиса.

Дорогущего пиджака. Рукав от которого стоит раз в десять больше, чем какая-то дворняжка. Но вот – вылезла. И принюхивается уже заинтересованно к моллюскам, и осознает себя в безопасности.

– Ешьте. И надо домой, переодеться. Заболеете.

– Да, да, – кивнул Рауль. – Простите, Алисия.

– За что? Едем, скорее!

Рауль с сомнением поглядел на небольшого щенка в руках.

Ну да... едем... вы не пробовали вести мобиль с собакой за пазухой? Нет? И не надо, столбы целее будут! Алисия поняла, о чем думает мужчина.

– Ну-ка...

Щенок и сам не понял, как оказался в решительных женских руках.

– Успокаивайся, малыш. Все в порядке, я не обижу. Нам надо побыстрее домой, а то твой спаситель заболеет. И ты тоже весь мокрый... это кобелек. Месяца два, два с половиной, наверное...

– Алисия, вы...

Рауль не успел сформулировать, что – она.

Вы взяли собаку?

Вы так относитесь...

Вы... вы же не такая! И это не роман, это живое существо, и ему больно и страшно... не успел он ничего сказать. И хорошо, потому что Алисия сдвинула брови.

– Ненавижу таких сволочей! Мучить, издеваться... у нас на плантации были собаки. И мы за вязками следили! Другие щенков топили, а у нас приглядывали. Чтобы их не было. В чем щенок виноват?! В том, что люди – сволочи?!

– У меня таких четверо, – тихо признался Рауль, понимая, что где-то недооценил эту девушку.

– Пятого возьмете – или мне отдадите? – поинтересовалась Алисия, усаживаясь в мобиль Рауля. Да, в ту самую «Марину».

– Вы его возьмете? – поднял брови Рауль.

– Конечно. Если отдадите.

– И не...

Алисия так сверкнула глазами, что даже мобиль заглох.

– Если вы решили спросить, не выкину ли я его...

Что-то Алисия такое важное глазами искала. Скалку? Сковородку?

Рауль понял, что сейчас его будут бить, только осторожно, чтобы не напугать щенка, и поднял вверх руки. Благо заглохший мобиль с места не двинется.

– Нет! Алисия... я о другом! А меня вы вместе с ним не возьмете?

– К-как?

– Замуж. То есть жениться. То есть... дурак я, да?

Алисия широко улыбнулась, растрепанная и в пыльном платье, совершенно не похожая на юную благовоспитанную ритану (ритана Долорес упала бы в обморок от ужаса), но такая живая и искренняя в этот момент.

– Дурак. Но замуж я за тебя выйду.

– Ты – чудо, – искренне высказался Рауль. И поцеловал невесту.

Увы, торжественный момент был напрочь испорчен описавшимся щенком. Хотя... может – к богатству?

* * *

В дом Сальвадора Коронеля Феоле даже войти не захотелось. Что-то *такое* было рядом... гадкое, склизкое, противное...

О чем она Амадо и сказала.

– Понял, – отреагировал Амадо. – Похоже, он один из них... отлично! Посиди в мобиле, мы его сейчас арестуем – и все.

Феола скрипнула зубами и принялась вылезать.

Ага. И все.

А мединец будет сидеть и ждать ареста. Сопротивляться не будет, драться не станет, удрать не захочет... кто-то в это верит? Вот и она

тоже – нет.

Надо идти.

Даже если не хочется.

Звякнул дверной колокольчик.

Кто знает, повезло им – или нет, но вошедших Феолу, Амадо и полицейских встретил лично хозяин. Лично тан Коронель.

И... он тоже что-то почувял.

– Р-риалон!

И в Амадо полетело... заклинание?

Да, было похоже именно на это. Может, и долетело бы, и проверило на прочность родительские защитные амулеты, но на пути магии оказалась Феола.

– Стоять!

И такой жест... словно она посохом об пол ударила.

Не было у Феолы ничего в руках, но словно колокол прозвучал. И Сальвадор замер на месте.

Заклинание?

Если что и было, то рассосалось без следа. А дом словно куполом тишины накрыло. Риалон дернулся раз, второй...

Куда там!

Словно его по рукам-ногам сковало.

Феола протянула руку и коснулась Амадо.

– Отпусти...

Тан Риалон почувствовал, что вновь обрел подвижность. Выдохнул, потянул из кармана наручники.

– Фи?

– У тебя есть десять минут. Потом все, кто находятся в доме, снова смогут двигаться.

По лбу Феолы стекала капля пота.

– Десять минут? Мне хватит, – обрадовался Амадо.

И ловко нацепил наручники на Коронеля.

– А...

– Других не отпущу. Прости...

– Ничего-ничего, – Амадо вытащил наручники у полицейских и метнулся во внутренние помещения магазина, договаривая уже оттуда: – Я справлюсь. Наручников хватит – или лучше их увязать?

– И оглушить, – выдохнула Феола.

Держать силу было тяжело. Но – надо.

Это Амадо не понял, что в него летело, а она-то легко прочитала чужую силу. Заклинание разжижения костей.

Да, и такое бывает.

Некромантия? А вот и... нет!

Лекарская магия! К примеру, кость отломилась, или расщепилась, или легкое проткнуло ребром... вот в такие моменты оно и нужно. Чтобы не нанести лишнего вреда, а кости убрать.

Вред?

Нет, польза. А если это на здоровом человеке применить?

То-то и оно...

От такого и не защитишься сразу. От каждого клинка свой щит не подберешь.

Амадо тем временем обнаружил еще четырех человек. Всех оглушил, всех сковал между собой – здоровый смысл.

Просто так уползти можно, а если ты «валетом» сцеплен еще с тремя людьми?

То-то и оно. Так – не поползаешь.

И каждому – наркоз. Ногой в челюсть. Или рукой... главное – быстро и работает! Вот!

– Фи! Отпускай!

Феола упала на пол и расслабила руки.

Заклинание, уже безвредное, пролетело мимо нее, размазалось о стену.

– Феола?

– Нет-нет, все в порядке. Это я так... сейчас минуту посижу и буду в порядке, – отмахнулась девушка. – Сложно так сразу договориться с духами аэра.

– Духами аэра?

Можно уйти из университета. Но как перестать интересоваться тем, что было смыслом твоей жизни чуть не три десятка лет?

– Шаманизм. Я не применяла заклинаний. Я попросила духов воздуха сделать его твердым. Вот и все. Скорлупа вокруг каждого.

– А-а, – сообразил Амадо. – Вот оно что!

– Да. Потому и заклинание не долетело.

Амадо потер руки.

– Отлично. сеньоры, вы пришли в себя?

Полицейские закивали. На Феолу они поглядывали с опаской, но не так, чтобы сильной.

Шаман.

Бывает.

Главное – своя, остальное уже мелочи жизни.

– Тогда грузим всех по мобиллям – и в участок! А сюда еще десяток человек, обыскать это осиное гнездо, найти все тайники... Фи, кто из них полурыба?

– Все, – пожалла плечами Феола. – А, вот этот – на четверть, – палец указывал на одного из слуг. – Остальные наполовину.

– Понятно. У нас хороший улов.

Мединцы молчали по понятной причине – бил Амадо на совесть. Ничего, в полиции их и в чувство приведут, и допросят, и разберутся. И покончить с собой не дадут. На то некромант есть!

И Амадо довольно потер руки.

* * *

Когда Хавьер получил вызов в мэрию, он сильно не раздумывал.

Почему не съездить?

– Треси, поедешь со мной. Как мой ассистент.

– Правда?!

Хавьер кивнул.

– Чистая. Бери саквояж – и за мной.

Тереса захлопала в ладоши.

Ей нравились и поездки в мобиле, и... ладно! Сам некромант ей тоже нравился. Он умный и добрый, он интересно рассказывает обо всем на свете, правда, чаще о некромантии. Но кого вы хотите напугать мертвецами?

Дочь рыбака?

Море и смерть – они всегда рядом. Кто не видел, какие тела иногда выбрасывает на берег, тот не знает ужаса.

Хавьер замечательный!

Ему просто заботы не хватает!

И пуговица оторвалась на рубашке, он даже не заметил, Тереса потом потихоньку пришила, и кушать вовремя он забывает... забывал!

Теперь она здесь, и она позаботится, чтобы начальство было довольным и сытым. А то ж!

Довольный начальник – гарантированная премия!

Да, она корыстная! И что?

И вообще... и ничего! И нечего на нее так смотреть! Она корыстная! Точка!!!

Если бы Тереса знала, о чем думает в это время сам некромант, точно бы в обморок упала. От удивления.

А Хавьер думал, что из девочки получится идеальная жена. И мало того, он получит то, чему (секрет, но ладно уж!) завидовали все некроманты страны. Завидовали, глядя на Риалонов.

Когда два человека работают вместе, все делают вместе и не обращают внимания ни на какую силу. Хорошо, Риалону повезло. Лассара и сама некромант.

Но и Хавьеру, кажется, повезло. Треси совершенно не чувствительна к некросиле. Он проверял.

И с собой ее брал, и работал в ее присутствии... они с женой смогут быть вместе хоть сутки, хоть двое. И женщина не станет его бояться, не станет шарахаться, ее не будут мучить кошмары. Он спрашивал.

Разве это не чудесно?

Но для счастливого брака нужно еще многое. Не только совпадение векторов сил. Да, мысли не слишком типичные для Карраско, но семейство получило хороший урок. Освальдо Карраско преподавал лично. Где он сейчас?

Только Ла Муэрте ответит.

А вот супруга его жива, внуков нянчит и помирать не собирается. Вот еще!

Не было ничего между ними, вот и стала дяде жена в тягость. Страсть – была. Детей наплодили. А больше-то... оказывается, отвращение может вызвать и человек, а не только его сила.

Хавьер этот урок для себя вывел и усвоил. И теперь хотел, чтобы его... полюбили?

Ладно, любовь может прийти потом. Пусть его хотя бы увидят – настоящим. И примут со всеми его заморочками.

С его работой, его вредным характером, его усталостью, его семьей... до заката не перечислишь всего. Он-то Треси примет любую.

Но у нее выбор есть. А у него – нет. Другое такое сокровище он не найдет, точно.

Сокровище удобно устраивалось в мобиле и улыбалось.

Хавьер вдавил в пол педаль газа, и здоровущая машина помчалась по улицам города.

Мэрия, говорите?

Ну, ничего страшного там не будет, можно не напрягаться.

* * *

Отчет тан Ксарес получил достаточно быстро. И задумался над ним.

Итак, у Хулио родилось трое детей.

Лоуренсио Хулио, Алисия Катарина и Феола Амадина.

Феола – младшая.

Все трое сейчас в столице.

Старший, между нами говоря, идиот. Обычный мальчишка, прожигатель жизни, может, потом поумнеет, а может, и нет.

Средняя – тоже красотка, блондинка. Но умна ли?

Бабе ум не обязателен, так даже лучше, когда в голове одни розовые лепестки. И посмотреть приятно, и не лезет куда не надо.

Обычная ритана.

Платья – туфельки – кружева – украшения – мужчины. Приехала сюда, чтобы выйти замуж. Оно и понятно, за кого там, в Колониях, выходить? Все наперечет! А тут поохотиться можно, жирную рыбку поймать. Не быдло какое, тан, ританы, из Ксаресов, старинная семья, с историей. Есть чем гордиться.

Это правильно. И Лоуренсио тоже на это настроен. Найдет подходящую – женится. Но пока просто прожигает жизнь.

Двое старших копии отца.

Ничего такого уж невероятно интересного в них нет.

Младшая же... не просто язвительная и неглупая копия своей матери. Мать Патрисио, кстати, никогда не видел, но ненавидел от всей души. Из-за этой стервы он потерял сына! Остальные дети женились по его приказу и остались рядом, а эта... этот...

Гррррр!

Убил бы! И других слов тут нет!

Есть информация, что Феола маг. Не сильный, вроде как огненный. Женщине это, конечно, не к лицу. Но маг...

Хм.

Понятно, почему она себя так ведет. Понятно, почему огрызается.

Маги спесивы и надменны, а если еще и аристократы – она себе может многое позволить. И зацепить ее практически нереально. Чем?

Обучением?

Её и так примут, куда она пожелает. Деньги есть, все есть... если бы она была в кого-то влюблена, дело другое. Но кто позарится на такую колючку?

Хотя... есть наверняка то, что может привлечь девушку.

Деньги. Или очень большие деньги.

Маги могут прокормить себя, но кто сказал, что все маги богаты? У кого-то в кармане ветер свистит, горестно так. И вряд ли Феоле достанется много денег при дележке наследства. Да, сейчас рано об этом думать, а все же?

Если девочка маг, если девочка умная, она быстро поймет, что деньги нужны. Только вот...

Это дети и внуки пляшут вокруг Патрисио за долю в наследстве. Феола так не согласится. Она легко поймет всю его игру... да что там! И дети понимают, и внуки!

Им просто деваться некуда!

А вот Феоле есть куда. Она не будет в этом участвовать.

Или будет?

Но тогда надо предложить очень привлекательного червячка. Чтобы рыбка точно не сорвалась.

И леску. И удочку хорошую.

Была у Патрисио одна идея. Но тут нужна и подходящая кандидатура... надо поискать! Найти именно то, что нужно.

Он найдет. Это Римат, здесь много людей. Обязательно найдется тот, кто ему нужен.

* * *

Если бы кто-то спросил брата Анхеля, чего тот хочет, брат ответил бы без колебаний.

Творец наш, защитник и вседержитель, пошли долгих лет жизни епископу Тадео. И чтобы подольше он оставался на своем нелегком посту. А я... мне и так живется неплохо.

Брат Анхель не думал о власти. Никогда.

В храм он пришел не из искреннего желания служить Творцу, просто так сложилась ситуация, но...

Вот и оно, что – но!

Дураком он не был, и быстро понял, что братья делятся на несколько категорий. Те, кто хочет поудобнее устроиться, те, кто желает денег и власти, и те, кто верит в Бога. Последних, кстати, меньше всего.

По разным причинам люди приходят в храм. Ох как по разным...

Брат Анхель пришел в храм около тридцати лет назад после гибели жены и ребенка.

Жена давно хотела съездить в горы, отдохнуть. Анхель уступил ей, сам, лично, посадил на поезд... он тогда еще не служил Творцу. Он был просто одним из полицейских, вот и все.

Кто, кто мог знать, что в поезде перевозилось целое состояние? Золото, банковские билеты... знали только несколько человек. И один из них решил разбогатеть. Резко.

Взрыв заставил поезд сойти с рельсов. Вагоны... кто не видел, что при этом получается – и не смотрите. Авось, кошмары мучить не будут. Раздавленные, искалеченные, искореженные тела... А потом еще огонь, который доделал то, что не доделали подонки.

Анхель только мог надеяться, что его близкие умерли сразу. Без мучений.

И мечтал лишь о мести.

Он похоронил родных, уволился из полиции – и отправился на место происшествия. Как он искал, как старался...

На это ушло два года. Два года, наполненных тоской и отчаянием, злостью и ненавистью. Но у него все получилось. А потом...

Потом он начал мстить.

В ту пору от его руки погибло шестнадцать человек. В том числе три женщины. Детей он старался пощадить, а вот женщинам досталось. Впрочем, женщины ли это? Если женщина ради своих

амбиций способна обречь на смерть других людей... да, и женщин, и детей... это – не женщина! Это самка!

Так что своей вины брат Анхель не чувствовал. И рука его не дрожала.

Он не боялся, что его поймают, он боялся не успеть. Но – справился. И попросту запил.

Да, вот так сорвался в ожидании визита полиции. Понятно же, никто не оставит такое без внимания. И найдут его достаточно быстро, вон, мертвых допросят, или еще что...

Вместо полиции пришел епископ Тадео. В то время еще кардинал, он как-то смог достучаться до обожженной души Анхеля. У него нашлись и слова, и понимание, и внимание, и цель для бывшего полицейского.

Более того!

Анхеля даже не арестовали! Ему даже на суд явиться не пришлось! Вместо этого Анхель отправился в монастырь.

В монахи его сразу не взяли.

Трудник, потом послушник, и только спустя десять лет ему разрешили принять сан. Епископ искренне сомневался, что Анхелю место в стенах монастыря. Чтобы служить Богу, нужен особый склад характера, которым Анхель не обладал. Не было мира в его душе...

Была потеря.

Потеря всего. Семьи, цели, самой жизни... ходит вроде бы человек, а на деле это живой труп. Только в могилу лечь осталось.

Служение Богу? Так ведь и тут с умом нужно, а то по поговорке и выйдет. И лоб неофит расшибет, и полы в храме попортит. А с характером Анхеля – легко! И непринужденно!

Несколько лет отдать мести, все расследовать, всех найти, убить... скажете – это так просто? Нет, это серьезно. Для этого надо быть очень целеустремленным человеком. И не всегда знающим границы, которые не стоит переступать.

Если бы Анхель отдал преступников в руки закона...

Но ему было слишком больно. И эту боль он выплескивал убийством...

Епископ Тадео сам себе честно признавался, что побаивается неистовства брата Анхеля. Но возраст и время меняют многое.

Постепенно Анхель учился жить разумом, учился думать о последствиях своих поступков... А может, просто не было у него ничего в сердце, кроме углей? Нечему там было гореть...

Не было в нем больше любви, даже к Богу. Была благодарность к человеку, который его поддержал, к людям, которые его приняли. Вот из благодарности он все и делал. Не жил, а доживал. Но раз уж Бог дал ему эту жизнь... он проживет, сколько отмерено. Ему не будет за себя стыдно, когда он окажется ТАМ.

А может быть... может, это еще и не просто жизнь, а искупление. Все же он убивал. И до сих пор в этом не раскаивался. Он не чувствовал за собой вины, но готов был отработать, в том числе и годами жизни. Разлукой с любимыми, которые ждут его ТАМ.

Власть?

Да плевать на нее было скромному брату. Шесть раз и с колокольни! Он просто выполнял свои обязанности.

Не воровал, не подличал, не интриговал. Власть заинтересовалась таким отвращением к себе – и пришла сама.

Постепенно, потихоньку брат Анхель получал все больше власти. И хотел только одного.

Туда, на небо, к родным и любимым. А то, что здесь...

Его работа. Его искупление. И сделает он все это наилучшим образом.

И точка.

Вот и с мединцами надо все до конца довести, а то что это такое? Они беду не разглядели, они сорняк не выпололи, а расхлебывать потомкам?

Нет, нельзя такое оставлять.

Даже если король прикажет его казнить, скромный брат Анхель доведет свое дело до конца.

* * *

Его величеству Хоселиусу Аурелио не до казней было.

В данный момент он разнимал их высочеств. И было это жутковато и опасно. А то ж!

Ее высочество Ленора и герцогиня Мегана сцепились врукопашную. Да так, что одна забыла про свой имидж милой девочки, а вторая про магию огня. И так хорошо у них пошло!

По комнате катался клубок из двух взбесившихся визжащих кошек. И из него летели клочья волос, юбок и такие проклятия, что краснели даже много повидавшие стражники.

Ар-ристократия!

Хоселиус даже застыл на секунду, не представляя, как ЭТО растаскивать! Раздерут же!

Не кошки? Так это ж и хуже, они крупнее!

– Посторонись!

Бернардо не подкачал. И откуда он только эту вазу взял? Здоровущую! С розами!

Из нее, не вынимая цветов, он и окатил разъяренных дам.

Визг оборвался на особенно пронзительной ноте.

Клубок распался. С пола медленно поднимались две мокрые мегеры. Поцарапанные, растрепанные... Ленора Маргарита выругалась неподобающим образом, оглядела свое платье и прищелкнула пальцами.

Да, магия огня и на такое способна.

От платья повалил пар, и через несколько секунд оно было сухим. Высохли даже попавшие на него лепестки роз. И волосы тоже.

Ленора тряхнула головой – и зло воззрилась на дядю.

– Ваше величество, если эта девка меня еще раз оскорбит, я за себя не отвечаю!

Мегана залилась слезами. Получилось плоховато – от воды поплыла косметика, слезы еще добавили «шарма», и гротескная маска вместо очаровательного личика могла бы напугать слабых духом. По счастью, в королевской семье таких не водилось.

Дворец-с.

Если там выживете, можете спокойно лезть в гнездо к кобрам и кушать живых скорпионов. Они такие милые...

Хоселиус скрипнул зубами и принялся выяснять, что случилось.

Как оказалось, Мегана «в штыки» восприняла поступок его величества. Она, она первая дама королевства! А не какая-то магичка! Но...

Оскорблять?

Ругаться?

Мегана решила поступить проще и подлее. И в косметику Леноры Маргариты были добавлены некоторые вещества, после которых опрыщавает даже акула. Покроется язвами и вынуждена будет долго лечиться.

Не учла Мегана лишь одного. Такие вещества – получаются магически. При воздействии на них магии и никак иначе. Ленора же сама была магом огня, и что от ее косметики «фонит», поняла сразу же.

Считать ауру человека, который прикасался к баночкам-скляночкам? Это вообще задача для первокурсницы, а не для магистра. И Ленора заявила к кухне-герцогине.

Мегана была одна – повезло. Или не повезло, как сказать? Потому что при свидетелях женщина повела бы себя иначе. А один на один – чего стесняться?

Она и выпалила в лицо Леноре, что той не место при дворе. И вообще, у нее ни женственности, ни обаяния, ни...

Говорить такое в лицо магу огня? А Мегана привыкла, что она тут главная. И никто ей не причинит вреда.

Ну и просто повезло. Ленора так разозлилась, что не стала поджигать негодяйке платье или волосы, в по-простому вцепилась в прическу. Мегана, хоть и выглядела хрупкой, ответила тем же, и женщины сцепились.

Хоселиус только застонал.

– Нашли ... время!

– Ты! – Мануэль Хоселиус зло смотрел на кухню.

– Ты не понял?! – прошипела Ленора. – Твоя ... хотела меня изуродовать!

Мужчина чуть смутился.

– Ну... она ошиблась. Да, Мег?

Меган, следуя священному правилу: «плакать, когда рядом есть опасность», продолжала рыдать в три ручья, так что ответа мужчина не дождался.

Ленора зашипела вовсе уж гадюкой. Она уже пару дней кое-что подозревала, но аура пока плохо была видна. Сливалась.

А ведь может быть всякое...

И средства, содержащие магический компонент, т.е. ей тогда нельзя. Никак!

Ни внутрь, ни наружно. А еще... Были у нее и насчет матери подозрения. Ленора только потом сообразила, что она увидела.

Когда у человека воспаление – оно затрагивает не отдельную область, а ВСЕ тело. Болит в одном месте, а воспалено везде. У Маргариты такого не было. Все было локализовано в одной области, а это бывает при направленном воздействии.

А кому это выгодно?

Кто тут главная дама двора, привыкшая к этой роли и преференциям? Кого отстранили от церемонии? Кстати, справедливо. Еще тут жены ублюдков главную роль в королевстве не играли.

Была у Меганы причина, еще как была.

Ленора с трудом задавила свой темперамент. И жестко произнесла.

– Дядя, она НЕ ошиблась.

Хосе только вздохнул. Потом выглянул за дверь и поманил придворного мага. Тот послушно зашел в комнату, под которой уже половина придворных стояла с вытянутыми шеями и растопыренными ушами – и был тут же озадачен вопросом.

– Что в склянках?

Версия Леноры подтвердилась за пять минут.

Мегана просто забыла, кто такие маги. Она привыкла, что она главная, что никто ее не слушается, привыкла устранять соперниц... да, и подобным путем тоже. Она просто ошалела от безнаказанности.

И поплатилась за это тотчас же.

– Мануэль... твоя супруга не сможет присутствовать в храме.

– Дядя?

– У нее аллергия. На содержимое этих баночек.

– НЕЕЕЕЕЕТ! – взвыла Мегана, но король был неумолим.

– Вы едете лечиться к себе в поместье.

– Дядя, но это далеко...

– Ничего. Доберетесь потихоньку.

– Дядюшка, при всем моем уважении, – Мигель Рамон подал голос неожиданно.

– Что? – сверкнул на него глазами Хоселиус.

– Прошу вас чуточку смягчить наказание. Все же вред не был нанесен...

– Не по ее вине! – сверкнула глазами Ленора.

– Понятно же – дура, – удивленно пожал плечами мужчина. – Кто бы еще травил мага – магическими снадобьями?

Звучало логично. Дура. Ну... ладно! Сейчас вроде как и не время для склок, а потому...

– Что ты предлагаешь, Мигелито?

– Пусть герцог и герцогиня пока погостят в моем доме. Для поправки здоровья ее светлости. А потом, после торжеств, приедут в столицу?

Хоселиус подумал пару минут.

Что ж. Это можно. Если...

– Ленора Маргарита, ты согласна?

– Да, дядя, – решила не спорить по мелочам Ленора. Все равно после торжеств она вернется к себе в университет. И дел у нее будет по горло. И от дяди хорошо бы согласие на свадьбу получить.

Так что...

Не будем лишней раз спорить! Лучше при случае...

Мегана, ну кто тебе сказал, что Ленора не умеет пользоваться всеми этими дамскими пакостями? Это просто у нее нервы сдали, вот она и сорвалась. А так-то...

Ты – попала.

Даже не так. Ты – пропала.

* * *

Уютная гостиная, двое мужчин попивают вино, успокаиваются.

Только что Лоуренсио написал письмо для Караката. Анхель, видя, как другу неприятно все это общение с городским дном, взялся передать записочку. Надо же решать как-то вопрос! Не платить шантажисту, а разобраться раз и навсегда!

Чего не ждали ни Лоуренсио, ни тан Анхель, так это явления на пороге дома Алисии и Рауля. Причем оба в таком виде, словно их неделю в луже купали.

С Рауля явственно течет вода, платье Алисии мокрое и в пятнах... зато вид у обоих довольный! Хотя ты по лимону им предлагай от всех щедрот душевных!

– Что случилось?! – ахнул Лоуренсио.

– Ритана Алисия! – вторил ему Анхель.

Платье из драгоценного бархата восстановлению уже не подлежало. Никогда. А кружева на нем были похожи на жалкие грустные тряпочки.

Впрочем, Алисию это ничуть не смущало. А вот то, что черный комочек, который она прижимала к груди самым осторожным образом, хочет кушать и посасывает ее палец...

А вот тут – простите!

Когда в женщине включается такой специальный режим защиты ребенка – на ее пути лучше не стоять. А заодно хорошо бы уйти с пути поезда и разогнавшегося носорога. По силе воздействия – это примерно одно и то же.

Может, вы и уцелеете. Но это еще не точно. А может, вы еще и не весь уцелеете.

– Где кухня?!

Это Феола интересовалась такими низменными мелочами. Алисия Катарина раньше до них не снисходила. А вот сейчас...

– Т-там, – показал пальцем ошалевший Лоуренсио.

Алисия Катарина развернулась и зашагала на кухню.

Анхель посмотрел на друга и последовал за девушкой. А то как же!

Лоуренсио посмотрел на тана Ортиса. Даже грозно получилось...

– Тан, извольте объясниться!

– Объясняю, – Феола и Алисия вовсе не означали, что Лоуренсио не достанется на орехи. – Я сделал предложение вашей сестре. Она его приняла. Мы женимся.

– Что?! – ахнул Лоуренсио, падая в кресло.

Рауль язвительно ухмыльнулся.

– Повторить по буквам?

– Эммм... ммммуууу...

Рауль пожал плечами – и повторил. А вась, бычачьи (мычачьи?) навыки его детям от дядюшки не переползут?

– Но-но как?!.

– Предложение сделал? Красиво! Я решил утопиться, если ваша сестра мне откажет, – не выдержала душа тана Ортиса. – И она не смогла ответить мне отказом. Такой грех на душу! Лично спасать меня прыгнула!

А если учесть, что с Рауля до сих пор вода капала... Лоуренсио поверил безоговорочно.

– Ммммуууу... мммманипулятор!

– Ага! Не переживай, братик. Я хороший.

Лоуренсио протянул руку, нашарил на столе графин – и отхлебнул прямо из горла.

Боги, за что караете?!

Мало ему язвы-Феолы! Мало той ситуации с... мобилем и прочим! Так еще и Алисия! Может, в вас верить надо было? Как Феола? А я вот... не понимал?!

За чтооооо?!

И Лоуренсио отхлебнул еще раз. Авось, полегчает?

* * *

– Ритана Алисия, что это за чудовище?! Крыса?!

Тан Анхель не разглядел толком, что за сокровище на руках у Алисии. А та... сдержалась, чтобы не напугать рыком щенка.

Ага, вот и кухня.

– Добрый день. Сеньоры, мне нужно молочко для щенка. Как вы думаете, будет он уже сам кушать?

– Да, конечно, ритана, – шагнула вперед одна из поварих. – Давайте сюда, сейчас мы его полотенцем высушим, вытрем, покормим... какой лапочка! Ваш?

– Мой, конечно...

И тут Анхель, под влиянием эмоций, совершил непростительную ошибку.

– Ритана Алисия, зачем вам эта гадость?! Выкиньте ее! Я вам подарю породистого...

Ладно, Анхеля тоже понять можно. Нервы, нервы...

Только вот Алисии было на это начихать. Боевой режим защиты детеныша выключаться не собирался. И плевать ему, что детеныш

собачий... кто сказал, что благородная ритана не умеет кусаться?! Тебе потом ни один ветеринар не поможет!

Ритана осторожно передала щенка женщине, которая подсунула ему под мордочку миску с молоком. Псеныш принялся отчаянно лакать, а Алисия скрестила руки на груди и сверкнула глазами.

– Тан, вы против?

Что-то Анхель уловил. Но остановиться уже не смог...

– Ритана, разве вам подходит такая собака? Это же дворняга... ей самое место на помойке! Таких еще в младенчестве надо топить, чтобы породу не портили...

Выбор?

О, он был сделан мгновенно.

Когда на одной чаше весов прекрасно воспитанный, образованный, галантный и элегантный тан, претендующий на роль вашего мужа и говорящий нечто подобное, а на второй – беспородный щенок, которого еще один породистый тан полчаса назад спас и воды, рискуя собственной жизнью...

Кто бы сомневался, кого выберет Алисия Катарина!

В конце концов, у Анхеля даже хвоста нет! И вообще...

Девушка выпрямилась еще сильнее. И жестко отчеканила:

– Тан Толедо, поскольку вы с моим будущим супругом не нашли общего языка... я также не смею вас задерживать.

– Будущим... супругом?!

– Да. Тан Ортис сделал мне предложение, и я его приняла.

– А... эээээ...

Мычать Анхель не умел, но это его не спасло.

– Эта собака – мой свадебный подарок. И если я услышу в ее... его сторону хоть одно неподобающее слово...

Ах, как же хорошо скандалить на кухне! Только руку протяни!

И сразу же под рукой! Так удобно возникает сковородочка! Прелесть просто! Облизнуться и порадоваться!

Анхель посмотрел на Алисию. На щенка. На сковороду.

Потом проделал все это в обратном порядке. Сглотнул.

И боком-боком заторопился к двери. А то кухня же... тут еще и скалки есть. И ножи. И...

Пошел он. Спасибо всем, до свидания...

– Баммммм! – ускорила его отход с позиций крепко приложенная об стол сковородка.

– Ауввв? – поинтересовался испуганный щенок.

Алисия тут же бросилась успокаивать его, заворковала над малышом... и совершенно не заметила, как закрылась дверь за таном Толедо. Подумаешь, ценность великая! Да пусть идет...

Все, все, малыш, тише, ты со мной, все закончилось, и никому я тебя не дам в обиду....

Интересно Рауль уже обрадовал брата?

А, неважно!

Он заедет завтра с утра, и они отправятся подавать заявление в мэрию. И в храм. И в газеты объявление дадут. И с его родными познакомятся.

Но это – завтра.

А сегодня у нее есть дела поважнее. К примеру, накормить и уложить собачьего малыша.

Кто-то против?

Пока сковородочка рядом?

Протестующих и самоубийц – не было.

* * *

Анхель вылетел в гостиную и с ужасом воззрился на Лоуренсио.

– Рен! Это... это – что?!

– М-мууу... с-сууу-ссссестры, – невнятно ответил приятель.

Рауль уже удалился, а тан Ксарес высосал половину графина и изъясняться мог только междометиями. Сомнительными.

Анхель посмотрел на это дело... тело, да и плюнул.

Чего уж там!

Чего уж тут...

Только с Лоуренсио сегодня не будет. Но как так-то?! Он же поклясться был готов, что эта девица уже у него в руках! Уже на крючке!

Уже...

И тут такой эпический провал?!

Да как такое может вообще быть-то?!

Но даже этот вопрос задать было некому. Лоуренсио лыка не вяжет, Феолы нет дома, а у Алисии – сковородка. И как-то спрашивать уже ничего и не хочется.

Ладно!

Анхель все еще выяснит. А пока... Пока эта гадкая семейка ему за все заплатит!

И за сковородку – тоже!!! За нее особенно! Вот!

Глава 7

Анхель Хуан Толедо...

Когда тридцать два года назад в семье Толедо родился малыш, родители обрадовались. Привычно, правда, уже четвертый сын. Вот так повезло тану Толедо, что жена ему только сыновей рождает.

Правда, это было единственное везение в семье. В остальном же...

Глухое поместье в медвежьем углу, и такая же глухая спесь не помогли улучшить благосостояние семьи. Вот ни капельки.

Четверо сыновей, три дочки, и всех пристроить надо. Как?

Ну, старшему сыну, понятно, поместье в наследство. А пока пусть с родителями живет, хозяйство вести учится. А то ведь умению выкроить из носового платка три платья тоже учиться надо. А там женится, дети пойдут...

Второй сын?

По привычке, или делать военную карьеру, или во флот. Собственно, потому семья на одного сына и обеднела. Старший брат Анхеля действительно послушал родителей, пошел на корабль, ну и потонул вместе с кораблем. На море и не такое случается.

Третий сын церкви. И поскольку воля Хуана Толедо в семье не оспаривалась, церковь получила себе брата Гаспара.

Дочерей замуж. В идеале без приданого, ну, с минимальным. За дворян, конечно. Кого выдать замуж не удастся, тех в монастырь.

Замуж-то выдать удалось. Двух старших.

Одну за вдовца с шестью детьми, другую за старика, который на ладан дышит. Обе были так благодарны отцу, что домой больше не показывались, да и родных к себе не приглашали.

Но это понятно, из-за неблагодарности! Отец для них все сделал, а эти стервы... тьфу!

Третья дочь покорно ушла в монастырь, подозревая, что там будет лучше, чем замуж по выбору отца. Может, хоть бить не будут...

Оставался четвертый сын – и тут тан Толедо решил отдать его тоже на флот. А что?

Второй сын мог бы сделать карьеру, а вместо этого померши. Пусть Анхель делает.

И тут коса нашла на камень. Да с таким скрежетом, что вся округа слушала.

Анхель иногда подозревал, что покорность старших братьев и сестер вызвана... или глупостью, или просто – голод, холод, безденежье, дни похожи друг на друга, как коши, вот и тупеешь, и дуреешь, и слушаешься, как лошадь – погонщика. Хотя, казалось бы, да взбрыкни ты! У тебя и копыта, и вес, и вообще – растопчешь и сверху попляшешь! Нет?

А почему?

Так что ни на какой флот Анхель не собирался, вот еще не хватало! Плавать по паршивым морям, собирать на свою голову все шторма, жить на скудное жалованье, а потом еще семью завести, домик... рога сами заведутся по такой жизни.

Нет-нет, ему это не подходит.

Анхелю хотелось приятной и роскошной жизни. А за чей счет – неважно.

Но спорить с отцом? Нет-нет, лучше поступить по-умному.

Анхель послушно взял у отца деньги и отправился записываться на корабль.

Ага-ага...

Пассажиром.

На проезд до столицы ему как раз хватило. А дальше... дальше жизнь закипела-завертела, подхватила-понесла... и оказалось вдруг, что крупная, по меркам Анхеля, сумма, это медяки нищенские. И столица весьма зубаста, и нищих не любит, и друзей в ней завести весьма и весьма сложно... врагов проще, но и те заводиться не спешат.

Картина маслом. «Провинциал, покоряющий вершины».

Таких картин по столице уж не одна тысяча написана, где на заборах, где кровью на мостовых, где еще чем... хорошо заканчивают из них процента... нет, даже процента нет. Может, сотые доли процента и устраиваются. Остальные или удирают домой, или столица пережевывает их, сплевывает и навечно забывает. А что?

Новое «мясо» подьедет. Свеженькое, с теми же наивными мечтами, жуй – не хочу!

Хитрость у Анхеля была, но деньги, навыки, да и хорошие манеры тоже... дело шло к печальному концу жизни, к примеру, завербоваться матросом на корабль, кто ж тебя с улицы офицером-то возьмет... Анхелю повезло.

Им заинтересовалась сеньора Анна Кармела Кальдерон.

Сеньора была стара, богата, а главное, весьма и весьма падка на молоденьких мальчиков. Неприятно?

А что – отказываться? Анхель себе такого чистоплюйства позволить не мог. Да, приятно бы и кого помоложе, но – даже трактирные служанки в столице зажрались. И без реала за корсажем тебе не дадут. Разве что подносом по морде.

Так что...

Впрочем, Анхелю повезло в другом. Сеньора была стара. Дети у нее были, но дети ж там, а молодой муж – здесь. А что такого?

У Анхеля любовь, у Анхеля счастье... у сеньоры тоже. Потому, женившись, они отправились в свадебное путешествие.

А оттуда сеньора уже и не вернулась. Нет-нет, не надо о грустном. Нарочно Анхель ее не убивал, просто она не вынесла напора любящего мужа. Ну и сама... того, сердечко пошалило.

Судовой врач так заключение и выдал. А там и родня сеньоры понаехала.

Наследство делить.

И вот тут сказала хитрость Анхеля. Наследство он знал, оно там не так, чтобы велико, это раньше б ему показалось – такие деньжищи! А сейчас... ну полгода он на них проживет, много – год.

Зато суд, зато шум, зато репутация...

В столице ему будет не житье. Небось, и через сорок лет припомнят. Так что...

Анхель чуть не на колени кинулся перед опешившими родственничками. Мол, простите – виноват, готов хоть завтра отказ написать на кого скажете... завещание? Да вы что! Вы о чем?!

Все ваше, мне ничего не надо!

Ну, разве что пожить месяцок, пока квартиру не сниму в приличном месте. Вы уж простите, на работу пока не устроился... исправлюсь! Завтра же и искать начну. Вы меня ни с кем не познакомите?

И как тут было отказать?

Круг знакомств у детей сеньоры был обширным – среди своих, конечно. Но Анхелю хватило. Для начала.

Он уже понял, что главное – не деньги, а люди. Ну и пошло.

Слово там, слово тут...

Связи на городском дне у него были. Среди купцов появились.

Аристократия?

Самое забавное, что найти вход в высший свет несложно, если у тебя есть титул. Это к ворам и грабителям не всякого допустят, а для высшего света хватает костюмов, заказанных у правильного портного (сеньора), таких же ботинок, часов, аксессуаров, ну и хорошо подвешенного языка.

И Анхель прижился.

Невеста Ортиса?

Ну, было в его биографии и такое. Года три, что ли, назад? Или четыре?

Анхель тогда делал небольшой перерыв. Неприятная история там случилась, пришлось на полгода уносить ноги. Не в никуда, конечно, как приличный человек, он отдыхал на дорогом курорте, а что долго... и что? Нервы, нервы...

Меланхолия и депрессия – болезни аристократов. Это вам не простуда для быдла. У него нервное расстройство тонкой и чувствительной души...

Вернулся он в столицу, когда все улеглось, там и познакомился с Эмералд. Хотя кроме имени там ничего интересного и не было. Так себе девица... нос длинноват, волосы жидковаты, грудь только на ощупь искать надо. Но возраст!

И приданое!

Анхель решил – надо брать. И занялся.

Очаровать Эмералд оказалось несложно, Ортис ей так пренебрегал, что половину работы за Анхеля сделал. Женщины ж ушами любят! У-ша-ми!

И цветочки ей дарить надо, и всякие глупости говорить, и вообще... Анхель подсуетился, а Ортис – у него и так денег хватает. Перебьется.

Только вот оказалось, что приданого там кот наплакал. Столько-то он и с любовниц имел. Не деньгами, а вещами и подарками, но имел. И бросить все это?

Связать себя с глупым чучелом?

Нет-нет, без него! Анхель свою свободу разменять на такое не согласен. Та же Алисия хоть красива, а эта... тьфу! Ну и попала она в неудачный тоже момент. Анхель не сдержался и высказался. Но кто ж знал, что Эмералд не только страшилище, но и дура?!

Другая б пошла, да и снадобье какое купила, чтобы ребенка скинуть. А потом жила, как ей нравится. Не первый век бабы так делают, и мужиков обманывают.

А эта!

Топиться вздумала!

Тьфу, дура!

Ладно б просто утопилась, так еще и Ортису все рассказала. И получил Анхель себе врага на всю жизнь. Рано или поздно он бы точно что-то с Ортисом сделал, просто... такие тут дела закрутились, что не до него было. Ну и упустил.

И Алисию упустил в результате.

Ничего.

Лоуренсио ему доверяет, так что деньги Анхель не упустит. А больше от таких ничего и не требуется.

И вот не надо мне про ТО дело, оно еще то ли выгорит, то ли нет, а деньги нужны. Всегда.

Итак, что мог бы ответить Каракат такому как Лоуренсио?

* * *

Кто-то другой трижды подумал бы, и четырежды, прежде чем заявиться в нищенский квартал.

Висента Анна Дельрио не сомневалась. А что?

Она здесь своя. Просто не переодевалась сегодня для визита. Но повадки остались теми же. И походка. И жесты. И даже удавка на запястье, чтобы сразу же перекинуть ее на шею жертвы, и короткий клинок в другой руке.

Коротенький, не длиннее пальца, ну так что же? Знать надо, куда его воткнуть, и будет вам счастье!

Давным-давно двое детей – Хуан и Винни оказались выброшены в этот квартал, словно мусор. Бесполезный, ненужный родственникам

мусор.

Внешне все выглядело более чем пристойно. Двое детей, остались сиротами... конечно же, тетка приютила их! И даже заботилась... стерва!

Хуана – юнгой на корабль, да из военных, чтобы он там загнулся. Там четырнадцатилетние-то погибали влет, а ему и десяти не было!

А Винни... Винни просто планировалось продать в бордель, и сказать брату, что та умерла. Если брат вообще спросит.

Недооценила тетка ребят.

Хуан подслушал ее разговор. Висента, которая выглядела тогда ангелочком, только что темноволосым, придумала отличный план.

И ночью...

Да, именно Винни подсыпала тетке снотворного, отлично зная, что собирается делать дальше. И ее доченьке – тоже.

А вы думаете, просто так бордель планировался? Дочка замуж выходила, ей приданое нужно. А не двое сирот, с которых ничего не получишь, разве что родительский дом... тот тетка продала.

Детей – не успела. Потому что полыхнул ее собственный дом. Ночью. Когда она спала.

Проснуться она не успела – угорела во сне. И дочь ее тоже.

Наверное.

Тот пепел, который остался на пожаре, ни один некромант поднимать не стал. Да и что могла сказать тетка?

Уснула, умерла?

Все. Почему уснула? Так люди каждую ночь спят, и что?

Огонь стер все следы. А Хуан и Винни сбежали.

Несколько дней перебивались на улице, потом прибились к одной из уличных банд, пару лет выживали в грязном квартале...

Так уж поделились между ними роли. Хуан – руки, ноги, сила. Винни – жесткий и холодный разум.

Висенте просто не повезло в жизни. Родись она в другой семье, стала бы гениальным аналитиком. Наблюдать за людьми, подмечать самые крохотные детали, делать выводы – талант! Алмаз неграненый.

Кто-то учится этому годами, и все равно ошибается. Кто-то рождается с этим. Как с талантом к музыке, танцам, пению. И талант берет свое.

Москит точно знал, если бы не сестра, они бы не выжили на улице. Он мог драться, мог убежать, но с кем драться и к кому бежать, могла угадать только Винни.

Первым, кто заметил это, был Эрнесто Риалон. Винни помогала его жене в антикварном магазине, конечно, ему стало интересно, что там за помощница такая.

Вторым – Рейнальдо Шальвейн, которого Винни давно уже звала просто – дядя Рей. А как еще-то?

Сколько он ее учил, сколько вкладывал, родители только вздохнут печально и завистливо! Они с детьми занимаются всяко меньше, когда не работают и по дому не заняты. А она с Рейнальдо Игнасио находилась рядом сутками. И рассуждения его слушала, и подозреваемых допрашивала (сидела в уголке, и они сравнивали свои впечатления), и улики собирала...

Чего только не было!

И Винни безумно нравилась эта жизнь. И задания вроде последнего...

Поиграть немного в другого человека? Да что может быть проще! Они с Мерче и так похожи, осталось убедительно сыграть.

Сыграла, ага.

Себе Винни не лгала никогда. Если бы Феола не оказалась магом, да еще каким, Винни погибла бы. Меньшее, что может сделать в ответ девушка, это навести справки про этого самого Анхеля Толедо.

Анхель Хуан Толедо...

Стайка малышни пробежала мимо. На девушку они поглядели сначала с интересом – добыча? Потом опознали как свою, и смотрели уже, как более мелкие хищники на более крупного. Винни привычно была настороже. Кто их знает, шакалят? Еще кинутся сворой...

Она шла в давно известное место. В небольшую хижину на отшибе. В дом, в котором жил Паук.

Прозвище было не просто говорящим, оно точно отражало сущность этого человека. Человека, который старался знать всё и обо всех, держать в своих тощих лапках десятки и сотни нитей, улавливать малейшее дрожание и напряжение...

Будь рядом Шальвейн, Винни не стала бы сюда приходить. Или пришла бы с дядей Реем.

Он сейчас был в Лассара, со сломанной ногой, и приехать не сможет. А информация нужна еще вчера. Как можно скорее! Еще быстрее!

Так что...

В дверь хибарки она поскреблась строго определенным образом. Два раза, потом еще три и опять два. И повторить через сорок секунд.

Только после этого дверь скрипнула и приоткрылась. На пороге стоял совершенно безобидный на вид человек. Даже – человечек.

Невысокий, сутулый, седоволосый, с горбом и в нелепых круглых очках. В каком-то рваном тряпье и с идиотской улыбкой.

Любой бы обманулся. Но – не Винни.

– Доброго дня, Паук.пустишь?

– Конечно. Для тебя, дорогуша, – что угодно. Что тебе угодно?

Скрипнув, закрылась дверь хибарки. Паук зажег свечу, которую держал в руке, и уселся за стол. Винни точно знала, что под столом есть люк, и в него можно нырнуть в любой момент. И удрать. Там проходит один из тоннелей канализации, догнать Паука будет нереально.

– Знания.

– Ты знаешь мою цену.

Винни кивнула. Знала, конечно.

– Тан Анхель Хуан Толедо. Ты про него что-то знаешь? Мне нужно...

– Анхель Хуан Толедо... детка, и ты про него знаешь. Крыс это, наводчик у Слизня.

Винни с размаху хлопнула себя по лбу.

– Крыс?! ОН?!

– Что в этом удивительного?

Винни даже головой потрясла. При всей ее памяти, при всем уме... Не запомнишь ведь каждого? Никак не запомнишь!

Вроде как и говорили, что Крыс из танов, ну так что же? На дне жизни кого только ни найдешь, там и королевские отпрыски оказаться могут.

– Нет. Ничего. Я просто сразу не сообразила, вот и удивилась.

– А, тогда ясно все с тобой.

– Расскажешь, чем он знаменит?

– Расскажу. А ты чем поделиться?

Винни молча положила на стол несколько жемчужин, которые ей выдала Феола. Но Паук брал не только деньгами. Точнее, деньги для него всегда были вторичны. Поэтому...

– Из колоний приехал тан Ксарес. Знаешь такого в столице? Семейство Ксаресов? Вот, внук патриарха...

* * *

В мэрии было тихо и спокойно. Было.

Пока туда не вошел Хавьер. Тереса следовала за ним, неся для вида легкий саквояжик.

Так бы Хавьер его и сам утащил, но пусть девочка побудет рядом. Она и была.

А вот люди пугались, разбегались с его пути, впереди летел зловещий шепот, предупреждая – некромант вышел на охоту!

Некромант в мэрии!

Прячься, народ!

Впрочем, секретаря мэра такими мелочами, как некромант, было не пронять. Подумаешь – холод и потусторонним веет. А вы пробовали квартальный отчет подавать? Нет?

Попробуйте. Вы еще некроманта вместо кондиционера приспособите. Лишь бы под ногами не мешался. Сезар Вальверде так к этому и отнесся.

Лично Хавьера встретил, лично провел по коридорам.

– Вот ее кабинет.

Хавьер кивнул – и вежливо постучал в дверь.

– Войдите! – откликнулся недовольный женский голос.

Хавьер и вошел, раз приглашают. А вот сделать ничего не успел.

Некромант же. Тихо и скрытно он ходить не привык. А ЭваМария, поняв, что уйти не получится, решила драться.

В Хавьера полетело заклинание, которое он едва успел отразить защитным куполом.

И второе...

Которое он уже не успел отразить.

Просто поставил купол – и оно размазалось по нему гадкой синеватой кляксой. На несколько секунд противники замерли друг

напротив друга.

Хавьер рядом с дверью.

Стройная высокая женщина в элегантном платье, сидящая за столом и сжимающая в руке какой-то кристалл так, что по пальцам кровь потекла...

Или это одно из условий активации кристалла?

Хавьер сразу заклинание не опознал, что-то из водной магии... лучше такое на себе не пробовать.

Удар в щит.

Еще один удар.

А вот третьего не последовало. Вместо этого Эва завизжала диким голосом и подскочила на полметра вверх.

Сбилась концентрация, полетел в одну сторону кристалл, в другую женщина.

Хавьер подскочил к женщине – и со всей силы пробил ей прямым в голову. Не стеснясь. В челюсть.

Та всхлипнула и обмякла, словно тряпка. И из-за стола высунулась Тереса.

– Все в порядке?

– Треси!

Хавьер и сам не понял, как упал на колени и сгреб девушку в охапку.

– Жива?! Цела?!

– Да! – девушка вся дрожала, уткнувшись ему в плечо. Но не плакала.

Когда дверь открылась, Хавьер успел войти внутрь. И вся драка происходила внутри кабинета.

А Треси... она жутко испугалась за своего некроманта. Конечно, своего! А чей он еще? Поэтому она упала на четвереньки – и поползла внутрь комнаты. Прямо к столу гадкой тетки.

Та и внимания не обратила. Хавьер все затмевал.

Вот некромант! Он большой, страшный, он сейчас доберется – и прибьет ее... Треси не шумела. Она просто подлезла под стол.

Булавка у нее с собой была всегда, и не одна. Хорошая, прочная, острая, хоть ты два куска кожи скалывай между собой. Длинная, чуть не с палец.

И Треси со всей дури вонзила ее в ногу мерзавки. Куда-то в мякоть.

Кто ж такое выдержит?!

Мединка и не смогла. Заверещала, сбилась, потеряла концентрацию, а Треси выдернула булавку и ткнула ей еще раз. Тут уж и Хавьер не растерялся.

В дверь кабинета заглянул испуганный Сезар Вальверде. Вот чутье! Привести – привел, а к кабинету не подошел, и даже в дверь не заглянул. А то бы и его накрыло!

– А... как тут? Тан Карраско?

Хавьер только рукой махнул.

– Все в порядке. Она без сознания. Пыталась меня атаковать чем-то из водной магии, но сама она... – Хавьер прищурился, взгляделся в женщину, – да, она не маг.

– Не маг?

– С этим мы еще разберемся, – пообещал Хавьер. И принялся увязывать пленницу по всем правилам искусства. Чтобы с собой не покончила. И кляп в рот, обязательно. А то еще язык себе откусит! – Треси, спасибо! Ты умничка и чудо! Если бы не ты, все бы куда как хуже получилось!

Девушка некрасиво хлюпнула носом.

– Я за тебя испугалась.

Она и не заметила, что перешла с некромантом «на ты». Но Хавьер не растерялся.

– Я за тебя тоже испугался, малышка. Давай мы так сделаем. Я сейчас распоряджусь, тебя отвезут домой, а я с этой пакостью побеседую. А завтра приходи на работу. Согласна?

Треси подумала минуту – и замотала головой. Это что, самое интересное мимо нее? Она так не согласна! Ее потом девочки спрашивать будут, а она что им скажет? Допрос?

Вот и ладно! А то не видела она, как рыбу потрошат.

В дверь заглянул тан Кампос.

– Тан Карраско, мои подозрения подтвердились?

– Да, тан. Это одна из мединцев.

Тан Кампос помрачнел.

– У меня под носом. В моей мэрии...

– Тан, не стоит себя корить. Эта вполне человекообразная. Ее никто не отличил бы.

– А вдруг она не одна такая?

– Допросим – узнаем, – отмахнулся Хавьер.

Еще одна мединка в копилку. Погодите, твари, мы вас всех на свет божий вытащим! Не уплывете и не спрячетесь!

* * *

В участке был аншлаг. Но девушкам это совершенно не помешало.

– Фи!

– Треси!

Подруги обнялись – и тут же затрещали, как две сороки, делясь впечатлениями. Мужчины переглянулись.

– Мединец? – кивнул Хавьер на художника.

– Он. А у вас?

– Вроде как тоже мединка. В подвал их?

– В допросную, – согласился Амадо.

Мужчины переглянулись и потерли руки совершенно одинаковым жестом. Вот не любят они друг друга. Да и не надо! Не в любви тут дело, а в общем враге, которого надо додавить. А любовь?

Перебьются!

В допросной было темно, тихо и прохладно. Хавьер лично пронаблюдал, как привязывают к специальному креслу одного мединца, потом вторую. Недовольно посмотрел на просочившихся девушек.

– Это не для вас, ританы.

Феола фыркнула.

– Треси и правда лучше такое не видеть. А я останусь.

– Мне нервных дамочек в чувство приводить некогда, – рыкнул Хавьер.

Феола его слова попросту проигнорировала и повернулась к подруге.

– Треси, ты нам пока перекусить не сообразишь? На всех? А то и мне бы надо, и некромант твой вымотался. Ему бы сейчас сладкого, да побольше.

– Ой! – подскочила Треси. – Сейчас, минуточку!

И унеслась. Феола посмотрела на Хавьера.

– Обидите мою подругу, отрывать не буду. Само отпадет! Ясно?

Хавьер даже не рассердился. Взглянув на девушку, он уже признал в ней коллегу, хоть и другой направленности. Но считай, своя. Так что ответил честно.

– Я с самыми честными намерениями.

– Тогда хорошо. Приступим, пока она занята?

– Приступим, – Хавьер ловким движением распорол одежды на пленниках. На одном, на второй... поиздеваться?

Нет. Осмотреть и понять, чем они отличаются от людей.

Сальвадор практически и не отличался, не считая широких жаберных щелей между ребрами.

У женщины по телу шли неширокие, но отчетливые полосы чешуи. Жабр у нее не было, но чешуя была какая-то странная. Или не совсем чешуя? Словно бы полосы... другой кожи. Слизистой такой, зеленоватой, они словно ленты, обвивали все тело.

Феола осторожно дотронулась до нее пальцем, поморщилась.

– Гадость. Склизень какой-то... [\[13\]](#)

– Вполне может быть, – кивнул Амадо. – И похуже бывало. Эта еще человекообразная.

Феола покривилась.

Человеко... безобразная! Твари!

Попади ей в руки та демонесса, Феола бы ей лично хвост вырвала! Два раза! Оторвала, прирастила – и по кругу, пока не надоеет! Наставник у нее один, и лишаться Адэхи она не намерена! А из-за этой пакости... насоздавала она! Приперлась – ее в этот мир звали? Нет? Вот и нечего тут!

Девушка прищурилась и посмотрела на мужчин.

– У меня свой интерес в этих тварях. И я не позволю меня отсюда выставить?

– Да? – удивился Хавьер.

Девушка приподняла руку. На ладони загорелся белый огонек.

– Проверим? Вы старше и сильнее, но кое-что я умею.

Хавьер сощурился, но Амадо не дал разгореться ссоре.

– Тан, ритана, мне сейчас нужна вся информация, которую мы сможем у них выудить. Давайте вы потом поругаетесь?

Тан и ритана переглянулись, потом решили, что им тоже интересно – и успокоились. Ладно уж... частично они ругались из-за антагонизма их сил. Некромант – и маг жизни!

Ну как тут найти общий язык? Спасибо, хоть терпят друг друга.

– С кого начнем? С мужчины или с женщины? – задумчиво поинтересовался Хавьер.

– Мне кажется, с мужчины, – Амадо разглядывал художника. – Чтобы выжить среди чиновников, надо обладать стальным характером и алмазными нервами. В творческой среде все же проще, у него не может быть такой закалки.

Принято было единогласно. И Сальвадора Пабло Коронеля привели в чувство ведром ледяной воды.

* * *

– Что это значит?!

Возмущаться художник попробовал. Не получилось, Амадо покачал головой.

– Сеньор Коронель, давайте побережем наше время и силы? Мы знаем, кто вы такой. Я правильно понимаю, ваши произведения – это ведь не фантазия? Верно? Это живые мединцы, которых вы видели и знали?

Мужчина обвел подвал затравленным взглядом.

– Я... не...

– Сеньор, прошу вас! Я смотрю на ваши жабры – и вы мне еще пытаетесь что-то рассказывать? Давайте сэкономим наше время и силы? Не хотелось бы отдавать вас некроманту...

Хавьер многообещающе улыбнулся.

– А зря. Я бы не возражал.

И провел пальцем по краю невесть откуда извлеченного стилета. Остро, тонкого... многообещающе так получилось.

Сальвадор дернулся.

– Я... не...

– Что вы – не?

– Я не знаю, что вы хотите услышать? Ну да, я... со мной это сделали! Но разве я в этом виноват?! Вы же понимаете, я даже слияние

не успел пройти! Я совсем ребенком был тогда!

Амадо мысленно поставил себе галочку.

Начал говорить?

Сломался. Поплыл. Отлично! Теперь надо только слушать и задавать вопросы. А это он умел.

Хотя... чем дальше, тем больше Амадо разочаровывался. Мединец говорил правду, что есть, то есть, но такую бесполезную, что было даже обидно за себя и свои усилия.

Сальвадор Пабло Коронель был не рожденным мединцем, а сделанным. Но не просто так.

Синэри интересовалась магами, а творчество – это тоже часть магии. Какая-то. Условная.

Картины великих художников, книги одаренных писателей, музыка гениальных композиторов – все это тоже своего рода магия. То, что заставляет душу возвышаться – или наоборот. Падать в грязь. Более того, измарывать этой грязью все остальное, заляпывать ей весь мир.

Да, именно так.

Есть талант со знаком плюс, но есть и со знаком минус.

Сальвадор всегда был талантливым художником, и ему хотелось попробовать себя в скульптуре, он нашел себя в ювелирном деле, на стыке трех дорог. Синэри заметила это и провела мальчишку через изменение. Но душу его не поглощала – вдруг потом он окажется неспособен творить? Это ведь не совсем магия.

Это нечто такое... искра Творца? Да, можно и так сказать. И вмешиваться в это Синэри не захотела. Испугалась? Кто теперь ответит. Она просто поставила метку принадлежности на Сальвадора, дала ему возможность дышать под водой, но душа его осталась той же. Цельной.

Потому он и остался в живых.

И... честно говоря, первые несколько лет он был счастлив. Учился, пытался сделать себе имя, выплескивал пережитый им ужас в картинах и скульптурах, заслужив звание оригинального художника, подающего большие надежды.

А потом...

Потом его нашел Рамон. Рамон Амадо Бустос.

Амадо записал имя и кивнул Треси, которая вернулась со здоровущим подносом. Кофейник, закуски.

– Тереса, милая, тебя не затруднит попросить навести справки? Рамон Амадо Бустос?

– Да, конечно, тан Риалон. Тан... эммм... Хавьер, вот, возьмите.

– Мы же перешли на ты. Спасибо, Треси, – поблагодарил ее некромант. И даже руку девушке поцеловал, галантно забрав у нее чашку с кофе. Специально для него готовила, старалась. Для всех – кофейник, а для него отдельно.

Треси покраснела от удовольствия и отправилась наводить справки. Феола промолчала. Только искра в глазах сверкнула.

Кажется, одну из подруг она выдаст замуж? А почему бы и нет? Хорошая девушка, хорошая партия, да и совместимость у них хорошая... Феола потихоньку сместилась поближе к некроманту.

– Если решите жениться на Треси – не больше четырех детей. И не сразу, лет за пятнадцать, а то она их выносить не сможет.

У Хавьера даже глаза загорелись.

– Четырех детей?!

– Я вижу, у нее хватит сил. Ну и я восстановить помогу, но это не за год делается.

Хавьер молча поцеловал руку и Феоле. Амадо покосился на них с явным неудовольствием и вернулся к допросу.

– Он страшный... нет, не внешне, хотя и внешность там ужасная, – Сальвадору тоже налили кофе. А что ж не побаловать, если человек старается, сотрудничает и не врет ни в чем. – Он тоже не прошел до конца слияние, но там дело в чем-то другом. Он просто душой весь ЕЁ. Понимаете?! И это чувствуется, это отзывается...

Именно Рамон начал собирать мединцев.

Именно он понял, как можно приспособить к делу подающего надежды художника и ювелира.

Коронелю доставляли серебро и золото, кораллы и жемчуг, приносили найденные на морском дне драгоценности – за века туда столько всего высыпалось! Он не мог опускаться на большие глубины, но среди мединцев было достаточно тех, кто легко плавал у самого дна.

И что получается?

Затрат нет, а вот прибыль есть. И ее можно пустить куда-то в оборот – с этим Сальвадор не заморачивался. У него было достаточно материалов для работы, у него был дом и галерея – и что еще надо художнику?

Да ничего!

Он знал, что Рамон ведет дела с какими-то купцами, но... с какими? О чем?

Ему это было попросту неинтересно.

Взрывчатка? Гекатомба? Жертвоприношения?

Сальвадор задрожал всем телом, но сознался, что да. Он знает. Слышал. Рамон не делился с ним подробностями, считал не то что ненадежным, но творческая личность, знаете ли! Нервы, тонкая душевная организация, избыточная впечатлительность...

Кое-что Сальвадор знал.

– Рамон просто помешался на Хозяйке. Он мечтал ее вернуть, мечтал о единении, мечтал открыть ей дорогу обратно...

– Она мертва, – Хавьер даже посочувствовал мединцу. Кое-что общее у них есть, будем честны. Сальвадора не спрашивали, но и самому Хавьеру выбора не досталось. Мединцем жить тяжело, но и некромантом – поди, поживи! Кстати...

– Почему у вас нет семьи?

– Вы же видите мои... особенности, – развел руками художник. – Найти ту, которая станет со мной жить, просто нереально. Экзальтированные идиотки? Обойдусь, благодарю покорно.

– А из ваших?

Сальвадора так выразительно перекосило, что дальше Хавьер и уточнять не стал. Ясно же! Не нравятся ему полурыбины. Имеет право.

– Я знаю женщину, которая любила мединца. Искренне.

– Мне такого не выпало, – сухо ответил Сальвадор. – А размениваться на всякое разное я не хочу. Хозяйка действительно мертва?

– Ла Муэрте не лжет, – Хавьер был полностью уверен в своих словах.

– Даже если вы это скажете Рамону, он вам не поверит. Никогда.

– И попробует вызвать это чудовище, – вздохнул Амадо.

Феола поежилась.

– У него это не получится. Но последствия могут быть плохими.

– Феола? Ты знаешь что-то, что нужно знать нам? – такие вещи Амадо чувствовал печенкой. За столько-то лет...

Феола потерла лицо руками.

– Мы можем отойти? Это не самая приятная тема.

– Да, конечно.

Двое мужчин и женщина вышли за дверь допросной. Феола вдохнула, выдохнула – и решилась.

– Это рассказал мне Адэхи. Поймите, я сама точно не знаю подробностей, но вот так. Когда индейцы уходили из этого мира...

– Они ушли навсегда? – перебил ее Амадо.

– Да. Они заплатили цену кровью и смертью – и ушли, – резко ответила Феола. – Если что, наши миры чем-то похожи на шарики. Они соприкасаются между собой, но не плотно, между ними есть пространство. Индейцы платили дорого. Им нужно было не просто уйти из этого мира, им нужно было попасть туда, где будет спокойно и безопасно. Они искали дорогу, они нашли ее, они ушли. Но при этом... что случается с шариком, если его надломить изнутри?

– Он становится хрупким, – осознал, холодея, Хавьер. Как маг, он мог оценить риски.

– Правильно. Ему нужно определенное время на то, чтобы залечить раны. После ухода индейцев прошло достаточное время, но потом Ла Муэрте избавилась от демонессы. Другого пути не было, если бы эту тварь давили здесь, они бы весь мир разнесли в пыль, она была сильной гадиной. Единственным выходом было ударить исподтишка, выкинуть ее отсюда, но... скорлупа опять надломилась.

– И теперь? – практика Амадо была недоступна, но в теории он разбирался.

– Если бы просто гибли люди, это не так страшно. Люди гибнут регулярно. Но Рамон собирается снова надломить скорлупу, и, если я правильно понимаю, у него есть маги. Составлен ритуал.

Мужчины переглянулись. А потом осознали себя идиотами.

Действительно. Ритуал, какие-то направляющие... маги! Наверняка!

– Это слишком большой риск, – Феола смотрела холодно и спокойно. – Мой учитель знает об этом и собирается принести себя в жертву, только бы их планы не осуществились. Я не хочу его терять.

– Люди не погибнут? – поднял брови Амадо.

– Люди погибнут. Поменяются направляющие. Адэхи отдаст свою жизнь, чтобы эта сила не причинила вреда нашему миру, вот и все. Шаманы это могут, но он уйдет. Навсегда. Я не хочу его терять, – вырвалось у Феолы. – Я его люблю! Он мой учитель!

Это было понятно мужчинам.

– Продолжаем допрос, – подвел итог Амадо. – Это серьезно.

И первым вернулся в камеру.

Сальвадор уже более-менее пришел в себя. И трясти его начали с новой силой, только вот пользы почти не было.

Адреса? Сальвадор практически никого не знал. Да, они встречались с мединцами, но не в городе. В море. Кое-кто был в масках, имен своих они не называли. Рамон знал всех, но то Рамон!

Сальвадор же...

Он просто зарабатывал деньги.

Казалось бы, что стоит мединцам просто натаскать со дна моря золота и серебра? Но – нет. Надо было зачем-то их легализовать.

Зачем?

Сальвадор вспоминал и одно, и другое, они крутили слова и так, и этак...

– Допустим, вернется демонесса. Где он планировал ее держать?

– Здесь, в Астилии.

– А как к этому отнесется власть? – спросила Феола. – Вот мне бы демон в моей стране не понравился.

И поняла, что опять попала в точку.

Амадо смотрел на нее так, словно она высказала нечто невероятное, в его разуме сейчас стыковались детали сложной головоломки.

– Гекатомба. Коронация. Смена власти...

Хавьер понял первым.

– Вы полагаете, кто-то из правящей семьи договорился с этими... тварями?

– Ради власти?

Хавьер придавил скепсис каблуком. Ради власти люди и с тварями, и с кем угодно договорятся. Кто бы спорил.

А Амадо складывал кусочки.

Отсюда и прикрытие.

Отсюда и похищение Мерседес. Вполне возможно, кто-то из высокородных... да что там! Из принцев! Кто-то в курсе дела. И собирается пользоваться всем в своих интересах!

Но кто?

И что планируется?

К примеру, королевская семья погибает, а кто-то остается в живых. И женится на Мерседес, все же она внучка короля. Хотя и незаконная, но кровь-то та же?

А проверка?

Но кварталон...

– Феола, может ли кварталон пройти проверку королевскими регалиями?

– На что именно?

– Что не нечисть?

– А Мерче и не нечисть, – пожала плечами Фи. – Там той крови – капли, она и детей нормальных иметь может, и признаков у нее нет, и любить она умеет. Проверку она пройдет. Вот он, – кивок на Коронеля, – не пройдет. Его лично коснулась сила демона. Ему и в храме наверняка неуютно.

– Отвратительно, – сознался Сальвадор даже с облегчением. – Хожу раз в месяц, но лучше б мне углей в штаны сыпали.

– Демонесса меняла вас. Такое даром не проходит. А Мерче ту Синэри и в глаза не видела. Она пройдет любую проверку. Сможет. И в храме стоять, и на службу ходить, и детей родить. От человека. Я-то вижу.

Амадо схватился за голову.

И самое ужасное, что Сальвадор Коронель просто не знал ничего! Толком с него и получить нечего было! Он просто помогал зарабатывать, устраивал вечера в своем доме, приемы, помогал налаживать связи, но в детали Рамон его не посвящал. Отлично понимал, что на Сальвадора даже давить не надо – только цыкнуть.

Что ж.

Среди мединцев есть и такие. Как несчастный мастер, изготовивший чашки. Как Сальвадор. Как та же Вирджиния – она ведь жила спокойно себе и ни во что не вникала...

Сальвадора отвели в камеру, и внимание мужчин переключилось на Эву.

– Неужели у вашей матери не было подруг? Она ни с кем не дружила, не делилась девичьими тайнами, не сплетничала о мужчинах? Так не бывает!

Мальдонадо точно это знал. Стопроцентно!

Небо может упасть на землю, солнце может взойти на западе, но чтобы бабы не сплетничали?

Вот это уже из разряда невероятного! А остальное – природные катаклизмы.

Мерседес честно задумалась. После визита к Коронелю она была в таком состоянии, что Херардо пришлось отпаивать ее горячим вином. А оно опьяняет.

К концу третьей чашки Херардо был в курсе истории. Той ее части, которую знала Мерседес. И был уверен, что в версии девушки есть прорехи.

Протрезвела Мерседес достаточно быстро, но отнекиваться и брать свои слова назад было поздно. Так что она развела руками.

– Мне мама ничего не говорила. Я знаю, она уходила из дома, но она ведь мне не докладывалась.

– Мерче, ты умная девушка. Подумай, пожалуйста. Наверняка какие-то разговоры, что-то было. Может, детские воспоминания. Может, сувениры...

– Пояс! – припомнила Мерседес.

Алкоголь чуточку снял тормоза, и девушка вспомнила, как примеряла мамин пояс. Яркий, расшитые серебром, такой, синий...

– Мама говорила, Марина ей сама расшила.

– Марина?

– Марина Леонсия Вальдес.

– Не родственница ли она Серхио Вальдесу? Сейчас, минуту, я телефонирую...

Мерседес осталась в спальне одна, сидеть и думать, не наговорила ли она лишнего. Но Херардо вернулся буквально через пять минут.

– Я связался с Серхио Вальдесом. Он подтвердил, что Марина Леонсия – его дочь. И попросил нас съездить к ней и поговорить. Особенно тебя, Мерче, как женщину с женщиной.

Мерседес кивнула.

Да, некоторые вещи женщина никогда не расскажет мужчине. К примеру, объем талии.

Ни-ког-да!

А вот другой женщине можно. Под большим секретом, так, чтобы не больше половины города было в курсе дела. Так что Мерседес отправилась приводить себя в порядок – и надо ехать.

Херардо проводил ее задумчивым взглядом.

Не сильно ему верилось в какие-то новые данные. О некоторых вещах женщины и на исповеди не расскажут. Но вдруг?

В крайнем случае Мерче чуточку отвлечется. Ей полезно. Пусть посплетничает, столько на девушку навалилось, руками не развести... бедная малышка. Ничего, Херардо будет рядом и поможет. Только так!

* * *

– ...!!! И ...!!!

Материться милая дама начала практически с первой минуты. Вот как на нее воду вылили, так и начала. Минут десять это терпели, даже основные обороты записывали, потом всем надоело, и слово взял Амадо.

– Сеньора Вильялобос, поговорим?

– ...!!!

Ответом ему был новый залп матерщины. Уставать дама не собиралась, так что Хавьер подошел и аккуратно пережал ей губы двумя пальцами.

– Поговорим, рыбка? Или вскрывать будем?

– Ничего вы от меня не узнаете!

– Да неужели? – Хавьер покосился на жаровню и свои инструменты. Некромантские, но ими и пытаться отлично можно. Есть и такое.

– Я ничего не скажу, – фыркнула женщина. – Вы не сможете мне сделать больно.

– Не врет, – припечатала Феола.

– Повышенный болевой порог? – задумался Амадо.

Хавьер и думать не стал. Просто взял из своего набора шило и кивнул Треси.

– Выйди. Феола, ты тоже.

Феола подняла брови.

– Я?

– Это неприятное зрелище.

Феола только головой покачала.

– Меня вы такой мелочью не напугаете.

– Мне некогда тебя откачивать! – рыкнул Хавьер. Тереса уже вышла, к его большому облегчению. Феола напротив, подошла поближе.

– Мне интересно, чувствительность у нее одинаковая под полосами – и на обычной коже?

Хавьер сверкнул глазами.

– Будешь блевать – иди в угол. Мне с тобой возиться некогда.

– Феола, это будет грязно, – подключился Амадо. – Ты пойми, нам действительно надо все знать, а она будет молчать. Это видно. И магия на них не подействует, нет такой магии, чтобы все рассказывать...

Феола взмахнула рукой. Ей не хотелось говорить об этом, но Амадо...

Если они будут строить отношения, он должен знать о ней всё. Даже это.

– Обучение у шамана включает и вскрытие трупов. И манипуляции с ними. И много чего неприятного, в том числе и умение терпеть боль. Вот это шило можно воткнуть и в меня, я ничего не почувствую.

– Зачем?

– Потому что я – хозяйка своего тела, разума и духа. И никак иначе. Обряды бывают грязными, кровавыми, страшными, болезненными, вплоть до ритуального самоубийства. Но их необходимо знать и выполнять. Если понадобится, я могу убить себя сама.

Амадо аж передернулся.

– Не дай Творец!

Феола спорить не стала. Ясно же, как будет, так и будет. В этой жизни ничего не угадаешь.

– Пытками меня не напугать. И я думала, их запретили?

– Людей – да. Мединцы не люди, – пояснил Амадо.

А если вспомнить, что они с ним делали... даже дважды – нелюди! Ему было за что мстить, он последний, кто будет отстаивать права мединцев!

Эва выплюнула еще один комок грязной брани.

Хавьер медленно погрузил иглу в ее руку.

Бесполезно. Разве что на острие, кроме крови, осталась еще и тягучая белесая слизь. И только. Ни боли, ни гримасы... человек много что может терпеть, но произвольную реакцию не скроешь. Пот на лбу, сокращение зрачков, бледность кожи...

Эва была абсолютно спокойна.

И то... пытаться слизняка? Гиблое занятие. Им вообще можно все тело отрубить, если что – новое отрастет^[14].

Еще несколько попыток – и некромант ругнулся.

– Бесполезно!

Эва Мария наблюдала за его злостью с откровенной насмешкой.

– Что вы, – усмехнулась Феола. – Не бесполезно. Но это уже работа для шамана.

– Ты можешь с этим что-то сделать? – заинтересовался Амадо.

Феола кивнула и принялась потрошить свою сумочку.

Что можно найти в дамской сумке? Такой маленькой, скромненькой, килограммов на пять живого веса и объемом в три-четыре черные дыры?

Теоретически – все.

Расческу, книжку, косметику, ключи, даже картошку, если очень надо, специи, пряности, кучу детских вещей, вязание, вышивку... просто – всё. Говорят, при шитье сумок в них вшивают карман в четвертое измерение, и глядя на горку содержимого, в это начинаешь верить.

В сумке Феолы было много-много бумажных и полотняных пакетиков. Несколько коробочек. Штук шесть маленьких пузырьков. И все это явно было уложено в строгом порядке, потому что нужный пакетик Феола достала почти не глядя. И трубочку из какого-то светлого дерева. И крохотную костяную ложечку, которой и зачерпнула зеленоватое содержимое пакетика.

– Вот так. Держите ей голову, крепко. Чтобы не дернулась лишней раз.

Амадо послушался.

Феола ловко вставила трубочку в нос женщины. Та задергалась, заорала что-то невнятно-матерное, но куда там!

Феола резко двинула ее под ребра, вызвала произвольный выдох – и на вдохе в трубочку отправилась ложечка травяного порошка.

– Можете отпускать, – трубочку девушка выдернула и кинула в серебристый лоток для инструментов. – Надо промыть.

– И что теперь?

– Ждем, – даже удивилась Феола. – Считайте до пятисот, а я пока занята.

Из той же сумочки на свет появился мел, Феола принялась что-то рисовать прямо на полу. Амадо пригляделся – вроде бы как жирная запятая, только хвост у нее закручен спиралью. Несколько зигзагов вокруг, еще какая-то кривулина...

– Никогда такого не видел.

– Откуда бы? – Феола не отрывала от пола кусочек мела. Самого простого, белого, такого в любой лавке хоть ложкой ешь.

– Я изучал индейцев. В университете.

– Это ритуальное письмо. Его нигде нет. Вообще нигде, – разъяснила Феола. – им владеют только шаманы, и передают только от учителя к ученику.

– А то, что я изучал... – Амадо небрежно набросал на листе названия месяцев и показал Феоле.

– Это для всех. Эти знаки не имеют силы. Все, не отвлекайте меня...

Мел полетел в сумочку, а из сумки появился маленький, не больше ладони, бубен. Черная кожа, белая кость.

Феола встряхнула его. Раз, два, три – удар! Раз, два, три – удар!

Хавьер смотрел, словно вглядывался в нечто надмирное. Амадо молча ждал. Что поделать, если он не родился магом?

Ничего. Магов тут и без него хватает.

Марина, в девичестве Вальдес, а сейчас ритана Сегарра, была предупреждена отцом и уже ждала гостей. Даже кофе сварить приказала и пирожные на стол выставила.

Херардо подумал, что такая, как она, вполне могла дружить с Вирджинией Веласкес. Женщины были решительно не похожи друг на друга.

Вирджиния напоминала статую в своей величественности.

Марина была невысокой, хрупкой, легкой, словно птичка, светловолосой и подвижной. И Мерседес она обняла совершенно искренне.

– Бедная малышка!

Хотя малышка уже сейчас была на голову выше, чем Марина, и шире в плечах. Но – неважно. Сострадания у Марины на шестерых хватило бы. Может, это и привлекло в ней ту же Вирджинию? Чувства, которых была практически лишена полумединка?

Возможно.

Уж насколько там чувства искренние – неизвестно, но главное, что они есть. Человек может их испытывать. А мединцы – далеко не всегда.

– Я слышала о трагедии. Держись, детка. Главное – пережить этот кошмар, рано или поздно все наладится.

Мерседес кивнула.

– Я тоже в это верю. Но мне кажется, что корни трагедии в мамином прошлом. Тетя Марина, мама с вами ничем не делилась? Расскажите, пожалуйста?

Марина прикусила кончик длиннющей косы. Спohватилась и сплонула волос.

– Вот дурная привычка... сколько уж лет, а не отвыкнуть. Мерче, ты уверена?

– Покончила с собой моя бабушка. По матери. Убили отца, не просто так, а постаравшись подставить мать. Откуда-то у отца в сейфе взяли старинные драгоценности, а потом пропали. Это не просто так. Я уверена, что мама не откровенничала, но может быть, хоть что-то она говорила? Нам бы хоть какую-то зацепку.

Марина прищурилась в сторону Херардо.

– Детка, ты уверена?..

Мерседес выпрямилась. Темные глаза сверкнули огнем, который хорошо был знаком всем обитателям Каса Норра. Глаза она унаследовала от деда...

– Если бы не тан Мальдонадо, меня бы уже и похитили, и убили, а может, и что похуже. У меня нет от него тайн.

– А у твоих родителей?

– У некроманта спрошу, – огрызнулась Мерседес. – Их эти тайны уже до могилы довели. Отца... мать может и не выкарабкаться!

Марина потупилась. Осознала.

– Прости. Ладно, я попробую все вспомнить. Проходите, располагайтесь, я прикажу подать кофе.

В уютной гостиной было тепло и солнечно. Отделка в золотистых тонах, цветы в больших вазах, легкие шторы...

Марина дождалась служанку с кофейником и сладостями и только потом заговорила.

– Ты сама знаешь, Мерче, твоя мать не слишком любила откровенничать...

Если бы Мальдонадо не был художником, он бы и не заметил, как насмешливо блеснули глаза у служанки при этих словах. Но мужчина был и умен, и приметлив. А потом вежливо кашлянул.

– Дамы, вы позволите вас оставить на минуту?

Дамы, конечно, позволили. И мужчина вышел вслед за служанкой.

Служанкой ли? Домоправительница, не иначе. Так что Херардо был исключительно вежлив.

– Сеньора, уделите мне пару минут?

– Конечно, тан. Что вам угодно?

Херардо поднял руку. В пальцах сверкнула золотая монета, которую он аккуратно вложил в руку дамы.

– Кусочек правды. Маленький такой...

– Насколько маленький, тан?

В пальцах мужчины сверкнула вторая монета.

– Ритана Марина и сеньора Вирджиния действительно такие замечательные подруги? Или не совсем?

Женщина показательно задумалась.

Третья монета. Четвертая. Пятая.

И все словно в воздухе растворяются. Свойство у воздуха такое. Или у золота... куда там фокусникам!

После шестой монеты дама раскололась.

– Да не были они подругами никогда. Так, общались, но больше для прикрытия.

– Прикрытия?

– Ритана Марина никогда сеньору Вирджинию не любила. Общалась, безусловно, но не любила. Не знаю уж, за что, но и отказа от дома ей нет, и радости от ее посещений нет. А вот только я с кучером поболтала пару раз...

– С кучером? Сеньора?

Херардо слушал очень внимательно. И о потраченном золоте не жалел. Потому что Вирджиния оказалась не так проста. Зная, что ее визиты ритане Марине не доставляют никакого удовольствия, она их и не затягивала. А вместо этого просила вызвать ей коляску с кучером и уезжала домой.

Ритана не возражала.

Можно бы и свой мобиль предложить, но сеньора Вирджиния раз отказалась, два, она больше и не настаивала. Авось, и мобиль чище будет.

Херардо просто не знал, что первым мужчиной Вирджинии стал Серхио Вальдес. А то бы понял и ревность его супруги, и злость Марины Вальдес, и ее гнев на подругу. И ведь не выдерешь негодяйке волосы. Ничего такого она не сделала, подарков не требовала, отца из семьи не уводила, была с ним не так, чтобы очень долго, отношений не возобновляла, просто дружила и общалась.

Но кому ж такое приятно будет? Любоваться на свидетельство измены? А сколько их – неизвестных? Если есть эта, есть и другие?

Конечно, Вирджиния обижалась и злилась, и за себя, и за мать! И молчала...

Горничная была приметлива и умна. И когда такое повторилось пару раз... а чего б не дать заработать кому знакомому? У нее оказался знакомый кучер с коляской, она его вызывала, и оказалось, что каждый раз сеньора Вирджиния едет не домой. Нет, Вирджиния Веласкес ехала... да-да, в богадельню!

А уж что она там делала, кто ж ее знает? Но оставалась всегда на два-три часа, приезжала не с пустыми руками... в какую богадельню?

А вот в ту, что на углу улицы СВЯТОЙ Мартины.

Там что богадельня, что улица – одной святой названы.

Кучер ее там не ждал. Он приезжал через три часа, иногда еще и подождать приходилось. Но сеньору Веласкес он забирал оттуда. Так-то...

Херардо поблагодарил умничку еще парой золотых и отправился назад.

Вовремя.

Мерседес как раз прощалась с ританой Мариной. Улыбалась, благодарила, но глаза были тоскливыми. Херардо тоже рассыпался в комплиментах, и только когда они сели в мобиль, позволил себе вопрос.

– Не помогло?

– Нет. Меня вежливо выставили. Я говорила, что маме плохо, что отец мертв...

– Тебя не выставили. Она просто сама ничего не знает.

– Да? А...

– И сильно недооценивает тех, кто на нее работает.

Мерседес подняла брови. Херардо лишний раз полюбовался точеным лицом девушки, а потом рассказал и про святую Мартину, и про богадельню...

Конечно, Мерседес настояла на немедленной поездке туда. Да Херардо и не возражал.

Хочется девушке?

Едем!

* * *

Феола задавала вопросы.

Точнее, вопросы задавал Амадо, а потом и пришедший по его просьбе Серхио Вальдес. И вопросов этих было много, девушка даже охрипла. Хавьер подсунул ей кофе, сваренный Треси уже в четвертый раз, и Феола кое-как отпивала по глоточку.

Но иначе было нельзя. На чужой голос Эва Мария не отзывалась. Только на ее.

А отзываться надо было.

Эва Мария была настоящим сокровищем. Нет-нет, не зарыть и забыть, а знала она очень и очень много. Как сотрудница управы, она

была в курсе практически всего.

Дома для размещения взрывчатки покупались и через нее в том числе.

Взрывчатка доставлялась в столицу с ее непосредственной помощью. Сама она ее не ввозила. Но знала много, знала многих и знала, кого и на чем можно прихватить.

Часа не прошло, а у Серхио было шесть имен. И все в таможне, и все пропускали мимо глаз лишние грузы.

А что?

Может, это не взрывчатка, а приправа такая. Пряность.

Понятно, не за спасибо. Эва кое-что знала про их грехи, и это нечто она излагала ровным бесцветным тоном.

Хавьер записывал. Амадо тоже – мало ли что?

Допустить сюда кого-то еще?

Нет, нельзя. Слишком неприятные вещи тут говорятся. Слишком страшные...

Больше сорока домов со взрывчаткой, если бы все это сработало разом, накрыло бы малым не весь город. Не только его центр, захватило бы и бедные кварталы. А что?

Людей там много, а в праздник полиция бы постаралась, чтобы все это отребье к приличным людям не лезло.

Что ж и не воспользоваться?

Пентаграмма?

Да, есть и она. Именно по ее лучам расположены эти дома.

Кто ее рисовал?

Есть маги.

Но их Эва не знала.

Их знал только Рамон Амадо Бустос. Только он видел все части головоломки. Кстати, что самое интересное, про Веласкесов Эва практически ничего сказать не смогла.

Да, Веласкес работал с Рамоном. Кажется, помогал с деньгами, что-то реализовывал. Точнее она в эти торговые дела не лезла, ей важна была информация о людях, а не купцы. Зачем ей те купцы? У нее своя задача, и так ни на что времени не хватает!

Когда Эва уставала говорить и чуть замедлялась, Феола сдувала ей новую порцию снадобья. И снова говорил легкий костяной бубен.

И снова звучал лишенный всякого выражения голос женщины.

И снова продолжался допрос.

– Долго ее так можно? – тихо поинтересовался Серхио у Феолы.

– Она все равно потом живой не нужна, – равнодушно ответила Феола.

– Она помрет после этого?

– Нет, не сразу. Одна порция снадобья – не вызывает привыкания. Пять – уже вызывает. Я ей скормила уже восемь, так что... может, дней десять-двадцать проживет, а потом всё. Если еще ей не дать, помрет в мучениях.

– А у вас есть еще это снадобье? Нам больше-то и не надо, но вдруг потребуется что-то уточнить?

– Есть, – Феола снова встряхнула бубен и повторила вопрос за Амадо.

Имена, имена, фамилии, должности...

– Она будет потом помнить хоть что-то?

– Нет.

– Это хорошо...

Феола смотрела на мединку без всякой симпатии. Милосердие?

Э, нет, это не так работает. Жалеть можно того, кто других пожалел. А эта гадина приговорила к смерти целый город. Работала ради этого, активно работала, хорошо, с душой, старалась...

Что она – не знала, что будет? Мужчины, женщины, старики, дети... за такое только казнить. И лучше не просто так, а медленно, мучительно и с выдумкой. Чтобы точно не выжила. Сжечь, например.

И снова вопросы и вопросы.

В том числе и про несчастного секретаря.

Как оказалось, Эва Мария лично поспособствовала его устройству. Она, конечно, работала в мэрии, но не ко всем документам у нее был доступ. Не ко всему. А надо было! Очень надо!

Поэтому она подсказывала мальчишке, как лучше подольститься к старому пню Вальверде. Дальше... дальше все было просто.

Посвящать Оливареса в такие дела, как заговор, никто не собирался. С него просто требовали документы. То один, то второй. А чтобы все оправдать, повесили на него карточный долг. Эва светиться в деле не хотела, мало ли что, мало ли кто – у нее были и другие функции. Так что она направляла и подсказывала, а шантажировали мальчишку уже другие.

Только вот... получился парадокс. Чтобы справляться с предложенной работой, мальчик должен быть достаточно умным.

Чтобы не понять, какие бумаги у него просят, и не составить из этого систему, надо быть дураком.

Оливарес понял, что речь идет о королевской семье, начал догадываться обо всем остальном – вряд ли расписание дня похорон и коронации по минутам кому-то нужно для организации сюрприза...

Результат?

В гробу. Он слишком много думал и слишком мало молчал. За что и поплатился.

У Феолы даже злости на эту тварь не было. Если ей что и было жалко, так это тана Толедо. Точнее, жалко, что он ни при чем. Казалось бы, так хорошо, можно его допросить, пристегнуть к делу... Не за что! Эва Мария про него ничего не знала. Да, кто-то играл. И что?

Играть в карты не запрещено! Хоть с чиновниками, хоть с мэром лично. Хоть с королем садись, если уговоришь.

Выигрывать? Тоже без проблем. И долговые расписки принимать. Это все законно. Тебя в кабалу? А ты не играй!

И самое печальное, продавать долговые расписки тоже может каждый. Может – с потерей денег, может с выгодой для себя, дело житейское. Но может.

Толедо просто заработал на этом. Да, заработал дважды, ему заплатили, чтобы он обыграл конкретного человека, и ему заплатили за долговые расписки. Даже чуточку больше, чем они стоили.

И все.

На этом его роль закончилась. Если и нет – мединка подробностей не знала, а спросить... лови Бустоса и допрашивай. Нет? Пока – нет...

А Феоле было обидно, Феолу это злило! Вот как хорошо было бы пристегнуть негодя к заговору. Но – не за что. Увы.

А как эту дрянь от дома отваживать?

Заговоры, короли и прочие – это отдельно. Это их дела и их короны, Феоле с того ни жарко, ни холодно. Она такими категориями не размышляет. Ее дело – семья, брат и сестра, родители и Адэхи, чуть подальше – подруги и город, который ей понравился. Человеческое желание остановить кошмарную бойню, задуманную мединцами. Но это подальше.

А семья все же ближе.

А то бойню она остановит, а сестру потеряет.

Это – неправильно!

Но и фальсифицировать дело – на это никто сейчас не пойдет. Ладно-ладно, не верила Феола, что такая дрянь, как Толедо, просто так успокоится. Попадется он ей еще! И узнает, что терьеры делают с крысами!

На себе узнает... крыса паршивая!

* * *

Богадельня была... она просто была богадельней. Не так, чтобы богатой – не с чего ей богатеть. Определенную сумму город выделял на ее содержание, но почему-то денег всегда не хватало. Нет, не из-за воровства начальников. Когда тебя и храм проверяет, и мэрия, сильно не поворуешь. Тут дело в другом.

Сколько стоит содержать одного лежачего больного, знаете? И дай Творец вам не узнать! Дорого это! Очень дорого.

Даже если сиделки практически бесплатные, из монашек и ходячих больных, есть еще кровати, постельное белье, перевязки, отвары... даже тряпки, чтобы полы мыть – и те бесплатно не дадут.

Благотворители?

Так ведь тоже. Помогут на медяк, а шуму на золотой. Так что богадельня святой Мартины не могла похвастаться достатком.

Поэтому Херардо начал с самого простого. А именно – сунул серебряную монету проходящему мимо брату милосердия.

– Дружок, удели нам внимания?

– Что ж не уделить? – брат милосердия остановился и посмотрел на тана. – Чем могу помочь?

– Посмотри на девушку. Ты ее раньше не видел, но сюда ее мать приезжала. Может, знаешь к кому и куда?

Медбрат смерил взглядом Мерседес. Не откровенным или раздевающим, а просто – смотрел, прикидывал, сравнивал... не было у них портрета Вирджинии! Не запаслись! Херардо, хоть и художник, но со слов и он точно не нарисует, так что и возиться не стали. А вот Мерче с матерью были похожи. Не идеально, но все же видно, что это мать и дочь.

– Знаю. К Консепсьон-Монетке она приезжала.
– А нас не проводишь? За монетку, понятно?
– Что ж не проводить, – пожал плечами парень. И зашагал по коридору.

Богадельня.

Запах крови, испражнений, запах не слишком чистого тела и человеческих страданий. Темноватые и не слишком чистые коридоры, тоска в глазах людей, которые попадают на пути.

Впрочем, все это меркло перед тем, что увидела Мерче.

Палата была чистая, аккуратная и даже с цветами. Такая беленькая, даже занавески белые. В ромашки.

И посреди палаты, в большой кровати лежала женщина. Видимо, та самая Консепсьон-Монетка.

И выглядела она... на контрасте – особенно жутко. Как и все жертвы сифилиса на поздних стадиях. Провалившийся нос, характерные язвы на лице, руках, на видимых частях тела, запах, опять же...

Херардо подумал, что можно написать такую картину. И спросит. На сочетание обыденности и ужаса он всегда есть.

– Сеньора Консепсьон?

– Сеньорита, – разговаривать несчастная еще кое-как могла. Но плоховато. Видимо, болезнь уже подбиралась и к горлу. – Ты... дочь Джинни?

– Мерседес Веласкес, – кивнула Мерче. – Да, я. Но я про вас не слышала.

– Неудивительно. Мы с твоей матерью прятались, как могли.

– Но сюда вас устроила она, – кивнул Херардо. – И ездила она к вам регулярно. Верно?

– Да. Что с ней?

– Обвиняется в убийстве мужа, – не стал скрывать Херардо. И это оказалось верной тактикой.

– Она жива? – встrepенулась женщина.

– Да. Ее тоже пытались убить, но жива. И обвинения пока не сняты.

– Значит, они ее все-таки достали...

– Сеньора! – Мерседес сделала шаг вперед, сложила руки в молитвенном жесте, Херардо едва успел ее придержать, чтобы не кинулась ближе к кровати. – Умоляю! Расскажите! Маме надо помочь!

Консепсьон подумала пару минут.

– Ладно. Возьмите стулья в коридоре и присаживайтесь. Рассказ будет долгим. Очень долгим.

* * *

Когда на стол перед таном Кампосом легли адреса, имена и фамилии, мужчина несколько минут не мог даже своим глазами поверить.

– И он... и она... ужас какой! Нет, я в это не верю! Быть не может, такая милая ритана...

Ужаса хватило минут на двадцать. А потом... потом Серхио Вальдес подсунул на подпись скромный такой приказ.

Людей, проживающих по указанным адресам, арестовать.

Дома – обыскать.

Если найдется взрывчатка, или если это не люди, а мединцы... страже разрешить применять самые жесткие меры. Вплоть до стрельбы в упор.

Это в дополнение к тому, что накопала церковь. Уже после тех арестов, которые прошли по столице.

Тан Кампос только вздохнул.

– Брату Анхелю телефонировали?

На этот вопрос ответил, собственно, брат Анхель.

– Да, тан Кампос. Вы позволите?

Явился, легок на помине!

Серхио ему почти сразу телефонировал. Как только стало ясно, что метод Феолы сбоев не дает. Вот так сразу и сделал. Брат Анхель и оповестить всех успел, и в мэрию доехать, и приготовиться – вон, у него кольчуга видна под рясой. Не выглядывает, конечно, но сами движения, жесты... когда на тебе полпуда железа надето, иначе двигаешься.

– Рад вас видеть, брат, – вздохнул тан Кампос. – Вот, смотрите. Серхио, друг, кто еще знает про этот список?

– Я, тан Риалон и тан Карраско.

– Это хорошо. Вот и молчите.

Про Феолу Серхио решил умолчать.

Вот... совершенно неосознанно. А зачем приличной девушке такое внимание? Шаманская магия... м-да. Сложно с ней.

Надо сказать, что индейцы же истинную веру не приняли! Более того, они ушли, спасаясь от нее... и как на это отреагирует брат Анхель?

Да кто ж его знает?

Нет-нет, лучше не провоцировать.

– Я уже поднял по тревоге всех братьев, – просто сказал брат Анхель. – Они уже в столице, епископ в курсе дела, он дал разрешение. Если еще и полиция поможет, мы должны будем за сегодня справиться.

– Полиция уже готовится, – кивнул Серхио.

О чем он умолчал, так это о троих арестованных полицейских. И сюда эта зараза проникла!

Не сильно, правда.

Полиция – это ж не просто так себе, тут и маги, тут и некромант, тут и всякое-разное. Чтобы работать в полиции, мединец должен быть неотличим от человека.

Их и не отличили.

И если бы Серхио не ограничил круг расследования одним Амадо...

И Джинни бы убили, и самого Амадо, и Серхио... не то чтобы тан Вальдес специально все это проделывал. Просто решил, что лучше помолчать. Дело-то деликатное.

Повезло, одним словом.

Просто – повезло.

Теперь бы еще с арестами так повезло, и желательно, чтобы и с допросами. А то Феола одна, а человек в списке уже около шестидесяти. И это только медиинцы. А ведь у них семьи есть, слуги есть, наверняка кого-то еще не учли...

Работы предстояла прорва.

Но все же лучше, чем взрыв во время королевских похорон – и потом разгребание проблем, государственный переворот, куча жертв и море крови, не правда ли?

Тан Кампос вздохнул.

– Его величество уже рядом со столицей. То есть высочество... неважно!

Все и так поняли.

Какая разница? Днем раньше, днем позже, официально Хоселиуса Аурелио нельзя звать монархом, но де-факто он им является.

– Мне надо ехать к нему. Я приказал, ночлег уже организован, все в порядке, мой заместитель умница, тану Ломбарди можно многое доверить. И смену я себе подобрал хорошую, тана Молина.

Мужчины переглянулись.

– Кстати – Эва Мария не пыталась туда влезть? – поинтересовался Амадо.

– Пыталась. Но у нее не сложились отношения с таном Мануэлем Хуаном Молина. Нет-нет, я не от них знаю. Серхио донес. Эва Мария пыталась его соблазнить, но получила жесткий отказ и затаила зло.

– Соблазнить? С ее особенностями? – теперь настало время удивляться Амадо.

Соблазнить Эва Мария могла только морского слизняка. И то не факт. Они разборчивые... наверное.

Мужчины призадумались.

– Тан Кампос, расспросите своего секретаря, – попросил Амадо. – Это может быть важно. Вроде бы ваш Молина не значится в списках, но вдруг?

– Я сейчас его вызову, расспросим вместе, – принял решение тан Кампос. – Надеюсь, это не займет много времени.

Впрочем, время это действительно не заняло. Сезар Вальверде и на месте был, и разъяснения дал – сразу же. Все объяснялось очень просто. Эва Мария предлагала тану Молина не постель, а пока – совместное времяпрепровождение. Сходить в кафе, в театр, а уж там...

Да что угодно!

К примеру, поиграть в карты и наделать долгов.

Подложить под него кого-нибудь... вариантов – уйма. Просто тан Молина сразу отрезал – обойдешься. Ни дружить, ни что-то большее не буду. Без меня. К другим и в море.

Эва Мария обиделась и начала ему пакостить.

А насчет соблазнения... ну так логично ж казалось! Сначала они вместе время проводят, потом до постели доходят – не одна баба так

жизнь устроила! Чем эта-то хуже?

Вот и устроилась бы! Сезар просто домыслил то, что казалось наиболее вероятным.

Тан Кампос послушал, кивнул и поднялся из-за стола.

– Хорошо. Я поехал, я потом телефонирую в управление. Будете держать меня в курсе. Кое-что я расскажу его величеству, выбора нет.

Кивнули все.

И Серхио, и отец Анхель.

Понятно же! Важно не что случилось, а как это доложат.

Было, предотвратили, разыскали, добились, ваше величество, что приказать изволите? Тогда и ругать не сильно будут. Действительно, кто ж мог предполагать такие повороты? Все свято были уверены, что мединцев больше нет, а они есть. Гады.

А вот если кто-то доложит, что ай-яй-яй, вот такое от его величества скрывали... тут и Кампосу головы не сносить, и остальные полетят. Разве что епископа не заденет, но и веры ему уже не будет. Никогда.

Так что доклад и отчетность.

И – работа, работа, работа... мединцев еще предстоит выловить! И это на всю ночь.

* * *

Рассказ Консепсьон-Монетки действительно получился долгим, потому что начинался он с самого детства.

Безусловно, Вирджиния общалась с дочерью Веласкесов. И мать ее стерегла. И старалась не допускать неподобающих знакомств... помогало ли?

Да никогда!

Капля щелочку найдет! А не найдет – так проточит. Тем более жила Конни неподалеку, и две девочки, Конни и Джинни, виделись достаточно часто. Наталия Арандо старалась не отпускать от себя дочь, но всего не предусмотрит. Что, за хлебом тоже вместе с ней ходить? За молоком? К зеленщику?

Да и подрабатывала Наталия, было дело. Не сразу после родов, а вот потом... столько денег ей не давали, чтобы жить безбедно, а когда

де Медина не стало, когда ушла демонесса... Наталия испугалась. И принялась искать работу.

Понятно, нашла, но Джинни пришлось оставлять дома. Запирать... ха!

Тот запор Конни был на минуту и шпильку!

Девушки общались, дружили, разговаривали обо всем на свете, делились девичьими секретами. Первая любовь, первые встречи, первые свидания...

Джинни так не могла, ее мать стерегла. А Конни уже в тринадцать лет рассталась с девичеством. Не просто так, конечно, за деньги.

Потом деньги кончились, а способ их заработать был уже известен. Так и покатило по наклонной.

Конечно, Консепсьон считала не так, с ее слов все было иначе. Она пользовалась мужчинами, она получала от них все самое лучшее, она вела шикарную жизнь. Пока кто-то не заразил ее сифилисом. Но это потом, потом...

А в пятнадцать лет именно она дала совет подруге.

Джинни была влюблена в Вальдеса, наивно, по-детски, но была. И понимала, что ничего из ее любви не получится. Семью разбивать Серхио не будет. А если и разобьет... Джинни думала об этом. Но тут уже мозги ей вправила подруга, объяснив, что в таком случае будет большой и грязный скандал.

Со всех постов любимый мужчина полетит, бывшую семью не бросит, содержать будет, он ведь порядочный, так что ничего особо Джинни не выиграет. Проиграет разве что.

Еще и ее все грязью обольют.

Такое девушке нужно не было. Про любовь с поэтом в шалаше расскажите тем, кто с детства на золоте кушает. Кто пресытился довольством и достатком.

А когда нет ни первого, ни второго, когда вместо этого есть мать, которая мозг выгрызет... Джинни нужно было другое.

Мог ли Вальдес стать ее первым мужчиной?

Ну, если так хочется... Конни предлагала подруге и расстаться с девичеством за деньги, и сначала выйти замуж, а уж потом... того...

Джинни решила по-своему. Характер у нее все же был, как ни старалась матушка его задавить. И вот, она стала женщиной в объятиях любимого.

А потом и Веласкес подвернулся.

Да-да, именно оттуда.

Сначала он был клиентом у Конни. Та его первая заметила, но понимала – на шлюхе мужчина не женится. Да и ей замуж не хотелось. А вот подружке порадеть – почему нет? Подсказать, что и как делать, на какие кнопочки нажимать – это со всем ее удовольствием. И бедолага Самуэль Веласкес столкнулся с женщиной своей мечты.

Кто бы сомневался – он и влюбился, и женился.

Джинни его не любила, чего не было, того не было. Но в постели она соответствовала вкусам своего мужа, в обычной жизни тоже, а там и дети пошли. И все было бы у них хорошо, если бы не Наталия Марина Арандо.

– Гадина! – не сдержалась Мерседес.

Впрочем, Консепсьон только одобрительно кивнула.

– Еще какая гадина, не сомневайся. Мама тебе не рассказывала о своих родителях?

– О моем дедушке? – уточнила Мерседес, чтобы не произносить некоторые вещи вслух. – Или о том, кто такая моя бабушка, и откуда она взялась во дворце?

– Да. Мединцы... и краденая кровь. Сама понимаешь, та еще смесь получилась.

Мерседес кивнула.

– Хорошо, что у меня практически нет права на наследство.

– Ошибаешься.

– Что?!

Консепсьон довольно усмехнулась.

– А вот то! Есть документы, по которым ты – признанная. То есть твоя мать. И она получается хоть и не старшим ребенком, но определенные права у нее есть. Где-то в банке, или может, у этих... рыбакозых. Не знаю. Джинни тоже не знала, настолько мать ей не доверяла.

– Как она вообще такое доверила?

– А вот так, – Конни смотрела в стену. В памяти проплывал тот вечер, когда в дом влетела подруга. Влетела, почти упала, и потребовалась большая бутылка крепкого вина, чтобы ее отпоить. Потому Джинни и разоткровенничалась, что уж!

Конни не в чем было себя упрекнуть. Она была верной подругой почти до самого конца. И сейчас рассказывала тайны подруги не абы кому – ее дочери. Понимала, что некоторые вещи надо знать. Надо, если хочешь выжить.

Да, это был вечер.

И Джинни, растрепанная, растерянная, не знающая, куда бежать. Потому что мать заявила к ним в дом. Требовать и угрожать.

И требовать – страшно сказать, ее детей!

Отдай то, чего дома не знаешь! Страшененькая это сказка, если что. Потому что Джинни не знала о королевской крови в своих венах. А потом...

– Мать сказала, она... она...

Отсекая слезы и сопли, получалось следующее. Это уж Консепсьон потом сообразила. Тогда-то она была ошарашена не меньше подруги.

В дом Веласкесов Наталия пришла не одна. Она пришла с мужчиной, который и выглядел, как аристократ, и говорил, как аристократ. Моложе самой Наталии, и явно не любовник. Хоть они что-то и пытались изображать, но Джинни все видела. Нет, любви там нет, и симпатии нет. Только деловые отношения.

Мать прямым текстом заявила Джинни, что она была против брака с купцом. Но если уж так случилось, пусть и купец приносит пользу. Знает ли он о происхождении супруги?

И ошалевшему Самуэлю были предъявлены доказательства связи Наталии Марины Арандо и его величества. И даже официальный документ, после которого Джинни могла бы претендовать на титул принцессы.

Пусть незаконной, но могла бы.

Джинни попросту ошалела. Она верила и в моряка, могла бы поверить в изнасилование, да во многое, но чтобы король?!

Невероятно!

Тем не менее так случилось, и Веласкесу был предъявлен ультиматум. Или он работает, с кем скажут, зарабатывает деньги, и далее выдает замуж дочь с хорошим приданым. Так же – за кого прикажут.

Или...

Или – всё.

Хотя Веласкес и так не сильно ломался, свою выгоду он чуял.

Дочь?

А что – дочь? Ну, и выйдет она замуж по стовору, в старых семьях дело обычное. С того момента Джинни и стерегла Мерседес в оба глаза, и на улицу выпускать перестала.

– Но это же...

– Да, этому разговору уж лет пять-шесть, – кивнула Консепсьон. – Может, и побольше... твой отец оказался достаточно жадным и глупым.

Мерседес засопела. Конни махнула рукой.

– Брось. Ты понимаешь, что я права. Он должен был хватать вас и удирать со всех ног, а вместо этого предпочел остаться. А твоя мать прекрасно понимала, что вас не пощадят. Но что бы она сделала с грудным ребенком на руках? Твои братья были совсем еще крошками. И... у них были такие же права, как и у тебя. Думаешь, они будут кому нужны?

– Меня пытались похитить. Их – убить.

– Вот. Джинни это понимала, и боялась. Но сделать толком ничего не могла. Я купила на ее имя домик в другом городе. Я клала деньги в банк... что-то ей удавалось утаить. Особенно когда твой отец развернулся во всю ширь, денег он не жалел. Документы в сейфе, в банке, ключ в тумбочке. Я тебе потом отдам, как уходить будешь.

– Спасибо.

– Мало ли что. Джин планировала бежать после разговора со своей мамашей. Про короля – это старая гадина твоему отцу озвучила. А потом Джинни поехала к ней домой и устроила скандал. И орала, что мамаша вас невесть во что втягивает... так та засмеялась и сказала, что поздно. Вообще поздно. И показала ей чешую. Понимаешь, о чем я?

Мерседес понимала.

– Да.

– Джинни хотела в монастырь обратиться, хотела в полицию пойти – сама понимаешь, после такого оставалось только в омут головой. Мединцев уничтожали. Ее бы тоже. И вас...

Конни помнила, как рыдала подруга. Как едва головой об стену не билась, проклинала судьбу, мать, отца... они наворотили – и все это обрушилось на ее несчастную семью. Да лучше б она в бордель

ушла!!! Сифилис – и то лучше, чем такое! Там хоть просто подохнешь, а тут и сама на тот свет, и близких за собой утянешь, и ТАМ покоя не дадут. Если для мединцев вообще есть тот самый свет.

– Мой отец не знал об этом?

– Нет. Об этом – нет. Его просто поманили золотом. А когда твоя мать увидела украшения безумной королевы, поняла, что надо бежать. И побыстрее...

– Королевские украшения. Да. Она не говорила, откуда они у моего отца?

– Их дали специально. Для тебя.

– Для меня?!

– Да. Скоро тебе предстояло доказывать свое право на престол, Джинни говорила, это преподнесли бы как подарок твоей бабке.

– Почему тогда не хранили все у нее?

– Настолько она не знала. Там не все украшения были, только часть. Ты знала, что твоя мать интересовалась историей? Интересуется... демоны!

– Н-нет.

– Никто не знал. Джинни была интересна история, но не просто так, а применительно к судьбам людей. В том числе и судьба безумной королевы... у ее мужа были любовницы, чуть не каждый день новые, а она рыдала над гробом... Джинни рассказывала. Неважно. Сейчас это неважно. Джинни поняла, что надо бежать, и украла побрякушки.

– ЧТО?!

– Они тоже в сейфе. Можешь забрать, если пожелаешь.

Мерче аж передернулась. Прикасаться к ЭТИМ украшениям? Ювелирное дело ей нравилось, но есть вещи, которые она бы в руки не взяла, хоть их бриллиантами обсыпь. Мерзкая у них история.

– Не хочу. Гадость!

– Вот и она не хотела. Но Джин понимала, что нужны будут деньги, что трое детей – это расходы... ей нужно было еще буквально пару дней – и вы бы уехали. Мне должны были принести документы для вас.

– Она не успела?

– Не успела.

Мерседес уронила лицо в ладони. Теперь ей было многое понятно.

Херардо погладил ее по волосам. И вдруг увидел, как Конни подмигнула ему.

– Вы, тан, смотрю, девочкой интересуетесь?

В другую минуту Херардо ответил бы резко. Но сейчас...

– Это важно?

– Очень. Неужто сами не поняли? Для Мерче сейчас один из выходов – замуж.

Мало кто мог похвастаться, что видел эпатированного тана Мальдонадо. Но – вот сейчас у него даже рот открылся.

– А... э...

А больше-то и сказать было нечего. Что тут скажешь?

Глава 8

Не наследник.

Не первый сын.

Даже не второй – вообще племянник. И никаких шансов занять трон.

Его высочество Рамон Рикардо мечтал о власти, грезил властью, жил ей и дышал. И как это обычно бывает – без взаимности.

Мечтающим о богатстве приходится жить в нищете, мечтающим о власти – в неизвестности, а те, кто грезят о любви, обязательно в такое вляпаются, что потом не отмоешься.

Судьба такая.

Закон подлости, называется.

Его высочество Рамон Рикардо мечтал о власти с тех пор, как себя помнил. Сначала... его отец был младшим братом, но Рамон-то родился раньше, чем Хоселиус! И потом еще...

А вы так уверены, что Хоселиус Аурелио – сын Аурелио Августина? Стопроцентно?

Если учесть, какие слухи ходили о ее величестве и некоем молодом человеке из Валенсуэла? Вот точно-точно? Поклянетесь?

То-то и оно.

Если бы пресеклась линия Августина Аурелио, наследование перешло бы к младшему брату. И к его детям.

К Рикардо!

Хочу-хочу-хочу!!!

Не дают!

Отец умер, потом королева... А вот Хоселиус остался. И даже двоих детей нарожал! Тьфу, идиоты!

Бернардо еще так себе, а Игнасио вообще дурачок блаженный, о чем только думает – непонятно! Но уж точно не о власти!

Вот Рамон Рикардо точно знал, что бы он сделал, стань королем.

Первое – назначил бы на все посты своих детей. Второе – поднял налоги. Потом еще хорошие браки заключил, границы расширил, повоевать можно... а чего Орталия?

Что из этого сделал его брат? Да ничего!

Августин Аурелио тупо сидел на троне.

Вот сидел и сидел, и ничего в Астилии не менялось долгими годами. Десятилетиями.

Мысль о том, что для этого как бы не больше сил надо, чем для всяких перемен, мужчине в голову не приходила. Реформы ж!

Движение!

Если государство не развивается, начинается стагнация и откат назад. И деградация, понятно.

Сколько кораблей было при прадедушке? А сколько у Астилии сейчас?

Пушек, крепостей, солдат... да много чего припомнить можно! И во всем этом виноват дядя! Ах, сколько раз ему Рамон Рикардо намекал на пост канцлера! Сколько раз помогал, давал умные советы, поддерживал, занимался теми делами, от которых шарахался Хоселиус Аурелио!

И дядя ведь его хвалил!

Хосе ругал, а Рамона хвалил, и сколько раз говорил, что будь у него такой сын... и ничего, НИЧЕГО не менялось!

Инициативы клались «под сукно», подготовленные Ра-моном проекты законов забалтывались и уходили в никуда, а Хоселиус оставался наследником трона. Хотя сколько раз говорил дядя, что Рамон Рикардо был бы лучшим наследником!

И – пустота!

Слова, слова, только слова – и никаких дел!

Что ж!

Хоселиус собирается короноваться, но удастся ли ему это?

Посмотрим. И кто будет лучшим королем – тоже.

Рамон Рикардо точно знал одно. Чтобы стать хорошим королем, надо занять это место после плохого. Вот тогда тебя будут любить и ценить. А кто может быть хуже, чем безвольный и туповатый кузен? Разве что его детки?

Надо просто немного развернуть события в свою пользу, и Рамон с этим справится. Мужчина потер руки и достал из ящика стола большую шкатулку.

Они уже рядом со столицей.

Время действовать. пришло...

Эва Мария Вильялобос пришла в себя одним рывком. И ничего не увидела.

И никого.

Ничего не болело, ничего не...

Что случилось?!

Она просто ничего не помнила о последних нескольких... сколько времени она была без сознания?

В стороне сидел некромант и что-то записывал.

Некромант...

Магов Эва Мария ненавидела. Наверное, потому, что ничего с ними сделать-то не могла. Твари, сволочи, гады ползучие...

Шипение само собой сорвалось с ее губ. Хавьер поднялся из-за стола и подошел к пленнице. Протянул руки, словно на ощупь изучая ее ауру. До тела он не дотрагивался, но Эве и так было неприятно. От его ладоней, даже расположенных в метре над ее телом, словно сырость шла. И не надо про мединцев и море! Это не та сырость!

Сравнили морскую волну с сырым подвалом!

– Пуссссти!

Хавьер прищурился.

– Вот никогда бы не подумал! Такое действие!

Эва его не поняла. А некромант изучал ее ауру.

До работы Феолы она была целой. А сейчас...

Такое ощущение, что снадобье шамана било по ключевым узлам. Разрушало их в пыль, оставляло за собой мелкие дыры... Вряд ли эта женщина проживет дольше декады, но и демон с ней, не жалко!

Надо спросить у Феолы, что это за трава, и заняться исследованиями. Определенно, что-то в этой шаманской магии есть. Он бы возился намного дольше для такого же результата. А тут просто травка, даже без допроса обойтись можно!

– Дейссствие?

Хавьер не отказал себе в удовольствии поиздеваться над поверженным противником.

– Конечно. Мы сегодня на тебе опробовали снадобье, которое убивает мединцев. Думаю, дней семь-десять у тебя есть, но не больше.

– Все равно я вам ничего не скажу!

Хавьер и спорить не стал.

– Отвязать эту пакость и запереть в камере! Заковать так, чтобы не сдохла раньше времени.

Эва снова выругалась, но так далеко некромант заходить не собирался. Зачем ей? Не надо мединке знать, что она УЖЕ все рассказала.

И о том, что в столице сейчас лютует и зверствует и полиция, и инквизиция – тоже. Зачем?

Она сейчас от горя и отчаяния что угодно наворотит, знает он таких. А вдруг еще от нее что-то понадобится?

Нет уж. Пусть посидит себе в камере, потом, как подохнет, он тело заберет, на изучение. Препараты сделает.

Мединец в разрезе, к примеру.

Срезы тканей, внутренние органы. А там и насчет огрызка души надо бы с Феолой поговорить. Она же на душу воздействовала, Хавьер примерно представлял точки отсчета. Вот механизм не представлял, но это потом. Он еще поговорит с девушкой. А пока...

– В камеру ее!

Уходя, Эва чувствовала себя победительницей. Только одна мысль не давала ей покоя.

Почему от нее не добивались ответов с помощью магии? Просто – почему?

Хотя на мединцев и магия практически не действует. Наверное, они попробовали, и поняли, что ничего не получится. Потому что она умирает.

В этом она некроманту верила.

Жаль, конечно. Но шансы у нее еще есть.

Если Рамон проведет жертвоприношение!

Если вернется Госпожа!

Тогда у Эвы будет шанс выжить! Она будет что есть сил молиться за победу мединцев и возвращение Владычицы. Хоть бы получилось!

Хоть бы...

* * *

– Какой – замуж?

Мерседес хоть и была вся в прострации, но такое не пропустила. Да и какая девушка сможет? Священное ж слово!

Замужество!

Консепсьон посмотрела на нее с укоризной и покачала головой.

– А ты о чем думаешь, детка? Замужество, и как можно скорее!

– Зачем?

– Замужем ты будешь бесполезна для этого... желающего сесть на трон.

– Мужа можно убить. Брак можно признать недействительным...

– Траур. Скандал. И то, и другое не подойдет этому человеку. Судя по всему, у него решительно нет времени, – парировала Конни. – Ему надо – БЫСТРО! Лучше вчера, а тут такое препятствие! Девственности лишишься, ребенок может быть. Да и мужа можно найти не полного идиота. Чтобы умел себя защитить, и вообще на виду был.

– И где я такого найду? Да еще за пару дней? – фыркнула Мерседес. – Нет, тетя Конни... можно я вас буду так называть?

– Можно, – растаяла Консепсьон. Она тоже бывала сентиментальна. Что ж, семьи не завела, детей не нажила, а вот тетушкой стала. Оно и неплохо...

– Мужа я не найду. А мама не знала... она не говорила, кто именно этот человек?

– Она и сама не знала. Вроде как кто-то из принцев крови, но кто?

– Как можно не знать?

– А вот так. Когда есть маги, несложно изменить кое-что в себе. Да и маски никто не запрещал.

– Ничего не понятно. Но хоть так, – вздохнула Мерседес.

– Почему же, – пожал плечами Мальдонадо. – Наоборот, все становится на свои места. Есть желающие вернуть демона. Есть желающие сесть на трон. И на каком-то отрезке пути их интересы совпали. Даже если демонесса вернется, неизвестно, в каком состоянии она будет. Может, ее там покусали...

Мерседес фыркнула, хотя Мальдонадо и был недалек от истины. Не покусали, а съели, но откуда это знать Рамону Амадо Бустосу?

– Мединцам на несколько лет нужен режим... благоприятствования. Чтобы восстановилась демонесса, чтобы они набрали новую... паству, скажем так. Чтобы передохнуть и составить

новые планы с учетом ситуации. Для этого им нужно, чтобы власти их не тревировали.

– Умный мужчина, – одобрительно поглядела Конни.

– С другой стороны, есть желающий сесть на трон. Это явно не наследный принц и явно не его сыновья. Тем не надо жениться на Мерседес. Прости, детка, ты прелесть, но у них прав и без тебя хватает.

– Я знаю, – Мерседес и не обижалась. – Это или побочная линия, или какой-то бастард...

– Бастард у нас только один, и он женат. Там без вариантов.

– Да и пусть его, – отмахнулась Мерседес. – Значит, не он. Вот и все.

– Или он, только жену отравит, – тан Мальдонадо и это учитывал. – Для мужчины срок траура не такой строгий. Итак, у нашего Принца, назовем его так, есть желание сесть на трон. Но нет возможности. И он начинает ее искать. И натывается на мединцев. Как уж они нашли друг друга, кто его знает, но по факту – вот. И он получает себе несколько плюсов сразу. Ему не надо никого убивать – за него это сделают. Ему нужны союзники? На первом этапе они у него будут! Мединец ведь сильнее и опаснее обычного человека. А если еще и демонесса вернется...

– Кошмар! – схватилась за виски Мерседес.

– А для полной легитимности еще и ты, девочка. Внучка Аурелио Августина. Признанная.

То, что сказала Мерседес о дедушке, одобрила даже Консепсьон. А чего он расплодился не ко времени и не к месту... думать надо, а не гулять, где дают и предлагают! Или хотя бы предохраняться!

– На каком-то этапе интересы двух групп совпали. Сядь мерзавец на трон, обеспечил бы мединцам спокойную жизнь на несколько лет. А дальше им и не нужно будет, они сами справятся. Вон сколько лет сидели тихо, какую паутину сплели! Чуть-чуть не хватило для последнего рывка.

Херардо, конечно, не должен был знать о таких подробностях. Но... шила в мешке не утаишь. Мединцев объявили государственной тайной, засекретили, пообещали оторвать языки за разглашение секрета – то есть примерно через десять дней о них в подробностях знала вся Астилия. Чего не узнали, то присочинили.

– Правильно мыслите, тан, – подбодрила Конни. – Мы с Джинни примерно так и думали.

– Вот. Но в таких делах доверия нет. Ни у кого и ни к кому. Подозреваю, что именно ваша подруга стронула лавину.

– Как?

– Украла драгоценности.

– Хммм?

– Пошел последний отчет. У всех нервы на пределе. И тут у твоего отца, детка, из сейфа пропадают дорогие украшения. Кстати – на твою мать никто не подумал.

– Почему?

– Потому что Джинни показывала всем именно то, что они хотят видеть. Наверное, настоящей она была только здесь. А так... послушная дочь – для матери. Послушная жена – для мужа. Невестка, мать...

– Матерью она оказалась не слишком хорошей, – едко бросила Мерче.

Консепсьон нахмурилась. Херардо качнул головой.

– Не суди о том, чего не понимаешь. Подумай сама, она жила в постоянном страхе перед разоблачением, под постоянным давлением со всех сторон, и все равно планировала взять вас, уехать, начать нормальную жизнь. Не одна сбежать, с детьми. Чтобы вы не отвечали за ее грехи.

– Она не могла со мной поговорить? Я бы помогла...

– Ты больше обижаешься на секреты, которые были у матери от тебя? Поверь, о них и так знали на одного человека больше, чем надо.

Мерседес непонимающе помотала головой.

– То есть?

– Твоя мать рассказала мне все это не для передачи. Просто иначе ты бы мне не поверила. Никак.

– Согласен, – кивнул Херардо. – Сеньорита Консепсьон, скажите, почему маги не взяли за вас?

– Потому что поздно поняла, – вздохнула женщина. – У меня такая форма была... я слишком поздно узнала. Поддерживать меня можно, а вот вылечить уже не получится. Только смерть оттянуть.

Мерседес кивнула. Последние несколько минут она над чем-то напряженно раздумывала.

– Я поняла. Спасибо вам. И, сеньорита...
– Можешь звать меня тетей Конни. Я не против.
– Тетя Конни, я не стану бежать. Я приду после коронации.
– Приходи. Расскажешь, что из этого всего получится.
– Расскажу, – пообещала Мерседес. – Но ключ я не возьму. Пусть он у вас останется, ладно?

– Возьми. Точнее... возьмите его, тан. И положите туда, – палец Конни указал на вентиляционное отверстие.

Херардо повиновался. Встал на табурет, отодвинул решетку, спрятал за ней ключ, не просто так, привязав белой ниткой к решетке. Конни сама этого сделать не могла, боялась упасть. И предосторожности объясняла просто.

Умирать не хотелось, но мало ли что будет в жизни? Если что-то, Мерседес придет и заберет свое наследство. А никто другой его не найдет.

Мерседес не спорила.

Херардо хотелось узнать, о чем она думала, но... он и так это узнал. Когда, усевшись в мобиль, девушка повернулась к нему с отчаянным лицом.

– Тан Мальдонадо! Женитесь на мне, пожалуйста!

Хорошо, мобиль стоял. А то бы Херардо точно в ближайшую стену въехал. Предложеннице!

* * *

Хоселиус посмотрел на племянницу.

Ленора посмотрела на дядю.

– И что мне с тобой делать?

– Замуж выдать, – даже не засомневалась нахалка. – Магам все равно, что у меня там, в родословной, их моя сила интересует.

– Замуж я тебя бы выдал. Но ты ведь нашла себе...

– Дядя!

– На мать глазами сверкать будешь. Ты понимаешь, что этим браком полностью отрежешь себе дорогу к трону? И себе, и детям?

– Вполне, – кивнула Ленора.

– И что брак может быть неудачным? И что ты можешь передумать?

– Могу, дядя. Но трон и корона не по мне. Удастся там мой брак, не удастся, безразлично. Такого я детям не пожелаю никогда.

Хоселиус Аурелио взялся за виски.

– Ладно. После похорон и коронации я одобрю тебе брак.

– Слово?

– Королевское слово. А теперь скажи, за что ты сорвалась на Мегану? Только правду, Ленора. Слова, агрессия... ты мне еще расскажи, что в своем гадюшнике ты к такому не привыкла?

– Нет, не привыкла. Там меня уважают за силу и знания, – ухмыльнулась Ленора. – Дядя, смотрите.

На стол перед Хоселиусом легла записка.

Ваше высочество!

Герцогиня Виктория Мегана состоит в связи с его высочеством Бернардо.

Удалите ее от двора, потому что она ждет ребенка и хочет объявить об этом. Вам не нужны скандалы на коронации.

Доброжелатель.

Хоселиус вскинул брови.

– И что? Таких записок много...

– Много, но зачем нам сейчас – такое? Если что, может разразиться скандал, а впереди коронация, впереди похороны – зачем?

Хоселиус подумал пару минут.

– Бернардо не заинтересован в Мегане.

– Но вдруг?

– Ты как маг, можешь отличить правду от лжи?

Ленора только руками развела. Огненная магия слишком горячая, слишком страстная, но и обратная ее сторона – какие там тонкости? Кувалдой и в атаку! Что сейчас и произошло...

Хоселиус задумался.

С одной стороны, проверить бы, где правда, где вранье.

С другой...

Не сильно он доверял магам после всех скандалов. Те, кому он мог доверять, сейчас недоступны, а посвящать в семейную тайну

сволочей, которые тебя по дешевке сдадут? Ладно, сдадут дорого, но любому, кто заплатит.

Перебьются!

– Дай сюда записку. С сыном я поговорю, а ты впредь постарайся сдерживаться. Хорошо?

– Да, дядя. Простите, – понурилась Ленора.

– Где ты ее обнаружила?

– На приборной доске своего мобиля.

– Ты не защитила мобиль магически?

Ленора весьма серьезно поглядела на дядю.

– Свою спальню я защитила. И мобиль. И вещи защищаю, в Академии всяких пакостей полно. Но защиту обошли так, что я не почувствовала.

– Ага, – сообразил Хоселиус. – Значит, в деле замешаны маги?

– И уровнем не ниже моего. Повод задуматься о правдивости записки?

Мужчина серьезно задумался. Если бы он изучал магию, он бы знал, что особо высокий уровень тут не нужен. Ленора – огневик. Она прямая, честная, и ее заклинания тоже не отличаются запутанностью. Поставить сложно, сломать легко. А уж про обходные пути и вовсе молчим. Ничего же не взяли?

Нет, только положили. Простой лист бумаги, не несущий никакого вреда человеку. Даже пользу. Но кто бы стал объяснять сейчас королю теорию магии?

То-то и беда...

– Ладно, – наконец принял решение Хоселиус. – С сыном я поговорю, а ты... сделала – и хорошо. Только постарайся впредь сначала советоваться со мной, а потом уже скандалы устраивать.

– Дядя, она меня сама спровоцировала!

Судя по взгляду Хоселиуса, он не поверил. И правильно, во что там верить?

Две беременные женщины, которые власть делят?

Считай, скандал гарантирован! А звончек-то все равно нехороший.

Во что вляпалась Мегана? Или Ленора?

Или еще что-то нехорошее ожидается?

К сожалению, точно сказать Хоселиус не мог. Но неприятности чувствовал.

Отец-отец... оставил ты мне наследство!

* * *

– Мерседес...

Херардо и слов-то подобрать не мог.

Жениться!

Это что – так просто? Вот так, предложила – и женись?

Поймите правильно, он бы... да, и женился бы. Не задумываясь! Мерседес красотка, более того, Херардо оценил в ней не только красоту. Она умная, честная, верная, она преданная, она будет отличной женой.

Только вот...

– Мерче, я тебя старше чуть не в три раза.

– А мне все равно, – спокойно отозвалась Мерседес. – Я не знаю, любовь это или нет, но если связывать с кем-то свою жизнь, то только с вами. Вы мне очень нравитесь... я никогда такого не испытывала. А если я буду вашей женой, то и заговорщики не будут во мне заинтересованы.

– Это логично. Но...

– Я вам не нравлюсь?

С любой другой женщиной Херардо вскипел бы. Ясно же, это кокетство, попытка подчинить его себе, заставить плясать под свою дудку. А вот с Мерседес и мысли такой не возникало. Просто мединцы... да, она квартеронка, но в чем-то она попросту ущербна. Это как жирафу объяснять тонкости стихосложения. Не поймет.

Жираф – и все тут.

Вот и Мерседес.

Она красивая, умненькая, но какие-то аспекты человеческих взаимоотношений для нее – темный лес. Страшный такой...

Она просто не может. Не умеет. Не понимает, как надо правильно.

Мать ее не научила, но мать и сама не все понимала. Она мимикрировала, но не жила этим. И не понимала всех тонкостей.

Вот Мерседес и делала то, что могла.

Спрашивала напрямую.

Херардо махнул рукой, да и решился объясниться.

– Мерседес... я бы с радостью женился на тебе. Но я намного старше тебя, а брак – это еще и интимные отношения. Ты затоскуешь, станешь мне изменять, всем будет плохо...

Мерседес подняла брови.

– Изменять? Зачем?

– Старый муж, молодая жена – так всегда бывает. Это первое. И второе. Я тебе просто не пара. У меня отвратительная репутация, и она мной заслужена. Полностью. Я много чего делал, и я этим горжусь.

– Я знаю про вашу... твою репутацию. Наш брак ее бы не испортил.

– Я бы тебе испортил жизнь.

– Нет.

– Мерседес, давай сделаем проще. Мы скажем, что поженились. А когда все это закончится, скажем, что соврали. Пойми меня правильно. Я что угодно для тебя сделаю, жизнь за тебя отдам. Но портить твою жизнь – не стану. Я себе потом век не прощу.

– Хорошо, – кивнула Мерседес после недолгого молчания. – Пусть так. Давай соврем? Как лучше это сделать?

Херардо подумал пару минут.

– Скажи... ты не хочешь пару ночей провести в моей комнате?

– То есть?

– Ты живешь в моем доме, спишь в моей кровати, я даже могу поспать рядом с тобой... одетым, конечно.

– Мы и солжем – и не солжем, – кивнула Мерседес. – Я согласна. Спасибо! Я не хочу... кто бы там ни был, это не к добру и не для хорошего дела сделано. Я уверена.

Херардо в этом тоже не сомневался.

Сколько уже людей погибло, сколько еще планировалось убить...

Не отдаст он Мерседес этим гадам!

А потом...

Мужчина завел мотор и двинулся по направлению к дому.

Одно он знает точно. Когда все это закончится... нет, не так!

Он будет молиться, чтобы погибнуть ДО ТОГО, как все это закончится. Потому что... дурак он! Просто дурак, который влюбился

в девчонку семнадцати лет, и что будет в результате? Для него – ничего хорошего!

Лучше умереть, защищая ее, чем медленно умирать каждый день, видя, как она счастлива с другим мужчиной. Только вот Мерседес он об этом никогда не скажет.

Он слишком любит ее, чтобы привязать к себе.

Слишком...

* * *

Амадо едва за голову не хватался.

Такой список людей!

Такой список не-людей!

И что с этим делать?

Понятно что – работать. За сегодня надо все это вычистить, завтра допросы пройдут, послезавтра королевские похороны... тут вкалывать и вламывать, без отдыха и прорыва. Хорошо еще, если пару часов поспать удастся.

Феолу он отправил домой своим решением. Девушка пообещала приехать с утра пораньше и привезти с собой хороший завтрак. Ну, хоть так!

Хавьер тоже отправил домой Тересу. Пусть малышки отоспят.

Да, кто бы мог подумать...

Если бы Феола не приехала в столицу, если бы...

Им всем серьезно повезло. Очень серьезно.

Мысли Амадо оборвал стук открывшейся двери. На пороге стояла злая, как сорок демонов, Альба.

– Ты еще здесь?!

– Да, я здесь, – кивнул Амадо.

– А я должна ждать тебя дома?! Да?!

– Не должна. Можешь не ждать. Мы еще что-то не прояснили? – поинтересовался тан Риалон, чем-то сейчас неуловимо напоминая своего отца.

– Ты... ты, – задохнулась Альба. – Ты правда хочешь развода?!

– Чем твои истерики терпеть? Хочу!

– Ты об этом пожалеешь!

Амадо пожал плечами.

Пожалеет? Да, возможно. А может, и нет. О полученном опыте он ни минуты не пожалел, и о потраченных годах тоже. У него есть сын, и работа у него есть, и вообще... это были хорошие годы. Несмотря ни на что.

– Альба, у меня много дел. Если есть что сказать – говори. Нет? Не отнимай у меня время!

Может, Альба и сказала бы.

И скандал устроила, и орала, и ругалась... только вот Хавьер Карраско помешал. Небрежно отодвинул женщину в сторону, так, что она ругательствами подавилась, и прошел в кабинет.

– Что тут происходит?! Риалон, начали первых доставлять!

– Сейчас, иду, – Амадо подхватил со стола папку с протоколами.

Этой ночью спать не придется.

Мединцев будут хватать, допрашивать, разорять склады со взрывчаткой... кстати – спрашивать про других мединцев. Этот спрут опутал всю столицу, и Амадо должен ему вырвать все щупальца.

В эту ночь спать не придется и Хавьеру, и Вальдесу, и брату Анхелю, и еще куче народа. И завтра отдохнуть не получится. Валенсуэла – это только верхушка айсберга, да и знали они далеко не все.

Но если не будет жертвоприношения, и возвращения мерзкой демонической твари – это уже неплохо, правда же? За такое и поработать можно!

Даже нужно!

– Развод!!! – взвыла Альба.

И опрометью кинулась к лестнице.

Скандалить в присутствии некроманта ей было совершенно не с руки. Такой он милый человек, что язык не поворачивается. То ли отмерзает, то ли поджигается...

Опомнилась она уже на улице.

А правда – куда ей пойти?

Домой?

Где сейчас никого нет – Карлос у друзей.

Где темно и тихо, где никто ее не ждет, где нет даже прислуги и горячего ужина, где...

На такое Альба не была способна. Нет-нет, только не домой! А если...

Женщина повелительно взмахнула рукой, ловя мобиль или карету. Пожалуй, она отправится к новой подруге. И всласть посплетничает с Розой Ксарес!

* * *

Роза посмотрелась в зеркало, печально вздохнула.

Молодость прошла.

Она даже и не заметила, как прошла, когда прошла... просто – мимо.

Скользнула, окутала запахом цветов и духов, простучала каблучками по плитам пола – и прошла. А Роза осталась.

Одна. Никому не нужная и не интересная.

Вот и морщинки в уголках глаз, и седые волосы на проборе... можно их выдергивать, но скоро ведь так не получится. Придется красить, а потом...

Потом – старость?

Пустая, холодная, одинокая.

Сейчас смысл ее жизни придавал отец. Братья, племянницы... но что будет потом? Как это будет?

Роза покосилась за окно. И таким холодом ее ошпарило, несмотря на солнышко и теплый денек... таким леденящим ветром, словно вмиг зима наступила.

Бессмысленная.

Никому она не нужна. Пустоцвет, сухостой... хотя она и не виновата.

Или все-таки?

Но с кем такого не бывает? Юность же!

Искупалась в холодной воде – и свалилась с сильной простудой. Та как-то незаметно перешла в воспаление, а лечить... кто же в юности лечится? И к врачам ходит? Смешно даже подумать о таком. Подумаешь, поболело чего-то... в те самые дни, когда женщины особенно не рады своей жизни. И что?

У всех же болит.

Но не всем потом врачи говорят, что – конец. А ведь так хорошо начиналось, отец жениха нашел, о браке договорился. И – вот!

Перед браком жених потребовал проверить здоровье невесты. Роза послушно пошла по лекарям и узнала о себе...

Детей она иметь не сможет. Никогда.

Конечно, такую информацию надо было скрыть от будущего мужа. Наверное. Но кто ж знал, что лекарь – его родственник?

Все доложил. И разразился скандал. Сначала жениха с Розой, потом жениха с Патрисио Ксаресом, а на закуску и Патрисио с Розой. А что?!

Понятно же, дочь сама виновата в своей болезни. А заодно виновата, что не соврала, не утаила, не сообразила, не лечилась...

Столько этих «не», что аж голова кружится. Только вот когда плохо, от семьи ждешь поддержки. А не вот этого... холодно-вымораживающего.

Не дождалась. И снова – НЕ.

Как же все это тоскливо, тошно, муторно, отвратительно... одиноко!

Когда в покои Розы постучали, и слуга доложил о приходе ританы Альбы Риалон, Роза почти опрометью кинулась вниз. Подальше от боли, тоски, дурных мыслей... Альба?

Да хоть бы и крокодил на пороге стоял! В тюрбане!

Роза бы сейчас кому угодно обрадовалась. А тем более подруге!

На Альбе просто лица не было. Вся осунувшаяся, тоскливая, со слезинками, которые проблескивают в уголках глаз, с размазавшимся макияжем... и что тут можно сделать?

Роза и сделала, благо отец разрешил ей приглашать ритану Риалон.

– Инес! Приготовь для гостыи бирюзовую комнату! Поддай туда что-нибудь выпить, перекусить и приготовь горячую ванну!

– Спасибо, – почти хлюпнула носом Альба.

Роза только рукой махнула.

– Проходи! Ты вся промерзла! Сейчас будем тебя кормить, поить, греть... вот платья на смену у меня нет. А халат есть, теплый. Подойдет?

– Вполне, – кивнула Альба. – Спасибо...

– Пошли. Я тебя провожу в бирюзовую комнату и халат дам. А потом ты мне все расскажешь.

– Спасибо, Розы. Ты просто чудо.

Роза польщенно заулыбалась, увлекая за собой Альбу.

Дурные мысли были благополучно забыты... на какое-то время. А потом... а потом еще что-то найдется! Она давно себя приучила не думать о плохом – вот и сейчас справится!

И точка!

* * *

Треси домой почти летела.

Как же прекрасна жизнь!

Когда она работала в ателье, все было совсем не так. там она только и слышала от тетки, какая она тупая, бесполезная, сколько от нее вреда... и держат ее из милости, и пользы от нее не дождешься, и братец нашел себе корову-жену, и дочь вся в нее, тоже корова тупая...

Кому ж такое понравится?

Шить Треси любила, и фасоны придумывать, и делать женщин еще красивее. Вот, Феола, к примеру!

Надо будет ей завтра платья завезти! Ведь подруга в них просто сиять будет!

Вроде и не слишком дорого, и материя хорошая, и смотрится отлично. Только вот у Треси имени нет, а у тетки есть.

И ателье у Треси нет.

Может, когда-нибудь она его купит?

Треси уже задумывалась об этом. Работа в полиции была выгодна. Даже если половину денег отдавать родителям, а вторую класть на счет в банк... через пару лет она сможет арендовать небольшое здание и нанять пару человек. И попробовать работать.

А что такого?

Вкус у нее есть, сил хватит... кстати, тан Хавьер намекнул, что по итогам этого дела всех ждет премия! А премия – это вообще замечательно!

И просто...

Треси нравится работать рядом с некромантом.

Конечно, она понимает, что между ними ничего быть не может. Максимум ее любовницей позовут. А она... пошла бы?

Только честно, сама себе, как на духу?

Треси подумала пару минут, а потом улыбнулась.

Пошла бы!

Не женой, нет. Кто она такая, чтоб тан Карраско на ней женился? Сословные различия можно любить или не любить, но стоит осознавать их существование. Или они так жизнь подпортят, что не порадуешься.

Тан и сеньорита из бедного квартала?

Это для сказочек хорошо, а так ее никогда в обществе не примут. И ему она жизнь изуродует.

Женой ее не позовут. Но любовницей она пошла бы. Просто потому, что ей нравится этот мужчина. Он умный, красивый, рядом с ним легко и спокойно. Просто никто этого не видит, не замечает, не понимает... им же хуже! А вот она осознает это.

Увы, жизнь несправедлива. Но если ей дадут урвать хоть кусочек счастья, она отказываться не станет. А глаза у него какие... и волосы наверное, мягкие, и улыбка у него совершенно замечательная...

Вот в этих мечтах Треси и толкнула дверь родного дома.

И тут же оказалась в центре суматохи.

– Триша! А там к тебе пришли!

Мария!

Ах ты, зараза!

Тереса ловкохватила младую сестру за ухо.

– А ну, стоять! Как меня зовут?

– Тереса, – проныла мелкая поганка. И в кого только такая завидующая выросла? Вроде и на пару лет младше, а жизни от нее просто нет! И язвит, и кусается, и родителям наушничает... вlepить ей, что ли, подзатыльник? Или подождать?

– Кто пришел?

– Паблито с родителями!

– КТО?! – ошалела Тереса.

Даже ухо сестры выпустила, и та отскочила, сверкнула глазами.

– Сватать тебя, дуру, пришли! Ты хоть морду умой, вся чумазая! Смотреть противно!

И удрала, не дожидаясь сестринского пинка.

Зараза!

Тереса пару секунд просто стояла молча, осознавая реалии. А потом направилась в большую общую комнату.

Здесь принимали гостей, здесь спали младшие дети, здесь и она сама спала, чтобы за ними приглядывать.

А сейчас постели были убраны, на протертом диване, который накрыли... заразы!

Да кто вам разрешил брать ткань из моих запасов?! И ведь бархат взяли!

Тересу аж затрясло, когда она увидела Пабло, который развалился на кресле, прикрытом дорогим темно-синим сукном!

И на диване бархат накинут! И сидят на нем родители Пабло.

И все смотрят на нее.

– Добрый вечер.

Слова вылетали аж со скрежетом. Но если сейчас она заорет, попробует выхватить ткань... чего она добьется? Просто начнется безобразный скандал, и ничего она не узнает. Разве что пару оплеух получит.

– Триша пришла! – обрадовался Пабло.

Тереса его и взглядом не удостоила.

– Папа, мама, я сейчас схожу, куплю пироги. Если у нас гости... я не знала, я бы купила по дороге.

Отец, видимо, расслабился и махнул рукой. Мать заулыбалась.

Видимо, не таких слов ждали. Что ж, и дождутся, только не сразу. Сначала узнаем, в чем дело.

– Ни к чему, Триша. Вот, Хуаресы к нам пришли.

– Рада видеть уважаемых соседей, – вежливо отозвалась Тереса.

– Тебя сватают. У нас товар, у них купец, все, как положено... – Хуан Карлос Наранхо аж руки от удовольствия потер. Вот мать такой довольной не выглядела, оно и понятно, денег меньше будет, работы больше. Но выдать дочь замуж – уже хорошо. Там еще Мария подрастает, будет с кого помощи спросить!

Тереса подняла брови.

– Меня? И за кого же?

– За Паблито, конечно, – Изаура Франко, толстуха лет сорока, выглядела откровенно недовольной. Что уж там! Не такую невестку

она себе хотела! Не такую жену любимому сыночке! Не гожа! И тоща, и собой не так, чтобы очень, и семья тоже...

Паблито и получше кого мог бы найти!

Побогаче, пофигуристее! И Изаура поправила выдающуюся грудь. Но вот понравилась мальчику эта стрекозьявка! А что в ней хорошего? И вовсе в ней ничего такого нет!

– Восхитительно, – голос Тересы сочился ядом. – А меня никто спросить не желает?

Мать посмотрела на возмущенную дочь с таким искренним удивлением, что Тересе жутко стало.

А ведь она ПРАВДА не видит ничего плохого в таком браке. Вообще ничего.

Живут же все! Чего б и Треси так не жить? За дураком и неучем?

– О чем спрашивать-то? – хохотнул отец. – Когда свадьбу играть будете? Так на осень, наверное... это вы уж с сеньорой Изаурой обсудите. Какие туфли, платье... чего там еще надобно?

– Ни-че-го, – жестко отчеканила Тереса. – Я за этого идиота замуж не выйду!

В комнате повисло тяжелое молчание.

Первым, как ни странно, опомнился отец Пабло.

– Как не выйдешь?

– Никак, – отрезала Треси. – Не нужен мне ваш сын! Никак не нужен!

– Дочка! – ахнула Мария Ленора.

Тереса расправила плечи.

– Мама, прости. Папа, я не хочу замуж за Пабло.

– Почему? – обманчиво мягко поинтересовался отец.

– Потому что Пабло – дурак и хам, который даже моего имени за столько лет выучить не смог, – Тереса решила не стесняться. А что? Стоять и блять?

Не люблю, не могу, не буду? Так это, считай – уже согласна! Все девки с такого начинают, а потом как миленькие замуж выходят. Нет уж!

У Тересы только один шанс!

Сейчас оскорбить Хуаресов так, чтобы Изаура разоралась и утащила деточку подальше от мерзкой хамки, которая счастья своего не ценит! Только так!

Сможет она?

Обязана!

Так что Тереса била наотмашь.

– Пабло ничему не учился, семью обеспечить не сможет, детей на шею родителям повесит, дом не построил, мне приживалкой быть придется! Не хочу! С него ни денег, ни ума, ни прибытка! Лучше я на родную семью работать буду, чем на чужую...

– Да не будешь ты работать! – вякнул Пабло, который сначала даже не соотнес с собой слова Тересы. А что – это о нем?

Да бред какой-то! Это ж ОН! Он и умный, и красивый, и любая баба с ним пойти будет счастлива! Точно-точно, уже ходят...

Объяснять дурачку, что повалиться на сеновале – и строить жизнь, это две разные вещи, и разные критерии отбора, никто не спешил. Вот еще не хватало!

– Еще и работать не буду, – прошипела Тереса. – А когда дети пойдут – что? На паперти стоять? Ты ж на свою зарплату кошку не прокормишь, отцу спасибо скажи, он на всю семью зарабатывает, из моря не выплывает даже по большим праздникам...

Сеньор Хуарес кивнул.

Как-то так и было.

Когда у тебя дома девять детей, а ты просто рыбак... будешь тут вкалывать без отдыха и продыха. Потому сеньора Изаура всем домом и распорядилась, что мужу некогда было. Заработать бы...

По-хорошему, и старшего бы сына к делу приставить, но у Паблито открылась такая морская болезнь, что его даже от вида лодок тошнило. Куда ж его в море?

– Ты... – сеньора Изаура как раз осознала, что счастье не оценили, и визгливый голос начал набирать обороты. – Да как ты смеешь, сопля такая... да я тебя сейчас своими руками...

Своими руками не получилось.

Прежде, чем сеньора воздвигла свои телеса из кресла, Тереса предусмотрительно отскочила. А супруг придержал жену за руку.

– Умолкни, Изаура. Девочка права.

Тереса только рот распахнула.

– А?..

– Потому мне для сына умная жена и нужна, что сам он себя не прокормит. Так что, сосед, отдашь свою девочку за моего оболтуса?

Обещаю, обижать не стану, работать не запрещу. Приданого нам не надо, такая девочка сама по себе сокровище. А вот я вам за невесту заплачу. И свадьбу оплачу.

Хуан Карлос довольно потер руки.

Ну... что же! Отлично все складывается!

– Тереса, ты слышала?

– Слышала, – девушка что есть силы сжала руки в кулаки. – Я за эту скотину замуж не пойду!

– Еще как пойдешь! – возмутился Пабло, до которого начало что-то доходить. – А ну, иди сюда!

И дернул Треси за руку, потянул к себе.

– НЕТ!!!

– Вы бы, молодые, пошли, посекретничали на улице, – предложила Мария Ленора, глядя на бешено выдирающуюся дочь. – Глядишь, и договоритесь о чем.

– А то ж! – Пабло оценил совет будущей тещи.

Ломается там еще Тришка чего-то! Тьфу, дура!

Ну ничего, сейчас, как выйдет, он ее в оборот возьмет! Он с бабами обращаться умеет, сейчас поцелуй, потом еще один, а там и до сеновала дело дойдет. Ну и куда эта дуреха денется?

А слова...

А что – их надо в расчет принимать? Баба же! Они всегда болтают! Творец так устроил, что язык у бабы на привязи не держится, и словам ее веры нет. Захотела – и лягнула. Вот и все...

Несколько секунд Треси не сопротивлялась. Покорно следовала за мужчиной, а потом, оказавшись на улице, вдруг бешено крутанулась. Жить в бедном квартале, да не уметь себя защитить?

Не бывает такого!

Ногти девушки впились парню в лицо, а каблук с размаху прошелся по ноге. Пах-то парни всегда прикрывают, у них этот жест отработан. А вот ноги... ноги так не закроешь.

Получилось больно и сильно, Треси не стеснялась в действиях.

Пабло взвыл, а девушка кинулась прочь со двора.

– Слизень, ты мне чего обещал?
– Чего обещал, то и сделаю. Крыс, у тебя свербит или горит?
– Нет, я тебе еще и блондинку готов отдать.
– Блондинку? Хм, они спросом пользуются...
– Блондинка и рыжая. Адрес дома. Завтра ночью там никого из мужчин не будет, гарантирую...

– Интересно, – Слизень пощипал себя за подбородок. – Весьма интересно.

– Самое бы и время. Перед похоронами никому ни до чего, их и искать-то не будут, так, отмахнутся...

– Ты уверен, что в доме мужчин не будет?

– Отвечаю. И вот тебе ключи от черного хода.

– Хम्म...

– Не просто так, понятно. Мои – сорок процентов.

– Двадцать пять – и торговаться не будем.

– Треть, как другу.

– Хорошо, треть.

Мужчины понимающе переглянулись. На более Анхель и не рассчитывал, но поторговаться – это святое.

– Но чтобы мужиков там не было, понял?

Анхель кивнул.

На следующую ночь у него для Лоуренсио было запланировано кое-что приятное. А ты как думал, гад?! Не хочешь мне сестру отдать?

Сам заплатишь! Втридорога! Думал я тебя пожалеть, поменьше взять, но обойдешься! Ты и «Каракату» заплатишь, и сестер лишишься, и спасибо, если сам цел останешься. Анхель предательства прощать не собирался!

Ишь ты!

Ортис влез!

А ты Ортиса в окно, сестру за волосы, да и в храм! Умные все очень, чужих невест уводить, да за деньгами охотиться... Ортис вообще, по-хорошему, спасибо должен Анхелю сказать. Эмералд эта, чучело, дура и истеричка, всю жизнь испоганила бы. Не только Раулю – любому мужику. Анхель его, считай, освободил, а Рауль...

Дурак, тьфу! И сволочь...

И Лоуренсио сволочь, Анхель для него из кожи вон вылезал, со всеми в столице его познакомил, а этот неблагодарный козел...

И Алисия Катарина! Щенка она подобрала! За Ортиса она выйти согласилась!

Все сволочи! Все Ксаресы!

Вы мне все заплатите за обманутые надежды!

* * *

Феола безмятежно ехала домой к Веласкесам, не подозревая о планах Анхеля на свой счет. А и заподозрила бы...

Ее похищать идут?

Ну-ну.

Да и смысла это похищение не имело. Феола пока оставалась у Веласкесов, мало ли что? В доме Лоуренсио ее можно было ждать долго и безрезультатно.

Да и дождались бы... трупом больше, трупом меньше – ей без разницы.

Винни встретила ее чуть ли не на пороге.

– Феола!

– Привет, – отозвалась Феола. – Как дела? Как самочувствие?

– Все отлично. А ты как?

Феола хмыкнула.

– Более-менее. Завтра с утра мне надо ехать на работу, сегодня отосплюсь, а уж завтра...

– А у меня новости про твоего Толедо.

Феола тут же встрепенулась, словно боевой конь.

– Расскажешь?

– Конечно, расскажу. Ты ужинать будешь?

Феола прислушалась к себе.

Да, кушать хотелось. Больше, чем спать.

– Да. А где Веласкесы? Дети?

– Все уже спят. Ты на часы смотрела?

Феола потерла лоб. Да, времени было уже за десять вечера.

– Я не сообразила. Наверное, и слуги уже спят. Никто меня не покормит...

Ну да, благодаря ей, полиция только начала свою работу.

– Я сейчас покормлю. Я попросила тебе оставить перекусить.

– Винни, ты – чудо!

– Иди на кухню. Подавать в столовую я не буду, всех перебудим.

Феола и не ждала, что за ней будут ухаживать.

На кухне Винни развернула бурную деятельность. Не прошло и пяти минут, как перед Феолой стояла большая тарелка с куском мяса и гарниром. Рядом – кувшин с соком, на сладкое – пирожные. Небольшие, но вкусные.

Феола набросилась на мясо, как голодный крокодил.

В участке их накормила Треси, но после такого расхода сил еды требовалось больше. Так что по дороге домой девушка успела проголодаться. Винни спокойно ждала, пока Феола насытится и откинется на спинку стула, потягивая сок.

– Спасибо. Ты мне просто жизнь спасла.

– Ты мне ее спасла. А я так, благодарю. Рассказывать про Толедо?

– Пожалуйста.

Феола лишней раз пожалела, что дело происходит не на острове. Там бы она с Анхелем разобралась быстро. А что?

Шел человек, шел крокодил, совершенно случайно они встретились... наверное, человек обидел крокодила. И тот скушал негодя. Обыденная история.

А тут... на всю столицу ни одного крокодила! Отвратительно! Из зверинца разве что вытащить?

– Анхель Хуан Толедо. Имя настоящее. Тан он тоже настоящий.

– Очень жалко, – искренне сказала Феола.

– Сволочь он тоже настоящая, но это недоказуемо, – вздохнула Винни. – Родился он в семействе Толедо, четвертый сын. Семья небогатая, Анхеля прочили на флот, он не согласился. Удрал и домой весточки не подает уж сколько лет.

– Удрал – без скандала?

– Из того Толедо и крысы разбегутся. Жрать нечего, папаша тот еще тиран, кстати, жив до сих пор, денег нет... я бы и сама сбежала.

Феола подумала, что это понятно. История семейства Толедо компромата не давала.

Первый брак Анхеля?

Тоже не придерешься. А к чему?

Ну, женился. Жена померла, так ведь он все ее состояние родственникам отдал. И на каждом углу может кричать, что все по

любви было... или еще что придумает. Теперь уж не раскопаешь.

– Правда, кое-кого из новоявленных наследников вскорости ограбили.

– Доказательства?

– Не доказано, – с полуслова поняла Феолу Винни. – Правда, после этого тан Анхель начал жить на достаточно широкую ногу, но он мог и что-то по завещанию получить.

И из дома. И в подарок от кого-то. Все возможно, объявлений не предьявлялось.

Феола вздохнула.

Косвенно это работало на ее версию. Но... участвовал Анхель Толедо в ограблениях – или нет? Навел он воров на родных покойной супруги – или нет? Не докажешь и не узнаешь теперь. Слишком давно дело было, небось, она и не родилась.

– Погулял Анхель всего пару лет. А потом начал выкручиваться. То здесь живет, то уезжает на курорты, то возвращается. И имущества у него нет, перекаати-поле. Пытался выгодно жениться – не получилось, там произошла неприятная история.

– С таном Ортисом?

– Ты знаешь?

– Нет. Догадалась.

Историю Рауля Ортиса и его бестолковой невесты Феола выслушала внимательно. И горестно вздохнула.

Если бы это на что-то повлияло! Но ведь бесполезно! Феола расскажет об одном, Анхель о другом. И ни для брата, ни для сестры ее слова не окажутся достаточно убедительными.

– А что вообще не так может быть с Анхелем?

– Вообще, он носит прозвище Крыс. И носит его по праву.

– Почему?

– Потому что за хвост не ухватишь... скользкий, тварь, верткий, везде пролезет... понимаешь, рассказать я тебе могу многое. И про его связи с разными гадами вроде Слизня... это сутенер такой, девок в публичные дома поставляет. И подозреваю, что Анхель ему тоже помогает. Но за хвост не ухватишь. И про шантаж, вроде как он замешан. Сама понимаешь, он с женщинами встречается, и не всегда они свободны. Ходят разные слухи про письма, про украшения, но недоказуемо.

Феола вздохнула.

– Расскажешь?

Винни рассказывала, и Феоле было все грустнее и тоскливее. Действительно... соблазнять девушек не запрещено. А если кто потом и оказывается в борделе... бывает!

Спать с ританами не запрещено. А если кого потом и ограбили... тоже – бывает! Не всех же подряд грабят? То-то и оно...

Стараться заработать то здесь, то там... и снова – Лоуренсио это если и рассказать, так доказательств нет. Это как с ложей.

Даже если Анхелю предоставили ее бесплатно... а он скажет, что оплатил. Или оказал равноценную услугу. Или еще что-то придумает.

Нет доказательств.

Скользкая гадкая тварь, которую не ухватишь!

– И ничего на него нет...

– К сожалению.

Феола потеряла лицо. Было тоскливо и обидно. Висента рассказала ей достаточно много, но все эти случаи просто не годились для серьезного разговора с братом или сестрой. Алисию это не оттолкнет. Лоуренсио не заставит отказаться другу от дома.

– Ладно. После коронации я что-нибудь придумаю.

Висента посмотрела на Феолу с сомнением.

– К примеру?

– Найду, что именно.

Висента печально развела руками.

– Я попросила узнать точнее, что и как, мне обещали поискать доказательства, но это требует времени.

– Я подожду, – заверила Феола.

Сейчас для Феола Адэхи был важнее всего. Адэхи и мединцы. Брат и сестра живы, здоровы, им ничего не угрожает. Этого достаточно.

А вот Адэхи может умереть.

Мединцы могут весь мир изуродовать.

Сейчас это важнее, чем Анхель Толедо. И вообще... ладно! Не водятся в столице крокодилы? Зато змея проползет везде! Феола постарается! Дайте только решить одну проблему, а потом и за вторую возьмемся.

Ничего хорошего от визита священника Лидия и Эллора не ждали. Но вот он, вошел, в темной простой рясе.

– Доброй ночи, сеньора, сеньорита. Море имя брат Анхель. Прошу вас, уделите мне немного времени?

– Доброго вечера, – вежливо отозвалась Лидия. – Конечно, брат. Что вам угодно?

– Скажите пожалуйста, вы не знаете никого из этих людей? Список был уже составлен. Первичный, конечно. Но вдруг? Лидия проглядела его, качнула головой. Эллора чуточку задумалась.

– Кажется, Даря о ком-то говорила. Вот эти люди... – палец коснулся двух имен на бумаге. – Она упоминала, что у них есть маги, и даже фамилии говорила. Не знаю, те или не те, но вдруг?

– Благодарю, сеньорита, – информация была действительно важной.

Маги!

Если обычных мединцев можно хоть возами вязать и возами возить, то с магами такого не выйдет. Они точно сопротивляться будут.

– Дари просто упоминала фамилии, святой отец. Я не уверена, что это – они.

– Сеньорита, важно уже даже намерение, – отмахнулся отец Анхель. – Скажите, я правильно понимаю, вы старались держаться подальше от мединцев?

Лидия выдохнула.

Это Эллора могла кое-чего не замечать. И покрой рясы – вроде бы сукно не из дорогих, но видно, что шили, старались, и пояс, который можно легко превратить в удавку, и то, как движется мужчина...

Ее девочки жили в хороших условиях, самой Лидии такого счастья не выпало, вот она и различала намного больше, чем Элли, чем Дари.

И опустилась на колени.

– Святой отец, умоляю, примите мою исповедь. Хотя бы коротко... я не из мединцев, я верую в Творца нашего...

Брат Анхель задумался ненадолго, но потом кивнул. И Лидия опустилась на колени, привычно пробормотала молитву... она ходила

в храм. Даже потом, когда уже жила с девочками – все равно ходила. А что?

Лишним не будет.

Надолго она отца Анхеля не задержала, десять минут – не то время, из-за которого надо копыя ломать. Пока полицейские соберутся, всяко больше пройдет.

Но вышел из камеры он задумчивый.

И отправился к Амадо Риалону.

– Скажи, тебе Бенитесы нужны?

– Бенитесы, – задумался Амадо. – А, вспомнил. Лидия Консепсьон Бенитес и ее дочь? Эллора, кажется?

– Да.

– Не то чтобы сильно. Раньше я надеялся через них на кого-то выйти, но после Вильялобос.... Мединцев у нас теперь будет более, чем достаточно.

– Отдашь их мне?

– Отдам, конечно. Если нужны. Но, надеюсь...

– Нет-нет. Просто будут жить при монастыре, там девочка и замуж, глядишь, выйдет...

Амадо посмотрел с таким удивлением, что Анхель поспешил пояснить:

– Я с ними поговорил. У Лидии судьба так сложилась, от нее ничего не зависело. А она детей не бросила. И свою выкормила, и чужую. И любит обеих. А что ей тяжело пришлось... она заслужила на старости лет пожить спокойно.

– А у себя дома она не поживет?

– Не сможет. Всех мы не выловим, сам понимаешь, а жизни им не дадут. Эта Дарея... Эллора на человека похожа, она сможет быть счастлива на земле, а вот вторая мне сильно не нравится. Судя по рассказу...

Амадо только плечами пожал.

– Забирай, если хочется. Они сами-то не против?

– Только рады будут.

– Хорошо. После коронации я подпишу приказ об освобождении.

Анхель благодарно кивнул.

Еще об одной причине он скромно умолчал.

Да, он монах.

И будет служить Творцу и только ему. Но...

Чем-то была Лидия похожа на его покойную супругу. Захотелось ей помочь, словно это его жена с малышом... вот если б она в такой ситуации оказалась, тоже бы детей не бросила. Не во внешности тут сходство, в чем-то таком, в нравственном законе внутри женщины.

Нарушение обетов?

Вы не о том думаете. И ему давно уже никто не нужен.

И Лидии после мужа-мединца на других смотреть тошно. Не от любви, а просто... такие впечатление у нее остались, что даже дотронуться до мужчины ей уже неприятно.

А вот просто поговорить, ощутить рядом человека, который тебя понимает... много это или мало?

Очень много. Если кто понимает, конечно.

Кому бы ты ни служил, ты только человек, брат Анхель. И как любому человеку, тебе нужна хоть капелька тепла.

* * *

Хорхе Мендоса, старший сержант Мендоса, постучал в дверь дома.

– Полиция! Откройте!

Отозвались не сразу. Оно и понятно, дело за полночь. Но отозвались.

– Полиция? Что случилось?

– Откройте! У ваших соседей убийство, нужны понятые!

Рассчитано было верно. На слова «обыск», «ордер» и прочее такое же мединцы могли среагировать неадекватно. А вот если их зовут свидетелями...

Бывает же!

Всякое бывает!

А люди остаются людьми. Им любопытно, хоть они в море плавай, хоть три хвоста отрасли! Что там у соседей случилось? Узнать, посплетничать, рассказать... самое милое дело!

Дверь скрипнула и отворилась.

Сержант тут же шагнул внутрь.

– Сеньор?

– Грегорио Эспехо, к вашим услугам, сержант.

– Кто еще есть дома, сеньор Эспехо?

– Я и супруга, – ничего странного мединец в этом вопросе не увидел.

– Попрошу вашу супругу тоже спуститься. Нам нужно несколько понятых.

– Она спит, сержант.

– Сеньор, это убийство, а не игрушки! – Хорхе выглядел очень серьезным. Так что мединец подчинился и отправился будить супругу.

Через десять минут они спустились вниз – вместе.

– Куда нам идти, сержант?

– Никуда, – Хорхе резко ударил мужчину под дых, подручные, которые успели уже осмотреть первый этаж, схватили женщину... – Речь идет о мединцах и убийстве невинных людей, которое они планировали.

И по лицам увидел – угадал! Все они знают, все...

– Покажете, где взрывчатка – или нам искать? Рамон Амадо Бустос арестован и дает показания.

– Нет! – вздохом вырвалось у женщины.

– Где вход в подвал?

Мужчина указал рукой чисто машинальным жестом.

Хорхе довольно улыбнулся.

Есть. Еще одни.

– Взрывчатка в подвале?

– Ищите! – блеснули яростью глаза мужчины. – Я вам ничего не скажу!

Ага, опомнился.

Хорхе лениво пожал плечами.

– А нам ничего и не надо. Ты еще не понял, почему мы здесь? Вы провалились. Нам все известно.

Искать особо долго и не пришлось. Простучали стены – и вот она, потайная комнатка.

И взрывчатка там, никуда она не делась.

Вот они, ящики с характерными брикетами. Грузи – и отправляй.

Так он и сделает.

Отправит, отчитается – и на новый адрес. Их сегодня много... вот ведь твари рыбохвостые! Мало им тогда перепало! Мало они людей

погубили!

Им еще надо!

Твари, как есть!

Авось, их всех в море перетопят!

Глава 9

– Мама, ты уверена?

– Да, Элли. На прежнем месте нам все равно жизни не дадут, а делать что-то надо. Куда-то идти надо... монастырь – не худшее место, чтобы переждать, осмотреться...

– А как быть с Дари?

Лидия закрыла лицо руками.

Дари, детка, ее неизбывная боль. Но голос женщины звучал спокойно и уверенно. Одну девочку она может потерять. Скорее всего, потеряет. Но не обеих! Хоть кого, но она уберезет!

– Элли, ты понимаешь, что Дари не сможет жить среди людей?

– Да.

– Тогда ты поймешь и другое. Ты не сможешь жить среди мединцев. И сейчас их будут искать и уничтожать. Лучшее для нас с тобой место там, где никто тебя не заподозрит.

– А Дари?

– Если она уцелеет, она нас найдет. Если нет...

– Мама!

– Элли, милая, я ТАК хочу, чтобы она выжила, чтобы она вернулась к нам... она слишком порывистая, слишком горячая. Она не удержится, она кинется в бой. И ты не останешься в стороне, если увидишь, как ее убивают.

– Да.

– Поэтому я могу только молиться. Чтобы все обошлось.

– А если нет?

– Только молиться, Элли. Мы ничего сейчас не сможем сделать. Ни-че-го. Уцелеем сами – поможем Дарее. А полезем в драку, вот сейчас, и сами погибнем, и ее не спасем.

– Мама, ты уверена?

– Элли, ты меня любишь? – Лидия взяла дочку за плечи, посмотрела в ярко-синие глаза.

– Да.

– Тогда обещай мне. Мы едем в монастырь. И все свои действия ты согласовываешь со мной. А я – с тобой.

– Надолго?

– Элли, ты и сама знаешь.

Эллора понимала. Пока не разрешится эта ситуация.

Год?

Три?

Неважно.

– Да, мама.

Может, Эллора и поспорила бы. Только вот из маминого глаза выскользнула одна слезинка. Пробежала по лицу, да и исчезла. Как и не было ее.

Мама ее любит. И Элли свою мать любит.

А мединцы любить не умеют...

Ради мамы, ради Дари Элли что угодно сделает. А уж эта просьба и вовсе ерунда.

– Я тебя тоже люблю, мамочка.

Вторую слезинку Эллора не заметила.

* * *

Каким чудом Тереса промчалась по ночному городу – и не попала в неприятности?

Чудом, не иначе.

А может, состояние у нее было такое, что даже грабители и убийцы решили не связываться с девушкой?

Так целее будут?

Несется тут такая, растрепанная вся, глаза бешеные, лицо злобное, а вдруг покусает? Бешенство – оно даже магией не лечится. Вот никто и не рискнул.

Силы оставили Тересу неподалеку от морга. Буквально метров сто пройти осталось.

Споткнулась, полетела носом на мостовую, выставила вперед руки, расшибла ладони и колени, чудом уберегла лицо... и разревелась.

Позорно, со всхлипываниями и подвываниями, так, что слышно было на два квартала вокруг.

Чего и удивляться, что полиция ее тоже услышала?

Не все захваты происходили мирно, идохлых мединцев тащили в морг. Точнее, тащили всех, кого пристрелили. А мединец там, нет... некромант разберется!

Хавьер и разбирался. А потом...

Голос Тересы он бы услышал за квартал. А уж рядышком... не прошло и минуты, как он оказался рядом с девушкой.

– Треси?

– Ыыыы! – очень содержательно ответила девушка.

Хавьер и допытываться дальше не стал. Карраско же!

А как Карраско, он отлично знал, что женщины – существа нервные, трепетные и склонные к преувеличениям. Так что сначала их надо успокоить, потом расспросить, а потом уже и самому беспокоиться. Не раньше. А то, может, она у кого другого потрясающую шляпку увидела, или на ее глазах воробей подох, а ты уже тревожишься. Женщины же!

Существа с тонкой душевной организацией!

Так что Тересу подняли на руки и понесли в морг. А куда еще-то? Больше некуда...

Там девушке вручили кружку с отвратительным кофе, после которого она перестала плакать – и начала икать. Язык обожгла. А потом и каменной твердости печенье. И где только такое нашли? Вроде она все старье повыкидывала, свежее купила! Но поди ж ты!

Зато слезы как-то сами собой прекратились, и Хавьер смог приступить к расспросам.

– Треси, что случилось?

– М-меня зам-муж выдают, – отстучала зубами девушка.

Хавьер поднял брови. И было бы из-за чего переживать? Сегодня ночью будет много чего интересного, мединцем больше, мединцем меньше... ах, это не мединец был? Какая жалость...

– За кого выдают-то?

– За Пабло!

– Этот... охранник? – с трудом припомнил Хавьер.

– Д-да...

Надо же! Куда только эта зараза не проникла! Охранник в морге – и тот мединец! Осталось только выяснить, один или со всей семьей?

Вслух Хавьер этого не сказал, продолжая расспрашивать Тересу.

Нет, надо же! На его! Личную! Девушку! И кто-то решил руку наложить! Наглость какая!!!

Хавьер выслушал про сватовство, про Пабло – и задумался. Сейчас съездить – или подождать, пока дурак сам на работу придет? Второй вариант лучше. И тело таскать не надо, опять же.

Но вслух он этого не сказал. Вслух он утешал малышку:

– Не переживай. Разберусь я с этим дураком.

Тересу это не сильно утешило.

– Не в дураке дело. В том, что мне теперь дома жизни не будет. Тан Хавьер, а можно я пару дней тут поживу, при морге? Потом квартиру себе найду, сниму... зарплата же будет! Мне теперь хоть не возвращайся, Хуаресы мне жизни не дадут. И родители тоже. И вообще...

Хавьер подумал пару минут.

– Могу тебя пригласить пожить к себе. У меня есть свободная комната.

Тереса решительно покачала головой.

– Простите, тан. Так тоже нехорошо будет. Я у подруг помощи попрошу. И Мерче, и Фи – они мне не откажут.

Это в планы Хавьера уже не входило. Какие подруги? Зачем подруги?

– Тереса, у меня к тебе есть еще одно предложение. Ты права, просто так под одной крышей жить неприлично. Но если заключить помолвку...

Тереса чуть со стула не упала. Кофе помешал – выплеснулся из кружки, обжег пальцы.

– П-помолвку?!

– А что такого? Жених и невеста могут жить вместе. А не понравится – разойдемся.

– Но мы не...

– А кто это будет знать? Главное тебе сейчас переждать, перевести дух, успокоиться. Обещаю, я к тебе приставать не буду. Просто поживешь со мной, захочешь расплатиться – возьму натурой. То есть – завтраком, обедом, ужином... уж очень ты вкусно готовишь. Можно еще уборкой.

Тереса пристально поглядела на некроманта. Может, надеялась смутить или что-то высмотреть?

Наивная!

Хавьера даже лежалые зомби не смущали, не то что взгляды.

– Подумай. Свободная комната есть, как ты готовишь, мне нравится, да и дома чисто будет. Ты же знаешь, к нам, некромантам, предвзято относятся.

Тереса знала.

И думала.

Хавьер бы продолжил ее дожимать, но тут подошел брат Анхель.

– Тан Карраско, есть информация, что по этим двум адресам могут оказаться маги. Не могли бы вы съездить туда?

Хавьер только вздохнул.

– Маги? Мединцы?

– Или сочувствующие им. Точнее я не знаю.

– Хорошо, – кивнул Хавьер. – Сейчас все соберу и поедem.

Походный наборчик некроманта у него был с собой, в мобиле. Разве что доложить всякие мелочи и проверить, все ли цело. Серебро, осина, могильная земля, эссенции в пузырьках... ему не пятнадцать лет, чтобы с энтузиазмом наперевес кидаться в атаку. Лучше прихватить что-то поувесистее.

Тереса сидела смиренно. И даже сделала еще несколько глотков кофе, который, казалось, прожег ей дыру в желудке.

Хавьер вернулся достаточно быстро.

– Я сейчас съезжу в пару мест – и вернусь. Поедем, устроим тебя в моем доме. А пока можешь переночевать здесь, в комнатке при морге.

– Хорошо.

Комнатку Тереса знала. И диван там стоял весьма и весьма удобный.

– Не переживай за меня, я быстро, – Хавьер улыбался.

Девушка кивнула, перекрестила его и сделала вид, что зевает.

– Хорошо, я сейчас умоюсь – и спать.

А стоило мужчинам отойти, как она молнией ринулась к телефону.

– Дом Веласкесов? Феолу можно? Ритану Ксарес!!! Да, я знаю, сколько сейчас времени! Откуда звонят? Из морга!!!

Феолу подозвали не сразу. Но все же...

– Треси? Что случилось?

- Фи, помоги!
- Чем помочь? – зевок в трубке был такой, что стены тряслись.
- Мединцы! Там маги могут быть! Хавьер сейчас к ним поедет!

Ты не сможешь...

- Подстраховать его?
  - ДА!!! Фи, прошу тебя!!!
- Феола зевнула еще раз.
- Адреса знаешь?

Запомнить пару адресов? С одного взгляда в бумагу? Да Тереса размеры платьев запоминала – и ни разу не перепутала. Так что адреса она продиктовала влет!

Феола зевнула еще раз, попрощалась и отправилась к Висенте. Шаман она – или где?

Чтобы оказаться в нужном месте и в нужное время, ей вовсе не надо туда ехать. Есть и другие способы. Только вот помощь понадобится. Так, на всякий случай.

Но Висента не отказалась. И не только из благодарности. Шаманская же магия! Любопытно!!!

* * *

Лоуренсио чувствовал себя отвратительно. Глядел на записку и злился, злился...

Тан Ксарес! Завтра вы мне принесете тысячу.

Золотом.

Тада я ни скажу про вас в полицию и никому. Или все узнают, что вы убица.

То же место.

Та же время.

Даброжилател.

Тысяча золотом Лоуренсио не разорит, конечно. Но ведь это наверняка не конец! Шантажисты никогда не останавливаются, они только входят во вкус. И что с ними делать?

Убить?

Хм, неплохая идея. Только как узнать, кого убивать? Не всю же таверну там разносить? Начиная с хозяина? За него вся эта шантрапа наверняка заступится.

Но что делать?

Анхель? Безусловно, друг старается, как может. Но этого, наверное, недостаточно? С Каракатом Анхель обещал связаться, но это еще когда будет! А до той поры что – платить? Вот еще не хватало!

А если Лоуренсио самому попробовать?

Проследить за хозяином забегаловки, подождать, пока народ не разойдется, и поговорить с ним? Как мужчина с женщиной?

Пистолет у Лоуренсио есть, владеет он им отлично. Нож тоже есть.

А уж потом и узнать, кто приходит за деньгами.

И разобраться, как мужчина с женщиной!

Ну... а что такого?

Лоуренсио еще немного подумал над идеей. Выпил вина. И усовершенствовал ее.

Можно еще завтра поговорить с другом. Они подождут вместе с Анхелем. И разберутся вместе.

На мобиле они гоняли вместе, вот и расхлебывать тоже вместе будут! Справится он!

Алисия? Феола?

Про сестер Лоуренсио даже и не подумал. А какое они имеют отношение к мужским делам? Им о таком и знать-то не надо! Ни к чему!

Он – мужчина! Он сам разберется! С лучшим другом Анхелем.

А Каракат... и к нему подход найти можно, если постараться. Не дурак же он? Должен понимать, что всякое в жизни бывает.

Вино плескалось между ушей, заливало мозги, отшибало остатки мыслей, растворяло критичность восприятия. Уже ни про что не помнилось. Ни про помолвку сестры, ни про обещание Анхеля – не про что... но Лоуренсио же тан! И умный! И он со всем справится, правда?

Ладно!

Лоуренсио налил себе еще вина, залпом выпил и отправился спать.

Утро вечера мудренее. О шантажисте он подумает завтра...

* * *

– Ваше высочество!

– Ваше высочество...

Хоселиус Аурелио выслушивал изъявления верноподданнических чувств со снисходительной улыбкой на лице.

Он устал.

Он так устал...

– Ваше высочество, – тан Кампос склонился перед королем. – Умоляю уделить мне пару минут. Это очень важное и безотлагательное дело.

– Важнее, чем мое бдение у гроба отца? – поднял брови его высочество.

– Ваше высочество, если окажется, что я неправ, я в ту же минуту сложу с себя полномочия мэра города, уйду со всех постов в отставку и уеду из столицы, – тан Кампос смотрел так, что принцу стало не по себе.

Это что-то серьезное...

Чтобы чиновник рисковал своим постом?

Невероятно!

Или... случилось что-то очень плохое. Намного хуже королевской смерти. Намного...

– Хорошо, тан Кампос. Следуйте за мной.

Тан Молина посмотрел на начальника, но тан Кампос махнул рукой. Не надо.

Ни к чему.

На Мануэля он может оставить Римат. Поэтому... если сейчас позвать его с собой, может нагореть и Мануэлю. Не надо.

Пусть увольняют самого Карлоса. Пусть делают, что захотят.

Он виноват – он ответит. А Мануэль ни при чем.

* * *

В кабинете его величество уселся в кресло и посмотрел на тана Кампоса.

Карлос машинально отметил, что до отца Хоселиусу Аурелио далеко. Хорошо это или плохо?

Да кто ж знает.

С одной стороны, Аурелио Августин был хорошим правителем. Страна при нем процветала, богатела.

С другой стороны, самодуром он тоже был хорошим. И семью свою гнобил, как хотел. И сестру унижал, и жену загубил, и из сына невесть что вырастил... теоретически он Хоселиуса Аурелио к управлению государством допускал.

Практически... учить тоже можно по-разному. Так, что у мужчины руки опускались. Сделал? Ах ты дурак, ты тут, здесь и там пролопоушил! Лучше можно бы! Вот, у соседа сын, там да! Всем сынам сын! А ты! Вроде бы и решения разбирают, и на ошибки указывают, но хорошо ли после такого человеку будет? Ой ли...

Тан Кампос был немного в курсе дела, после разговоров с дворцовыми слугами. Вряд ли из Хоселиуса Аурелио получится хороший правитель. Но – кто знает? Власть сильно меняет людей. А потому...

– Ваше величество, не так давно нам поступила информация о мединцах. Оказалось, что часть их осталась в живых. Те, кто не прошел еще посвящение в утробе демонессы...

Хоселиус внимательно слушал.

Впрочем, тан Кампос рассказывал *правильно*.

Информация поступила. Мединцев нашли, переловили, коронация должна пройти спокойно. А еще...

Про Веласкесов тан Кампос тоже рассказал.

Как ни крути, умалчивание о таком тянет на государственную измену. Не меньше. Незаконная сестра его величества. Племянница и племянники.

Вроде бы документа о признании нет, его никто не видел, как и драгоценностей королевы Хуаны, но разговоры-то были!

И кто его знает, где всплывет документ и все остальное? Неизвестно...

Лучше рассказать, потому что документ всплывет, а тан Кампос потом потонет. Очень даже запросто.

Хоселиус внимательно слушал. Барабанил пальцами по столу, размышлял...

– Вы уверены, что всех выловили?

– Практически, ваше величество. Тех, кто находится в море, мы достать не сможем. Но описания разосланы, имена, места, в которых их можно ждать. Мы их выловим до конца. Теперь, когда точно знаем, мы не остановимся. Даже сейчас идут допросы... и будут идти до самого конца. Пока эти твари или не закончатся, или не ассимилируются с людьми, забыв о своей природе.

И ведь не солгал ни единым словом. Только о сроках умолчал.

Хоселиус покачал головой.

– Тан Кампос, вы считаете, что это возможно? Я про ассимиляцию?

– Уверен, ваше величество. Я был искренне удивлен, что некоторые из моих знакомых оказались мединцами. Но они живут среди людей, они неплохо себя чувствуют, они работают, у них есть семьи... им даром тот демон не нужен! Воду мутят несколько тварей – уберем их, и все рассыплется.

– Надеюсь, – кивнул его величество. – Хорошо, тан Кампос. Держите меня в курсе дела.

– Будут ли особые приказания, ваше величество?

– По родственникам? Пока не будет.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Идите, тан Кампос.

Тан поклонился и вышел из кабинета. Только вот далеко не ушел.

– Идите сюда, тан Кампос.

Его высочество Бернардо смотрел весьма недружелюбно.

– Ваше высочество?

– Поговорррим, – мурлыкнул парень.

Тана Кампоса передернуло. И на миг...

Вот кто на деда-то похож! Копия!

– Ваше высочество, я...

– Молчать. Все разговоры – потом.

Молчать так молчать. Тан Кампос честно молчал, пока они шли к выходу из здания, молчал, когда они устроились в беседке, из которой все напросвет было видно, молчал, пока его высочество не начал разговор.

– Итак, тан Кампос. Часть разговора я слышал. А сейчас вы мне расскажете все остальное. И то, о чем умолчали. Когда вы узнали о

том, что не доби́ли всех ме́динцев?

У тана Кампоса даже рука дернулась – перекреститься. Вот где дедова-то кровь! Проявилась, разыгралась...

– Ваше высочество...

– Тан Кампос, вы можете отсюда и не выйти, – мягко намекнул Бернардо. – Мне нужна ВСЯ информация, и вы мне ее предоставите.

Тан Кампос вытер вспотевший лоб и начал говорить.

Отставка?

Судя по взгляду его высочества – это наименьшее из зол. Так что... лучше здесь и добровольно, чем там и под пытками.

* * *

Хоселиус Аурелио стоял на коленях у гроба отца, когда Бернардо вошел в молельню.

– Отец...

– Да, сынок?

– Тан Кампос приходил к тебе. Я бы хотел обсудить кое-что.

Хоселиус взмахнул рукой.

– Это так срочно и серьезно, сынок?

– Да, отец.

– Все равно – пару дней подождать этот вопрос сможет. Сейчас для меня отец важнее всего.

– Дед уже умер. А мы пока живы.

Хоселиус сдвинул брови.

– Бернардо, если ты пришел помолиться вместе со мной – это хорошо. А если ты сейчас будешь отвлекать меня – не надо. Завтра похороны. Отец был не идеальным, но я его все же любил... другого шанса проститься с ним у меня не будет.

Бернардо подумал, что и того не надо бы. Но промолчал. Сказал о другом.

– Отец, я не стану тебе мешать. Все же мне дед не был так близок. Если ты не возражаешь, я проверю, все ли готово для завтрашних торжеств. Там, одежда, кортеж...

Хоселиус расслабился и поглядел с искренней благодарностью.

– Спасибо, сынок.

– Мы семья, отец.

Бернардо получил разрешение и вышел.

Хоселиус повернулся к гробу.

Лежит... тело.

Пустое, неподвижное. И не скажешь, что это – отец. Что он наводил на всех ужас, что он...

– Отец-отец... оставил ты мне наследство. И мать... я так понимаю, что твоя любовница во многом виновата. И в гибели матери, и в остальном... не прощу! Не хочу сейчас этим заниматься! Но не прощу! Никогда не прощу! Ненавижу!!!

Труп оставался недвижим и мертв, как полагается трупу. Оно и к лучшему. И при жизни отец и сын друг друга не любили, и после смерти ничего не поменялось. Увы.

* * *

Бернардо только что стены не пинал.

Твою налево!

Твою направо!

Ну и прямо заодно, чтобы жизнь медом не казалась!!!

Судя по тому, что рассказал тан Кампос... у нас серьезные проблемы. И покушения еще возможны. И вообще...

А делать-то что?

Бернардо подумал пару минут и направился туда, где мог получить помощь. К Леноре.

Сестра еще не спала. Сидела на кровати, писала что-то золотым пером в изящном блокнотике из золотых же листочков. Насколько знал Бернардо, это средство связи.

С кем?

– Сестрица, доброй ночи.

– Была доброй, – фыркнула Ленора. – Как тебя без доклада пропустили?

– Кто ж со мной будет ссориться? – удивился Бернардо. – Слуги? Я же наследник!

– Наследник, – согласилась Ленора. – А от меня что надо, наследник?

– Зависит от того, что нужно тебе, – честно сознался Бернардо. – Поговорим откровенно?

– Кого я слышу! Тебя не подменили, кузен?

– Не подменили. А тебя, кузина?

– Штаны тебе еще раз поджечь? Я могу.

Ленора Маргарита издевательски ухмыльнулась. Был случай в их биографии, был... ей тогда лет пять было, Бернардо постарше, и нечего ее за косичку дергать было. Мало ли у кого и какой бант?

Сам виноват, короче!

Вот после того случая ее на обучение и отправили. Кстати – впору благодарить. А то жила б она сейчас во дворце, несчастная и измученная... не-не, ей такое не надо. Ни рядом, ни близко.

– Можешь. Понимаю.

– Так что тебе от меня надо? Вы меня учиться спихнули и забыли на годы и годы.

– Ты еще скажи, что была против?

– Не против, – вздохнула Ленора.

Потом. Когда нашла друзей, когда полюбила, когда... но ведь были и слезы в подушку, и усталость, и отчаяние, и одиночество...

И это не вычеркнешь.

– Я понимаю, как это выглядит, кузина. То тебя все бросили, а то вот, помощь понадобилась.

Если бы не разговор с матерью. Если бы Ленора не знала про деда. Если бы...

А сейчас у нее язык не поворачивался отказать жестко. Ее-то из-под дедовского пресса выдернули, а Бернардо все эти годы так жил. И справился. Заслуживает уважения. Но поломаться надо, для приличия.

– Помощь? А где сказано, что я буду помогать?

– Нигде. Разве что... сторгуемся?

– И что ты мне готов предложить? – Ленора с интересом разглядывала кузена.

Память... детская память достаточно цепкая, но дети редко склонны анализировать и рассуждать. Для ребенка хороший тот, кто хорошо к нему относится. Бернардо к забавной малышке не относился никак.

Она есть, с ней можно поиграть – и достаточно. Ее нет? Найду кого-то другого для игры. Равнодушие, да. Но кто сказал, что это

плохо, особенно во дворце?

– К примеру, я не буду против твоего брака. И отца помогу убедить.

– Следил? – прошипела Ленора.

– Немного, – честно сознался его высочество. – Понимаешь, дворец... тут же никому нельзя доверять. Вот и смотрел, кто может стать другом, кто врагом. Тебе дворец не нужен, я понял.

– Не нужен. Я замуж собираюсь.

– Отец согласился?

– Пообещал согласие после коронации.

– Я тебя запугивать не стану, но ты и сама понимаешь. Сейчас ему ни до чего, а потом... принцесса – это товар.

– Я беременна.

– И что? Как раз рычаг давления на тебя появится.

– И у тебя тоже?

– Ленора, я не знаю, как тебя убедить. Моему слову ты не поверишь. Но мне выгоднее маг в союзниках, а то и семья магов. Боевиков и огневиков. Рано или поздно я надеюсь сесть на трон, и мне нужна будет поддержка. Если я помогу тебе сейчас, ты поможешь мне потом.

Ленора посмотрела с подозрением, но потом махнула рукой.

– Что ж. Говори, что тебе надо.

Бернардо расслабился и почти упал в кресло.

– Такое не подделаешь. Кузина, мне реально нужна помощь. Если я смогу чем-то помочь тебе, я готов отплатить добром за добро. Просто сейчас ты мне нужна больше, чем я тебе.

– Я уже сказала, что слушаю.

– А про мединцев ты слышала?

– Слышала. У нас Риалон читал курс некромантии. Такой мужчина... в него половина курса влюбилась намертво.

– Вот. Их оказывается, не добились.

– Да?!? Подробности?

Ленора превратилась в слух, и не прогадала. Бернардо почти дословно рассказал все, что услышал от тана Кампоса. Не добавляя своих выводов, хотя они уже были. Ленора тоже слушала внимательно, иногда покусывала золотой карандашик, но и только.

Вопросов не задавала. Восклицаний не издавала. Просто потом подвела итог:

– Возможны покушения.

– Возможны! – рыкнул Бернардо. – Да считай, они и будут! Думаешь, за такое короткое время можно всех этих тварей переловить?

– Уверена, что нет.

– Пара-тройка заводил наверняка останется. Это жертвоприношение удалось сорвать, а что еще у них в запасе?

– Я бы пару стрелков посадила.

– А я бы тоже подумал. Наверняка кто-то из нашей семейки с ними связан. Когда тан Кампос мне про кражу крови рассказал, сама понимаешь, такое с кондачка не делается. У кого-то должны быть замыслы. Обязаны просто!

– Не у меня?

– Нет. Тебе смысла нет похищать девчонку. Вот, будь там мужчина... Кстати, в деле точно есть маги. И не один.

– Маги еще, – поморщилась Ленора. – Вызову я сюда Альвареса, лишним не будет.

– Альварес Франсиско Авила? Тот самый?

– Чего спрашиваешь, если знаешь?

– Знаю. Выходи за него замуж, кузина, партия хорошая.

– Благодарю за разрешение, – Ленора бешено застрочила карандашиком в золотой книжке. – Беда в том, что он приедет только вечером. Раньше никак не успеет.

– Постараемся пережить похороны деда.

– Да, не хотелось бы с ним помирать. С ним и жить-то не слишком хотелось, – фыркнула Ленора.

– Что ты предлагаешь?

– Я? У меня есть защита, но не так, чтобы много. Просто давай держаться рядом, если что – я прикрою. Ты оружием владеешь?

– Да, и достаточно неплохо.

– Как наследный принц, ты можешь быть моим партнером завтра.

– А отец? Ты, как старшая дама двора должна сопровождать именно его. Он же не женат.

– Твоего отца будет сопровождать моя мать.

Бернардо кивнул. И промолчал, хотя мог спросить много чего неприятного. Только вот некоторые слова не стоит произносить вслух.

Нет, не стоит...

Слишком уж гадко это звучит. Когда жертвуешь одними ради других. Даже если нет другого выбора.

Вместо этого Бернардо перешел к практическим вопросам.

Как стоять, как идти, во что одеваться, и даже кому какую сторону прикрывать. Ничего хорошего от ближайших дней его высочество не ждал. Выжить бы...

* * *

Мерседес лежала в кровати.

Горячее молоко не подействовало.

Ничего на нее сейчас не действовало, девушку трясло от ужаса. И были, были на то веские причины.

Ее – замуж?

А ее кто-то спросить не желает? Нет?

Она тоже думает, что всем на нее наплевать. Только вот думать Мерседес не разучилась.

Книжная девочка, домашняя девочка, наивная девочка – разве это одно и то же, что дура?

Вовсе нет.

Она не умеет себя вести в обществе, она теряется в сложных ситуациях, но ум у нее есть. И побольше, чем у многих сверстниц! У них в голове розовые сопли, а вот Мерседес мыслит логически, во многом опираясь на чужие жизни.

Да, книги!

Но кто сказал, что в книгах все врут? Вот сеньор Пенья! Он сам признавался и не раз, что пишет о живых людях, что берет примеры из жизни, что у многих его героев имеются прототипы... тут главное, чтобы они себя не узнали, а то побьют. Ногами.

И Мерседес сейчас совершенно не радовалась, потому что вывод был прост.

Ее тоже убьют.

Ее могут выдать замуж, но потом, когда она будет не нужна, ее просто убьют. Так или иначе.

Как мог отец связаться с мединцами? Им же совершенно нечего терять! Они убьют, их убьют... они ради своей демоницы на что угодно готовы! Для них что своя жизнь, что чужая – семечки!

За то и поплатился отец.

Мать стащила украшения?

Да, но в другой ситуации и с другими участниками это был бы повод для расследования. И расспросили бы, и нашли... нет! Предпочли убить.

Убили отца, подставили мать, если бы вовремя не разобрались, умерла бы и мама. Простить такое мединцам?

Ха! И снова – ха!

Врага страшнее Мерседес у них теперь не найдется. Мало что в ее силах, но где может им нанести вред – она нанесет! Где может ударить – ударит!

Еще и потому, что хотели убить ее братьев, ее бабушку и дедушку. И это тоже говорит о плохом.

Если чем и можно удержать Мерседес, так это жизнями ее родных и близких. Ради братьев она бы вышла замуж, она бы держалась... а их хотели убить!

А ее опять похищали.

Чем еще можно ее шантажировать? Чем принуждать?

Или... или ей можно просто приказать? Как одной из этих рыбохвостых тварей?

Мерседес этого не знала. Картина все равно не складывалась. Если братьев похищали бы, там понятно. Или ты повинешься, или мы их убьем. Или... или кто-то узнал, что мама жива?

Мерседес бы что угодно сделала для своей семьи.

Отец, мама, бабушка, дедушка – неважно! Допустим, у нее остается только мать, и если она будет непокорной, она и матери лишится, а то и самой жизни?

Хम्म... логично, но не так.

А если... если второй вариант?

К примеру, мединцам удастся провести свой ритуал, они возвращают демонессу... тогда все логично. Им не нужен никто из Веласкесов. Ни мама, ни братья, потому что они тоже королевские внуки – никто! А управлять Мерседес становится несложно. Демонице

достаточно просто приказать. Она скажет – и любое ее творение подчинится.

Но тогда получается, что сначала ее похищали одни, а потом – вторые? И между ними есть разлад?

Нет, в этом она сейчас разобраться не сможет. Скорее, это милое общение двух гадюк. И каждая змейка стремится сожрать вторую. Сплелись, сшипелись, сцепились.

Для точного анализа Мерседес просто не хватает информации.

Тогда – отвлечемся от происходящего. Может, завтра ей расскажут что-то еще, и она сможет выстроить картину мира. Сейчас важно другое.

Тетушка Конни все же права. Мерседес должна быть... да! Она должна быть замужем, в идеале еще и беременна... и она даже знает, кто ей нужен!

И он это знает!

Только вот Херардо не собирается жениться на ней. По глупости! И только по глупости!

Мерседес не объясняла ему, но... Феола же маг жизни! Может она что-то придумать? Чтобы Мерседес поделилась своей жизнью и молодостью с мужем?

Наверняка сможет!

Если человек пожелает, он всегда найдет выход! А не так...

Я испорчу тебе жизнь!

Да, испортишь! Если уйдешь, если откажешься от того, что может быть между нами, если мы все оставшиеся года будем жалеть о несделанном, несбывшемся, не наступившем!

Если будешь трусом...

Мерседес понимала Херардо. Но с другой стороны... а что может сделать она?

Хотя бы... хотя бы то, что делали героини книг. Судя по прочитанному, мужчины не сразу понимают спросонок, кто оказался с ними в постели. И умная женщина может это обернуть себе на пользу.

Жаль только, что опыта у Мерседес ровно ноль. Книги – и только! И те приходилось украдкой читать! Смех сказать, в ванной от матери пряталась! И книги прятала между унитазом и стенкой, было там пространство!

Мерседес подумала пару минут.

Попробовать? Нет?

Страшно...

А что она теряет, если не попробует? Если Херардо согласится, у нее будет все замечательно. У них обоих.

Если нет... у нее хотя бы одна ночь будет. А в королевской семье есть строгое условие. Принцы могут вступать в брак только с девственницами. Женился ты на вдове, на разведенной женщине, просто на гулящей... хорошо! Твое право, но на трон ты ее никогда не посадишь! Нельзя!

Закон! Магия!

Несправедливо?

Ан нет. Первый мужчина для женщины – особенный. И происходит очень серьезное запечатление. Получится искажение королевской крови. Да, вот так, дети могут быть от второго мужа, а похожи они будут на первого^[15].

Если Мерседес не будет девушкой, а то и будет беременна, она уже не подойдет в королевы. Что и требуется.

Действуем?

Девушка встала с кровати, накинула на плечи шаль и подошла к зеркалу. Оно послушно отразило статную черноволосую красавицу в белом. Мерседес так же привычно нахмурилась.

Она себе не нравилась.

Ей хотелось быть, как Треси или хотя бы как Феола. Миниатюрной, худенькой, тонкокостной. А не такой... как статуя!

И грудь эта... еще б немного, и вообще – вымя!

И кожа слишком белая.

Хорошо еще, от мединцев никаких видимых признаков нет. А то бы любого стошнило.

Ладно... колебаться ей некогда.

Мерседес решительно расправила плечи и шагнула из комнаты. Вперед!

Главное, чтобы тан Мальдонадо не закрывался на ночь. А то ничего не получится. Она не Треси, она замки вскрывать не умеет...

Мерседес повезло трижды.

Херардо не закрывал спальню – от кого? В собственном-то доме!

Слуги ей не встретились – они спали.

И Херардо уже спал.

Более того, снотворное он принимать не стал, а вот полбокала крепкого вина выпил. И потому не сразу среагировал... точнее, сделал так, как нужно было Мерседес.

Тем более что девушка сделала все, как писали в книгах.

Сняла всю одежду, скользнула голой под одеяло к мужчине (Херардо тоже спал голым) и принялась целовать его плечи, грудь... сначала робко, потом все активнее. Протянула руку вниз, потрогала то, о чем читала, принялась заинтересованно ощупывать... посмотреть нельзя, темно, но ведь интересно же!

И какая реакция будет у мужчины?

Тем более спросонок, в темноте, с отзывчивой и податливой женщиной в собственной кровати...

Та самая...

Мерседес и пискнуть не успела, когда у нее перехватили инициативу. Да и чего пищать?

Несколько секунд она радовалась, а потом увлеклась, начала все более жарко отвечать на поцелуи... и даже резкую боль восприняла почти спокойно.

Ну, боль.

Только она и так знала, что будет больно. Это надо перетерпеть.

Лучше уж так, чем влезть во все интриги, которые крутятся вокруг. Да и не так уж больно, скорее, приятно. И даже очень приятно.

И... еще можно?

Херардо сначала и не сообразил, что происходит. А потом... потом уже и поздно стало.

Да, снился ему эротический сон.

И даже с участием Мерседес!

Будем честны, последние несколько дней ему только такие и снились. Вот он и не сразу сообразил, что вокруг-то реальность!

Ответил на поцелуй, увлекся, ну и... случилось!

Когда он осознал, что это – не сон, было уже поздно. Девичье тело под ним дрожало и извивалось, и Херардо махнул на все рукой.

Сначала – удовольствие. А уж потом подумаем обо всем остальном.

Он-то удовольствие получил.

Мерседес – нет, но для первого раза и так вышло весьма неплохо. Хуже ей стало, когда мужчина потянулся к ночнику и включил свет.

– Извольте объясниться, сеньорита.

Мерседес выдохнула. И решилась.

– Тан Мальдонадо, я вас фактически... изнасиловала. Вы можете заявить на меня в полицию.

Херардо чуть с кровати не упал от такого заявления.

Потом представил, как является с ним в полицию.

Сеньоры, я тут... меня того-с! Изнасиловала семнадцатилетняя девственница.

Сначала, наверное, придется откачивать полицейских. А потом и весь Римат поляжет. И Астилия за ним. Со смеху подохнут. В корчах и страшных мучениях. Никаких мединцев не понадобится!

Вот... нахалка!

Херардо бы ей уши надрал, но в том-то и дело, что Мерседес была полностью серьезна.

– Я понимаю, что повела себя неправильно, но... я хочу, чтобы моим первым мужчиной были вы. Даже если не хотите быть единственным.

Голос дрожал, срывался, но фразу девушка кое-как довела до конца. И зажмурилась в ожидании приговора. Херардо застонал и упал на подушки.

И как тут ругаться?

КАК?!

Что делать с этой поганкой?!

– Ты понимаешь, что губишь свою жизнь?

Мерседес сверкнула глазами так, что ночник поблек.

– Чушь! Ничего я не гублю, наоборот! Я не могу до вас донести, что люблю, что вы мне нужны! Но я могу взять у судьбы вот этот клочок счастья! И сохранить его – за нас двоих!

Херардо посмотрел на нее.

Мерседес не врала. Она действительно так считала.

– И что мне с тобой теперь делать?

– Ну... – Мерседес посмотрела с намеком. Туда, где простыня прикрывала самое интересное. Ночник-то включили, а рассмотреть не дали. Все на ощупь. – Мы можем продолжить.

Херардо скрипнул зубами и сбросил ни в чем не повинную лампу на пол. Благо она была из меди и не разбилась, только погасла.

– Завтра с утра! Пойдем в храм!

– Исповедаться?

– Жениться!

– А...

– Или ты рассчитываешь меня обесчестить и удрать? Нет уж!

Изволь поступить, как честная женщина!

Что могла сказать на это Мерседес?

Да только одно.

– Да! Да, да. ДА!!!

– А теперь спи. Завтра будет тяжелый день.

– Да...

– И выучи это слово покрепче. Ненавижу, когда со мной спорят.

– Да...

Засыпая в крепких мужских объятиях, Мерседес подумала, что книги в чем-то не вдали.

Надо иногда брать все в свои руки. И все получится. Вот, как у нее.

А что она там взяла в руки... ладно! Завтра рассмотрим. С мужем ведь это не грех, правда?

* * *

Альбе не спалось.

Вроде бы и все было хорошо, и бирюзовые покои уютные и красивые, и ужин вкусный, и Роза ее выслушала, и даже горячего молока с медом Альба на ночь выпила.

И что?

Ничего!

Уснула она на пару часов, а потом проснулась и поняла, что за окном ночь-полночь, а ей не спится. И спать не хочется, и лежать не хочется, и вообще... тоскливо как-то!

Тошно ей! Муторно!

Дома...

Дома Альба пошла бы в библиотеку и взяла новый роман. Или светскую хронику. Пристрастилась она за время брака к творчеству сеньора Переса. И обидно!

Почему там все не так?

Там красиво, там прекрасные дамы и благородные рыцари, там герои и злодеи, а тут муж, от которого проблем больше, чем радостей?

Который даже соболью шубу ей купить не может?

Да что там!

Ей даже колец с бриллиантом еще не дарили! Ни разу... ладно! Всего два раза и было!

Разве она не достойна?!

Достойна. Но – не дают!

Мысли были печальными, Альба сидела в темноте и едва не рыдала от осознания собственной невезучести, ей же ее тридцати пяти нет, а жизнь уже закончена! Вообще!

Вот куда дальше?

Что будет? Кому она нужна, без денег, с сыном, уже не такая юная...

Амадо сказал, что готов разводиться! Конечно, мужчинам проще, он себе найдет какую-нибудь дуру, клуш-ку типа Паулы, которая готова будет ему ужины готовить и носки стирать, ждать с работы и выслушивать всякие глупости про преступления.

Пусть!

Идиоток много!

Но не Альба! Альба так больше не может!

Она не для этого создана, вот! Только... как бы занять подобающее место? Вот в чем вопрос!

Мужчинам всегда проще найти себе кого-нибудь. А вот женщинам...

Ах, какая же сволочь этот Амадо! Если бы тогда он не предложил, если бы она не ответила согласием...

Самое забавное, что приснопамятного Эудженио Валерансу Альба негодяем не считала. Наоборот даже.

Есть хоть, что вспомнить, с кем сравнивать, а то с Амадо... Альбе было грустно и тоскливо.

Наконец, она махнула на все рукой, встала и решительно накинула халат, одолженный Розой. Дорогой, кружевной... Альбе такое белье не

по карману.

Розе тоже, но Альба-то об этом не знала! Она просто запахнулась в кружево лилового цвета, которое оттеняло цвет ее лица, подчеркивало смоляную волну волос и, кстати, решительно не шло Розе Ксарес, и вышла из комнаты.

Библиотека. Ей нужна или библиотека, или гостиная. Или газеты, журналы, да хоть что, лишь бы не думать, лишь бы отвлечься... а там и утро наступит. Или что-то почитать, роман, к примеру...

Во всех особняках гостиные, библиотеки, кабинеты расположены на первом этаже. Так что... найдет. Или кто-то из слуг ей покажет. Ксаресы богаты, они не отпускают слуг на ночь, как вынуждена это делать невезучая ритана Риалон.

Минутку?

А вот и полоска света пробивается из-под тяжелой дубовой двери.

Альба поколебалась пару секунд, а потом решительно постучала.

– Войдите.

– Можно? – Альба толкнула дверь и оказалась стоящей в луче света перед сухощавым стариком, который сидел в кресле в библиотеке и разглядывал ее с непонятым выражением лица.

Тан Патрисио Ксарес.

* * *

Тан Ксарес знал, что у дочери гостя. Не возражал – Альба ему понравилась. Он не в том возрасте?

Хм, а вы считаете, что в его лета надо прикрыться рогожкой и ползти в сторону кладбища? Еще и к нотариусу по дороге заглянуть, чтобы деточкам вольготнее жилось?

Перебьются!

Умирать в ближайшее время Патрисио не собирался. А недавнее столкновение с Феолой и вообще его порядком разозлило.

Сопля малолетняя!

Да что она себе позволяет?!

Мысль о том, что сопля вообще-то шаман, только еще с не совсем законченным обучением, ему в голову не приходила. Он об этом и вовсе не знал. Вот про мага, и про то, что его насквозь видят со всеми

его амбициями и мнениями-настроениями, знал, но был уверен, что умнее и хитрее внушки. Недостаток возраста такой.

Если молодежь считает дураками стариков – что они там понимают, покрывшись своей плесенью от возраста, то верно и обратное. Старики совершенно искренне считают молодежь идиотами, которые раз за разом про... пивают все предоставленные судьбой возможности. Вот они бы на их месте – ух! Да только ревматизм, геморрой и простатит не дают. А то бы точно. Не ух – так Ых!

Вот Патрисио и считал сына дураком. А получив подтверждение обратного, весьма и весьма обиделся.

Это что же?! Это как же?!

Мало того что сын не пропал, устроился и прекрасно себя чувствует!

Мало того что внуки получились... честно себе сознаемся, как там все остальные, пока не ясно, но в Феоле Патрисио узнал свой характер. Которым горы бы сворачивать и океаны перепаживать. А чего это они тут стоят и лежат? В атаку!

И парень там здоровый. И вторая девка вроде как ничего! И – обиделся.

И тем горьше была обида, что внушка-то его и знать не желала. И на шантаж явно не поддастся.

Завещает он ей все имущество – пошлет к демонам.

Пригрозит лишить имущества – пошлет еще дальше.

Можно срывать на тех, кто есть под рукой, но... обидно же!

Даже два и три раза обидно! Хочется-то побольше мушек в паутине, хочется поразвлечься, пока еще жив! А не получается!

Вот и сидел мужчина. Вот и думал думу горькую. Но к вошедшей в библиотеку женщине сложно было остаться равнодушным.

Альба напрасно злилась на мужа и судьбу. Она и в молодости была красоткой, а сейчас... время ее даже чуточку облагородило, смягчило излишнюю резкость, придало округлость в нужных местах, и женщина выглядела очаровательно, кутаясь в облако кружев.

Особенно в свете свечей.

Бездонные глаза, полные губы, темные волосы...

Тут кто хочешь оценит. Покажи такое сокровище Хоселиусу Аурелио – и то бы несчастный от своего бдения отвлекся. И Патрисио забыл о переживаниях. Пережил – и ладно!

– Ритана...

– Доброй ночи, тан. Простите, что потревожила... мне не спится.

Патрисио себя перестал бы уважать, не воспользуйся он ситуацией.

– Может, вы составите мне компанию, ритана? Мне тоже грустно и тоскливо, а приятная беседа с очаровательной женщиной прогонит любую грусть. Я понимаю, вам может быть это не слишком интересно, но умоляю снизить до старика...

– Какой же вы старик! – возмутилась Альба.

– Увы, милая ритана. Увы...

Но взгляд, которым окинули ритану, был очень даже не старческим. И улыбка.

И...

Альба махнула рукой, да и уселась в соседнее кресло. Почему бы нет?

Беседа ничем не хуже романа, да и читать сейчас не хочется. И вообще, стоит проявить уважение к хозяину дома.

– Апельсиновый ликер, ритана?

– Пожалуй.

– И пастилу на закуску?

– Вы угадываете мои желания, тан.

– Мужчины обязаны так поступать, ритана. И угадывать желания прелестных женщин, и исполнять их по мере возможности...

Альба и спорить не стала. И даже не заметила, как приоткрывает колени лиловое кружево.

Это не кокетство. Это средство борьбы с тоской. Так-то...

* * *

Там! Там! Та-та-там! Там! Там! Та-та-там!

Маленький бубен в руках Висенты отстукивал нехитрый ритм. Феола очень попросила – и девушка решила помочь подруге. Ничего сложного от нее не требуется.

Надо просто сидеть рядом и стучать в бубен. Картина совершенно мирная.

Феола лежит на кровати, в изголовье у нее горит свеча, здоровущая такая, слепленная из странного зеленоватого воска, и горит она таким же зеленоватым пламенем, но в остальном все нормально. Феола даже дышит.

Только не шевелится. И полностью неподвижна, как не бывает даже во сне.

Во сне человек все же шевелится, двигается, меняет положение тела, дышит глубже или наоборот, реже, ползет то туда, то сюда...

Феола не делала ничего. Даже кожа у нее стала белой, словно мраморной.

Висенте она ничего не объяснила.

Попросила только посидеть рядом и стучать в бубен. Пока свеча не прогорит. Если свеча будет догорать, а Феола все еще спать, надо сильно потрясти бубном и приложить свечу к руке Феола. После этого она очнется.

Нет?

Если не очнется, можете смело хоронить. Не страшно. Души не будет, а тело само на третий день помрет, тело без души существовать не будет.

Там! Там! Та-та-там!

Бубен мерно отсчитывает ритм.

Феола дышит. Висента сидит рядом на кровати и на всякий случай касается иногда пульса на шее девушки. Но тот ровный и не частит.

Творец, пусть все обойдется!

Пожалуйста, пусть все будет хорошо!

* * *

Хавьер Карраско кивнул полицейскому.

– Скажите, пусть открывают.

Полицейский послушно направился к неприметному особняку. Решительно неинтересному с вида. Да, вот такой... скромный, невзрачный, и не скажешь, что тут маг живет. Хотя сам Хавьер и вообще казенной квартирой пользуется. Но ему так удобнее, вот!

Стучать пришлось долго. И еще дольше бы стучали, но Хавьер и так понял, что никто ему не откроет. Если там внутри маг...

Сам Хавьер других магов не чувствовал. Но некроманты и вообще в этом отношении не слишком хороши. Вот почуять живых-мертвых они могут. А медицы... они же не люди!

Поди, почувствуй окуня! Он что есть, что его нет... рыба!

И не стоит забывать, что кто-то и могильным крестом приложил ту же Вирджинию Веласкес.

– Ломайте дверь, – распорядился Хавьер.

Ну кто же такое ждал!

Кто же знал?!

Струя воды буквально разрезала несчастного полицейского пополам. Тот даже крикнуть не успел.

Кровь – тоже вода, только почему она так жутко выглядит, когда с ней смешивается? И ночью...

Хотя Хавьер такими вопросами не задавался. Вместо этого он взмахнул рукой, отменяя приказ, и сам зашагал к особняку.

Определенно маг.

И что приятно – может не уйти. Вот сейчас они друг друга почувствовали. Хавьер не открывался, но когда к тебе идет некромант, на ходу разворачивая «щит праха», как-то быстро понимаешь, что он не просто побеседовать идет.

Вот и дверь.

И никакой атакующей магии, и защитной тоже.

Хавьер спокойно прошел в дом. Прислушался, выпустил «призрачный щуп». Не любил он это заклинание, потом голова болеть будет. Но надо же определить, сколько живых в доме, сколько мертвых?

Мертвых – один, перед домом.

Живых – трое.

Вроде как есть какое-то эфирное возмущение, но не опасное. Это тоже чувствуется.

– Выходите!

Ответом Хавьеру был мат-перемат.

– Тем, кто выйдет, обещаю просто смерть. Кто не выйдет – мучительную. И потом еще подниму. Я некромант!

– Да пошел ты, некромант!!!

И в Хавьера полетели заклинания.

Одно, второе, третье... водное, воздушное, еще одно водное – не будь у него хорошего щита, там бы все и закончилось. Амулеты тут не справятся, заклинания слишком разной направленности, и их много. Чтобы от такого защитить, родовые артефакты нужны, бешеной стоимости.

Только вот и щит праха – сколько ты его продержишь? Не час ведь, силы он жрет немерено, так что Хавьер кинулся вперед, собираясь добраться до магов раньше, чем они до него.

Не прогадал.

Они были в гостинной, стояли в защитных стойках.

Люди?

Какие они там люди!

У одного явно рыбы глаза. Как у акулы. И зубы такие же.

Второй весь в чешуе.

Третья похожа на креветку, вставшую на хвост. Только вместо хвоста – ноги. И грудь здоровущая есть, а так точная креветка...

Гадость какая!

И все трое атаквали одновременно.

Вода, воздух, некромантия!

Демон, некромантия!

Длинная костяная игла рассекла воздух. Видимо, у девицы некогда был талант к некромантии. Вот и сказалось.

Хавьер отбил два заклинания, увернулся от иглы, но контратаковать не успел.

Снова пришлось защищаться.

Может, маги и не были так же сильны, как он, но их было трое, они привыкли действовать втроем, а Хавьер-то был один...

И нападали они с трех сторон, отлично понимая, что у противника нет глаз на затылке. Кто их только так выучил, тварей?!

Водяной шар летит в голову. Воздушная плеть подсекает ноги. Атака идет со всех сторон, на всех уровнях...

И снова – отбить! Увернуться!

Удар ногой сбил костяную иглу, но водяная струя все же пробил щит, царапнула плечо...

Кажется, сейчас его достанут?

Но если броситься на девицу, попробовать прикрыться ей... хоть двоих, но он завалит!

Шаг вперед, перенос веса на опорную ногу... кинуться на врага Хавьер просто не успел.

– Аааааххх!

Девка-креветка захрипела, запрокинулась назад, глаза ее помутнились. А потом она развернулась к соседу и что есть силы ударила его иглой.

Тот не ждал предательства – и игла достала его. Пробила насквозь... Хавьер не стал ждать еще одного шанса.

Последнего мага спеленали «оковы тьмы», сжали, обвили змеей, придушили... Хавьер развернулся к девушке, но там правки и не понадобилось.

Она лежала на полу и, кажется, не дышала. А над ее телом поднимался силуэт рыжеволосой девушки.

– Феола?! – узнал Хавьер. – Ты... но КАК?! ЧТО?!

– Все в порядке, – шепнула Феола. – Треси просила приглядеть... утром буду...

Хавьер понял, что это не призрак, когда Феола исчезла. Вот только что была – и уже ее нет.

Астральная проекция?

Завтра он обо всем расспросит девушку. А сегодня...

Треси...

Треси просила приглядеть за ним!

Хавьер ничего не мог с собой поделать. Он стоял над поверженными магами и чувствовал, как по лицу расплывается идиотская улыбка.

Он жив.

Жив, благодаря Тересе. Феоле тоже, но если бы Треси не попросила подругу, та не оказалась бы рядом. И его бы уже ничего не спасло. Так что...

Он обязан Треси жизнью. Будет справедливо, если часть этой жизни он посвятит девушке. Например, женится.

И поскорее! Такое сокровище упускать нельзя!

* * *

– Фи, ты в порядке?!

Винни едва на шею не кинулась подруге. И было отчего.

Феола, которая лежала спокойно, вдруг выгнулась дугой, захрипела, зашипела, потом рухнула обратно на кровать так, что чуть ножки не подломились – и забилась словно бы в эпилептическом припадке.

Винни едва в голос не взвыла.

Бежать бы за врачом! Кричать о помощи!

Но Фи сказала – не смей! Свеча, бубен – и не обращать ни на что внимания. Хотя она тут грибами порастит!

Хорошо еще, все почти сразу закончилось, и Феола открыла глаза.

– Уффффф! Воды!

Половину Винни споила подруге, вторую просто пролила, но Феола смогла и выпить, и откинуться на подушки, и уже разговаривать спокойно.

– Все в порядке.

– Правда?

– Не похоже? – устало улыбнулась Феола. – Все и правда в порядке. Вовремя я...

– Расскажешь? – Винни умирала от любопытства. А потом протянула подкуп – тарелку со сладостями, которую (голодное детство) прятала у себя в тумбочке. А вдруг!

Даже если не хочется, неважно! Главное же, что они есть!

Феола опустила ресницы и протянула руку за кусочком пастилы. Пальцы дрожали так, что Винни сама подхватила выбранный ломтик и сунула подруге в рот.

– Жуй. Вы, маги, устаете, я знаю.

– Правильно. Шаманы тоже устают. Меня Треси попросила проследить за Хавьером.

– И что ты сделала?

– Что-что, мы, шаманы, так можем. Отделять дух от тела и путешествовать. Ты меня бубном назад звала. Чтобы я шла на его голос.

– А если бы никого...

– Бубен некому дать? И такое бывает, мой учитель куда угодно прийти сможет. Это я надолго и далеко пока не могу, а ему хоть бы и другой мир. Он пройдет.

Только цену за это заплатит непомерную. Но об этом Феола помолчит. Не все надо рассказывать даже друзьям.

– Ага...

– Вот, к Хавьеру я прошла, а на него трое магов напало. Одну я убила, с остальными он уже справился.

– Ты и убивать так можешь? Это ж... идеальное убийство!

Винни подумала о самом плохом. По привычке, видимо. Детство сказалось.

Феола только головой покачала. Как объяснить постороннему человеку то, что Адэхи внушал ей с детства?

Она – шаман.

Она не имеет права использовать силу мира в своих интересах.

Ее сила – не инструмент. Ее сила – это опора равновесия.

Там и тогда Феола даже не убивала. Она защищала. Жертвоприношение не угодно богам этого мира. Мединцы не находятся под их покровительством, они чужие, они не принадлежат никому.

Только потому она смогла вмешаться.

Если бы речь шла о человеке, она бы не отделалась судорогой. Шаманы так и умирали. Если ты идешь против воли мира, не удивляйся – мир тебе ответит. И никого это не обрадует.

– Не могу. Понимаешь, у шаманов есть жесткие ограничения. Очень строгие.

– Да?

– Да. Это долго объяснять... маги могут потерять силу. А на шамана может ополчиться весь мир. Меня просто раздавит, если я буду идти против справедливости.

– Не понимаю, но поверю, – пожала плечами Винни. – А потом ты вернулась сюда, да?

– Да. Надеюсь, теперь Хавьер справится. Этой ночью я ему больше ничем не смогу помочь.

Феола поднялась и попробовала отправиться к себе в комнату. Винни помогла подруге и дойти до кровати, и улечься, и даже грелку подсунула поближе. Которую Феола и обняла, словно родную.

– Хорошо... так мерзнешь, уходя из своего тела.

– Там... холодно?

– И страшно. И холодно. И очень больно, – вздохнула Феола. – Я справлюсь. Спасибо, Винни.

– Не стоит благодарности.

Впрочем, этого Феола уже не слышала. Уснула.

И во сне видела родной остров, и дом, и море. И ей было хорошо.

Мир принимал ее и не осуждал. Она все сделала правильно. А скоро и утро будет. Надо поспать хоть до рассвета. Завтра будет сложный день. Королевские похороны не каждый год случаются.

* * *

– Слов у меня нет, и зла не хватает!

Амадо уже преспокойно жаловался Хавьеру, а тот воспринимал все как должное. А что такого?

Все уже, куда и вражда подевалась? Почти подружились.

А если смотреть шире...

Ладно уж! Пусть его, что Риалон! Там и дядя виноват, и Амадо ни при чем, и человек он неплохой – можно и пообщаться. И похуже у людей недостатки бывают.

– По одному адресу трех магов мы выловили. И мне кажется, девица некромантией владеет. У нее была костяная игла.

– Хм?

– Расспросить уже не удастся. Но игла... она вроде шаманского посоха. Позволяет оформлять сырую силу в заклинания.

– Но девица может быть и водником, и воздушником?

– Вполне. Сейчас уже не спросишь. Разве что Феолу.

– Феолу?

– Она устроила этой криветке кровоизлияние в мозг. Там и не допросишь толком! Мозг наполовину выжжен.

– Еще одного мага она убила.

– Третьего я спеленал. Что показывает допрос?

– Читай, – Амадо подвинул к Хавьеру лист бумаги, а сам пошел пить кофе. Чашку так сороковую за ночь. Или пятидесятью.

Спать хотелось – хоть ты сырые зерна ешь! Но некогда, некогда...

За спиной Хавьер внимательно вчитывался в бумаги.

– Амадо, получается, что это только хвост?

- Да.
- А где голова – мы не знаем?
- И снова верно.
- Б...
- Абсолютно точно подмечено, тан Карраско.
- А завтра похороны. Нам ... и ... Тан Риалон?
- Я бы сильно не удивился.

Хавьер тоже не удивлялся.

По одному из адресов оказались обычные медицы.

По второму – вот эти трое магов. Соплячье, которое боится боли и смерти. Ничтожества.

И пойманный маг показал, что он самый обычный исполнитель. Разум и душа любого мединского движения – Рамон Амадо Бустос. Он сам маг.

И среди мединцев есть еще маги. Всего их четырнадцать штук, троих ликвидировали, одиннадцать остались. Дора (это полукреветка, Хавьер ее определил правильно) действительно могла практиковать некромантию. Но на очень слабом уровне. Ее учил некто Сесар, он маг, он водник, но тоже мог практиковать некромантию. Только через амулеты.

Дора их делала и заряжала, она не боевик, она арте-фактор. Потому они и оказались в этом доме сейчас.

Готовились к взрыву.

Нужно было еще раз проверить контур, запитать его, подправить... да, взрывчатка еще есть.

Адреса прилагаются, и полиция туда уже отправилась.

Что еще планировал Рамон?

Неясно. Но какой-то запасной план у него точно был, просто мальчишку не посвящали. Его дело было идти, куда скажут, и поддерживать силой, кого надо. Ему это давалось легко. Есть такие маги, которые физически не могут поделиться и граном энергии, а есть те, кто отдает чуть ли не с радостью.

Вот, мальчишка именно из таких. Доре он и требовался.

Что дальше?

Не знаааааюууууу...

Не убивааааайтееееее...

– Даже если мы сейчас доложим Кампосу, никто не отменит ни похороны, ни коронацию, – безнадежно вздохнул Хавьер.

Амадо утвердительно кивнул.

– Значит, надо сделать как можно больше за это время.

– Сделаем. Давай, куда еще съездить? Чем помочь? Конечно, нашлись и адреса, и помощь потребовалась.

Так что до утра Хавьер мотался по городу с полицией.

И утром выглядел, как свежеподнятый зомби. Но... Слишком дорого может обойтись Римату его лень. Есть время? Работаем!

* * *

Рамон Амадо Бустос был в дикой ярости.

Не так, чтобы крушить стены и пробивать их насквозь, нет. Но ощутимая волна гнева от него шла.

Впрочем...

– Итак, наш первый план провален. Взрывчатку эти твари нашли, а наших троих младших взяли в плен.

– И не только их, – заметил один из магов.

Рамон небрежно взмахнул рукой.

– Мы всех освободим. Но чуть позднее.

Маги переглянулись.

– Это понятно, – кивнул второй. Тот самый Сесар, кстати говоря. По силе он был почти равен Рамону, по честолобию тоже, а потому числился его заместителем, правой рукой и заменой на всякий случай. И не подсиживал начальство он только по одной простой причине – не перед кем. Вот когда Владычица Синэри вернется – другой вопрос. Там можно будет и о своих заслугах рассказать. – Приводим в действие второй план?

– Да. Похороны придется пропустить, пусть уверятся, что все в порядке, и расслабятся. А вот коронацию...

– Тогда мы отправляемся отдыхать, – решил за всех магов Сесар. – Контур уже давно готов, его осталось только запитать. Жертвы для него тоже готовы, так что... завтра я его проверю и все еще раз пересчитаю, а уж в день коронации...

Рамон кивнул.

Маги, кто вышел, кто выполз из комнаты, и мужчина остался один.

Ударил кулаком в стену, выругался.

Проклятье, ПРОКЛЯТЬЕ!!!

Неужели придется отложить приход Владычицы?!

Невыносимо!

И так тяжело, в если еще на год, еще на день... даже на минуту! Даже вот этот пропущенный день... он так надеялся уже завтра поглядеть в ее синие глаза, так надеялся, что завтра опять... завтра ОНА уже будет здесь...

Смерти людей его ничуть не смущали. Подумаешь!

Их и так слишком много, а мединцев слишком мало.

– О чем ты думаешь?

Рамон повернул голову, глядя на Дарею.

– Хммм... ты из Римата?

– Да. Там сложности, мою сестру и мать арестовали, к нам приходила какая-то жаба, я ее напугала и сбежала.

Рамон только рукой махнул. Без особого интереса.

– Ну и ладно. Образуется.

Даря обвилась вокруг любовника и заглянула ему в глаза.

– Милый... Сесар чем-то недоволен?

– Да, у нас сорвался план с жертвоприношением, – жестко ответил

Рамон.

– Владычица! И что же теперь?

– Приступим ко второму плану, – усмехнулся Рамон.

– Второму? Но ты никогда не говорил, – удивилась Даря.

– Главное – делал, – отмахнулся мужчина.

– Я думала, ты мне доверяешь...

Рамон едва зубами не закрипел.

Вот идиотка-то!

Доверяешь, проверяешь!

Он что – обязан за каждое свое действие отчитываться? Может, еще и плакат на спину повесить? Тьфу, дура! Знает один – знает лишь один. Знают двое – знают уже все.

Справедливости ради, о втором плане знали шестеро. Но это же не повод посвящать в него каждую дуру просто на основании того, что он с ней спит?

– Расскажешь? – попросила тем временем Даря, не подозревая о мыслях своего любовника.

Рамон пожал плечами.

Сейчас уже можно. Сейчас все это уже не остановить.

– Первый план ты знаешь. Я хотел взорвать тех, кто прибудет на коронацию, их кровью и жизнью запитать врата и призвать Владычицу.

– Да...

– Второй план составлялся на случай неполадок с первым. Мало ли что...

– И какой он?

– В первом плане мы открывали Врата над Риматом. Во втором нам придется их открыть в море.

– В море? Но это же намного сложнее!

Уж настолько-то Даря в магии разбиралась.

– Безусловно. Поэтому потребуется больше жертв.

– Откуда они возьмутся?

– Все оттуда же. Римат – столица, но на берегу моря. Достаточно заряда, заложенного в нужном месте, чтобы на город пошла волна. Жертв будет даже побольше ста тысяч. Просто не в одну минуту, и напитывать рисунок придется дольше, и ворота будут открываться сложнее. Но мы с этим справимся. Мы с Сесаром считали – должны удержать контур. Конечно, понадобится первичное жертвоприношение, но у нас есть человек двести, наловили. Хватит на первый удар.

Даря захлопала в ладоши.

– Рамон, ты гениален! Ты просто потрясающий! Ты такой умница!

Рамон чуточку расслабился.

Понятно, он такой. Но и приятно, когда признают твои заслуги. Но кто еще придумал бы вызвать цунами рядом с берегом? И смыть этот мерзкий Римат в море?

Правильно!

За Владычицу!

– Только вот... – Даря вспомнила о чем-то таком. – А как же мои сестра и мама?

– Твоя сестра? Она же мединка, так что ей цунами не страшно. Мы все можем дышать под водой, мы потом просто сходим и

освободим своих братьев и сестер.

Даря кивнула. И тут же задала второй вопрос.

– А мама?

Рамон досадливо сморщился.

Мама-мама... ну что – мама?!

Надо уметь чем-то жертвовать во имя великой цели!

– Вполне возможно, ей повезет... или ей поможет твоя сестра. Да, поможет, обязательно.

– Рамон... я могу сходить и помочь ей! Я проверю дом, а если ее там нет... я вытащу ее из тюрьмы! Завтра королевские похороны, их не будут серьезно охранять! Я уверена! Если ты дашь мне кого-то в помощь...

– Очешуела?!

Даря хлопала глазами.

– Рамон?!

Любимый явно гневался. Но почему?! Это же ее мама!

И сестричку можно захватить. Да, у Эллары есть жабры, наводнение ее не убьет, но ведь... это – цунами! Под водой она дышать может! А если ее завалит камнями? Или ранит? Покалечит?

Даря себе этого никогда не простит!

– Даря, о моем плане практически никто не знает. И пока он не осуществится, ты сидишь здесь. Один план у нас провалился, я не позволю сорвать второй.

– Но я тебя не выдам!

– А если тебя раскаленным железом пытать будут? К примеру?

– Сутки я продержусь. А потом вы меня вытащите.

– А маги? Нет, Дари, ты сидишь и ждешь.

– Тогда пошли кого-нибудь за моими родными! Рамон! Умоляю!!!

– Дари, мы не можем сейчас рисковать. Мы уходим отсюда в другое место.

– Рамон! Это мои близкие! Мама, сестра...

– Ты не поняла, что ли?! Речь идет о возвращении Владычицы! Какие могут быть родные?!

Их глаза оказались совсем рядом, и Даря впервые заметила, какой в них горит огонь.

Неудержимый, яростный... почти безумный.

Или – не почти?

– Ты на все готов ради нее?

– Да.

– А ради меня?

Впрочем, этот вопрос Дарей могла бы и не задавать. Печально обвисли щупальца, помутнели синие глаза...

– Отпусти меня одну. Я справлюсь, Рамон. Пожалуйста, отпусти, если любишь...

Кулак, который оглушил ее, она заметила, но уклониться не успела. И слова еще слышала, проваливаясь в беспамятство.

– Любишь... дура, б...

Позвать подручных и приказать погрузить бесчувственную Дарею со всем скарбом было делом минуты.

Не то чтобы Рамон плохо к ней относился. Даже наоборот, вполне прилично. Хорошая девушка, его любит... просто ему нужно вернуть Владычицу. Остальное сейчас значения не имеет. Может, и потом это будет неважно.

Если сейчас взорвать то, что осталось в Римате, жертв будет недостаточно. Слишком мало. Значит, и делать это незачем. Ему-то не бессмысленные убийства нужны, ему нужны жертвоприношения, гекатомба и Владычица! Рамон попросту практичен.

И вообще, сейчас Дарей ему нужна. Для жертвоприношения.

Нет-нет, не убивать ее.

Просто даже сотня человек... их надо кому-то резать, их должен кто-то держать, подводить людей, которые ничем не одурманены (тут важны именно что чистые эмоции, гнев, ярость, отчаяние, боль), потом оттащить трупы, чтобы не нарушать рисунок ритуала...

Дарей пригодится.

Она сейчас придет в себя и все поймет.

Потом, может, он даже время выберет с ней поговорить! Но не сейчас же!

Сейчас им надо спешно перебраться на вторую, запасную, базу, о которой никто не знает. А она тут ломается, как сдобный пряник!

Родные, близкие, мама, сестра...

Да кому там важны эти глупости, когда здесь судьба мира решается?! Не до тебя, дуры! И вообще... мать там попросту человек,

так что ее ценность сомнительна. Рожать она не сможет, Владычицу она... ладно, не предала, но ведь и не помогла же!

И сестра там такая же!

Так что... пусть пропадают! Не жалко! Даря потом утешится.

Когда вернется Владычица Синэри, все будут счастливы. И он, и остальные мединцы, и слияние они пройдут, и все будет хорошо.

Правда-правда, будет.

А кто не верит, тот против нас. Моря – на всех хватит!

Глава 10

Адэхи ждал.

Увидеть его было нереально, сейчас шаман был частью Эфира.

Он был рядом с Риматом, он видел город у моря, он ощущал его, как свое продолжение. Но при этом сам он был совершенно неосязаем.

Душа шамана вышла из тела, явилась на место действия и теперь ждала. Неосязаемая и незримая, пожалуй, только Феола могла бы его даже не увидеть – осознать присутствие. Но Феоле не до того. И это хорошо, у него хорошая ученица.

Ей только намекни – помчалась работать. Умница, девочка! И дел не боится, и старается, не за страх, а за совесть, и не говорит, что это ее не касается.

Касается.

Все, что может пошатнуть мир – это дело шамана. Все, что затрагивает его равновесие. И девочка действует. Она не боится ни работы, ни ошибок. Только вот последние слишком дорого обходятся, иногда.

Если Феола не сможет на что-то повлиять, предусмотреть, то останется Адэхи. Последним заслоном.

Может он вмешаться?

Да, определенно, может.

И вмешается. И не пожалеет себя.

Они это начали, им и решать этот вопрос.

Старый шаман знает, что на побережье, у костра, лежит его тело.

Что случись самое печальное, Ксаресы найдут его и похоронят, как положено.

Что Феола будет горевать, но будет и идти вперед, и учиться, развиваться, расти дальше – у него хорошая ученица.

Что этот мир будет жить, вопреки всем их ошибкам. Это тоже важно.

А пока он ждет.

Ждет и наблюдает.

Ждет сколько понадобится. Все решится в ближайише пару дней. Этот срок он сможет продержаться, и сил ему хватит. Он справится.

Адэхи внимательно смотрел туда, где шли приготовления к ритуалу.

Люди. Все же – люди.

Смешные, нелепые, жестокие и добрые, со щупальцами и без, сущность остается той же. Человеческой.

Синэри могла извратить природу людей, но эти души она поглотить не успела. И изуродовать слишком сильно – тоже.

Они смогут когда-нибудь стать людьми. Только когда?

Впрочем, мир велик и многообразен. Надо просто дать шанс – и им, и миру.

Адэхи подождет.

Жизнь одного старого шамана – не такая большая цена. И он готов к расплате.

* * *

Утро у всех начинается по-разному.

Тереса проснулась от того, что ей целовали руки. Открыла глаза и увидела Хавьера, стоящего рядом с ее кроватью. На коленях.

– Треси, родная! Спасибо тебе!

– А?! – только и сказала девушка.

Все же у мужчин и женщин совершенно разные представления о романтике. Вот Хавьер считал, что все делает правильно. Он, на коленях, с кофе, с предложением руки и сердца, с благодарностью...

А Тереса думала, что она со сна, заспанная, растрепанная, выглядит страшнее демона, и зевать хочется жутко, и умыться, и вообще... туда, куда король пешком ходит. В таком виде только ворон с поля гонять! Тут же любой мужчина напугается.

Хотя этот – некромант. Они покрепче.

– Треси, – поцелуй ручки получился вполне себе страстным. – Ты мое чудо. Если бы не ты, я бы точно умер.

– Что случилось?! – Треси и про прическу забыла, села на кровати...

– Меня ждала засада. Феола помогла, без нее меня бы точно убили. Она сказала – ты ее попросила.

Тереса кивнула.

– Да. Я попросила... слава богу!

Хавьер пристально поглядел на девушку.

– Если ты ее попросила... я тебе не безразличен?

Мог бы и не спрашивать. К заspanным глазам, растрепанным волосам и насмерть измятому платью прибавились еще и багровые уши. И щекам тоже стало подозрительно горячо.

– Ээээ, – очень «умно» отозвалась Тереса, думая, куда бы удрать. Разве что под кровать, но... не успела.

– Треси, выходи за меня замуж? Я тебя люблю, просто я думал, что я тебе не нужен. Вот и молчал. Просто хотел быть рядом. Выйдешь?

Приличные девушки после таких заявлений падают в обморок. Тереса оказалась покрепче. Она протянула руку, взяла у Хавьера кружку с кофе и сделала большой глоток. Обожгла язык и совсем по-детски ойкнула.

– Не сон...

– Точно не сон, – подтвердил Хавьер. – Ты за меня замуж выйдешь?

Тереса сделала еще один глоток.

– Я не ритана.

– Знаю.

– И образования у меня нет.

– Получишь любое, какое захочешь.

– И я не красавица.

– Ты – самая красивая девушка в мире, – серьезно сказал Хавьер. – Для меня. Тереса, я некромант, и работа у меня сложная, и то, что я тан, не дает никаких особых преимуществ, у нас в семье не слишком балуют деньгами. Я живу на свои заработки, ну так еще, по мелочи, всякое. И при дворе мы блистать, наверное, не будем. Мне некогда, и я не умею. Но если ты выйдешь за меня замуж, я постараюсь сделать тебя счастливой. Пожалуйста, скажи – да?

Свои недостатки Тереса знала. Но и душой ведь не была!

– ДА!

Отказываться? От такого предложения? Даже если это сон – она согласна!

А кофе они все-таки пролили. Когда целовались. Но Тересе это было глубоко безразлично.

* * *

– Опять никакой?!!

Феола влетела в кабинет рыжим огненным вихрем. Только волосы взметнулись.

Амадо посмотрел на нее взглядом совы, которую долбануло по голове сосной.

– Не кричи, пожалуйста. Голова разламывается.

– Еще бы... не спал, не ел, живешь на одном кофе...

– Фи...

– И сегодня тебе спать наверняка не придется.

Феола-то силы восстановила. И теперь тянула Амадо за руку.

Мужчина послушно встал из-за стола.

– А... что?!

Договорить он не успел. Потому что Феола обхватила его руками за шею, прижалась покрепче и поцеловала. Неумело, но решительно.

И еще раз.

Амадо так ошалел, что сначала стоял статуей, но потом опомнился и на поцелуй ответил. И даже увлекся настолько, что руки его оказались вовсе не на талии девушки.

Правда, Феола ничего лишнего не допустила, разорвала поцелуй и всмотрелась в глаза мужчины.

– Как ты себя чувствуешь?

– Ээээ? – очень умно поинтересовался Амадо.

– Напрямую я могу переливать силы только так, – честно объяснила девушка. – Но тут главное не дать лишнего, а то будешь весь день как пьяный. Я еще никогда не пробовала так делать, могу не рассчитать.

Амадо даже оскорбился.

Это что – его так ЛЕЧИЛИ?!

Люди добрые, да что ж это такое?!

Но через пару минут дошло.

Никогда не пробовала. А ради него...

– Не знаю, – честно сознался он. – Когда тебя целует такая очаровательная девушка, немудрено вообще голову потерять.

Феола покраснела так, что догадался бы кто угодно. Амадо исключением не был, дураком тоже, а потому...

– Можно еще раз попробовать? Без силы? А то я не могу понять, отчего у меня голова кружится.

Ответить Феола не успела. А что – только ей можно целоваться без предупреждения?

Минут через десять, когда они оторвались друг от друга, она поправила неприлично задранное платье и возмущенно фыркнула.

– Так нельзя!

– Почему?

– Ну... ты женат. Я просто...

– А если разведусь? Мы с Альбой уверенно идем к разводу.

– Вот тогда и поговорим, – кивнула Феола. – Быть твоей любовницей я не могу, родители не поймут.

– Я бы тебе никогда такое не предложил, – серьезно заверил ее Амадо. – Только брак. Поэтому... давай сейчас пройдет коронация, я поговорю с Альбой, мы с ней разведемся, и я смогу ухаживать за тобой, как положено.

Феола улыбнулась.

Это ей уже нравилось.

– Хорошо. Так я согласна. Голова больше не болит?

– Все прекрасно, – Амадо действительно великолепно себя чувствовал. И сейчас, впервые в жизни, был ужасно рад, что не маг.

Как ему в детстве хотелось быть некромантом! Как отцу! Ужасно хотелось...

А сейчас совсем не хочется. Просто потому, что у них с Феолой ничего не получилось бы. Силы-антагонисты, и никаких личных отношений.

Ну ее в болото, ту некромантию, ему и так неплохо живется!

В доме Ксаресов утро началось с завтрака. Но в этот раз...

– Ритана Альба, прошу составить мне компанию.

Тан Патрисио Ксарес лично усадил дорогую гостью рядом с собой и весь завтрак ухаживал за ней, развлекая беседой.

Семья Ксаресов смотрела на это с большим неодобрением, но пока все молчали. А то ведь можно и огрести...

Первой, на правах подруги, решила Роза. Аккуратно так...

– Альба, если захочешь, я тебя потом домой отвезу. Переодеться.

– В этом нет нужды, – небрежно взмахнул рукой тан Ксарес. – После завтрака вы с ританой едете к сеньоре Наранхо и заказываете там себе достойные платья. Для похорон и для коронации. Ритана Альба должна выглядеть достойно на этих мероприятиях.

– А... э... ххххы... ххорошо, отец, – кое-как отозвалась Роза. – А... Альба...

Как тут сформулировать вопрос?

Папенька, с чего вас щедрость обуяла? Вы вообще здоровы?

С какого-растакого вы подобные подарки делаете чужой супруге? Альба Инес, хоть на мужа и ругается, но все же Риалон. Вы некромантов не боитесь?

Да-да, если что, подобные подарки можно принимать только от близких людей.

ОЧЕНЬ близких.

Патрисио фыркнул.

Над детьми он бы поиздевался в свое удовольствие, но не в присутствии же Альбы? То-то и оно...

– Роза, ритана Альба составит мне компанию на коронационных торжествах. И вообще, наша семья должна выглядеть достойно. Если двор возвращается в Римат – у нас не будет второго шанса произвести первое впечатление.

Это понятно. А Альба-то здесь при чем?!

Впрочем, Роза ее потом расспросит лично. Когда они в ателье поедут.

* * *

Мерседес проснулась от ласкового поцелуя.

– Ты – потрясающе красива.

Она в это не слишком верила, но Херардо представил убедительные доказательства, на их рассмотрение потребовалось время, а потом Мерседес и поверила.

Уже потом, когда они лежали рядом...

– Надо сегодня съездить к твоим деду и бабушке. Попросить твоей руки.

– А если они не согласятся?

– Значит, будет еще один скандал. Тебя это не пугает?

– Нет. А надо?

– Не надо. Потому что скандалы – это мой образ жизни, – честно сознался Херардо.

Мерседес тоже подумала пару минут. Скандалы ее не пугали. Вообще. Никак.

Ну, скандал. И что с того? Что поменяется? Ей это все безразлично, был бы Херардо рядом, а он будет. Сам сказал...

– Мне все равно, – решила она. – Я тебя люблю и хочу быть с тобой. Вот.

– Девочка... я тебя всю жизнь любить буду.

Мерседес улыбнулась в ответ и поцеловала своего мужчину.

Все у них будет хорошо...

Если, конечно, выяснится, кто решил устроить передел власти и использовать для этого остатки мединцев. Если удастся выжить.

* * *

– Я женюсь.

На это известие семейство Ортисов отреагировало по-разному.

Отец уронил вилку.

Мать ахнула и прижала ладони к щекам.

– На ком?! Рауль, на ком?! – затеребила его младшая сестра.

Рауль улыбнулся.

– На ритане Алисии Ксарес. Она замечательная...

История знакомства произвела впечатление. Впрочем, отец уточнил другое.

– Ксарес. Родственница?

– Да. Но без связи с основной веткой. Ее отец решил не плясать под дудку Патрисио Ксареса, уехал в Колонии, составил там капитал, у него плантация...

– Достойно.

– Ты же нас познакомишь? – подняла брови мать.

– Конечно, мам. Сегодня же, – Рауль мимоходом скормил одной из собак кусочек омлета с тарелки.

Собаки у него ничего не уточняли, но слушали очень внимательно. Это ведь их человек жениться собрался! Для животного это важно! А то найдет себе какую-нибудь, гав какую! А жить-то с ней не только ему, но и им!

– Надо же! Нашлась девушка, которая выдержит твоих барбосов, – съязвила младшая сестрица.

– Теперь ты ищи мужчину, который выдержит твои увлечения музыкой, – отбрил Рауль. – Лучше глухонемого.

Сестра надулась.

Ну, нравится ей опера. И что?! Она и сама петь любит, это не повод над ней издеваться! Хотя Рауль не издевался, выбирая между собаками и оперой, он сразу выбирал собак. Если их кормить, они выть не будут. А оперных певцов сколько ни корми...

Нет уж. Лучше собаки. С ними уши целее будут!

* * *

Даря открыла глаза.

Конечно, Рамона рядом не было.

Конечно, никому не было до нее дела.

Ее просто положили в угол, отведенный для сна, на кучу пледов и шкур, и оставили так. Не возиться же с ней!

И хорошо...

Может, Рамон что-то и планировал, но ему явно было не до того. Разве что потом уделит ей внимание, когда самые важные дела будут сделаны. Так всегда...

Так было всегда...

Даря огляделась по сторонам, но рядом с ней никого не было. Никто ее не видел, и это тоже было счастьем.

Девушка повернулась на живот, вцепилась зубами в покрывало, дернула головой – только нитки полетели. Плакать она не могла, глаза не так устроены. Но вот скулить... а шуметь-то и нельзя, не надо никому знать, что она пришла в себя.

Но как, КАК успокоиться, когда душа рвется на части?!

Как быть, если больно?!

Если рвутся иллюзии, рассыпается в прах кукольный домик выстроенного счастья – они с Рамоном, свободные, счастливые, в море, и рядом с ними их дети...

Рамону это не нужно.

Рамону ничего не нужно. И никого не нужно. И Дарея не нужна.

Рамону важна только Владычица Синэри. Все остальное можно принести ей в жертву.

В том числе и маму Дареи, и ее сестру...

Мама...

Теплые руки, грустные глаза, запах молока и уюта.

Элли. Игрушки и книжки, слезы и радость, поделенное на двоих мороженое, потому что на два мороженых у мамы денег не было. Но как она старалась порадовать своих малышей!

И не выделяла Дарею! Ничем!

И мороженое, и по попе Дарея получала в равных дозах с Элли. Особенно если они вместе проказничали. И бросить родных в обреченном Римате?

Одно дело, взрыв во время королевских похорон. Туда не пошли бы ни Лидия, ни Элли, за них можно было бы не волноваться.

Но волна, которая накроет весь Римат?

Вода не разбирает. Она сворачивает горы и разносит стены, она неуправляема и безудержна. И если Элли еще может уцелеть, то мама точно нет.

А мама в свое время не бросила маленькую Дари, хотя и могла. Дари понимала, что она бы не выжила. И вот сейчас...

Зачем ей Владычица, если на ее алтарь придется бросить самых близких?!

Раньше Дарея думала, что она важна для Рамона. Что она ему нужна.

Никто ему не нужен.

А вот ей нужны ее родные. А если так...

Даря сплюнула застрявшие между зубами нитки.

Она не позволит принести в жертву своих родных! Она вернется за ними в Римат – и в ближайшее время. А пока...

Девушка выпрямилась, и с очаровательной улыбкой встретила подошедшего мединца.

– Я пришла в себя. Чем я могу помочь?

Мединец оглядел ее с сомнением, но выглядела Дари вполне спокойно, улыбалась дружелюбно, а рабочие руки были на счету, так что...

– Пошли, покажу пленных. Поможешь их распределять.

Даря кивнула и послушно направилась, куда скажут.

У нее будет только одна попытка бегства. И она должна быть успешной.

* * *

– Треси!

– Фи!

Подруги встретились в коридоре полицейского управления и тут же зашебетали вовсю. Впрочем, недолго. Феола с укором поглядела на Хавьера.

– Тан некромант, нельзя же так!

– Как?! – не понял Хавьер.

– Треси надо переодеться, да хотя бы расческа ей нужна!

Хавьер почувствовал себя дураком.

– Эммм... Треси, прости. Я не сообразил.

– Мы можем съездить ко мне домой за моими вещами, – пискнула Треси, жутко стесняясь.

Засос у нее на шее был очень выразительным.

Хавьер перехватил взгляд Феолы, направленный на синяк, и развел руками.

– Можете нас поздравить, ритана Ксарес. Мы женимся.

– Поздравляю! – от души высказалась Феола. – Я за вас очень рада! Треси?

– Да, – одним словом ответила подруга на все вопросы.

Да – добровольно.

Да – счастлива.

Да – она сама этого хочет. Очень-очень...

И вообще, Хавьер просто замечательный. А что некромант, так у каждого свои недостатки. Думаете, с алкоголиком или игроком лучше живется?

– Мы можем все купить, – предложил Хавьер, но Треси решительно покачала головой.

– Что мы и где купим? Ближайшие два дня везде закрыто – похороны же, и коронация... И это просто мои вещи... может, они и не слишком дорогие, но они для меня важны!

Как такое объяснить?

Набор ниток, который собирался по клубочку, по моточку – чтобы шелковые, и разных цветов, и разной толщины...

Иголки – тоже самые разные, от толстых, хоть парусину штопай, до тоненьких, изящных, которые для шелка, и платья, которые Треси шила себе сама. Пусть из дешевых тканей! Но ведь она труд в них вложила! Вдохновение! Силы, время...

И эти платья ей к лицу!

Почему она должна все это бросать? Она так не согласна!

Только вот как объяснить, что это не просто вещи, а частички ее жизни? Но Хавьер, кажется, все и так понял.

– Предлагаю съездить прямо сейчас. Пока есть время. Потом будут похороны, как некромант, я обязан присутствовать. А сейчас мы съездим к тебе за вещами, поставим в известность твоих родителей, и поедешь ко мне. Устраиваться. А я приду вечером. Так хорошо?

– Замечательно! – ответила Треси.

Феола подмигнула ей.

Подруге она завидовала совсем чуть-чуть и белой завистью. Хорошо у вас сложилось, ребята! Будьте счастливы.

У меня так не получится, это уж точно. Амадо женат, так что впереди еще ругательства с его супругой, и развод, и Лоуренсио точно будет против... надо сегодня вечером хоть домой заглянуть. Вещи взять.

Но это потом, потом...

А сейчас она просто рада за подругу и ее любимого мужчину.

Хавьер улыбнулся Феоле (она и не подозревала, что некромант так умеет), приобнял Треси за плечи и развернул к выходу.

– Едем, любовь моя! Ритана Феола, я вас еще не поблагодарил, но слов тут недостаточно, а для дел у меня нет времени. Давайте сойдемся на том, что я должен вам любое желание?

– Отлично. Сделайте Треси счастливой – и мы в расчете, – кивнула Феола.

– Хммм... Хорошо, ритана. Но мы еще об этом поговорим.

Феола взмахнула рукой, и Хавьер кивнул ей в ответ. Долг он все равно признал, и просто так его не спишет. Жизнь – это серьезно, особенно для некроманта. Но они еще успеют это обсудить. А пока...

Пока Хавьеру надо ехать.

Потом они просто не пробьются по улицам, да и королевский кортеж войдет в ворота в десять утра.

Пока проход по улицам, пока отпевание, пока захоронение, пока все церемонии... тут уже и к вечеру будет. Надо торопиться.

– Фи?

Амадо подошел сзади, посмотрел вслед уходящему некроманту.

– Да? – развернулась Феола. И улыбнулась. Даже растрепанный, усталый, с кругами под глазами – все равно Амадо ей безумно нравился. И будет нравиться любим.

Старым, седым, с шестью подбородками и геморроем. Наверное. Геморрой она все же вылечить может, так что последнее – теория.

– Что там с некромантом?

– Хавьер? Он женится на моей подруге.

В ночные приключения Феола пока никого не посвящала – ни к чему.

Амадо только вздохнул.

Вот так. Подруге...

– Тереса?

– Да.

Второй вздох вышел еще более печальным. Но девушки действительно подружились, а значит...

– Будем дружить семьями.

Феола расцвела и поцеловала Амадо в щеку. Не прицельно, но крепко.

Следователь вернул ей поцелуй и усмехнулся. Он-то согласен. Интересно, что на это скажет некромант? Посмотрим, послушаем...

С утра в доме Наранхо было шумно и людно.

Рыдала Мария Наранхо – рыдала с вечера. С того момента, как непокорная дочь сбежала невесть куда. Она же... она молодая девушка! Вы себе представляете, сколько опасностей ее может подстеречь на улицах столицы?! Ее могут избить, изнасиловать, ограбить, украсть... и кому потом это разгрести? А кто будет деньги зарабатывать?

Успокаивал ее Хуан Карлос Наранхо.

Тереса взрослая, она умничка, она справится и вернется. Побегает, да и успокоится, должна же она понять, что замуж надо выходить вовремя?

Вот все выходят в семнадцать, а то и в шестнадцать?

Вот и Тересе пора! А то засидится в девках, кому она потом будет нужна?

Всю эту концертную деятельность поддерживал Пабло, который остался у Наранхо. Родители его отправились домой, гневно высказавшись, что Тересе придется у них долго просить прощения.

Их сын ей нехорош?!

А кого она себе ждет? Принца? Так испугается принц! Чай, не красотка, и вообще... сомнительная радость! Только и того, что семья хорошая, а сама девица... где это видано – бабе в морге работать! Ладно еще ателье – иголка самое их дело! Но в морге!

У некроманта!

Тьфу, гадость какая!

Поискать Тересу по городу? Пабло бы поискал, но уж очень больно было. Сначала. А потом и смысла искать не было, она небось, уже в пригород удрала. Или к кому из знакомых!

А он будет по ночному Римату бегать, как дурак? Чтобы нарваться на все то, что Тересу миновало? На ограбление, или еще на что похуже... разве только не изнасилуют. И то – могут на корабль продать, а там баб, говорят, годами не видят. Так что лучше умный Пабло посидит и подождет ее дома. Никуда Тереса не денется, побегает и вернется.

Тем более на работу ему сегодня не надо, его дежурство завтра. Время есть. Сиди – не хочу.

И Пабло еще больше зауважал себя, когда открылась дверь и в комнату вошла Тереса. Да не одна, а под руку с некромантом.

– Доброе утро. Папа, мама...

– Дочка! – вскинулась Мария. – Живая!

– Тереса! Ты понимаешь, что мать за тебя волновалась?! Ты, погань такая, чуть ее не до разрыва сердца довела!

Тереса смотрела на родителей достаточно спокойно. Это вчера она расстраивалась. А сегодня... сегодня они уже сами по себе, а она отдельно. Если их не интересует ее мнение, то Тересу тоже их мнение не заинтересует. Пусть родители делают, что хотят, пусть живут себе, она их даже навещать будет. С мужем. И помогать будет, хотя и в меру. Которую сама определит.

Но диктовать себе что делать, она уже им не позволит. Перебьются.

Пабло поднялся с места, подошел к Тересе и протянул руку... Хавьеру!

– Тан Карраско, спасибо, что привезли домой мою невесту. Триша, хватит всех этих глупостей. Хочешь поженимся сразу же после коронации?

– Невесту? – поднял брови Хавьер.

Треси зашипела сквозь зубы.

– Через его труп!

– Как скажешь, дорогая. Сеньоры, сеньора, хочу вам сообщить, что мы с Треси женимся. Сейчас она забирает свои вещи и переезжает ко мне. О месте и времени свадьбы я вас извещу. Лично.

Волна холода и могильной сырости от некроманта стала сильнее, захлестнула дом, заставила Хуана Карлоса задрожать и вскрикнуть от накатившего ужаса, а его супругу наоборот, заткнуться.

Пабло отшатнулся назад, но...

У него что – невесту уводят?! Его, личную?! Которую он уже и женой видел, и матерью своих восьми детей? И все мальчишки?

Не-не, так дело не пойдет! И Пабло расправил широкие плечи.

– Тан некромант, негоже это!

– Что именно? – поинтересовался Хавьер.

Таких как Пабло, он не боялся. Даже интересно было, что ему скажет это сокровище.

– Невест чужих уводить! И вообще, честная девушка до свадьбы должна в своем доме жить! Негоже так! Я жаловаться буду!

Должна. При родителях быть, да!

А пока до свадьбы время... он Тришку сто раз переубедить успеет. И поженятся они, надо только, чтобы некромант ее дома оставил.

Треси вцепилась в руку Хавьера что есть сил. Но тому не требовались пояснения.

– Жаловаться, значит... Жених, значит...

– Да! – Пабло гордо шагнул вперед.

В дальнейшем показания свидетелей расходились.

По авторитетному мнению одной соседки, Пабло вылетел через окно. Другая утверждала, что он открыл головой дверь, так торопился удрать. На самом же деле он сначала ринулся от некроманта в окно, а потом понял, что не пролезет – и помчался к двери. А что головой ее открыл... забыл человек, что она наружу открывается. И рвал ее на себя что есть сил...

Хавьер ему не сильно-то и помог – так, пнул под копчик.

И не бил он Пабло практически. И магией тоже не пользовался. Почти.

Просто некроманты не всегда могут контролировать свою силу. Особенно когда приходят в бешенство, а Хавьер действительно разозлился. И его сила рванулась наружу.

И точно ударила в Пабло.

Ладно еще, он испугался до полного расслабления всех мышц. Но... были и худшие последствия.

Некромантия же! Магия смерти!

Хавьер точно знал, что у Пабло будут большие проблемы со здоровьем. Можно это сравнить с копьём, которое ударило несчастного дурачка прямо в грудь.

Легкие и сердце.

Если побережется следующие года три, то восстановится в полном объеме. Если не будет нарываться и подворачиваться под руки злобным некромантам.

А если будет...

Тогда проклятие расплзется и сожрет его. Что там откажет? Может, какое легочное заболевание будет, может, сердце разорвется –

тут не угадаешь. Это даже не проклятие в полной мере, это просто сила некроманта. Сила, которая вышла из-под контроля.

Пабло с воем мчался по улице.

Хавьер проводил его нечитаемым взглядом и повернулся к Тересе.

– Треси, ты не будешь возражать, если я его уволю? Я надеюсь, мы какое-то время поработаем вместе? И мне вот это рядом с тобой не нужно. Ты будешь переживать, нервничать – зачем?

Треси улыбнулась.

– Спасибо, Хавьер. Ты просто чудо.

Некромант в этом и не сомневался.

– Иди, собирай вещи.

Треси умчалась в комнату, которую делила с сестрами, а Хавьер повернулся к ее родителям. И оскалился. Да так, что в комнате опять нехорошо запахло.

Сейчас он свою силу контролировал, но... все равно – наглость какая! Надо расставить все точки над «і», а то потом родственнички никакой жизни супруге не дадут.

– Уважаемые сеньор, сеньора Наранхо. Тереса выходит за меня замуж. Это не обсуждается. Я – некромант. И советую об этом не забывать. Тереса будет ританой Карраско. Если я еще раз увижу рядом с ней это... сбежавшее, я его просто убью. И никто не узнает, как именно. Некроманты это могут.

Хавьер позволил себе ледяную улыбку и после небольшой паузы продолжил:

– Помогать семье невесты я буду, но в ограниченном объеме. А именно – буду давать деньги, раз в месяц, сумму, равную зарплате Тересы в ателье. Давать я ее буду в руки сеньоре Наранхо, то есть вам. Что вы с ней будете делать – ваше право. Больше я в ваши дела влезать не стану. А если решите полезть в мои – пожалеете. Посмертно. Я понятно объяснил?

Ответом ему были судорожные кивки двух голов.

Очень понятно. И очень доходчиво. Сразу дошло!

А тут и Тереса вернулась. С большим мешком, в котором угадывались платья и туфли. Хавьер легко перехватил у нее ношу. Да тут и складывать-то особенно нечего.

– Тереса живет у меня. Это не обсуждается. А поженимся мы... Треси, когда?

– Сразу после коронации, – четко сказала Треси. – Платье я сшить успею, остальное не так важно.

– Значит, через пять дней. Всего хорошего, р-родственнички.

И Хавьер открыл дверь перед Тересой.

Помог невесте усесться в мобиль, погрузил в багажник мешок. А потом сел за руль и притянул к себе девушку.

– Успокойся. Все уже закончилось, и я тебя люблю.

– Правда?

– Силой клянусь.

– В-верю, – кивнула Тереса.

И только оставшись одна дома, у Хавьера, она позволила себе разрыдаться. От облегчения и радости. Хавьер видел ее семью – и не отшатнулся!

Видел Пабло – и прогнал его!

И любит ее!

У нее самый лучший и чудесный мужчина в мире!

* * *

– Альба – что это значит?

Роза молчала почти всю дорогу. Но потом не удержалась.

Альба легко пожала плечами. То, о чем они говорили с таном Ксаресом, должно было пока остаться между ними. Даже его детям лучше было не раскрывать истинного положения дел.

– Твой отец понял, какая для меня трагедия – не присутствовать на коронации, и решил меня поддержать.

– Хмммм... Альба, мой отец... он никогда и ничего не делает просто так.

– Мы с ним сами разберемся.

Роза недобро прищурилась.

– Ты хочешь стать моей мамочкой?

– Не уверена, – честно созналась Альба. – Но может, это будет выгодно и для тебя, и для меня.

Роза подумала.

– Для тебя – понятно. Но что получу я?

– Деньги? Подругу? Поддержку?

– Что-то я сомневаюсь, что мне это будет выгодно.
Альба тоже сомневалась.
– Роза, я буду честна. Меня твой отец не привлекает. Совсем.
– А его деньги?
– Ну... это привлекает, да, есть такое. Хочется! Или ты остаешься столько лет рядом с отцом только из большой дочерней любви?
– А вот это не твое дело, – надулась Роза.
В другое время Альба обиделась бы. Но сейчас...
Королевские похороны!
Коронация!
И все это в компании Ксаресов, и в шикарных платьях, заказанных в ателье у сеньоры Наранхо!
Мало того!
У нее с таном Ксаресом есть общий интерес. Пока они о нем распространяться не будут. Пока...
А потом будет видно.
И Альба улыбнулась Розе.
– Обещаю, даже если выйду замуж за твоего отца, не стану тебе вредить. Мне всегда нужна будет союзница.
Роза смотрела с сомнением, верилось в это плохо, но... другого никто не предлагал.
Ладно!
Не до того! Надо срочно купить платья – и обратно! Королевский кортеж уже должен направляться к городу!

* * *

Кто работает в день праздников?
Да, ателье тоже работают! Потому что всегда – всегда! – случается что-то непредвиденное!
И из уст в уста передают историю о наглой кошке, которая притащила на свадебное платье невесты дохлую крысу.
О пролитых молоке, соке, о пятнах от еды, которые вылезают в самый неподходящий момент... да мало ли!
Даже о том, как одну ритану – тсссс! – выдавали замуж беременной. И ее с утра так удачно стошнило на свадебное платье, что

срочно понадобилась замена.

А уж в день коронации таких случаев! И в день королевских похорон тоже...

Приличные платья, отделанные траурными лентами, у сеньоры Наранхо были. А что?

Потом одни ленты спороть, вторые пришить, а шить полностью траурное платье и нельзя. Это просто невежливо! Ты же не из королевской семьи!

Вот те – да.

А ты не наглей, не надо!

Так что ателье сеньоры Наранхо было в полной боевой готовности. Не хватало только Тересы, и сеньору Пилар это раздражало.

Наглая тварь!

Мало ей, что подслушивала! Так она еще и ушла, и обратно не просится!

Честно говоря, Пилар рассчитывала, что такой работы, как у нее, Тереса не найдет нигде. Помыкается, да и придет проситься обратно! Вот тогда Пилар ее и прижмет, а то взяла волю...

Не пришла.

А судя по тому, что рассказал супруг, работу Тереса нашла. И не жалуется... дрянь!

Ладно, Пилар ей после праздников займется, и посмотрит, долго ли маленькую гадину будут держать на работе! У Пилар везде знакомства, вряд ли ей кто откажет! Уволят только так!

Но это дело недалекого будущего, а вот подгонять платья под ритан, которые впорхнули на порог, надо уже сейчас.

И сеньора Наранхо лично захлопотала вокруг ританы Риалон.

Ритана Ксарес сказала, что все оплатит ее отец, но... с какого перепуга?

Раньше он что-то не рвался за доченьку платить, а сейчас начал? Нет, если за кого он и платит, так это за ритану Альбу. И понятно, дорвался старичок до молодого тела!

Впрочем, осуждать Пилар не собиралась. А вот продать эту информацию при случае – со всем ее удовольствием! А пока – платья!

Цена?

Прибавьте нолик и будет вам цена! Все справедливо!

Пабло был в бешенстве.

Некроманта он тоже боялся, но ведь можно бояться и пакостить, правда же? А Пабло был как раз из таких. Вроде бы и ничего на вид, но как прижмет...

Положа руку на сердце причины гневаться у него были! Разве нет?

Он всем все рассказал, чуть ли не гостей на свадьбу пригласил, планы построил... осталось только невесту уговорить! И тут, когда уже и родители невесты согласны, приходит какой-то паршивый некромант! И уводит его жену!

Ладно, почти жену!

Понимать же надо!

Обидно? Да это еще мягко сказано! И обидно, и возмущение, и гнев, и ярость – чего только не клопочет в душе преданного и обиженного мужчины!

Как их выплеснуть?

Кто-то пойдет и напьется. Но это не про Пабло! Выпить он может, но спиваться ему не хочется!

А кто-то решит... отомстить! Хорошо бы восстановить справедливость, но поднимать руку на некроманта? Как-то это опрометчиво.

Дохлый некромант намного опаснее живого. От живого отделаться можно, от мертвого не спрячешься и на том свете. Так что Карраско трогать нельзя.

А Тришку?

Если она такая дрянь продажная, то кто ей виноват?

Вот чего хотела, на то и напорется! Благо Пабло знал, к кому идти, и информацию сливал, бывало, этому человеку, и небольшие денежки от него получал.

Вот ему и рассказать про Карраско. И будет все преотлично! У Пабло.

А что там будет у Тришки и некроманта... а что будет, тому и быть! Плевать на них два раза! Сами во всем виноваты!

Королевский кортеж входил в ворота Римата.

Конечно, кортеж – это не совсем правильное слово.

Процессия?

Шествие?

Да, наверное.

Сначала движется знаменосец. У него в руках флаг Астилии, но поверх флага, на древке над ним, повязана черная траурная лента.

За ним медленно идут похоронные дроги, запряженные восьмеркой черных коней.

Меринов... но кто там им под брюхо заглядывать будет?

Каждый конь покрыт черной попоной, на голове у него черный плюмаж, и каждого из коней ведет под уздцы специально назначенный придворный.

Нет-нет, не конюх, конюхам такое не по чину.

А вот министру финансов, министру иностранных дел и прочим – да, в самый раз.

Заодно хороший способ показать, к кому благоволит новый король. Назначит он старых министров, или кого-то из своих, новых... На дрогах покоится роскошный гроб, отделанный золотом. Он открыт, и всем видно лицо короля. Бледное, спокойное.

Покойное...

За гробом идет королевская семья.

В строго определенном порядке.

Сначала – наследник с супругой. В данном случае, вдовец, потому должен взять с собой даму. Хотя некоторые ританы и предпринимали попытки пролезть на почетное место, но Хоселиус Аурелио намеков не понял принципиально. И взял с собой сестру.

Хотел племянницу, но Ленора умолила его позволить ей идти с Бернардо. И Хоселиус согласился.

Тем более что они идут следующей парой.

Должен быть наследник второй очереди с женой или невестой, но кого нет, того нет. Кстати, Мегана претендовала на место рядом с Хоселиусом, но сейчас она вообще сидит в поместье за городом и дует на жестокую судьбу.

Обойдется.

Каждая блудливая девка тут еще будет в королевской семье хвост поднимать! Уж на что Хоселиус человек спокойный, и то... с корнем выдерет!

Потом второй сын короля, потом брат короля, потом племянники – по старшинству.

Потом, так же, по знатности рода, идут придворные!

Какие баталии кипели все это время! Сколько успокоительных выпил распорядитель церемонии! Сколько интриг было!

Это даже подумать страшно!

Но кое-как все утряслось, и за гробом идут первые лица королевства.

Идут в винного цвета платьях и костюмах, отделанных черными лентами. Оттенки разные, но принцип один.

Красное и черное. Как уважение к почившему монарху.

Полностью в черном только королевская семья. Но это понятно. Черное и золото... так положено.

Они входят в ворота города, и их встречает колокольный звон. В Римате бьют во все колокола. Может, не слишком синхронно, но зато от души.

Город прощается со своим монархом.

Процессия направляется к храму.

Медленно, не спеша никуда, по улицам... прямо по цветам, которые кидают с балконов верноподданные. Цветов много, невероятно много, алые и синие, они летят вниз, их давят ногами, и запах становится нестерпимым.

Хоселиус уже несколько раз незаметно подносил к носу склянку с нюхательными солями. И сестра тоже. Тяжело...

Процессия идет в полной тишине.

Только колокола и шаги.

А вот и храм!

И церемония, которую позарез надо отстоять.

Епископ почтительно кланяется сначала покойному королю, благословляет его. Сначала отдать долг ушедшим, потом переходить к живым.

Живые в это время рассредоточиваются по храму.

Сначала королевская семья, для них отведен специальный ряд.

Потом придворные.

Потом особенно везучие горожане, которые допущены на службу. Да, об этом они будут рассказывать всю свою жизнь.

Служба начинается неспешно, пока молитва, пока следующая...

Хоселиус даже слегка покачивается, словно впад в какой-то транс.

Уходит огромная часть его жизни. Ушел его отец...

И выглядит он так, что сестра тревожно глядит на наследника, и осторожно, но крепко придерживает его под локоть. Упасть в обморок в храме – плохая примета. Такого допускать нельзя... где тут нюхательные соли?

И побольше, побольше...

Дыши, братик! Тебе это сейчас очень надо!

Уходил не просто Аурелио Августин, уходила Эпоха.

Хорошая или плохая, сложная или простая, она навсегда уходила в прошлое. А что придет?

Кто ж знает?

В любом случае жизнь продолжается.

* * *

Внесение гроба в склеп обставляется не менее торжественно.

Гроб проносят мимо всех присутствующих, люди сыплют на него лепестки нарциссов и роз, и спускают в склеп.

Потом туда же, в склеп, спускаются представители королевской семьи.

Окончательное прощание.

Сколько оно длится?

Может – пять минут. Может, час. Время не так важно. Важно... другое.

Что именно?

Вот то самое. Что происходит между предками и потомками в этом фамильном склепе. Впрочем, легенды все это. Просто легенды...

Тем не менее, если в часовне могут присутствовать все, то в склеп спускаются только по желанию. Даже наследник спускается, только если захочет. А не захочет?

Пусть сидит наверху.

Всякое бывало. И даже такое, что после визита в склеп приходилось менять наследника. По уважительной причине – безумец не может править Астилией.

На этот раз в склеп спустились трое.

Сам Хоселиус Аурелио, его старший сын – Бернардо и племянница Ленора. Все остальные остались наверху.

Когда на склеп опустилась тяжелая гранитная плита, принцессе Маргарите стало плохо, и вокруг нее захлопотали остальные представители фамилии. Впрочем, дочку она удержать не пыталась. Понимала, что все бесполезно. Слишком там жесткий характер.

Оставалось только ждать.

* * *

Склеп.

Темнота, сырость, запах плесени и мертвечины? Да, все это есть. И еще какие-то странные звуки, и ощущение, словно кто-то проводит сырой ладонью по лицу, трогает волосы.

Ленора поежилась, едва удерживаясь от желания шарахнуть тут хорошим огненным шариком, и вместо этого зажгла прямо на ладони факел.

Попыталась.

Не получилось.

Обычно она легко создавала почти метровый факел над ладонью, а сейчас... что такое – три сантиметра? И силы уходят, как в песок.

– Бернардо!

Поневолe испугаешься! Понесли ее демоны!

– Стой спокойно! – рыкнул принц. Перехватил что-то со стены – и поднес к ладони. К огоньку.

Вспыхнул старый факел.

Едва-едва, чадя и дымя, но вспыхнул, и Ленора погасила свое пламя.

– Что тут происходит?

– Это фамильный склеп, – сообщил Хоселиус Аурелио. – Если бы все было так просто, если бы можно было с помощью магии решить все проблемы! Но здесь она практически не действует.

– Ошшибаешшься.

Шипение было вполне отчетливым, словно расправляла кольца большая змея. Хоселиус дернулся, вскрикнул, больно налетев плечом на угол чьего-то саркофага.

– В чем ошибается? – пожалуй, Бернардо единственный сохранил самообладание.

– Здесь владения Ла Муэрте. И действует только ее сила.

– А я? – Ленора показала ладонь. Огонек же горел!

– И надолго тебя хватит? Со всей твоей силой?

Ленора замолчала, признавая поражение. Зато вступил Бернардо.

– Допустим. А вы – кто?

– Хранитель рода. Слуга Ла Муэрте. Я страж покоя ушедших королей.

– Как к вам можно обращаться? – Ленора решила быть вежливой. Страшновато как-то... читала она про такие сущности. Но чтобы здесь? В фамильной усыпальнице? Рядом с собором? Рядом со всеми священниками Римата? И никто не то что не изгнал – даже не почувствовал. Веками не чувствовал...

Это какая ж должна быть сила?!

Даже представить страшно!

– Так и называй – хранителем.

И из темноты высунулась здоровущая змеиная голова. Только призрачная. Но если по размерам – будь змея живой, у нее бы в пасти человеческая голова поместилась. Без особого труда.

– Хранитель, мы... мой отец... – дрогнул голос у Хоселиуса Аурелио.

– Можешь не объяснять. Я часть силы Ла Муэрте, я знаю все, что происходит на земле. Он ушел, ты остаешься. Думаешь, справишься?

Хранитель говорил достаточно четко. Не шипел, не свистел. Надо полагать, первый раз он просто пугал их.

– Не знаю, – Хоселиус пожал плечами.

– Хотя бы честно. Что ж, тем, кто пришел с тобой сюда, ты можешь доверять. Остальным – решай сам.

– А ты ничего не скажешь? – осмелел Бернардо.

– А чем ты мне заплатишь за ответ на вопрос?

– Хммм... а что ты хочешь?

– Стандартная плата – десять лет жизни. Готов?

Бернардо покачал головой.

Не готов.

Простите, но кто его знает? Это его жизнь, его годы, и за пять секунд постареть на десять лет? А если ответы будут, как в сказке про оракула? То есть не точные, а вокруг да около?

– Сам разберусь.

Оракул засвистел, и Бернардо не сразу понял, что тот смеется.

– Правильно. Разберешься. Главное, спиной ни к кому не поворачивайся.

– Спасибо, я догадался. А к кому не поворачиваться особенно?

– Десять лет.

– Хммм... может, ты мне какой совет дашь?

– Дам. Вперед отца не лезь, целее будешь.

Ленора невольно фыркнула. Хоселиус шагнул вперед.

– Что ж. Если это и правда все?

– А чего ты хотел, человек?

Вся троица переглянулась. А чего они, правда, хотели? Хоселиус пошел, потому что это правильно. Бернардо не мог оставить отца без помощи, а Ленора решила не бросать кузена. Раз уж пообещала. Да, вот такие побуждения.

Может, и не самые героические, но где мы, а где героизм?

– Не знаю. А что можно получить? – вдруг пришло в голову Хоселиусу.

– Могу дать тебе поговорить с отцом. Ровно минуту.

– А плата? – Бернардо был уже научен опытом.

– Никакой. Просто не все хотят говорить и слышать.

Это было верно. Бернардо не тянуло разговаривать с дедом, но – вдруг? А вот Хоселиус кивнул.

– Я... поговорю.

– Минута, – выстрелил языком громадный призрачный змей. И растворился. А на его месте появился силуэт Аурелио Августина.

– Сын...

– Отец! Я... прости, если что!

Лицо деда исказилось гневом.

– Что?! Меня убили, идиот! Отравили!

– ЧТО?! – теперь не удержалась Ленора.

И получила острый взгляд духа.

– От кого в тягости, бесстыдница? Впрочем, уже неважно. Меня отравили. Ищи убийц, болван! Там такой яд... некромантский! Я должен был подняться на третью ночь и убивать.

Бернардо выругался, но его никто не слушал.

На третью ночь! И кто бы пал жертвой? Он? Отец? Кто еще?

– Почему не поднялся? – жестко спросила Ленора.

– Не знаю. Что-то не дало. Что-то на мне... ищи убийц, Хосе! Ты болван, но ведь и до тебя доберутся! И внуков не пощадят! ИЩИ!!!

– Отец, я...

Поздно.

И только призрачная змея свивает свои кольца.

Хоселиус схватился за голову.

– Отца отравили! Творец!!!

Бернардо был настроен более рационально.

– Ленора, что могло помешать подняться деду? Ты можешь посмотреть? Ты все же маг, может, что и увидишь?

Ленора кивнула, шагнула к гробу.

Есть вещи, которые с усопшего короля снимают. Это коронационное кольцо, церемониальный браслет, часть орденов, которые переходят от отца к сыну.

Есть то, что остается.

То, что человек хочет унести с собой в вечность.

ТАМ ничего не нужно? Может быть. Но откуда вы об этом знаете? А потому... пальцы девушки ловко подцепили связку цепочек на шее трупа.

Символ Творца, небольшой медальон на цепочке, еще один, и еще... Бернардо в них не разобрался бы. А Ленора вглядывалась так, словно это не просто ювелирная дешевка. Или действительно – не просто?

– Интересно, – девушка держала в руке обычную жемчужинку на цепочке. Простенькую, не особенно правильной формы и насыщенного цвета. – Кто дарил это деду?

– Он не говорил.

– И неизвестно?

– Откуда бы? – удивился Бернардо.

– Эта жемчужинка – мощнейший поглотитель. Забирает все излишки энергии, а потом просто рассеивает в пространстве. Явно

делал грамотный некромант.

– Если некроманты, то Карраско, других у нас при дворе не водится, – взмахнул рукой Хоселиус. – Вполне может быть, что и они.

Ленора задумчиво кивнула.

Да, такое тоже могло быть.

Она свою силу ведь не из ниоткуда получила, ее отец был магом. Матери повезло, никто не стал искать и копать, потому что в королевской семье время от времени появляются маги. Если дед тоже был из них...

Мог быть.

Только вот Ленора – маг огня, сильный маг, она править никогда не сможет. А дед... возможно, он был слабым магом, и выбирая между магией и тронем, выбрал трон.

Правды они никогда не узнают. И все же...

– Можно я это возьму? Узнаю, что и как, потом положу на место?

Призрачная змея снова затрепетала языком. Кажется, оно так смеялось.

– Бери. Мертвым безразлично. Можешь потом не приносить.

Ленора качнула головой.

– Мне только узнать, что и откуда взялось.

– А еще хорошо бы знать, кто отравил деда. Отец, а ты раньше у него этот талисман видел?

– Не помню, – схватился за голову Хоселиус. – Довольно! Голова у меня кругом идет!

Молодежь переглянулась.

Ладно-ладно, со своей головой его величество пусть сам разбирается. А у них другая задача. И Ленора спрятала жемчужину в карман.

* * *

Наверху их уже ждали. И вглядывались... жадно так, пристально. Ничего не нашли и, кажется, расстроились. Хоселиус взмахнул рукой.

– Все в порядке. Продолжаем...

И епископ первый затянул молитву.

Все уже расписано, все отработано. После выхода из подземелья начинается вторая часть церемонии – светская.

Его высочество проследует во дворец, где и останется до завтра, со всей семьей. Сегодня они оплакивают короля, молятся и вспоминают его. Вспоминают, а не поминают. Впереди молитвенное бдение, а не застолье с выпивкой.

А уж завтра – коронация.

Хоселиус шел по улицам Римана пешком, в полном молчании, разве что колокола время от времени звонили, и чувствовал себя удивительно несчастным.

Отца отравили.

Амулет какой-то... кто его знает, что там такое?

Положиться не на кого. Разве что сын и племянница... и то! Насколько он может им доверять? Хотя кому еще доверять-то? Остальные даже не пошли с ним в склеп, им было безразлично...

Хоселиус искренне мечтал добраться до дворца, принять снотворное и уснуть.

Или просто уснуть – ночное бдение у гроба отца бодрости не прибавляло. А мысль о том, что отец его мог вообще загрызть...

Вот ведь сволочи!

Кто мог дать отцу яд?!

КТО?!

Это ведь свои, близкие... они рядом, и как же страшно это осознавать. Что ТАКОЕ – рядом!

Как страшно жить на этом свете!

* * *

– Рука моей внучки? Тан, вы с ума сошли?!

Херардо Диас Мальдонадо даже не смутился, глядя на чету Веласкесов.

– Да, рука вашей внучки. Мерседес Вирджинии Веласкес. Что в этом такого? Я же ее не в любовницы зову!

– Да лучше бы в любовницы! – вырвалось у Иданы Мерседес. А что?!

Любовница – это на месяц-два, натешатся, да и ладно! А тут что?! Вся судьба сломана! Замуж за старика! Ладно бы родители силком выдавали, так нет! Сама голову в петлю сует!

– Не лучше, – обиделся Херардо. – Я понимаю, что обо мне ходит много слухов, но я богат, моя жена не будет бедствовать...

– А ваши дети?

– Если у нас с Мерче будут дети, моих денег хватит и им. И внукам.

Гонсало Самуэль Веласкес покачал головой.

– Не знаю. Поймите, тан, мне бы хотелось счастья для внучки.

– Тогда соглашайтесь на наш брак, – тихо сказала Мерседес. – Мы будем счастливы вместе, я это точно знаю.

– И сколько вы будете счастливы?! – взорвалась любящая бабушка. – Год?! Два?! Тебе будет тридцать, а твоему мужу?! В два раза больше?!

– Примерно так, – кивнул Херардо. – И что?!

– И что вы будете делать с молодой женой? Горделиво рога носить?

– Бабушка!

– А ты вообще рот не открывай! Что ты понимаешь в своем возрасте! Любовь проходит, а потом – как?! Взвоешь и сто раз переиграть захочешь! Горшки из-под старика таскать захотела?! Не дам!

Мерседес посмотрела на возмущенную бабушку.

Так-то да. Все правильно, кроме одного.

– Моя подруга – маг жизни. Феола мне поможет, так что мы с мужем проживем долго и счастливо. Полноценной жизнью.

– Маг жизни? – сощурился Гонсало Самуэль. – Это хорошо. Но все же...

– Дед, ты думаешь, нас оставят в покое? А так, я замужем – и нет проблем, – взмахнула рукой Мерседес.

С этим доводом было сложно спорить.

– Хорошо. Допустим. Когда вы хотите пожениться?

– Сразу же после коронации. Треси поможет с платьем, остальное не так важно, – Мерседес и платье не волновало. Но если так положено?

– Безумие, – пробормотала Идана Мерседес.

– Бабушка, все будет хорошо. Правда, – Мерседес подошла к сеньоре Идане, обняла ее. – Я люблю Херардо, и я ему не безразлична. Мы сможем жить вместе, и от меня отстанут разные... ты понимаешь!

Идана понимала.

И ругательски ругала себя, что когда-то дала согласие на брак сына с Вирджинией Веласкес. Не было бы сейчас никакой проблемы. Но и Мерседес не было бы, и внуков...

А, ладно!

От всего не убережешься!

Вот у сеньоры Иданы знакомая дочку замуж выдала. Все хорошо, семья большая, дочка счастлива, а потом там такое оказалось... чуть ли не в ночь босиком бежать пришлось! Так что пусть.

– Согласие мы дадим, – словно бы прочитал ее мысли супруг. – И приданое тоже. Да-да, тан, я понимаю, но так принято. Прошу вас в мой кабинет, поговорим подробнее.

– А я пока соберу вещи, – тряхнула кудрями Мерседес. – У меня даже щетки для волос нет.

До свадьбы не стоило бы жить у жениха?

Сеньора Идана хотела было прочитать нотацию, но потом только рукой махнула. Пусть будет, как будет. Главное, чтобы все обошлось, и беда мимо прошла. А приличия... пусть их! Найдем, как отговориться.

– Пойдем, я тебе помогу.

– Спасибо, бабушка.

* * *

Дарея сидела рядом с клетками людей.

Да-да, клетками.

Пещеры в скале, спереди забраны решетками, и все это рядом с морем. Уровень влажности, сырости – громадный. Люди болеют, мерзнут, умирают.

Впрочем, мединцы все равно собирались их принести в жертву. Сейчас Рамон и маги готовятся к жертвоприношению. Это все не так просто, следует все десять раз проверить, а потом перепроверить еще двадцать раз. Чтобы точно не промахнуться по Римату.

Как поняла Даря, после жертвоприношения пойдет сдвиг чего-то там на морском дне (слов тектонические плиты она просто не знала), после чего начнется землетрясение. Пойдет волна цунами, накроет Римат – и одновременно погибнет множество людей.

Может, сто тысяч. Может, и еще побольше.

Проблема в другом!

Если раньше все было рассчитано, вот взрывчатка, вот рисунок, вот люди, которые должна погибнуть и напитать его своими смертями... сейчас это просто нереально.

Люди будут гибнуть, но их смерть будет рассеиваться в пространстве. Большая часть энергии. И вот ее-то надо перехватить!

А как?

Как поняла Даря, у Рамона кто-то есть в Римате. И этот кто-то или начертит пентаграмму-сборщик, хотя это как раз вряд ли. В магии она разбиралась плохо, но это же надо жертвоприношение и там, и тут. И хорошую синхронизацию по времени... нет, сейчас это практически нереально.

А вот кристаллы – это можно.

Это магия земли... ладно, в данном случае магия воды. Потому что алмазов или рубинов подходящего размера у Рамона не было. А вот жемчуг был.

Жемчужины делились на две части, и вот их можно было превратить в артефакты. Одна половинка принимает, вторая передает.

Впрочем, с магией у Дарей были нелады.

Она просто понимала, что жемчужины, те половинки, которые будут в Римате, будут под водой собирать энергию гибнущих людей – и передавать ее сюда. Рамону.

А уж он с магами будет направлять ее, чтобы открыть проход для Владычицы Синэри.

От одной мысли руки Дарей сжались в кулаки.

Гадина!!!

Она ревновала Рамона к владычице, как своего любимого мужчину! Ну что это за несправедливость?!

Почему так?!

Почему ее любимый мужчина должен бросить все на Ее алтарь?

Это ведь не просто служение богам! Видела Даря, как служат той же Ла Муэрте. С большого расстояния, но видела.

И нет там подобного безумного фанатизма!

Нет желания бросить к ее ногам все, включая семью... почему, почему Рамон ее не любит?! Что в ней не так?!

Оказаться бы сейчас рядом с мамой, уткнуться лицом в ее платье – и разревется. И чтобы Лидия гладила по голове. И Элли рядом...

Семья.

В которой Дарею просто любят.

Разве можно их предать?

Люди смотрели на нее равнодушными глазами. Дарея не знала, где их наловили, может, моряки, может, нищие. Выглядели они, как тупой скот.

Равнодушные взгляды, безучастные лица, если сейчас их начнут резать, им это безразлично будет. А ведь мужчины...

Женщин и детей здесь нет по одной простой причине.

Помрут раньше. Не успеют дойти до жертвенника.

Чего их сюда тащить? Мужчины – и те, кто кашляет, кто чихает, одеты-то они в ошметки...

– Сука...

Тихое шипение из клетки привлекло Дарею.

Мужчина смотрел на нее так... неужели тут еще остались люди? Не твари?

Дарея подтянула свое тело вперед – в воде она ловкая и гибкая, а вот на суше ей сложнее.

– Кто ты?

Мужчина ответил шипением и ругательствами.

Девушка не обиделась.

– Сегодня вас убьют. Ты знаешь?

– Знаю. Догадался. Бегаете, как тараканы.

Дарея кивнула. Есть такое... она бы тоже бегала, но плохо разбирается в магии. Ей поручили стеречь пленных, потому что она – воин. Не маг.

– Ты – маг?

– Подойди поближе, тогда скажу.

Дарея послушно наклонилась к решетке.

И только реакция мединцев спасла ее от удара. Острым осколком раковины, прямо в глаз. Но щеку мужчина распахал неплохо, рана получилась глубокая.

Впрочем, для Дареи это было ерундой. Боли она почти не чувствовала.

– Как тебя зовут?

– Не твое дело.

– Так и зовут? Крикнуть своим? Пусть тебя прикончат раньше?

– Все равно вы все сдохнете, твари.

Даря думала недолго.

– Если помогу тебе выбраться? Поможешь мне?

– Чем я тебе помочь смогу?

– Судя по твоей одежде, ты из портовых?

Сапоги на мужчине явно были моряцкие. Такие невысокие, юфтевые...

– Есть такое.

– У меня сестра и мать в Римате. И мне нужно их забрать...

– Так... а я при чем?

– Мы с тобой потом поговорим, – решила Даря. И скользнула туда, где в углу на гвоздике висели ключи. – Ты согласен? Ты сможешь?

– А остальные?

– Всех я не выгашу. Только тебя.

Люди заволновались, но Даря махнула щупальцем.

– Попадемся – все. Или он приведет помощь.

– Творцом клянусь, приведу! – мужчина приложил руку к сердцу.

Даря уже сняла ключи.

– Молчите про побег. Иначе нас догонят...

Когда надежды нет – нет и сопротивления. Ничего нет.

А вот когда она появляется... откуда и что взялось?

Звякнули ключи в руках Дареи, мужчина вышел из клетки и потянулся.

– Мои имя Крис. А ты?

– Дари, – коротко отозвалась Даря. – Сейчас тебе придется мне довериться, нам надо будет плыть под водой. Я тебя потащу, ты сам не справишься.

– Да я...

– Задержишь дыхание на пять минут? Или даже больше?

– Н-нет...

– Потому я и всех остальных не вытащу. Сил не хватит. Но ты сможешь привести сюда людей.

Мужчина... Крис кивнул.

– Хорошо. Ребята, ждите! Пусть меня Творец покинет, если солгу! Вернусь!

Даря потянула его за собой.

За угол, потом за следующий... мединцев она чувствовала. Не запах, нет. Какие там запахи? Привкус на самом кончике языка. Словно рыбиной провели...

Чувствовала... и страдала от противоречий.

Не там ее место! Здесь!

Она должна бы помочь любимому вернуть Владычицу...

А любимый не должен помочь ей спасти родных? Хоть бы отпустил...

Нет?

Дура она?

Конечно, дура, если поверила и полюбила. Еще какая дура!

Вот и выход.

Крис застыл, в ужасе глядя на черный колодец. Провал в бездну, в котором шумела морская вода, глухо и жадно. Ждала, протягивала щупальца...

– Я... я...

Даря взмахнула щупальцем в воздухе.

– Нам туда. Или доверяй мне, или – все.

Доверять...

В самом страшном сне Крис не доверился бы такому чудовищу, а вот приходится... все равно погибать, но тут хоть не как барану на жертвеннике.

И мужчина махнул рукой.

– Что делать?

– Задержи дыхание. И старайся продержаться как можно дольше.

Если и наглотаешься воды – откачаю.

– Хорошо.

Вдох.

И – черная вода, которая смыкается над его головой. Откуда она такая в океане? Маслянистая, черная, жуткая...

Ничего похожего на радостную голубую воду пляжей Римата. На синюю бездну, которая видна с корабля...

Эта вода давит, душит... Крис ничего не мог сделать. Даря просто волокла его за собой. Тащила так, что он и рукой шевельнуть не мог – да и зачем? Никогда он не смог бы так быстро плыть.

Никогда вода не станет его стихией – настолько!

Даря просто рассекала ее, словно арбалетная стрела – воздух. Там, где он бы проплыл метр – она почти пролетала пять. И Крис все четче понимал, он бы отсюда просто не выплыл – один.

Воздуха не хватало, в глазах замелькали красные круги, голова закружилась, он открыл рот – и вдохнул воду вместо воздуха.

Кричать сил не было. Он просто чувствовал, как уплывает куда-то сознание.

Наверное, на дно.

В эту черную вязкую воду... и он навсегда останется тут, на дне, и рыбы объедят его скелет...

Резкий удар по лицу выбил из него и остатки воды, и глупые мысли.

– Дыши! Дыши, скотина!!!

Крис застонал – и раскрыл рот. И воздух хлынул внутрь, обжигая не хуже раскаленного железа.

Даря перевернула его на живот – и нажала. Раз, второй... вода лилась непрерывно.

Только минут через пять Крис смог нормально вдыхать – выдыхать. И то...

Нормально?

Хотя бы не выкашливая при этом все свои легкие. А так – все равно ему плохо.

– Что... где...

– Осмотрись, – резко бросила Даря.

Крис повиновался. И вспомнил.

– Это же... это не так далеко от Римата, нет?

– На корабле – час или полтора. Мы доплывем быстрее, – взмахнула щупальцем Даря.

– А потом?

– Потом ты пойдешь в полицию.

Крис примерно так и собирался. Но...

– Я?

– Как ты себе представляешь мой проход по городу? Чтобы я явилась в полицию?

– Никак, – согласился Крис. – Ты выглядишь достаточно экзотично. Не поймут.

– Спасибо, – хмыкнула Даря.

– За что?

– За то, что не сказал: «ужас какая уродина»! Слушай меня внимательно. Ты пойдешь в полицию и скажешь им, что я готова помочь. Я проведу их к мединцам, а в обмен мне отдадут моих сестру и мать.

– Думаешь, согласятся?

Даря пожала плечами.

– А ты им расскажи, что Рамон хочет уничтожить Римат. И у него это получится.

– Ты уверена?

– Тебе весь план рассказать, или моим словом обойдешься? Сейчас что-то около десяти утра, время еще есть. И добраться до города, и дойти до полиции, и сказать им, что взрывчатка была еще и в порту. На складе Веласкесов.

– И зачем им это?

– Так они тебе поверят. Не захватила я доказательств, – вздохнула Даря. – Давай так. Ты плавать умеешь?

– Да.

– Тогда держи, – Даря щупальцем подтолкнула к мужчине деревяшку.

– Зачем это?

– Ты держишься за нее, я тащу вас обоих. Так проще. И разговаривать мы сможем.

Крис подумал пару минут и кивнул.

– Давай попробуем.

И то верно. Если идти по суше, как раз к ночи доберутся. Не с Дареиными щупальцами вообще на сушу выходить. Она там в лучшем случае ползать будет, как осьминог.

Но и ему в воде... нет, не сложно! Плавать он умеет, у моря вырасти, да не поплыть? Это уж вовсе дураком быть!

Но вот нужной скорости он не наберет. Это нереально!

А вот если Дарей будет его тянуть...

– Ты справишься?

– То есть? – удивление на лице Дарей было видно любому. И чешуя не мешала.

– Я вешу много, а ты девушка.

Дарей печально рассмеялась.

– Я... да. Девушка...

Дураком Крис не был.

– Тебя кто-то обидел? Плюнь, он того не стоит! Сам дурак, сам жалеть и будет!

Дарей покачала головой.

– Обидел? Нет... просто я поверила, что меня любят, что я могу быть счастливой. А это не так. Я чудовище, и мне нигде нет места.

– Вот еще! – возмутился Крис. И подошел к девушке.

Чешуя?

И что? Можно подумать, он рыбы не видел! И видел, и чистил, и даже кушал, вы знаете? Так что мужчина приобнял Дарей за плечи.

– Не грусти, красотка! Ты себе истинной цены не знаешь!

– На ярмарке, в балагане уродов?

– Глупости! Ты добрая и смелая, ты мне помогла, и остальным мы поможем! А если тот дурак, который тебя не оценил, спохватится, пусть потом локти кусает. До мяса!

– Ему только Владычица нужна, – пожаловалась Дарей. – Почему так? Я не нужна, Рамон готов всех принести в жертву. Лишь бы она вернулась! Он бы и меня убил, наверное...

Крис погладил девушку по чешуйчатой голове.

– Ты пойми, мы, мужчины, разные. Для кого-то семья – свет на небе и главное в жизни. А есть и те, для кого карты, женщины, вино. Есть и трудоголики... не слышала?

– Даже видела.

– Вот. Ты хорошая, может, и парень неплохой, просто у вас цели не совпали. Ты влюбилась и ничего не видела. Он влюбился и не подумал...

– Он меня не любит. Только Владычицу.

И что на это можно было сказать? Да только одно.

– Дурак он. Вот и все. Просто дурак!

Только вот Дарей от этого легче не было.

– Давай двигаться. Мы недалеко от моих... если за нами будет погоня – найдут. Догонят.

Крис только вздохнул. Ему бы хоть какое оружие! А лучше – всякое и побольше! Ведь даже ножа с собой нет! И первый шагнул в море.

– Ни к чему. Давай двигаться.

Даряя плыла, тянула за собой Криса, который болтался на деревяшке, как прищепка, и еще умудрялся закидывать ее вопросами, отвечала, и думала, что как ни крути – она предательница.

Или Рамон пострадает, или ее семья.

Только вот Рамон – маг. И вода для него родная стихия.

А мама и Элли... ладно! Элли – маг! Но что там той магии! Маму она не спасет, а может и себя не спасти! Выбор Даряя сделала правильный. И поступить иначе просто не может.

Но почему, почему ей так невыразимо тошно?!

* * *

Тереса готовила ужин, улыбалась и напевала.

Хавьер придет вечером, он сам сказал. Телефонировал, чтобы она не волновалась.

Сказал, что сегодня похороны короля, что он может задержаться, пусть она не волнуется и ложится спать.

Она и не собиралась волноваться.

Вместо этого она лишний раз убрала казенную квартирку и теперь готовила ужин.

Хавьер...

Она подождет своего мужчину с работы, накормит, а потом и спать ляжет. А пока... чтобы не скучать, займется полезным делом.

К примеру – сошьет занавески на окна. Вот сейчас сделает жаркое и займется шитьем. А что?

Надо только материал купить, кисею, к примеру.

Она спросила у Хавьера, можно ли ей что-то поменять, и получила в ответ взмах рукой – что угодно.

Ладно, все подряд она не собиралась, но занавески надо бы обновить. И скатерть.

И дорожкам на полу, небось, уже второе десятилетие...

Тереса подождала, пока жаркое приготовится, потом прикрыла его крышкой и оставила томиться, завернув в три слоя, а сама взяла деньги, которые ей оставил Хавьер на хозяйство, пересчитала и положила в сумку несколько купюр.

Сейчас она сходит к знакомым, они контрабандными тканями торгуют. Вот у них можно пару штук кисеи прикупить. Красиво будет.

Тереса серьезно настраивалась вить гнездо.

Родители?

Поймут, рано или поздно.

Подруги уже одобряют, Хавьер доволен – ну так что надо? Живи и радуйся. Вот только ткани купит...

Когда ее схватили на улице и прижали к лицу тряпку, она даже ахнуть не успела. Все померкло перед глазами. Последней мыслью стало – Хавьер! Завтрак... и – темнота.

---

notes

Примечания

1

В нашем мире носит название *Daldorfia horrida*, и является милейшим существом. – *Здесь и далее прим. авт.*

Ученые проводили опыты. Жаба прожила в воде около 8 дней, лягушка – месяц. А потом – все.

3

Не описка, а ирония.

Даже за самым красивым павлиньим хвостом скрывается самая обычная куриная жопа. Так что меньше пафоса, господа (Ф. Раневская).

Кому интересно – испанский слизень. До 15 см лапочка вырастает, а уж какой «полезный», не всякому врагу и подаришь.

6

Между прочим, правильно заваривать матэ очень сложно. Автор не справилась.

7

К примеру, выделяется сероводород. Да, под водой.

От ультразвука – запросто. Человек, кстати, тоже, просто это нерентабельно, пистолеты дешевле.

Имеются в виду вакаме. Кстати – правда вкусно.

Сотрясение мозга, перенесенное в далеком детстве, менингит, список болезней достаточно обширен. Да и просто опухоль, как вариант.

В данном случае – специальное разрешение на брак между родственниками.

Реальный случай из практики. У человека аллергия на коричную кислоту. В церковь он войти просто не может, рискует помереть. В составе ладана есть коричная кислота, вот и результат. Хотя сейчас ему проще, сейчас больше химию используют, а не стиракс.

Феола недалеко от истины. Есть такой брюхоногий моллюск, морской слизень. Живет, кушает водоросли, шикарно регенерирует.

Не у всех слизней, но у некоторых морских есть такой механизм.

Телегония. Не факт, что работает, но – не доказано и пока недоказуемо.